ЗАПИСКИ

Гр. Е. Ѳ. КОМАРОВСКАГО.

БИБЛІОТЕКА
МЕМУАРОВЪ
«ОГНИ»

ЗАПИСКИ КОМАРОВСКАГО.

БИБЛІОТЕКА МЕМУАРОВЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ОГНИ“.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ.

Записки Н. В. Басаргина.
Записки бр. Бестужевыхъ.
Записки Г. С. Винскаго.
Записки несчастнаго (В. П. Колесникова).
Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго.
Записки Я. И. де-Санглена.

Редакція П. Е. Щеголева.

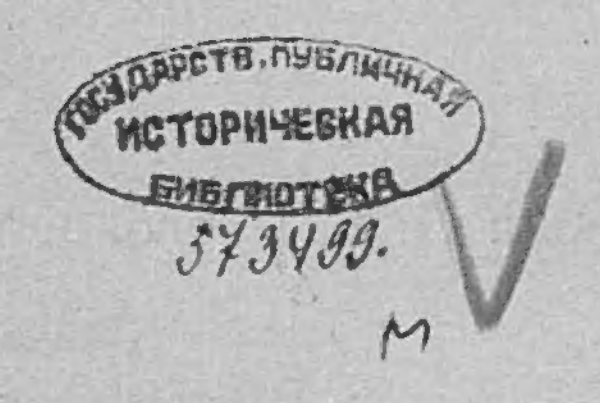
ЗАПИСКИ

ГРАФА Е. Ѳ. КОМАРОВСКАГО.

Редакція П. Е. Щеголева.

Вступительная замѣтка Е. А. Ляцкаго.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГНИ“.
С.-Петербургъ.
1914

Графъ Евграфъ Өедотовичъ КОМАРОВСКІЙ.

(Съ акварели работы П. Соколова).

Записки графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго читаются съ большимъ интересомъ. Въ историческомъ смыслѣ онѣ чрезвычайно богаты фактическими данными, устанавливающими различные моменты внутреннихъ отношеній въ средѣ лицъ, дѣлавшихъ офиціальную исторію Россіи въ концѣ XVIII и въ первой четверти XIX столѣтія. Сказочно быстро, какъ это возможно было въ сказочныя времена Екатерины и Павла Петровича, превратился Комаровскій изъ прапорщика Измайловскаго полка, назначеннаго «находиться при графѣ Безбородкѣ для курьерскихъ посылокъ», въ генералъ-маіора, состоящаго въ числѣ особо довѣренныхъ лицъ, близкихъ ко двору и пользующихся большимъ расположеніемъ молодыхъ великихъ князей. Въ царствованіе Александра Павловича мы видимъ его генералъ-адъютантомъ, помощникомъ петербургскаго военнаго губернатора и начальникомъ полиціи, исполняющимъ важныя и отвѣтственныя порученія. Онъ сумѣлъ надолго обезпечить за собой расположеніе императора, который полагался на него во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось точное исполненіе, распорядительность и особенно тактъ въ обхожденіи съ людьми. Среди лицъ, окружавшихъ императора въ первую половину его цар-

ствованія, Комаровскій выдѣлялся мягкимъ и ровнымъ характеромъ, что, въ соединеніи съ дѣловитостью и трезвой практичностью ума, дѣлало его незамѣнимымъ выполнителемъ порученій, требовавшихъ одновременно и усердія распорядительнаго чиновника и тонкости предусмотрительнаго дипломата. Въ 1803 г. Комаровскій былъ назначенъ состоять при эрцгерцогѣ Іосифѣ, гостившемъ при петербургскомъ дворѣ; Комаровскій при этомъ настолько сумѣлъ заслужить расположеніе эрцгерцога, что послѣдній исходатайствовалъ для него у австрійскаго императора графское Священной Римской имперіи достоинство.

Большимъ огорченіемъ являлось для гр. Комаровскаго то обстоятельство, что онъ не участвовалъ ни въ Отечественной войнѣ, ни въ кампаніяхъ 1813—1814 г.г.: въ эти годы ему было поручено заняться сборомъ лошадей и рекрутъ въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи. Повидимому, Комаровскій раздѣлилъ тогда участь многихъ лицъ, отодвинутыхъ отъ особы императора вліяніемъ всесильнаго Аракчеева. Вернувшись изъ провинціи въ Петербургъ на постъ командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, графъ не пользовался уже прежнею близостью къ государю. Вообще, за время его служебной дѣятельности въ этотъ періодъ исторія не связала съ его именемъ ни одного сколько-нибудь замѣтнаго факта. Заслуживаетъ упоминанія развѣ, что, при началѣ новаго царствованія, 14 декабря 1825 г. онъ явился на площадь для усмиренія бунта съ баталіономъ Финляндскаго полка, отказавшимся, однако, «стрѣлять по своимъ»; когда мятежъ былъ усмиренъ, Кома-

ровскому пришлось отводить арестованныхъ въ крѣпость. 13 октября 1828 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ. Этому назначенію предшествовала просьба объ увольненіи его отъ должности командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, причинявшей ему много непріятностей, основанныхъ, какъ онъ выражается въ своихъ запискахъ, «на однихъ только слухахъ». Повидимому, этотъ обходительный и гуманный человѣкъ и самъ чувствовалъ, что онъ не вполнѣ подходилъ къ требованіямъ новаго режима; свидѣтель «дней Александровыхъ прекраснаго начала», онъ едва ли могъ и сочувствовать этому режиму. Поселившись въ имѣніи своей жены, въ селѣ Городищѣ, Орловской губерніи, онъ прожилъ тамъ до самой смерти, послѣдовавшей 13 октября 1843 г.

Въ одно и то же время царедворецъ и служилый человѣкъ, «le très sage m-r Komarovsky», какъ его называли въ Парижѣ, и въ запискахъ своихъ проявилъ ту же сдержанность и осторожность въ выраженіяхъ, которую онъ выработалъ въ себѣ въ условіяхъ придворной и свѣтской жизни. Онъ менѣе всего претендуетъ въ нихъ писать какую бы то ни было исторію. Онъ настолько легко касается событій и лицъ, что кажется иногда, будто онъ скользитъ по зеркальному паркету, гдѣ отражаются вмѣстѣ съ его тѣнью и мишурная позолота дворца и тусклый отблескъ петербургскаго неба. Но скользитъ такъ

дѣловито, такъ серьезно, что никто не приметъ его неровный и торопливый разсказъ за свѣтскую causerie, и если въ рѣчи его досадливо чувствуется много умолчаній, зато нѣтъ ни одного слова выдумки, лести самому себѣ или суетнаго стремленія поставить себя на пьедесталъ героя. Фортуна не всегда улыбалась Комаровскому, и, при всей его сдержанности, въ запискахъ найдутся строки, отмѣченныя горечью обиды и разочарованія. Но безконечно важнѣе въ этихъ запискахъ то значеніе, которое онѣ, помимо воли автора, пріобрѣтаютъ на историческомъ отдаленіи. Въ этомъ отношеніи онѣ являются любопытнымъ памятникомъ, который обезпечиваетъ за ними другую — историко-бытовую — сторону общественнаго интереса. Въ одной общей картинѣ, созданной изъ бѣглыхъ замѣчаній, отрывочныхъ діалоговъ, всякаго рода мелкихъ подробностей, живо рисуется отошедшая эпоха, своеобразная и колоритная. Здѣсь не слышатся ни бряцаніе оружія, ни пышныя рѣчи о громкихъ событіяхъ,—здѣсь эпоха говоритъ съ нами языкомъ дипломатической учтивости, дворцовыхъ шороховъ, закулисныхъ интригъ, аудіенцій, на лету перехваченныхъ между дѣловыми докладами и разводами карауловъ. Вотъ Екатерина, «съ небесною улыбкою» принимающая молодого курьера въ билльярдной комнатѣ царскосельскаго дворца. «Когда ея величество благодарили за какую-нибудь милость, то можно было становиться и не становиться на колѣно, но я предпочелъ сдѣлать первое»—разсказываетъ Комаровскій.—«Когда камергеръ меня назвалъ, и государыня пожаловала мнѣ

руку, чтобы ее поцѣловать, признаюсь, что я крѣпко прижалъ ее къ моимъ губамъ»... Вотъ Павелъ, на прогулкѣ въ саду, испытывающій тревогу при видѣ парикмахерскаго ученика... Но одной изъ самыхъ краснорѣчивыхъ, исполненныхъ своеобразнаго внутренняго драматизма сценокъ, является разговоръ его съ только что вступившимъ на престолъ Александромъ. Представилась возможность выдвинуться, и Комаровскій не упустилъ случая сдѣлать блестящую ставку на карьеру и фортуну. Онъ разсказываетъ объ этомъ съ поразительной непосредственностью и искренностью. Надо сказать, что удаленный Павломъ отъ великаго князя Константина на постъ коменданта въ Каменецъ-Подольскъ, Комаровскій могъ претендовать по пріѣздѣ въ Петербургъ занять прежнее положеніе. Но, представившись великому князю по пріѣздѣ, онъ замѣтилъ нѣкоторое охлажденіе къ себѣ со стороны великаго князя, уже окруженнаго новыми лицами. Отъ великаго князя онъ отправился къ Александру. На вопросъ государя, видѣлъ ли онъ Константина Павловича, Комаровскій отвѣтилъ утвердительно и добавилъ, что великому князю угодно, чтобы онъ по прежнему состоялъ при его особѣ.

«Сказавъ сіе,—пишетъ Комаровскій,—я замолчалъ; послѣднія слова я выговорилъ съ нѣкоторою разстановкой.

«Государь, взглянувъ на меня пристально, продолжалъ:

— А ты что думаешь?

«Я молчалъ.

«Потомъ изволилъ сказать:

— Говори откровенно»...

Комаровскій представилъ свои объясненія.

«Императоръ слушалъ меня съ примѣрнымъ вниманіемъ. Помолчавъ немного, государь сказалъ:

— Развѣ ты хочешь быть моимъ генералъ-адъютантомъ?

«Я не опомнился отъ радости и отвѣчалъ:

— Это бы было верхъ моего счастія.

«Я бросился благодарить государя»...

Такъ было достигнуто одно изъ самыхъ высокихъ придворныхъ положеній. Передавъ эту многозначительную для него бесѣду съ Александромъ съ точностью фотографической, Комаровскій, конечно, и не думалъ о томъ, насколько нарисованная имъ сценка является законченной исторической картинкой, достигающей по глубинѣ впечатлѣнія значенія художественнаго рисунка. Эта внутренняя изобразительность, знаменательность краткихъ упоминаній, отдѣльныхъ выраженій, представляемыхъ въ связи съ той обстановкой, изъ которой они берутся, составляетъ одну изъ привлекательнѣйшихъ сторонъ записокъ Комаровскаго. Въ краткихъ, мимолетныхъ чертахъ люди и нравы оживаютъ въ нихъ часто ярче и рельефнѣе, чѣмъ сама личность автора, весьма скупого на отраженія своихъ душевныхъ переживаній. Временами кажется, какъ будто она сливается съ той пестрой галлереей знаменитыхъ историческихъ людей, среди которыхъ рядомъ съ именами упоминавшихся царей и царицъ мелькаютъ имена и характерные силуэты Наполеона, Кутузова, Румянцова, Суворова, Каменскаго и многихъ дру-

гихъ. Его бѣглыя замѣчанія о нихъ даютъ нерѣдко весьма любопытныя черточки, дорисовывающія наше представленіе о той эпохѣ, богатой внутреннимъ содержаніемъ и съ каждымъ годомъ утрачивающей для насъ былую ясность очертаній. Заслуживаютъ вниманія и тѣ страницы воспоминаній, гдѣ Комаровскій разсказываетъ о своемъ путешествіи на югъ Россіи, въ тылу нашей арміи; мѣстами разсказъ его живо передаетъ впечатлѣнія военной обстановки, еще далекой отъ поля сраженія, но уже сложной, громоздкой, мало упорядоченной. Кое-гдѣ мелькаютъ типичные штрихи провинціальныхъ нравовъ и быта заброшенныхъ въ глушь героевъ петербургскаго свѣта.

Впервые записки гр. Комаровскаго были напечатаны въ 1897 г. по подлинной рукописи на страницахъ «Историческаго Вѣстника». До этого отдѣльныя главы появились въ сборникѣ «XVIII вѣкъ» и въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1867 и 1877 г.г. Въ нашемъ изданіи воспроизведенъ полный текстъ, данный «Историческимъ Вѣстникомъ».

I.

Наша семья.—Мое сиротство.—Добрыя отношенія ко мнѣ зятя моего А. Н. Астафьева.—Зачисленіе меня въ л.-гв. Измайловскій полкъ.—Мое ученье.—Назначеніе курьеромъ къ графу Безбородкѣ.—Путешествіе Екатерины II на югъ.—Посылка въ Парижъ съ подарками.—Приключеніе въ дорогѣ.—Пребываніе въ Парижѣ.—Графъ Бобринскій.—Обрѣзковъ и его лакей.—Праздникъ въ Кусковѣ.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Посылка курьеромъ въ Лондонъ.—Морское путешествіе.—Встрѣча съ ворами.—Лондонская жизнь.—Г. А. Сенявинъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Я родился 1769 года 18 ноября, въ Петербургѣ, на Пескахъ. Батюшка мой Ѳедотъ Аѳанасьевичъ служилъ тогда въ дворцовой канцеляріи; начальникомъ оной былъ сенаторъ Матвѣй Васильевичъ Мамоновъ; сынъ его, Александръ Матвѣевичъ, бывшій потомъ фаворитомъ императрицы Екатерины II, съ сестрою моею Дарьею Ѳедотовною были моими воспріемниками. Батюшка скоро потомъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Ухотскую волость, гдѣ онъ купилъ до 100 душъ крестьянъ [1]). Матушка моя, Іуліана Ивановна, урожденная Зиновьева, скончалась въ 1770 году августа 17-го, 38-ми

---

[1]) Батюшка устроилъ на рѣкѣ Ухтѣ винокуренный заводъ и имѣлъ еще въ другихъ мѣстахъ до 120 душъ крестьянъ, которые отданы были потомъ моимъ двумъ сестрамъ. Наслѣдственныя мои деревни въ Ухотской волости я подарилъ племянницѣ моей А. А. Щулепниковой.

лѣтъ, и похоронена подлѣ соборной церкви въ городѣ Каргополѣ, въ 50-ти верстахъ отъ Ухотской волости. Я остался послѣ моей родительницы 10-ти мѣсяцевъ. Чрезъ два года, сестра моя, Дарья Ѳедотовна, вышла замужъ за Алексѣя Николаевича Астафьева и уѣхала въ Петербургъ; батюшка отпустилъ съ нею и сестру мою Анну Ѳедотовну. Первый мой учитель былъ упраздненный священникъ, а второй — отставной офицеръ. Батюшка ѣздилъ для свиданія съ сестрами моими и бралъ меня съ собою. Зять мой, А. Н. Астафьевъ, служилъ тогда въ г. Нарвѣ *цолнеромъ*. По возвращеніи въ Ухотскую волость, куда пріѣхала съ нами и сестра Анна Ѳедотовна, батюшка женился на Дарьѣ Степановнѣ Рындиной, отъ которой имѣлъ дочь Софью; но она скоро умерла. 1776 года ноября 26-го, скончался мой родитель 48-ми лѣтъ отъ роду, и я остался круглымъ сиротою по 8-му году. Батюшка погребенъ подъ церковью во имя Спаса въ Ухотской волости.

Послѣ батюшкиной кончины учреждена была опека—изъ родного дяди моего, Ивана Аѳанасьевича Комаровскаго, брата мачихи, Дмитрія Степановича Рындина, и зятя моего А. Н. Астафьева, который пріѣхалъ въ Ухотскую волость, узнавши о смерти батюшки, чтобы отвезти сестру мою Анну Ѳедотовну и меня въ Петербургъ [1]). А. Н. имѣлъ обо мнѣ попеченіе самаго нѣжнаго отца; онъ немедленно занялся тѣмъ, чтобы отдать меня въ лучшій тогда въ Петербургѣ пансіонъ г-на Девильневъ и записалъ меня, по тогдашнему обыкновенію, въ службу, и я записанъ былъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ сверхъ комплекта; потомъ, по связямъ его съ Ф. Я. Олсуфьевымъ [2]), я переведенъ былъ въ Измайловскій

---

[1]) Это было въ 1777 году. Я помню, что меня возили смотрѣть иллюминацію въ день рожденія императора Александра Павловича.

[2]) Онъ былъ преміеръ-майоромъ Измайловскаго полка и командиромъ онаго.

полкъ тѣмъ же чиномъ въ комплектъ. Послѣ смерти Девильнева перевели меня въ пансіонъ г-жи Ленкъ, потомъ къ г-ну Массону. Въ первомъ и послѣднемъ изъ сихъ пансіоновъ я имѣлъ товарищемъ гр. В. П. Кочубея. Сіе случилось отъ того, что старшій братъ зятя моего служилъ при фельдмаршалѣ гр. Румянцовѣ-Задунайскомъ вмѣстѣ съ гр. Безбородкой и былъ съ нимъ весьма друженъ, а по брату своему и Алексѣй Николаевичъ въ короткомъ знакомствѣ съ нимъ находился. Насъ привезли почти въ одно время—меня изъ Ухотской волости къ зятю моему, а Кочубея изъ Малороссіи къ родному дядѣ его гр. Безбородкѣ. Они оба уговорились, чтобы отдать питомцевъ своихъ въ лучшіе пансіоны. Я поступилъ отъ Массона въ кадетскую роту Измайловскаго полка. Въ 1786 году, я имѣлъ несчастіе лишиться сестры моей Дарьи Ѳедотовны.

Въ 1787 году назначенъ я былъ находиться при графѣ Безбородкѣ для курьерскихъ посылокъ въ чужіе края во время путешествія императрицы Екатерины въ Кіевъ и Крымъ. Въ числѣ чиновниковъ, составлявшихъ свиту ея величества, находился совѣтникъ придворной конторы В. П. Головцынъ: онъ былъ весьма друженъ съ батюшкой и любилъ меня, какъ сына. Въ предстоящій путь онъ взялъ меня съ собою въ кибитку, и я сдѣлалъ путешествіе отъ Царскаго Села до Кіева самымъ пріятнымъ образомъ. Вояжъ сей императрицею Екатериною предпринятъ былъ для обозрѣнія присоединеннаго полуострова Крыма и Тавриды къ Россіи кн. Потемкинымъ, которому и данъ былъ титулъ Таврическаго. Назначено было также имѣть свиданіе съ римскимъ императоромъ Іосифомъ II во время плаванія ея величества на галерахъ по Днѣпру, по случаю предполагаемой тогда войны у обѣихъ имперій противъ Порты Оттоманской. Императоръ Іосифъ пріѣхалъ подъ именемъ

графа Фалькенштейна [1]). Сей вояжъ по Днѣпру и по Крыму описанъ принцемъ Делинемъ и графомъ Сегюромъ. Въ свитѣ императрицы Екатерины отъ Царскаго Села до Кіева, а потомъ и по Днѣпру, находились иностранные министры: графъ Кобенцель—посолъ римскаго императора, Фицъ-Гербертъ—англійскаго, и графъ Сегюръ—французскаго двора и другія знатныя особы. Путешествіе представляло торжественное шествіе. Во время ночи по обѣимъ сторонамъ дороги горѣли смоленыя бочки. Во всѣхъ губернскихъ городахъ, гдѣ ея величество останавливалась, были балы, и всѣ улицы и дома иллюминованы. На границахъ намѣстничествъ встрѣчали государыню ея намѣстники или генералъ-губернаторы. На границѣ Новгородской губерніи встрѣтилъ Архаровъ, намѣстникъ новгородскій и тверской; на границѣ Псковской губерніи—намѣстникъ князь Репнинъ, псковскій и смоленскій, на границѣ Бѣлоруссіи—Пассекъ, намѣстникъ полоцкій и могилевскій, а на границѣ Черниговской губерніи—генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцовъ-Задунайскій, генералъ-губернаторъ и намѣстникъ всей Малороссіи. Въ Кіевъ пріѣхало множество разныхъ вельможъ, а болѣе поляковъ, и дворъ былъ весьма великолѣпенъ, особливо у заутрени, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ Печерской лаврѣ. Къ вечернѣ императрица поѣхала въ Софійскій монастырь; послѣ оной посѣтила митрополита Самуила въ его кельѣ, больного, который сказалъ ей рѣчь и уподобилъ ее Христу, явившемуся послѣ Воскресенія ученикамъ. Тогда былъ фаворитомъ крестный мой отецъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, получившій скоро потомъ графское достоинство; всѣ мои домогательства, чтобы дойти до него, были тщетны.

---

[1]) Станиславъ, король польскій, находился тогда въ мѣстечкѣ Каневѣ, на берегу Днѣпра. Онъ имѣлъ свиданіе съ императрицею на ея галерѣ.

Изъ Кіева въ концѣ марта того же года отправленъ я былъ курьеромъ въ Парижъ съ подарками къ министрамъ французскаго двора: Монморену (иностранныхъ дѣлъ)—перстень съ прекрупнымъ солитеромъ, наслѣдникамъ Верженя—полная коллекція золотыхъ россійскихъ медалей, графу Сегюру (сухопутныхъ силъ)—соболій мѣхъ и фельдмаршалу де-Кастри—перстень съ солитеромъ. Подарки сіи уложены были въ двухъ ящикахъ и посланы по случаю заключеннаго съ Франціей перваго торговаго трактата; я поѣхалъ въ перекладной повозкѣ. Не доѣзжая до первой станціи Василькова, я сбился съ дороги, ибо уже смеркалось; повозка моя завязла и съ лошадьми въ большую лужу. Къ несчастью моему, ямщикомъ былъ со мною мальчикъ, который въ первый разъ, по словамъ его, ѣхалъ по этой дорогѣ. Насилу могли мы вытащить одну изъ пристяжныхъ лошадей. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, послать ли ямщика на слѣдующую станцію, но онъ говорилъ, что его тамъ не послушаютъ, ибо никто его на почтѣ не знаетъ, или самому ѣхать. Я рѣшился на послѣднее; вооруживъ ямщика моими двумя пистолетами и саблей, сѣлъ верхомъ на отпряженную лошадь и поѣхалъ, самъ не зная, куда. Къ счастію, я выбрался на большую дорогу и пріѣхалъ на станцію. Тотчасъ была заложена повозка, въ которой я поскакалъ отыскивать завязшую въ грязи. Я имѣлъ предосторожность, однако же, спросить имя прежняго ямщика. Проѣхавши столько верстъ, сколько, мнѣ показалось, я сдѣлалъ верхомъ, началъ я и новый мой ямщикъ изо всей силы кликать по имени прежняго моего проводника, но было тщетно; проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, остановились, повторяли то же самое и не имѣли большого успѣха. Каково же было мое положеніе, я зналъ, что со мной отправлено на нѣсколько сотъ тысячъ рублей драгоцѣнныхъ вещей, и что сіе непремѣнно

дойдетъ до свѣдѣнія императрицы, и, сверхъ того, первое сдѣланное мнѣ порученіе оказалось бы такъ неудачно, за что бы я могъ подвергнуться строгой отвѣтственности. Я пришелъ въ такое отчаяніе, что ямщикъ, сжалившись надо мной, началъ меня уговаривать и просить быть спокойнѣе, что, пріѣхавъ на станцію, какъ разсвѣтетъ, смотритель пошлетъ тотчасъ нѣсколько ямщиковъ, которые непремѣнно отыщутъ завязшую мою повозку. Сіе дѣйствительно меня немного успокоило. Проѣхавъ нѣсколько верстъ назадъ, я увидѣлъ влѣво небольшую дорогу и приказалъ ямщику туда повернуть, но онъ мнѣ сказалъ:

— Тамъ, баринъ, не проѣдешь, тамъ топь ужасная.

— Да, можетъ быть, тамъ-то мы и увязли,— отвѣчалъ я ему.

И точно, сдѣлавши версты съ полторы, я громко назвалъ по имени прежняго ямщика, и онъ мнѣ откликнулся. Я не могу изъяснить тогдашней моей радости; я выскочилъ изъ повозки, началъ ямщика обнимать и, наградивъ его щедро, переложилъ свои ящики въ новую повозку и отправился на станцію. Я нашелъ на оной курьера, ѣдущаго въ Кіевъ изъ Франкфурта на Майнѣ отъ графа Н. П. Румянцова, бывшаго тогда министромъ при нѣсколькихъ нѣмецкихъ округахъ. Курьеръ этотъ былъ его камердинеръ Мишинъ; онъ имѣлъ прекрасную коляску; я убѣдительно началъ его просить, чтобы мнѣ оную продать, ибо я не могъ себѣ представить, какимъ образомъ въ перекладныхъ повозкахъ довезу до Парижа мои посылки; къ совершенному моему успокоенію и удовольствію, Мишинъ мнѣ коляску свою уступилъ, и я всегда за эту услугу былъ ему признателенъ.

Я проѣзжалъ черезъ всю Польшу, Шлезію, Саксонію, города Люблинъ, Бреславль, Наумбургъ, Дрез-

денъ, Мейсенъ [1]), Лейпцигъ, Гельнгаузенъ, Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ гр. Н. П. Румянцова, который послѣ такъ много меня любилъ и столь много мнѣ благодѣтельствовалъ, потомъ черезъ Мецъ въ Парижъ. Я адресованъ былъ къ пребывавшему у французскаго двора министру нашему Симолину и къ министру герцога Готскаго, барону Гримму. Сей послѣдній всегда находился въ партикулярной перепискѣ съ императрицей Екатериной и былъ, такъ сказать, ея комиссіонеромъ въ Парижѣ. Барону Гримму поручено было тогда отъ императрицы купить кабинетъ герцога Орлеанскаго гравированныхъ камней, который составляетъ теперь одну изъ первыхъ достопамятностей Эрмитажа. Я остановился въ Парижѣ, Rue Traversière, hôtel des Trois Mylords. Въ семъ домѣ останавливались всѣ русскіе курьеры потому, что въ ономъ жилъ почтенный г. Добровскій, служившій прежде совѣтникомъ посольства при нашей миссіи; и находясь въ отставкѣ, онъ былъ покровителемъ всѣхъ молодыхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ Россіи курьерами въ Парижъ [2]). Я не могъ воспользоваться его благосклонностями, потому что онъ былъ тогда боленъ и жилъ въ деревнѣ Пасси, близъ Парижа, гдѣ, однако же, я его посѣтилъ [3]). Въ день моего пріѣзда король Людовикъ XVI дѣлалъ смотръ, на

---

[1]) Въ Мейсенѣ находится славная фарфоровая фабрика, которой масса, изъ чего приготовляютъ фарфоръ, есть лучшая изъ всѣхъ извѣстныхъ. Недалеко оттуда, въ почтовомъ домѣ на станціи Росбахъ мнѣ показывали стулъ, на которомъ Фридрихъ Великій провелъ ночь наканунѣ сей знаменитѣйшей баталіи.

[2]) Въ царствованіе императрицы Екатерины II другихъ курьеровъ не посылали въ чужіе края, какъ служащихъ въ гвардіи дворянъ сержантами. Насъ всегда нѣсколько находилось для сего предмета при иностранной коллегіи. Сіе постановленіе было самое благодѣтельное, ибо оно доставляло небогатымъ дворянамъ случай видѣть чужіе края на казенный счетъ.

[3]) Господинъ Добровскій оставилъ послѣ смерти своей драгоцѣнный манускриптъ, который находится теперь, кажется, въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

которомъ я находился, à la plaine de Sablon, своей французской и швейцарской гвардіи. Сею послѣднею командовалъ тогда графъ d'Artois, теперешній король Карлъ X-й. Швейцарская гвардія имѣла мундиръ красный съ серебромъ. Находившійся тогда въ Парижѣ А. П. Ермоловъ [1]), бывшій фаворитъ императрицы Екатерины, вздумалъ надѣть для сего случая нашъ инженерный тогдашній мундиръ, который тоже былъ красный съ серебромъ, и голубую польскую ленту, и въ такомъ нарядѣ пріѣхалъ верхомъ на то мѣсто, гдѣ собрано было войско; всѣ приняли его за графа d'Artois, войска построились и хотѣли отдать честь; но, увидѣвши свою ошибку, начали дѣлать разныя на сей счетъ насмѣшки до того, что Ермоловъ принужденъ былъ уѣхать. Король объѣзжалъ ряды солдатъ въ каретѣ, не выходилъ изъ оной и во время церемоніальнаго марша.

Г-нъ Симолинъ велъ жизнь весьма уединенную, даже во многихъ отношеніяхъ несоотвѣтственную званію россійскаго посланника. Совѣтникомъ посольства былъ П. А. Обрѣзковъ, первымъ секретаремъ г. Мошковъ, а вторымъ г. Павловъ [2]). Они оба оказывали мнѣ большія услуги. Г. Мошковъ ѣздилъ со мною въ Версаль въ день сошествія Св. Духа. Я былъ въ придворной церкви и видѣлъ процессію сего ордена, которая была едва ли не послѣдняя до революціи. Г. Мошковъ испросилъ позволеніе у королевы осмотрѣть маленькій Тріанонъ, любимое ея тогда мѣстопребываніе. Король и королева обѣдали въ сей день au petit couvert, т. е. за столомъ сидѣлъ одинъ король и королева тоже одна, но въ разныхъ комнатахъ. Вся публика могла проходить

[1]) Онъ былъ флигель-адъютантомъ императрицы, которые могли носить мундиры всѣхъ войскъ, кромѣ гвардейскихъ, съ особливымъ только шитьемъ.

[2]) Священникомъ при посольствѣ былъ іерей Криницынъ, теперешній придворный духовникъ.

мимо ихъ величествъ. Г. Павловъ показывалъ мнѣ все, что было любопытнаго въ Парижѣ, и ходилъ со мной въ театръ сей столицы. Первый спектакль я видѣлъ «Mérope» aux Français; сію роль представляла m-lle Rocourt въ большомъ совершенствѣ. Тогда лучшій трагическій актеръ былъ Larive; онъ игралъ превосходно въ сочиненной для него трагедіи роль «Hercule sur le mont Eutna». Я пріѣхалъ въ Парижъ скоро послѣ того, какъ распущены были les Notables и собирались les Etats Généraux, стало быть, революція уже приготовлялась. Бомарше незадолго передъ тѣмъ сочинилъ свою комедію «Фигарова женитьба». Когда ее представляли, то зрители доходили почти до изступленія, и всякій разъ, какъ занавѣсь опускалась, весь партеръ кричалъ «á demain» [1]). Сія комедія дана была 130 разъ сряду. Это правда, что въ ней играли самые лучшіе того времени актеры: Molé, Dazincourt, Dugazon, m-lle Contat, Olivier, m-me Vieumenille и прочіе. Въ мое время въ театрѣ Большой оперы было первое представленіе «Тарары», оперы сочиненія тоже Бомарше. Стеченіе зрителей было неимовѣрное, но сія опера не имѣла такого успѣха, какъ «Фигарова женитьба». Я долженъ признаться, что любимый мой театръ былъ тогда les Variétés amusantes; зала была въ самомъ Palais Royal и близко отъ моей квартиры. Мнѣ случалось иногда цѣлый день провести въ семъ единственномъ мѣстѣ въ свѣтѣ. Поутру ходилъ я завтракать au Café de Foi, бывшемъ тогда въ большой модѣ, или въ другой кофейный домъ. Въ полдень почти весь Парижъ съѣзжался гулять подъ аркадами или въ саду; тогда на дворѣ были прекрасныя аллеи, которыя истреблены во время революціи. Потомъ ходилъ обѣдать или «à la grotte flamande» или въ другую какую ресторацію, ибо ихъ тогда было нѣсколько въ Palais

---

[1]) — До завтра!

Royal. Послѣ обѣда кофе пить я ходилъ au Café méchanique [1]), гдѣ изъ подъ-полу, посредствомъ машинъ, доставлялось все, чего пожелаешь, а за буфетомъ сидѣла женщина для полученія денегъ. Оттуда, погулявши до 6-ти часовъ aux Variétés, гдѣ по большей части давались комедіи сочиненія Du Maniant, который былъ тутъ же актеромъ,—шелъ опять гулять подъ аркады. Всѣ лавки всякій вечеръ были превосходно освѣщены воскомъ, ибо кенкетовъ тогда еще не знали. Вся лучшая парижская публика туда съѣзжалась, и гулянье продолжалось до 11-ти часовъ вечера, по пробитіи коихъ свистъ солдатъ швейцарской гвардіи былъ сигналомъ гасить свѣчи и разъѣзда публики. Я часто ѣздилъ гулять aux bois de Boulogne, ходилъ завтракать aux Champs Elysées; всякое воскресенье было гулянье aux boulevards, гдѣ видны были прекраснѣйшіе экипажи, равно какъ и à Longchmps. Сіе гуляніе состояло въ томъ, что отъ заставы до bois de Boulogne тянулись въ два ряда кареты, одна за другой.

Въ Парижѣ были тогда изъ русскихъ княгиня Н. П. Голицына съ мужемъ и со всѣмъ ея семействомъ, — я у нея нѣсколько разъ обѣдалъ, — Р. А. Кошелевъ съ женою, В. Н. Зиновьевъ, А. П. Ермоловъ, бывшій фаворитъ, и графъ Бобринскій; сей послѣдній велъ жизнь развратную, проигрывалъ цѣлыя ночи въ карты и надѣлалъ множество долговъ. Онъ находился подъ присмотромъ нашего посланника и барона Гримма. Графъ Бобринскій, у кото-

---

[1]) На этотъ кофейный домъ сдѣланы были тогда куплеты на голосъ «coeurs sensibles, coeurs fidèles» и проч.

Par un art presque magique
Dans ce pays enchanté
Est un café mécanique
Dont on vante la beauté,
Un ressort suit la parole,
Chacun y prend son régal:
Ce n'est qu'au Palais Royal (bis).

раго я иногда бывалъ,—не иначе, какъ когда онъ самъ заходилъ за мной, и я не въ состояніи былъ отъ него отговориться,—не могъ понять, что я по 18-му году не находилъ удовольствія въ его обществѣ, и называлъ меня за то «le très sage m-r Komarovsky» [1]). Послѣ трехмѣсячнаго моего пребыванія въ Парижѣ дано было мнѣ знать отъ посольства, чтобы я готовился къ отъѣзду въ Россію. П. А. Обрѣзковъ, о которомъ я говорилъ выше, получилъ тогда отпускъ; онъ желалъ ѣхать со мной въ Россію, на что я согласился, но такъ какъ онъ имѣлъ долги, то надлежало выѣхать ему такимъ образомъ, чтобы заимодавцы его не остановили. Я, получивъ депеши отъ посланника Симолина и отъ барона Гримма, который послалъ со мною къ императрицѣ нѣсколько вещей изъ купленнаго кабинета гравированныхъ камней у герцога Орлеанскаго,—долженъ былъ за заставой остановиться, пока Обрѣзковъ подъ чужимъ именемъ выѣзжалъ изъ города въ фіакрѣ. У него былъ слуга Михайло, который непремѣнно хотѣлъ возвратиться въ Россію. Дорогою у него сдѣлалась бѣлая горячка, и въ бѣшенствѣ онъ едва насъ обоихъ въ одну ночь не зарѣзалъ имѣвшимся у него ножемъ; кончилось тѣмъ, что онъ соскочилъ съ козелъ и ушелъ въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Михайло явился къ своему господину. Онъ завербованъ былъ нѣсколько разъ въ Пруссіи въ солдаты и все спасался бѣгствомъ.

По возвращеніи моемъ въ Россію я нашелъ дворъ въ Москвѣ, гдѣ мнѣ случилось видѣть великолѣпный праздникъ, который данъ былъ императрицѣ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ въ селѣ его Кусковѣ. Что болѣе всего меня удивило, это плато, которое поставлено было передъ императрицею за ужиномъ. Оно представляло на возвыше-

---

[1]) Благоразумнѣйшій г. Комаровскій.

нія рогъ изобилія, все изъ чистаго золота, и на возвышеніи томъ былъ вензель императрицы изъ довольно крупныхъ брилліантовъ. Сверхъ того, графиня С. О. Разумовская, жена графа Петра Кирилловича, просила меня отвезти отъ нея изъ Парижа подарки къ фельдмаршалу Кириллу Григорьевичу Разумовскому. По пріѣздѣ моемъ въ Москву я узналъ, что фельдмаршалъ живетъ въ своемъ загородномъ домѣ Петровскомъ. Онъ меня очень обласкалъ и пригласилъ къ обѣду, что для меня было весьма лестно, ибо онъ былъ и подполковникомъ Измайловскаго полка, въ которомъ я служилъ тогда сержантомъ. За обѣдъ фельдмаршалъ вышелъ, украшенный подарками, привезенными мною, какъ-то: косынкой на шеѣ, жилетомъ и пуговицами на кафтанѣ. Графъ Разумовскій публично благодарилъ меня за доставленіе ему такихъ пріятныхъ подарковъ отъ любезной его невѣстушки. Пробывши въ Москвѣ нѣсколько дней, я отправленъ былъ въ Петербургъ съ депешами къ вице-канцлеру, графу Остерману.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1787 года, я посланъ былъ курьеромъ въ Лондонъ, и, не доѣзжая сыпучихъ песковъ Куришъ-Гафа, на первой прусской станціи Иммерзатъ, я долженъ былъ оставить мою коляску, которая мнѣ такъ хорошо служила, и ѣхать въ перекладныхъ повозкахъ. На трактѣ моемъ были города: Мемель, Кенигсбергъ, Берлинъ, гдѣ я нашелъ посланникомъ двора нашего графа С. П. Румянцова и съ нимъ познакомился, — Оснабрюкъ, Гарлемъ, Роттердамъ и Голтвотъ-Шлесъ. Здѣсь я долженъ былъ сѣсть на пакетъ-ботъ и отправиться въ англійскій портъ Гарвичъ. Проѣзжая Голландію, я не могъ довольно налюбоваться той чистотой и опрятностью, которая видна не только въ домахъ, но и на улицахъ, и тѣми каналами, помощью которыхъ доставляются всѣ припасы изъ одного мѣста въ другое; лодку, довольно нагруженную, одинъ че-

ловѣкъ ведетъ деревяннымъ правиломъ очень свободно. Въ Голтвотъ-Шлесѣ я нашелъ много пассажировъ. Въ тотъ самый день вѣтеръ былъ попутный, и мы сѣли на пакетъ-ботъ къ вечеру и пустились въ море. Ночью сдѣлался такой сильный штормъ, что мы едва могли опять попасть въ гавань, и всѣ увѣряли, что если бы штормъ этотъ нашелъ насъ въ открытомъ морѣ, то мы бы непремѣнно погибли. Противный вѣтеръ дулъ семь дней, потомъ повѣялъ попутный, и мы пустились опять въ море; когда мы проѣхали 24 часа, сдѣлался совершенный штиль и зыбь, продолжавшаяся нѣсколько часовъ, была несносна; ни одного не было пассажира, который бы не страдалъ отъ оной. Наконецъ, съ довольно свѣжимъ вѣтромъ мы прибыли въ Гарвичъ. Я странное испыталъ чувство, когда вышелъ на твердую землю: мнѣ казалось, что всѣ предметы, которые я вижу, находятся въ безпрестанномъ движеніи, и земля подо мною ходитъ, такъ что нѣсколько минутъ я не могъ шагу сдѣлать впередъ. Нигдѣ такъ хорошо не устроены дороги, какъ въ Англіи: одна половина укатывается катками и насыпается хрящомъ, а по другой ѣздятъ, и содержатся онѣ точно такъ, какъ дорожки въ англійскихъ садахъ. Почтовыхъ станцій, какъ въ прочихъ государствахъ, тамъ не учреждено, но во многихъ деревняхъ по большой дорогѣ есть содержатель лошадей и постъ-шезовъ, т.-е. весьма легкихъ двухмѣстныхъ каретъ, которыя за извѣстную цѣну возятъ проѣзжающихъ отъ одного мѣста до другого. Почта въ Англіи, однако же, дороже, нежели гдѣ-нибудь. Въ Гарвичѣ явился ко мнѣ одинъ итальянецъ и просилъ меня довезти его до Лондона, а взамѣнъ того онъ обѣщался служить мнѣ переводчикомъ, а такъ какъ онъ много ѣзжалъ по дорогамъ и могъ нанимать для меня лошадей по выгоднѣйшимъ цѣнамъ, я на предложеніе его согласился. Отъ Гарвича до Лондона 75 миль, или 100 верстъ;

мы выѣхали часовъ въ 10 утра. Я долженъ сказать, что никогда такъ пріятно, покойно и скоро не ѣхалъ, и мой итальянецъ мнѣ былъ очень полезенъ. Пріѣхавши на послѣднюю перемѣну до Лондона, на воротахъ того трактира, гдѣ мы должны были остановиться, я увидѣлъ надпись прекрупными словами и спросилъ у итальянца, что это значитъ; онъ мнѣ сказалъ, что предупреждаютъ всѣхъ проѣзжающихъ, чтобы они берегли свои чемоданы и сундуки, находящіеся сзади каретъ, ибо въ окрестностяхъ Лондона находится множество пѣшихъ и конныхъ воровъ[1]). Ночь была лунная. Итальянецъ мнѣ сказалъ, чтобы я на всякій случай приготовилъ нѣсколько гиней, а содержатель лошадей велѣлъ мнѣ сказать, что если на насъ нападетъ дорогой конный воръ и закричитъ кучеру: stop, то онъ остановится, ибо не обязанъ за насъ жертвовать своею жизнью. Отъѣхавши нѣсколько миль, кучеръ сказалъ намъ, что онъ видитъ двухъ конныхъ воровъ, ѣдущихъ къ намъ навстрѣчу. Итальянецъ мнѣ говоритъ:

— Держите въ рукѣ вашей гинеи.

Одинъ изъ воровъ, подъѣзжая, закричалъ stop, и карета наша остановилась, а другой стоялъ поодаль; воръ подъѣхалъ къ той сторонѣ, гдѣ сидѣлъ итальянецъ, и, въ спущенное стекло протянувъ руку съ пистолетомъ, требовалъ денегъ; товарищъ мой сказалъ ему, что онъ слуга, и ничего дать ему не можетъ; впрочемъ мы оба недостаточные люди и едва имѣемъ, чѣмъ доѣхать до Лондона, но готовы, однако же, дать, что имѣемъ. Тогда воръ подъѣхалъ къ моей сторонѣ, и я далъ ему четыре гинеи, послѣ чего онъ приказалъ кучеру нашему ѣхать. Симъ окончилось трагическое сіе происшествіе. Когда воры мимо насъ

---

[1]) Сказываютъ, что генералъ Уваровъ,—всѣмъ извѣстно, какъ онъ говорилъ по французски,—узнавши сіе, ѣдучи въ Лондонъ, сказалъ своему камердинеру: «Charles, prends garde á mon mal de derrière».

проѣхали, итальянецъ мой посмотрѣлъ въ окошко, и когда ужъ ихъ не было въ виду, онъ выстрѣлилъ имъ вслѣдъ изъ моего пистолета, сказавъ мнѣ:

— Это нужно, чтобы дать острастку другимъ ворамъ.

Мнѣ сказывали потомъ въ Лондонѣ, что сіи воры имѣютъ свое общество и клубъ, въ которомъ они собираются, что правительству извѣстны даже всѣхъ ихъ имена, и когда на которыхъ изъ нихъ есть явная улика въ ихъ грабежахъ, тогда полицейскіе чиновники приходятъ въ ихъ клубъ и берутъ уличенныхъ безъ сопротивленія и предаютъ въ руки правительства.

Я пріѣхалъ въ Лондонъ прямо къ нашему министру, графу С. Р. Воронцову; сверхъ депешъ я привезъ къ нему партикулярное письмо отъ графа Безбородки, въ которомъ онъ просилъ посланника принять меня подъ свое покровительство. На другой день мнѣ сказывали чиновники посольства, что когда графъ Воронцовъ прочиталъ привезенныя мною депеши, то сказалъ:

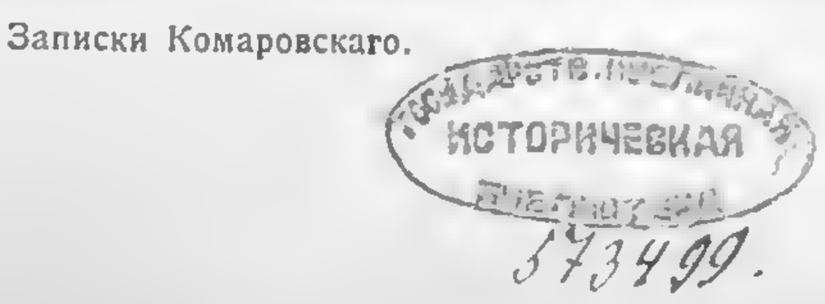
— Комаровскій привезъ старыя газеты, видно, гр. Безбородкѣ хотѣлось познакомить его съ Лондономъ.

Какую я нашелъ разницу между Парижемъ и Лондономъ! Тамъ, кажется, всякій день праздникъ, а здѣсь никогда; тамъ по улицамъ ходя поютъ и веселятся, а здѣсь ходятъ въ глубокомъ молчаніи; это правда, что я въ Парижѣ былъ лѣтомъ, а въ Лондонъ пріѣхалъ въ глубокую осень; тамъ я видѣлъ зато всякій день солнце, а здѣсь отъ каминовъ, въ которыхъ горитъ каменный уголь, образуется премрачный туманъ, такъ что иногда въ полдень должно зажигать свѣчи, и бѣлье дѣлается чернымъ. Вѣроятно, сей мракъ производитъ въ Англіи сплинъ,—болѣзнь, въ другихъ земляхъ, кажется, неизвѣстную,—и очень часто въ газетахъ читаешь о самоубійствахъ. Молодому человѣку особливо должно, по мнѣнію моему, побывать прежде въ Лондонѣ и потомъ уже ѣхать

въ Парижъ, ибо сравненіе всегда будетъ въ пользу послѣдняго. Лондонъ имѣетъ большее преимущество противъ Парижа въ разсужденіи чистоты улицъ; тамъ прекрасные тротуары передъ каждымъ домомъ, кои обливаютъ водою ежедневно, и потому грязи на нихъ никогда не бываетъ; для пѣшеходовъ это великое удобство. Въ Парижѣ напротивъ, какъ извѣстно, улицы узкія и прегрязныя, а высота домовъ дѣлаетъ, что въ нѣкоторые солнце вовсе не проникаетъ. Въ Лондонѣ есть обыкновеніе очень покойное: черезъ объявленіе въ газетахъ можно все получить, что ни пожелаешь, даже нѣкоторые находили себѣ невѣстъ и жениховъ. Мнѣ хотѣлось употребить время пребыванія моего въ Лондонѣ, чтобы выучиться по англійски. Я воспользовался симъ посредствомъ газетъ, вызывая желающихъ принять меня къ себѣ въ пансіонъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ множество записокъ. Я рѣшилъ войти въ домъ къ одному лингвисту, жившему въ Нюманъ-стритъ, Оксфортродъ, подъ № 38. Онъ былъ родомъ французъ, фамилія его Тогажо, но съ малолѣтства жилъ въ Лондонѣ. Я предпочелъ его потому, что онъ удобнѣе могъ мнѣ объяснить правила языка, но я ошибся: въ англійской фамиліи я бы гораздо болѣе успѣлъ. Я платилъ двѣ гинеи въ недѣлю и двѣ гинеи заплатилъ единовременно какъ называется d'entrée; я имѣлъ особливую комнату, общій завтракъ и обѣдъ. Скоро послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ было открытіе парламента. Я видѣлъ короля Георга III, ѣдущаго въ восьмистекольной раззолоченной каретѣ, заложенной въ восемь изабелловыхъ лошадей. Напротивъ его сидѣлъ первый министръ Питтъ. Впереди и сзади кареты ѣхалъ конвой конной гвардіи, но сіе не мѣшало, однако же, нѣсколькимъ мальчишкамъ изъ многочисленной толпы людей, бѣгущей за каретою, бросать иногда грязью въ оную. Засѣданія парламента были тогда весьма интересны, и стеченіе зрителей всегда чрезвычайное.

Они открылись процессомъ, дѣлаемымъ Гастингсу, бывшему вице-роемъ въ Индіи, за жестокости и употребленіе во зло его тамъ власти. Знаменитые ораторы оппозиціи: Фоксъ, Боргъ и Шериданъ, истощали все свое краснорѣчіе на обвиненіе Гастингса, но онъ былъ оправданъ. Я ходилъ смотрѣть въ Вестминстерскомъ аббатствѣ монументъ лорда Чатама, отца Питта, который представленъ говорящимъ рѣчь въ парламентѣ противъ войны съ Соединенными Штатами. Мнѣ случалось быть нѣсколько разъ въ Ольдбели, такъ называется уголовный судъ, гдѣ судятся всѣ преступники; сей судъ открывается три раза въ годъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока есть подсудимые. Посреди присутственной комнаты находится родъ амвона, на которомъ становятся подсудимые; на столбикахъ, прикрѣпленныхъ къ амвону, утверждено зеркало, обращенное къ свѣту окошекъ такимъ образомъ, что лучи свѣта, падающіе на зеркало, отражаются на лицѣ подсудимыхъ, стоящихъ лицомъ къ судьямъ; симъ способомъ они видятъ всѣ измѣненія, въ чертахъ подсудимыхъ происходящія. Чтобы обвинить, необходимо нужно показаніе трехъ свидѣтелей; судья дѣлается тогда, такъ сказать, адвокатомъ подсудимыхъ, ибо онъ старается разбить въ словахъ свидѣтелей. Когда же доказательства такъ ясны, что сдѣланныя преступленія не подлежатъ никакому сомнѣнію, тогда отдается дѣло на заключеніе присяжныхъ. Они уходятъ въ другую комнату. Эта минута самая интересная: когда отворяются двери, присяжные входятъ въ присутствіе, и приговоръ состоитъ съ одномъ словѣ «виноватъ» или «невиноватъ».

Я нашелъ въ Лондонѣ изъ русскихъ графа Ф. В. Ростопчина, имѣвшаго тогда чинъ поручика Преображенскаго полка, П. А. Левашева, бывшаго кавалеромъ при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ, Г. А. Синявина и графа Бобринскаго, пріѣхавшаго незадолго передо мною изъ

Парижа; въ его обществѣ находился маркизъ Вертильякъ, подобный ему игрокъ, уѣхавшій тайнымъ образомъ изъ Парижа, дабы избѣгнуть заключенія въ Бастиліи, на что отцомъ его испрошены были lettres de cachet. Вотъ доказательство той народной ненависти, которая существовала тогда у англичанъ противъ французовъ. Мы трое шли вмѣстѣ по улицѣ— графъ Бобринскій, Вертильякъ и я. На мнѣ съ графомъ Бобринскимъ былъ фракъ англійскаго покроя и круглыя шляпы, а на французѣ парижскій полосатый фракъ и треугольная шляпа; мы примѣчаемъ, что за нами множество бѣжитъ мальчишекъ и поднимаютъ грязь съ улицы; одинъ изъ нихъ закричалъ: french dog[1]), и вдругъ посыпался градъ комьевъ грязи на бѣднаго Вертильяка, и онъ насилу скрылся въ одну кондитерскую лавку, случившуюся на дорогѣ; мы же двое шли тихимъ шагомъ, и ни одного кусочка грязи на насъ не попало. При лондонской нашей миссіи изъ всѣхъ чиновниковъ одинъ только замѣчательный человѣкъ находился — это священникъ нашей церкви, Яковъ Ивановичъ Смирновъ, который употреблялся и по дипломатической части. Изъ нашихъ русскихъ я болѣе всѣхъ видѣлся съ графомъ Ростопчинымъ; мы съ нимъ вмѣстѣ ходили смотрѣть битву пѣтуховъ, ученаго гуся и ѣздили за нѣсколько лишь отъ Лондона верстъ смотрѣть кулачныхъ бойцевъ, знаменитыхъ въ тогдашнее время: Жаксона англичанина и Рейна ирландца. Пари были ужасныя; англичане парировали за Жаксона, а ирландцы за Рейна. Парламентъ, узнавши о приготовленіи сего боя, запретилъ всякое сборище подобнаго рода въ городахъ и селеніяхъ, а потому мѣсто выбрано было въ полѣ, на открытомъ воздухѣ. Въ назначенный день тысячи каретъ изъ Лондона туда отправились, и мы наняли постъ-шезъ. Сдѣланъ былъ

---

[1]) Французская собака.

большой помостъ для бойцовъ, а зрители взлѣзли на имперіалы каретъ, чтобы лучше можно было видѣть сей спектакль. Бойцы были полунагіе, и за каждымъ изъ нихъ находились секундантъ и держатель бутылки съ какимъ-то напиткомъ. При началѣ боя они дали другъ другу руку въ знакъ того, что они между собою вражды не имѣютъ, и если бы случилось одному быть убиту, то другого не преслѣдовать, какъ смертоубійцу, по законамъ. Бой начался, и нѣсколько разъ тотъ и другой были повержены на полъ: тогда секундантъ подходитъ, протягиваетъ шею, за которую боецъ долженъ ухватиться обѣими руками, и секундантъ такимъ образомъ его поднимаетъ; дабы въ бойцѣ сохранить силы, держащій бутылку даетъ ему изъ оной пить и считаетъ протяжно, начиная съ одного до того числа, какъ былъ уговоръ, и если боецъ, лежащій на полу, до сочтенія положеннаго числа разъ, не встанетъ, то признаетъ себя побѣжденнымъ. Зрѣлище звѣрское; удивительно, какъ просвѣщенные люди могутъ находить въ ономъ удовольствіе; между тѣмъ крикъ отъ держащихъ пари ужасный, и смотря потому, какъ одинъ изъ бойцевъ ослабѣваетъ, держащая за него сторона пари свои уменьшаетъ, а другая прибавляетъ, такъ что противъ одного держитъ пять, десять и такъ далѣе. Наконецъ Рейнъ, получивъ сильный ударъ отъ Жаксона, сказалъ: «довольно». Надобно было видѣть тогда, съ какимъ торжествомъ Жаксонъ поклонился тѣмъ, которые за него парировали, съ какимъ восторгомъ выигравшіе вскочили на помостъ, который покрытъ кровью побѣдителя и побѣжденнаго, подняли его на руки и носили въ тріумфѣ нѣсколько времени. Возвращаясь въ Лондонъ, мы проѣзжали черезъ одну деревню и замѣтили множество каретъ у трактира. Мы изъ любопытства остановились, вошли въ комнату, которая была полна людьми; видимъ человѣка, лежащаго на

канапе,—у него все лицо обвязано чѣмъ-то бѣлымъ,— а другого стоящаго подлѣ него и прикладывающаго припарки. Мы узнали, что это былъ побѣжденный Рейнъ. На другой день въ газетахъ было подробное описаніе сего кулачнаго боя, и всякій день выходилъ бюллетень о состояніи здоровья, въ которомъ находились бойцы, ибо и Жаксонъ недешево купилъ свою побѣду; была минута, что считали даже его побѣжденнымъ. Когда изъ газетъ извѣстно стало, что Рейнъ совершенно выздоровѣлъ, Ростопчину вздумалось брать у него уроки; онъ нашелъ, что битва на кулакахъ такая же наука, какъ и бой на рапирахъ. Потомъ я ѣздилъ верхомъ съ Ростопчинымъ въ Гринвичъ, знаменитый инвалидный домъ для моряковъ, гдѣ, какъ извѣстно, находится и славная обсерваторія; это было накапунѣ нашего Рождества, и по дорогѣ мы нашли луга, такъ зеленые, какъ у насъ лѣтомъ. Въ Лондонѣ было тогда три главныхъ театра: итальянская опера, въ которой должно было быть въ башмакахъ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и съ треугольной шляпой; два англійскіе: Дрюриленъ и Ковенъ Гарденъ. Въ первомъ славилась своимъ превосходнымъ голосомъ и пѣніемъ дѣвица Белингтонъ, а во второмъ была знаменитая трагическая актриса, госпожа Сидонсъ. На семъ послѣднемъ театрѣ, во время святокъ, представляемы были пантомимы, въ которыхъ арлекинъ игралъ первую роль, и механизмъ былъ доведенъ до такого совершенства, что всякій разъ, какъ арлекинъ ударитъ по кулисамъ своею деревянною шпагою, декораціи перемѣнялись мгновенно, подобно какому-то волшебству. На святки распускаются студенты изъ всѣхъ университетовъ, и сіи представленія наполнены были этими молодыми людьми. Однажды, я сидѣлъ въ ложѣ съ Ростопчинымъ, въ которой находилось и нѣсколько студентовъ; мы нарочно говорили между собой по русски, чтобы возбудить ихъ любопытство. Сначала они долго

прислушивались, потомъ начался между ними споръ: кто утверждалъ, что мы говорили по польски, иные— по венгерски; наконецъ, мы слышимъ, что они начали другъ другу предлагать пари, къ чему англичане имѣютъ врожденную склонность; мы будто ничего не понимаемъ, все продолжаемъ между собою разговаривать. Одинъ изъ студентовъ рѣшился у насъ спросить, на какомъ мы языкѣ говоримъ. Ростопчинъ ему отвѣчалъ:

— На такомъ, какой никому изъ васъ въ голову не пришелъ; мы говоримъ по русски, стало быть, никто изъ васъ пари не проигралъ и не выигралъ.

Синявинъ [1]) служилъ тогда въ англійскомъ флотѣ и только что возвратился изъ Индіи; онъ пригласилъ меня однажды ѣхать съ нимъ и съ секретаремъ графа Воронцова Жоли отыскивать корабль, на которомъ онъ прежде находился. Мы взяли фіакръ, чтобы доѣхать до Темзы. Тутъ сѣли на одну лодку и поплыли въ прегустѣйшій лѣсъ мачтъ. Я никогда не видывалъ такого множества кораблей вмѣстѣ. Гребцы у насъ были одинъ старикъ, а другой мальчикъ; Синявинъ оттолкнулъ ихъ обоихъ, снялъ съ себя фракъ и началъ самъ грести: между тѣмъ пошелъ проливной дождь, корабля мы не нашли, а промокли, какъ говорится, до послѣдней нитки, особливо Синявинъ, который былъ въ одной рубашкѣ. Онъ предложилъ намъ заѣхать въ Орендчь, кафегаузъ, гдѣ собираются большею частью морскіе офицеры, велѣлъ себѣ подать пуншу гафъ-эндъ-гафъ, то-есть половина рому и половина французской водки, выпилъ онаго пребольшую кружку и какъ ни въ чемъ не бывало. Синявинъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ отличный морской офицеръ и любимъ въ англійскомъ флотѣ. Въ одинъ день рано поутру пришелъ ко мнѣ графъ Бобринскій; я, видя его

---

[1]) Его звали Григоріемъ Алексѣевичемъ; его родная сестра была замужемъ за графомъ С. Р. Воронцовымъ.

весьма встревоженное лицо, спросилъ его о причинѣ такого ранняго ко мнѣ прихода. Онъ бросился мнѣ на шею и почти со слезами сталъ убѣдительно меня просить ѣхать съ нимъ въ Парижъ на нѣсколько дней, ибо знакомая ему одна особа уѣхала туда внезапно, и онъ безъ нея жить не можетъ. Я ему сказалъ, что я охотно бы сіе сдѣлалъ, но онъ знаетъ, что я не завишу отъ себя и безъ позволенія министра никуда отлучиться не могу; онъ былъ въ такомъ изступленіи, что почти ничего не понималъ, что я ему говорилъ, и твердилъ только одно, чтобы я съ нимъ непремѣнно ѣхалъ. Къ счастію моему, въ сію минуту пришелъ ко мнѣ Левашевъ, котораго графъ Бобринскій нѣсколько уважалъ, и насилу вразумилъ его, что онъ не въ правѣ такой жертвы отъ меня требовать. Изъ Лондона выѣзжать можно когда угодно, только стоитъ послать за постъ-шезомъ, что графъ Бобринскій и сдѣлалъ; черезъ часъ его уже въ Лондонѣ не было. Онъ дѣйствительно возвратился въ Лондонъ дней черезъ десять. Извѣстно сдѣлалось, что съ Швеціей у насъ началась война, а турецкая еще продолжалась. Графъ Бобринскій былъ ротмистромъ конной гвардіи: онъ написалъ въ Петербургъ и просилъ, чтобы, по случаю войны, позволено ему было возвратиться въ Россію и служить въ полкахъ, употребленныхъ противъ непріятеля: сему предложенію были рады, ибо давно желали его имѣть въ Россіи. Онъ опять сталъ меня просить, чтобы ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, и даже объяснялся на сей счетъ съ графомъ Воронцовымъ. Мнѣ самому этого хотѣлось, но, къ счастію моему, случилась нужда послать изъ Лондона курьера въ Россію, и меня отправили; ибо едва графъ Бобринскій пріѣхалъ на нашу границу, какъ тамъ приказано было отвезти его въ Ревель и оставаться въ семъ городѣ впредь до повелѣнія, гдѣ онъ и прожилъ до восшествія императора Павла на престолъ.

Что же бы тогда со мной случилось, какъ съ его сопутникомъ? Графъ Ростопчинъ оставилъ Лондонъ прежде меня, но я нагналъ его на дорогѣ, и до Берлина мы ѣхали вмѣстѣ; я находилъ большое удовольствіе быть въ его обществѣ: онъ былъ чрезвычайно забавенъ и любезенъ. Послѣ шестимѣсячнаго моего отсутствія я пріѣхалъ въ Петербургъ. Меня видѣли мои знакомые одѣтымъ прежде совершенно на французскій манеръ, а теперь на англійскій. Я въ полку на лицо не служилъ, а считался при графѣ Безбородкѣ, почему и щеголять могъ въ моихъ французскихъ и англійскихъ фракахъ.

II.

Посылка курьеромъ въ Вѣну.—Князь Д. М. Голицынъ.—Жизнь въ Вѣнѣ.—Чудакъ Зыбинъ.—Французскіе эмигранты.—Принцъ Нассау-Зигенъ.—Князь Н. В. Репнинъ.—Отправленіе курьеромъ къ принцу Нассау.—Коронованіе римскаго императора.—Поѣздка въ Майнъ.—Карлсруэ.—Обѣдъ у маркграфа Баденскаго.—Княгиня Д. А. Шаховская.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Производство мое въ прапорщики.—Представленіе императрицѣ.—А. А. Нарышкинъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ принцессы Баденской.—Назначеніе мое полковымъ адъютантомъ.—Княгиня К. Ф. Долгорукова.—Любительскій спектакль.—Поѣздка въ Москву.—Графъ А. А. Безбородко.—Праздникъ офицеровъ Измайловскаго полка.—Кончина императрицы Екатерины II.

Я прожилъ покойно до 1790 года, въ началѣ котораго я посланъ былъ курьеромъ въ Вѣну, къ послу нашему, князю Д. М. Голицыну. Я нашелъ сію столицу въ торжествѣ и печали. Въ тотъ самый день присягали Леопольду, какъ эрцъ-герцогу австрійскому, и оплакивали кончину императора Іосифа II, а болѣе—смерть эрцъ-герцогини Елисаветы, первой жены нынѣшняго императора Франца, родной сестры императрицы Маріи Ѳеодоровны; она была чрезвычайно любима. Князь Д. М. Голицынъ былъ препочтенный вельможа[1]), но странно было его слышать, когда начнетъ говорить о Петербургѣ, въ которомъ онъ около 40 лѣтъ не бывалъ; онъ никакъ иначе не могъ себѣ представить сей столицы, какъ въ томъ положеніи, въ которомъ оставилъ оную. Я видѣлъ въ Вѣнѣ знаменитаго канцлера, князя Кауница,—съ которымъ посолъ нашъ жилъ въ большой

---

[1]) Онъ оставилъ по себѣ незабвенный памятникъ христіанской добродѣтели учрежденіемъ въ Москвѣ знаменитой Голицынской больницы.

дружбѣ, — фельдмаршаловъ Лассія и Лаудона. Въ Вѣнѣ всякій офицеръ въ мундирѣ въ праздничные дни имѣлъ входъ во дворецъ; а такъ какъ намъ позволено было за-границей носить офицерскіе мундиры армейскихъ полковъ, то и я, пользуясь симъ правомъ, сдѣлалъ себѣ карабинерный мундиръ, синій съ красными обшлагами и воротникомъ, и видѣлъ всѣ придворныя церемоніи по случаю похоронъ императора Іосифа и эрцъ-герцогини. По причинѣ траура никакихъ публичныхъ увеселеній не было, а только ежедневное почти гулянье въ прелестномъ Пратерѣ и Аугартенѣ. Князь Д. М. Голицынъ получилъ въ подарокъ отъ императрицы Маріи-Терезіи, которая къ нему была очень милостива, одну изъ окружавшихъ Вѣну горъ, называемую «Предихъ-Штуль» [1]); онъ выстроилъ на оной прекрасный загородный домъ, куда часто любилъ ѣздить и меня нѣсколько разъ туда приглашалъ [2]). По старости его лѣтъ и дряхлости назначенъ былъ ему въ помощники, а потомъ въ преемники, графъ А. К. Разумовскій; онъ женился на графинѣ Тунъ, и я слышалъ ея прелестный голосъ въ одной ораторіи, которая составлена была изъ знатныхъ вѣнскихъ особъ въ каѳедральной церкви св. Стефана. Въ Вѣнѣ русскихъ никого въ то время не было, кромѣ чудака Зыбина, пріѣхавшаго туда изъ Англіи; онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ и притворялся, будто забылъ говорить по русски, напримѣръ, въ Петербургѣ, выходя изъ театра, онъ кричалъ: «Зыбинъ каретъ». Тогда была мода имѣть превысокіе фаетоны для гулянья. Зыбинъ въ этомъ уродскомъ экипажѣ сдѣлалъ дорогу изъ Петербурга въ Москву. На станціяхъ всѣ на него, какъ на шута, смотрѣли, а мальчишки

---

[1]) Сказываютъ, что на сей горѣ въ началѣ христіанства проповѣдуемо было слово Христа Спасителя.

[2]) Сей загородный домъ князь Голицынъ послѣ смерти отказалъ графу Н. П. Румянцову.

за нимъ съ крикомъ вслѣдъ бѣжали. Зыбинъ самъ это разсказывалъ, относя сіе къ невѣжеству нашего народа.

Пробывъ въ Вѣнѣ около трехъ мѣсяцевъ, я отправленъ былъ въ Петербургъ съ депешами. Въ 1791 году, пріѣхалъ въ Петербургъ графъ д'Артуа, нынѣшній французскій король Карлъ X, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы склонить императрицу Екатерину принять дѣятельное участіе въ ихъ дѣлахъ. Онъ принятъ былъ со всевозможною почестью, давали ему много праздниковъ, но возвратился, кажется, съ одними пустыми обѣщаніями; а такъ какъ оба брата несчастнаго короля Людовика XVI основали временное свое пребываніе на берегахъ Рейна, то императрица аккредитовала при нихъ графа Н. П. Румянцова, съ сохраненіемъ прежняго поста его министра въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Принцъ Нассау-Зигенъ былъ принятъ въ нашу службу адмираломъ во время очаковской кампаніи; извѣстно, что онъ пловучими батареями нанесъ большой вредъ турецкому флоту, потомъ служилъ противъ шведовъ, командовалъ галернымъ флотомъ и имѣлъ одно счастливое, а другое неудачное сраженіе. Какъ рыцарь, ищущій вездѣ славы, едва узналъ онъ, что вокругъ французскихъ принцевъ собирается армія изъ эмигрантовъ, просилъ императрицу позволить ему ѣхать и быть въ числѣ защитниковъ трона Бурбоновъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я два раза былъ посланъ курьеромъ съ депешами къ графу Румянцову и принцу Нассау, имѣвшимъ пребываніе свое тогда въ Кобленцѣ, гдѣ находились и французскіе принцы. Я останавливался всегда въ домѣ принца Нассау, который меня очень полюбилъ; онъ жилъ чрезвычайно открыто, и я имѣлъ случай познакомиться со многими весьма умными эмигрантами, какъ-то графомъ Бретелемъ, г. Калонномъ, графомъ Сомбрелемъ, герцогомъ де-Гишемъ, аббатомъ Мори

и проч. Потомъ принцъ Нассау пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ говорили, съ порученіемъ отъ французскихъ принцевъ къ императрицѣ просить вспомогательныхъ для нихъ войскъ. Я тотчасъ къ нему явился. Онъ осыпалъ меня милостями, обѣщалъ просить князя Зубова, бывшаго тогда фаворитомъ, чтобы мнѣ исходатайствовать гвардіи офицерскій чинъ и позволеніе взять меня съ собою для предстоящей кампаніи противъ республиканцевъ. Графъ Н. П. Румянцовъ, всякій разъ, какъ я возвращался въ Петербургъ, давалъ мнѣ порученіе къ брату его Сергѣю Петровичу и въ письмахъ своихъ къ нему всегда отзывался обо мнѣ самымъ лестнымъ образомъ. Поэтому не только графъ Сергѣй Петровичъ былъ весьма хорошо расположенъ ко мнѣ, но познакомилъ меня съ Настасьею Николаевною Нелединскою, съ которою онъ жилъ въ одномъ домѣ, и у коей воспитывалась одна дѣвица, какъ говорили, близко принадлежавшая князю Н. В. Репнину [1]). Князь случился тогда въ Петербургѣ; онъ былъ подполковникомъ Измайловскаго полка. По имѣемымъ ли на меня какимъ видамъ, въ разсужденіи той дѣвицы, или просто по хорошей рекомендаціи меня Н. Н. Нелединской князю Репнину, только вдругъ я получаю приказъ отъ полка [2]), чтобы на другой день, рано поутру, явиться къ его сіятельству. Но какъ я былъ удивленъ! Когда пріѣзжаю къ князю въ сержантскомъ моемъ мундирѣ, встрѣчаетъ меня Ф. И. Энгель, который служилъ тогда при немъ и имѣлъ маіорскій чинъ, спрашиваетъ мое имя и вводитъ меня прямо въ кабинетъ князя. Я нашелъ его за уборнымъ столикомъ, и едва онъ меня увидѣлъ, сказалъ мнѣ:

---

[1]) На вечерахъ Н. Н. Нелединской часто играли «Провербы», сочиненныя графомъ Румянцовымъ. Онъ писалъ прекрасно и съ большимъ умомъ, и я въ сихъ представленіяхъ участвовалъ.

[2]) Мы жили тогда въ купленномъ нами домѣ въ Измайловскомъ полку, въ 10-й ротѣ.

— Здравствуй, мой другъ, садись.

Я сталъ было отговариваться, но онъ рѣшительно приказалъ мнѣ сѣсть.

— Я слышалъ о тебѣ много хорошаго,—продолжалъ князь,—что ты употребленъ былъ нѣсколько разъ въ курьерскихъ посылкахъ за-границу. Скажи мнѣ, какія твои теперь намѣренія?

Я отвѣчалъ ему, что я просился было въ армію, въ капитаны, но меня не выпустили; потомъ пересказалъ ему обѣщанія, сдѣланныя мнѣ принцомъ Нассау; онъ покачалъ головой и сказалъ:

— Желаю, чтобы онъ ихъ исполнилъ; я увижусь съ нимъ сегодня во дворцѣ и узнаю, чего тебѣ ожидать можно.

Я пробылъ у князя Репнина до тѣхъ поръ, пока тотъ же Ф. И. Энгель вошелъ доложить ему, что генералъ Арбеневъ пріѣхалъ съ рапортомъ.

Между тѣмъ принцъ Нассау не переставалъ меня увѣрять, что я непремѣнно произведенъ буду въ офицеры, и я рѣшился заказать себѣ мундиръ. Послѣ пребыванія нѣсколькихъ недѣль въ Петербургѣ, принцу данъ былъ фрегатъ, на которомъ онъ отправился до Эльзенера; ему сказано было, что, пріѣхавши въ сію гавань, онъ узнаетъ отъ курьера, который за нимъ вслѣдъ посланъ будетъ, волю императрицы на сдѣланныя французскими принцами ея величеству предложенія. Принцъ Нассау просилъ князя Зубова, чтобы курьеромъ отправить къ нему меня. Сія просьба была исполнена; я дѣйствительно былъ посланъ курьеромъ съ депешами и къ графу Н. П. Румянцову, но не скоро послѣ отъѣзда принца. Не доѣзжая до Эльзенера, я узналъ, что принцъ давно уже оттуда отправился въ Кобленцъ. Я пріѣхалъ въ Франкфуртъ на Майнѣ въ самую интересную эпоху. Императоръ Леопольдъ царствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ, и послѣ его смерти старшій сынъ его эрцъ-герцогъ Францъ былъ его преемникомъ. Извѣстно,

что римскіе императоры были избираемы всѣми имперскими владѣтельными князьями и курфюрстами римско-католическаго вѣроисповѣданія: въ числѣ сихъ послѣднихъ находились три духовные — Майнцкій, Кельнскій [1]) и Трирскій. Сіе важное происшествіе начиналось тѣмъ, что въ назначенное время должны съѣхаться въ Франкфуртъ на Майнѣ сами принцы-избиратели или уполномоченные отъ нихъ послы; при семъ долженъ находиться и представитель будущаго императора, какъ короля богемскаго и венгерскаго. Нѣсколько столѣтій римскіе императоры-избиратели были изъ Габсбургскаго дома, потомъ сіе достоинство перешло въ домъ Лотарингскій, нынѣ царствующій въ Австріи, и сынъ императора Леопольда не могъ быть неизбранъ въ сіе достоинство. Эрцъ-герцогъ Францъ, въ то самое время, какъ избиратели съѣзжались въ Франкфуртъ, выѣхалъ изъ Вѣны и остановился въ одномъ замкѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Франкфурта, издревле для того назначенномъ. Нѣкоторые изъ принцевъ-избирателей и посолъ королевствъ богемскаго и венгерскаго выѣхали навстрѣчу къ эрцъ-герцогу въ видѣ депутатовъ объявить ему, что онъ избранъ въ императоры, и пригласить въ Франкфуртъ на коронованіе. Со мной прислано было къ графу Н. П. Румянцову повелѣніе отъ императрицы, чтобы онъ находился полномочнымъ отъ нея министромъ при священномъ семъ обрядѣ. Графъ принялъ меня, какъ отецъ, приказалъ отвести для житья моего библіотеку, ибо другой комнаты по малому пространству занимаемаго имъ дома не было; а дабы доставить мнѣ способъ видѣть всю коронацію, онъ послалъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ привезенныя мною депеши къ принцу Нассау въ Кобленцъ и въ партикулярномъ своемъ письмѣ увѣдомилъ принца, что онъ не могъ

[1]) Кельнскимъ курфюрстомъ тогда былъ Максимиліанъ, сынъ Маріи-Терезіи и братъ императоровъ Іосифа II и Леопольда II.

меня къ нему отправить, потому что получилъ отъ императрицы порученія, для исполненія которыхъ я ему нуженъ. Я видѣлся послѣ съ принцемъ Нассау, и онъ былъ столько же благосклоненъ ко мнѣ, какъ и прежде, и обѣщалъ писать обо мнѣ князю Зубову, что и исполнилъ [1]). Вшествіе избраннаго императора было превеликолѣпное. Всѣ принцы, послы встрѣтили его у ратуши, онъ окруженъ былъ своими вельможами и единственною, можно сказать, въ свѣтѣ своею венгерскою гвардіею. Потомъ онъ поѣхалъ во дворецъ. Нунціемъ отъ папы, на случай коронаціи, былъ назначенъ славный аббатъ Мори, съ которымъ я уже былъ знакомъ. Насталъ день коронаціи, которая совершилась въ каѳедральной Франкфуртской церкви тремя духовными курфюрстами. Процессія, идущая въ церковь по мосткамъ, покрытымъ сукномъ, была премноголюдная. Всѣ германскіе принцы и курфюрсты, бывшіе при коронаціи, участвовали въ процессіи, а отсутствующихъ замѣняли послы, каждаго изъ нихъ гвардія шла передъ ними, а сзади придворные ихъ чины и пажи. Ничего не было богатѣе и великолѣпнѣе одеждою, какъ гвардія и свита князя Эстергази, посла императора, какъ короля богемскаго и венгерскаго [2]). По окончаніи священнаго обряда коронованія процессія шла тѣмъ же порядкомъ, а императоръ—уже въ коронѣ и порфирѣ. По прибытіи во дворецъ, онъ тотчасъ показался на балконѣ, и въ то время бросали въ народъ серебряные жетоны. Послѣ того начались праздники, состоящіе изъ обѣдовъ и баловъ; обѣды великолѣпнѣе всѣхъ были у нашего

---

[1]) Сіе происходило въ началѣ іюня мѣсяца 1792 г.

[2]) Пажи его одѣты были въ голубыхъ бархатныхъ кафтанахъ, по всѣмъ швамъ вышитыхъ серебряными блестками. Князь Эстергази считается первымъ магнатомъ и богачомъ венгерскимъ. Онъ имѣетъ право содержать нѣкоторое число войскъ конныхъ и пѣшихъ на своемъ иждивеніи.

посланника, а вечера и балы у князя Эстергази; аббатъ Мори тоже далъ одинъ обѣдъ, онъ занималъ небольшой домъ, и столы накрыты были въ разныхъ комнатахъ; онъ сказалъ, увидя насъ, русскихъ [1]): «Quant à la jeunesse je la ferai dîner avec moi». Аббатъ Мори чрезвычайно превозносилъ императрицу Екатерину. Онъ говорилъ однажды, что письма ея величества гораздо лучше написаны, нежели Вольтеровы. Послѣ императоръ поѣхалъ въ городъ Майнцъ, гдѣ назначено было свиданіе съ прусскимъ королемъ. Большая часть особъ, бывшихъ въ Франкфуртѣ, туда же отправились, и потому не было возможности имѣть почтовыхъ лошадей. Графъ Николай Петровичъ нанялъ прекрасную барку, взялъ меня съ собой и одного изъ чиновниковъ своего посольства, и мы поплыли по Майну. Ничего нѣтъ живописнѣе въ свѣтѣ береговъ этой рѣки и Рейна, въ который Майнъ впадаетъ. Безпрестанно видны развалины древнихъ замковъ, обширные виноградные сады и множество селеній. Городъ Майнцъ былъ столицей курфюрста сего имени: онъ далъ прекраснѣйшій праздникъ въ загородномъ своемъ домѣ, называемомъ «La favorite», что̀ заставило сказать одного француза: «le prêtre a une bien jolie favorite» [2]). Свиданіе императора съ королемъ прусскимъ имѣло цѣлью, чтобы соединить ихъ арміи, уже собранныя подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, для предстоящей войны противъ французскихъ республиканцевъ. Изъ Майнца императоръ поѣхалъ въ свои владѣнія, а король прусскій въ г. Кобленцъ, въ окрестностяхъ коего собрана была его армія. Мы въ прежней нашей баркѣ поплыли и до Кобленца. Французскіе принцы

---

[1]) Которые были тоже на коронаціи: камергеръ Колычевъ, графъ Витгенштейнъ—онъ былъ поручикомъ конной гвардіи,—князь Егоръ Голицынъ—прапорщикомъ Преображенскаго полка,—нѣсколько чиновниковъ посольства и я.

[2]) У этого прелата очень недурненькая фаворитка.

находились тогда въ Бингенѣ, маленькомъ городкѣ на берегу Рейна. Король прусскій имѣлъ тутъ съ ними свиданіе. Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ столько войскъ, вмѣстѣ соединенныхъ, когда король собралъ свою прусскую армію для смотра и маневровъ. Она мнѣ показалась прекрасною; особливо понравилась мнѣ точность, съ которою исполнялись всѣ ея движенія; но знатоки утверждали, что прусская армія въ большой пришла упадокъ противъ того, какъ она была во времена Фридриха II. Можно себѣ представить, какое множество было военныхъ чиновниковъ, ибо они съѣхались почти изо всѣхъ государствъ. Мнѣ случилось тутъ видѣть нынѣ царствующаго короля, онъ былъ тогда кронпринцемъ. Сей смотръ продолжался нѣсколько дней, и прусская армія пошла въ соединеніе съ австрійскою. Герцогъ Браунгшвейгскій принялъ главное начальство надъ обѣими арміями. Онъ публиковалъ извѣстную всѣмъ прокламацію, которая, какъ говорили, соединяла всѣ партіи во Франціи и была пагубною причиною сей кампаніи.

Графъ Николай Петровичъ съ своею маленькою свитою, въ которой находился и я, возвратился въ Франкфуртъ. Онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ ѣхать въ Карлсруэ къ маркграфу Баденскому, при которомъ онъ также былъ аккредитованъ и который, бывши на коронаціи, будто приглашалъ его къ себѣ пріѣхать, и что онъ возьметъ меня съ собой. Графъ сіе говорилъ для того, чтобы не дать мнѣ ни малѣйшаго подозрѣнія о настоящей причинѣ его поѣздки. Я послѣ узналъ, что императрица Екатерина, когда вознамѣрилась женить великаго князя Александра Павловича, поручила графу Н. П. Румянцову, какъ бывшему въ сношеніи со многими маленькими имперскихъ князей дворами, объѣхать оные и доставить ея величеству свѣдѣнія о всѣхъ принцессахъ, бывшихъ тогда въ лѣтахъ для бракосочетанія. Выборъ

императрицы палъ на Баденскій дворъ. Со мной было прислано графу повелѣніе отправиться въ Карлсруэ, сдѣлать маркграфу предложеніе: выдать одну изъ принцессъ его дома въ замужество за великаго князя Александра Павловича, и когда получено будетъ согласіе, прислать портреты принцессъ къ императрицѣ. Во исполненіе сего повелѣнія ея величества, графъ отправился въ Карлсруэ тотчасъ по возвращеніи его въ Франкфуртъ въ одной четвероместной каретѣ. Онъ не взялъ съ собой ни одного изъ своихъ чиновниковъ. Въ каретѣ сидѣли графъ, я и его камердинеръ, и, сверхъ того, были при немъ два лакея. Едва мы пріѣхали въ Карлсруэ и остановились въ трактирѣ, какъ маркграфъ прислалъ своего камергера спросить о здоровьѣ графа и поздравить съ пріѣздомъ. На отвѣтъ графа, что онъ тотчасъ будетъ имѣть честь представиться его свѣтлости, пріѣхала за нимъ придворная карета. По возвращеніи графа изъ дворца тотъ же камергеръ присланъ былъ пригласить его на обѣдъ къ маркграфу и съ той особой, которая при немъ находится. При дворахъ владѣтельныхъ князей былъ этикетъ: что должно имѣть по крайней мѣрѣ чинъ штабъ-офицера, чтобы обѣдать за столомъ принца, и посему графъ Н. П. поручилъ благодарить маркграфа за сдѣланную честь его спутнику, но что чинъ его не позволяетъ воспользоваться оною. Камергеръ немедленно возвратился съ повтореніемъ приглашенія, и что его свѣтлость никакихъ этикетовъ соблюдать не намѣренъ, изъ уваженія его къ особѣ графа и наиболѣе ко двору, которымъ онъ аккредитованъ. Въ назначенный часъ для обѣда пріѣхала за нами придворная карета. При въѣздѣ нашемъ на дворцовый дворъ, стоявшій на ономъ караулъ гвардейскихъ кирасиръ вошелъ въ ружье и отдалъ честь. У маркграфа всего войска было: кавалеріи одинъ эскадронъ и батальонъ пѣхоты. Графъ Николай Петровичъ принятъ былъ со все-

возможною почестью: оберъ-камергеръ вышелъ его встрѣтить, маркграфъ, наслѣдные принцъ и принцесса и принцъ Фредерикъ, второй сынъ маркграфа, обошлись съ нимъ весьма ласково. Графъ меня представилъ всему двору. Маркграфъ былъ женатъ на графинѣ Гохбергъ, но она была, какъ партикулярная дама; это была, какъ называется, морганатическая свадьба. Дѣти, родившіяся отъ сего брака, впослѣдствіи были признаны законными, и владѣтельный нынѣ великій герцогъ Баденскій есть одинъ изъ сыновей маркграфа. Принцессъ въ первый день я не видалъ: онѣ были въ загородномъ домѣ. За обѣдомъ было особъ 20; послѣ стола былъ концертъ, въ которомъ прекрасно пѣла одна благородная дѣвица, принадлежащая ко двору. На другой день принцъ Фредерикъ пригласилъ насъ къ себѣ на обѣдъ въ Дурлахъ. Аллея, ведущая изъ Карлсруэ къ сему замку, считается единственною въ Европѣ: дорога на разстояніи $2^1/_2$ нѣмецкихъ миль, или 18 верстъ нашихъ, обсажена по обѣимъ сторонамъ въ два ряда вѣковѣчными, величественными пирамидальными тополями. Мы обѣдали на открытомъ воздухѣ, въ саду. Мужчинамъ позволено было находиться во фракахъ, а за столомъ сидѣть въ шляпахъ на головахъ. На семъ обѣдѣ находились и обѣ принцессы: Луиза и Фредерика. У принца Фредерика жилъ одинъ французъ, котораго имени я теперь не помню; онъ затѣялъ играть шарады на театрѣ, сдѣланномъ на воздухѣ; кулисы онаго были изъ стриженныхъ шпалеръ, и день кончился маленькими играми. Мнѣ случилось хоронить папу съ принцессою Луизою; я ничего не видывалъ прелестнѣе и воздушнѣе ея таліи, ловкости и пріятности въ манерахъ. Маркграфъ, дѣдъ сихъ принцессъ, былъ добродѣтельнѣйшій и почтеннѣйшій изъ всѣхъ германскихъ принцевъ. Когда мы въѣхали въ границы его владѣній и, поднимаясь на одну высокую гору, вышли изъ кареты, мы увидѣли нѣсколько мужиковъ

пахавшихъ въ полѣ землю. Графъ мнѣ сказалъ: «Спроси у нихъ, кто ихъ владѣтель». Они мнѣ отвѣчали: «У насъ нѣтъ владѣтеля, а мы имѣемъ отца, маркграфа Баденскаго». Вѣроятно, по сей причинѣ императрица Екатерина и предпочла женить своего внука на одной изъ принцессъ сего благословеннаго дома.

Въ сіе время въ Карлсруэ находилась княгиня В. А. Шаховская съ своею дочерью. Княгиня, будучи въ Парижѣ, выдала свою дочь за князя д'Аренберга, который былъ одинъ изъ главныхъ участниковъ въ нидерландской революціи. Графъ Кобенцель, бывшій тогда при дворѣ нашемъ посломъ римскаго императора, довелъ сіе до свѣдѣнія императрицы Екатерины. Государыня въ первую минуту своего гнѣва издала указъ, чтобы княгиня Шаховская возвратилась немедленно въ Россію, въ противномъ случаѣ лишена будетъ своего имѣнія, и дѣти, рожденныя отъ ея дочери, не могутъ быть ея наслѣдниками, ибо имѣніе княгини состоитъ въ желѣзныхъ рудникахъ и соляныхъ варницахъ, а по закону Петра Великаго имѣнія такого рода не могутъ принадлежать иначе, какъ россійскимъ подданнымъ. Сіе извѣстіе столь сильно поразило кн. Шаховскую, что у нея отнялась одна нога; не взирая на сіе, она была на пути въ Россію и остановилась на нѣсколько дней въ Карлсруэ, потому что супруга наслѣднаго принца ее весьма любила. Узнавъ о пріѣздѣ графа Николая Петровича, княгиня Шаховская просила его навѣстить ее; она убѣждала графа донести императрицѣ о болѣзненномъ ея состояніи и желала бы сама писать къ ея величеству, но не имѣла никого, кто бы могъ сіе сдѣлать. Графъ послалъ къ ней меня, и съ сего времени началось мое знакомство съ кн. Шаховской.

Проводя самымъ пріятнымъ образомъ всякій день въ обществѣ прелестныхъ принцессъ и августѣйшихъ и почтеннѣйшихъ ихъ родителей съ не-

большимъ три недѣли, графъ Николай Петровичъ, у котораго я исправлялъ иногда и должность секретаря, отправилъ меня съ депешами къ императрицѣ въ Петербургъ. Княгиня Шаховская просила меня развезти письма ея къ своимъ роднымъ, которыхъ тамъ было много, между прочими, и къ Катеринѣ Ивановнѣ Вадковской. Нетерпѣніе императрицы видѣть великаго князя Александра Павловича женатымъ было такъ велико, что, прежде чѣмъ были ей доставлены портреты принцессъ Луизы и Фредерики, которая потомъ была шведской королевой,—ибо оные со мной были отправлены,—на дорогѣ, проѣхавъ Майнцъ, я встрѣтилъ большую четвероместную карету, которая, поѣхавъ немного, остановилась, увидя, вѣроятно, во мнѣ курьера. Я слышалъ голосъ, кричавшій, чтобы и я остановился, потомъ подходитъ лакей въ придворной нашей ливреѣ и спрашиваетъ, не курьеръ ли я, не ѣду ли отъ графа Румянцова, и гдѣ онъ теперь находится. Я отвѣчалъ, что я посланъ отъ него къ императрицѣ, и что онъ изъ Карлсруэ, откуда я былъ отправленъ, на другой день долженъ былъ выѣхать въ Франкфуртъ на Майнѣ. Я узналъ отъ лакея, что въ каретѣ ѣхали графиня Шувалова и Стрекаловъ, которые и привезли потомъ въ Петербургъ обѣихъ баденскихъ принцессъ. Пріѣхавъ на станцію, называемую Кипень, по Нарвской дорогѣ, я узналъ, что императрица въ Царскомъ Селѣ, куда прямо и отправился, не заѣзжая въ Петербургъ. Тогда иностранная часть поручена была князю Зубову. Графъ Безбородко, по заключеніи имъ мира съ Портою, сдѣланъ былъ оберъ-гофмейстеромъ, андреевскимъ кавалеромъ и оставленъ 2-мъ присутствующимъ членомъ въ иностранной коллегіи, но все имѣлъ отъ императрицы разныя порученія. Графъ Румянцовъ, отправляя меня, приказалъ депеши вручить князю Зубову, что я и исполнилъ; онъ обошелся со мной весьма

ласково; я воспользовался симъ случаемъ, чтобы поднести ему золотой жетонъ, выбитый на коронацію императора Франца въ Франкфуртѣ. Я замѣтилъ, что ему это было пріятно; довольно долго разспрашивалъ меня о всемъ томъ, что я видѣлъ, спрашивалъ также, не встрѣтилъ ли я его брата, графа Валеріана Александровича, поѣхавшаго служить волонтеромъ въ австрійскую армію, но я съ нимъ не видался; прочитавъ наскоро партикулярныя къ нему письма отъ принца Нассау и графа Румянцова, онъ сказалъ мнѣ: «Принцъ Нассау и гр. Румянцовъ васъ очень хвалятъ», и отпустилъ меня [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія въ Петербургъ получается высочайшее повелѣніе въ Измайловскій полкъ изъ дежурства при ея величествѣ, что я пожалованъ въ сей полкъ прапорщикомъ. Я не въ состояніи изъяснить моей радости, а особливо мнѣ пріятно было видѣть, сколько чинъ мой обрадовалъ моего зятя Алексѣя Николаевича и сестрицу мою Анну Ѳедотовну, съ которыми я жилъ вмѣстѣ. Мое удовольствіе еще болѣе увеличилось, когда черезъ нѣсколько часовъ пришелъ ко мнѣ фельдфебель 10-й роты, въ которую я былъ написанъ, и въ которой мы жили, и съ поданной рапортичкой привелъ рядового для посылокъ. А такъ какъ мундиръ офицерскій уже былъ у меня готовъ, то я на другой день поѣхалъ явиться къ командовавшему тогда Измайловскимъ полкомъ, премьеръ-майору Іосафу Іевлевичу Арбеневу. Это было въ четвергъ, а въ воскресенье 15 августа онъ приказалъ мнѣ ѣхать въ Царское Село благодарить императрицу.

---

[1]) Князь Зубовъ оказалъ мнѣ впослѣдствіи большое благодѣяніе. Зять мой А. Н. Астафьевъ невиннымъ образомъ былъ отрѣшенъ отъ должности совѣтника петербургскаго губернскаго правленія и находился нѣсколько лѣтъ подъ судомъ оттого только, что докладъ о немъ лежалъ у генералъ-рекетмейстера Терскаго. Но по просьбѣ моей, князь Зубовъ послалъ къ нему записку, и дѣло зятя моего на другой же день было доложено и рѣшено императрицею.

Командовавшіе гвардейскими полками всякое воскресенье и праздники ѣздили съ рапортомъ къ императрицѣ во время пребыванія ея въ Царскомъ Селѣ. Пріѣхавши туда, я тотчасъ пошелъ къ князю Зубову благодарить его за полученный мною чинъ. Онъ мнѣ сказалъ, что послѣ обѣдни самъ представитъ меня, какъ дежурный генералъ-адъютантъ, императрицѣ; потомъ онъ прислалъ сказать, чтобы я былъ представленъ дежурнымъ камергеромъ, которымъ былъ тогда В. Н. Зиновьевъ. Во время обѣдни многія изъ знатныхъ особъ меня обступили, узнавши, что я пріѣхалъ съ Рейна, и осыпали разными вопросами, какъ-то: началась ли война противъ республиканцевъ, были ли уже сраженія, что говорятъ о королѣ французскомъ, и множество другихъ. Императрицѣ въ Царскомъ Селѣ представлялись послѣ обѣдни въ билліардной комнатѣ, что подлѣ большой раззолоченной залы, гдѣ стоятъ горы съ японскимъ фарфоромъ. Мнѣ велѣно было тамъ дожидаться. Когда ея величество благодарили за какую-нибудь милость, то можно было становиться и не становиться на колѣно, но я предпочелъ сдѣлать первое. Когда камергеръ меня назвалъ, и государыня пожаловала мнѣ руку, чтобы ее поцѣловать, признаюсь, что я крѣпко прижалъ ее къ моимъ губамъ. Императрица въ то время, оборотясь къ гр. Безбородкѣ, сказала ему съ небесною ея улыбкою:

— Какъ онъ скоро пріѣхалъ!

Сіи слова глубоко врѣзались въ мое сердце. Послѣ того подошелъ ко мнѣ гофмаршалъ князь Ф. С. Барятинскій и сказалъ мнѣ:

— Вы можете остаться обѣдать за столомъ императрицы.

Сіе мнѣ было очень пріятно. Какой шагъ давалъ въ царствованіе императрицы чинъ гвардіи офицера! Я былъ тогда наравнѣ со всѣми, и мой полковой командиръ І. І. Арбеневъ, который въ сержантскомъ

моемъ чинѣ не хотѣлъ и знать меня, теперь обѣдаетъ за однимъ со мной столомъ, и у кого же—у россійской императрицы. Послѣ обѣда онъ первый подошелъ ко мнѣ и просилъ меня ѣздить къ нему запросто на обѣдъ или на вечеръ, какъ я хочу. Я признаюсь въ моемъ малодушіи, мнѣ хотѣлось въ полномъ мундирѣ показаться публикѣ, и я прямо изъ Царскаго Села проѣхалъ на извѣстную дачу по Петергофской дорогѣ—А. А. Нарышкина, куда по праздникамъ съѣзжался почти весь Петербургъ; я увѣренъ былъ, сверхъ того, что хорошо принятъ буду хозяевами оной, ибо жена А. А., Анна Никитишна, была родная тетка графа Н. П. Румянцова, которой я нѣсколько разъ привозилъ отъ него письма. Въ ожиданіи моемъ не ошибся: я былъ чрезвычайно ими обласканъ и обратилъ многихъ тутъ бывшихъ гостей на себя вниманіе; нѣсколько разъ я долженъ былъ въ тотъ же день удовлетворять на тѣ же вопросы. Въ это время, когда Россія славилась своимъ гостепріимствомъ, А. А. и А. Н. Нарышкины могли служить примѣромъ онаго. Всякое воскресенье и праздникъ, во все лѣто, на дачѣ ихъ было гулянье, и всѣ пріѣзжающіе знакомые и незнакомые были потчеваемы даромъ чаемъ, фруктами, конфектами, лимонадомъ и аршадомъ...

Принцессы Баденскія скоро послѣ того пріѣхали въ Петербургъ, и принцесса Луиза, нареченная въ святомъ мvропомазаніи Елисаветою Алексѣевною, избрана была въ супруги великому князю Александру Павловичу. Его высочество, извѣстясь, что я привезъ портретъ нареченной его невѣсты, желалъ меня узнать, хотя съ виду и всякій разъ, какъ мнѣ удавалось съ нимъ встрѣчаться, онъ отличалъ меня поклономъ съ ласковымъ взглядомъ или съ улыбкою. Послѣ обрученія было поздравленіе, на коемъ находились всѣ гвардейскіе офицеры. Когда пришла моя очередь подходить, великій князь, увидя меня, сказалъ что-то

своей невѣстѣ, и когда мнѣ должно было поцѣловать ея руку, она, подавая мнѣ оную, съ пріятною улыбкою сказала: «Comment, c'est vous, monsieur?» Вѣроятно, она не узнала меня вдругъ, въ новомъ моемъ одѣяніи. Скоро послѣ сего нашъ полкъ былъ въ парадѣ, какъ и вся гвардія, по случаю въѣзда турецкаго посла въ Петербургъ, а второй парадъ былъ въ день свадьбы великаго князя Александра Павловича. Въ слѣдующее лѣто, то-есть, въ 1793 году, пріѣхалъ въ Петербургъ князь Н. В. Репнинъ; онъ вступилъ въ командованіе Измайловскаго полка и сдѣлалъ смотръ оному. Князь нашелъ полкъ такъ запущеннымъ, что приказалъ составить образцовую команду, въ которую назначилъ и меня; онъ сію команду смотрѣлъ и былъ очень доволенъ, приказалъ мнѣ къ себѣ пріѣхать, обласкалъ меня чрезвычайно, сказалъ мнѣ, что ему отзывался весьма милостиво обо мнѣ великій князь Александръ Павловичъ, и поручилъ мнѣ пригласить къ нему на обѣдъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ образцовой командѣ,—въ томъ числѣ и я былъ приглашенъ; сіе отличіе, сдѣланное мнѣ княземъ, возбудило зависть въ моихъ товарищахъ. Одинъ изъ полковыхъ адъютантовъ уволенъ былъ въ отпускъ; князь назначилъ меня исправлять его должность. При полку находилась нормальная школа, составленная изъ солдатскихъ дѣтей Измайловскаго полка. Въ ней обучали русской грамотѣ, ариѳметикѣ и военной экзерциціи; главная цѣль сей школы была, чтобы образовать въ ней для полка хорошихъ унтеръ-офицеровъ... Школьники одѣты были по егерски и учились всѣмъ эволюціямъ сего войска. Князь Репнинъ сдѣлалъ меня начальникомъ сей школы, онъ поручилъ было мнѣ и полковую музыку, но старшій адъютантъ Александръ Яковлевичъ Сукинъ, который былъ на время въ отпуску, такъ этимъ обидѣлся, что хотѣлъ выйти въ отставку. Получивъ порученіе отъ императрицы, князь Репнинъ оставилъ Петер-

бургъ въ концѣ года, приказавъ оставшемуся послѣ него командовавшему полкомъ I. I. Арбеневу внести меня въ докладъ къ 1-му января 1794 года на вакансію въ полковые адъютанты, съ заслугою одного года за подпоручичій чинъ. Во всей гвардіи производство было одинъ только разъ въ годъ 1-го января [1]); я былъ изъ младшихъ прапорщиковъ,—примѣръ рѣдкій по всей гвардіи,—а такъ какъ была еще одна адъютантская вакансія, то Арбеневъ упросилъ князя помѣстить на оную своего младшаго сына, который былъ подпоручикомъ, но, по производству въ поручики, ему еще не доставалось. Едва докладъ вышелъ, и я произведенъ былъ въ полковые адъютанты, какъ написалъ къ князю Репнину благодарное письмо, на которое онъ мнѣ немедленно отвѣчалъ собственноручно. Я священною обязанностью считаю для себя сохранять сей памятникъ, свидѣтельствующій объ оказанныхъ мнѣ благодѣяніяхъ столь знаменитымъ вельможею.

Я велъ жизнь чрезвычайно пріятную и былъ принятъ въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ. Княгиня Наталья Петровна Голицына, возвратившаяся изъ чужихъ краевъ, открыла свой домъ, а всякую среду у нея были балы, а у сестры ея графини Дарьи Петровны Салтыковой — по воскресеньямъ [2]). Въ Измайловскомъ полку служилъ тогда штабсъ-капитаномъ П. А. Талызинъ. Я съ нимъ былъ очень друженъ; онъ находился въ родствѣ со многими знатными фамиліями, между прочимъ, съ княземъ

---

[1]) Въ этотъ день на балѣ во дворцѣ полковыми командирами всѣ вновь и въ слѣдующіе чины произведенные гвардіи офицеры представляемы были публично императрицѣ, которымъ она жаловала цѣловать свою руку.

[2]) Въ то время были прекрасные публичные балы подъ названіемъ дворянскихъ; число членовъ было ограничено, и лучшая публика на оные съѣзжалась. Также были балы, называемые англійскими; въ нихъ участвовали и иностранные негоціанты.

Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ; онъ меня съ нимъ познакомилъ. Я встрѣчался тамъ съ княгинею К. Ф. Долгорукой; она была тогда изъ первыхъ между молодыми дамами въ Петербургѣ, какъ по красотѣ своей, такъ и по пріятному ея обращенію. Я часто у нея бывалъ. Тогда въ большомъ обыкновеніи были спектакли, изъ лицъ общества составленные. Посолъ римскаго императора, графъ Кобенцель, извѣстный своею любезностью, былъ изъ числа обожателей княгини Долгорукой; онъ имѣлъ большой талантъ для театра, и часто они играли вмѣстѣ; однажды, между прочимъ, они представляли итальянскую оперу «Служанка-госпожа» превосходно [1]). Не знаю, по какому-то случаю графъ Кобенцель давалъ большой балъ, но я, съ нимъ не бывъ знакомъ, не былъ приглашенъ на оный, и уже наканунѣ того дня я случился вмѣстѣ съ княгиней Долгорукой у князя Куракина; онъ спрашиваетъ у меня, буду ли я на другой день у посла на балѣ. Я ему отвѣчалъ, что я не приглашенъ; онъ оборотился къ княгинѣ К. Ф. и говоритъ:

— Королева, пошли къ своему подданному повелѣніе сейчасъ, чтобы онъ прислалъ зовъ сему молодому человѣку.

Она написала на лоскуткѣ бумажки нѣсколько словъ, и я съ тѣмъ же посланнымъ получилъ билетъ приглашенія. Тогда въ обществѣ составились двѣ партіи. Графиня Головкина завидовала преимуществамъ, которыми пользовалась княгиня Долгорукая предъ прочими дамами и въ томъ числѣ и передъ

---

[1]) Тогда говорили, что посолъ, послѣ одной роли, очень уставши, поѣхалъ домой и легъ въ постель; едва онъ заснулъ, какъ камердинеръ его будитъ и вводитъ къ нему курьера, пріѣхавшаго отъ императора съ нужными депешами. Графъ Кобенцель вскочилъ съ постели, курьеръ, увидя его съ насурменными бровями, нарумяненнымъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, сказалъ: «Это не посолъ, а какой-то шутъ».

нею, вздумала собрать свою труппу актеровъ, въ числѣ коихъ былъ и я. Выбрали двѣ комедіи: «La seconde surprise de l'amour» par Marivaux и «L'Impatient». Въ первой играли: графиня Головкина, дѣвица Капоръ, теперешняя m-me Meilhan, Ростопчинъ, баронъ А. С. Строгановъ, князь П. М. Волконскій, Окуловъ и я; во второй—графиня Головкина, графъ П. А. Шуваловъ и баронъ Строгановъ. Можетъ быть, и еще кто участвовалъ въ семъ представленіи, но я теперь не помню. Театръ былъ постановленъ въ домѣ баронессы Н. М. Строгановой, на Дворцовой набережной.

Главная наша актриса не имѣла большого успѣха, и тѣмъ соперничество ея съ княгиней Долгорукой окончилось. Большую часть моего времени я проводилъ тогда у Екатерины Ивановны Вадковской; она лѣтомъ живала на Каменномъ островѣ, въ домѣ своего отца графа Ивана Григорьевича Чернышова, и общество ея тогда, въ которомъ я находилъ большую пріятность, имѣло свой мундиръ.

Я долженъ сказать, однако же, что Екатерина Ивановна была причиною, что у меня едва не было дуэли съ княземъ Б. В. Голицынымъ. Въ числѣ молодыхъ людей, съ которыми я наиболѣе связанъ былъ дружбою, находился князь Павелъ Михайловичъ Волконскій; онъ служилъ при дворѣ камергеромъ, вышелъ въ отставку и переѣхалъ жить въ Москву.

Во время свадьбы великаго князя Константина Павловича, князь Волконскій пригласилъ меня пріѣхать въ Москву и остановиться въ его домѣ, чтобы быть свидѣтелемъ, какимъ образомъ древняя столица будетъ праздновать сіе радостное происшествіе, тѣмъ болѣе, писалъ князь, что мнѣ уже извѣстны петербургскія празднества, по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича бывшія. Я получилъ отпускъ и тотчасъ отправился въ Москву. Князь

П. М. познакомилъ меня съ лучшими тамъ домами; и такъ какъ въ мужчинахъ всегда бываетъ въ Москвѣ недостатокъ, то я приглашаемъ былъ на нѣсколько обѣдовъ и баловъ въ одинъ и тотъ же день. Лучшіе балы были у князя Михаила Михайловича Голицына и у князя Щербатова, отца красавицъ, вышедшихъ потомъ замужъ за графа Шувалова, за Скарятина и за Соловова. Онѣ составляли лучшее украшеніе тѣхъ баловъ. Меня находили похожимъ лицомъ на старшаго ихъ брата, князя Алексѣя Григорьевича, и потому я принятъ былъ въ домѣ какъ нельзя лучше. Я былъ приглашаемъ и на большіе обѣды. Великолѣпнѣйшіе обѣды были у оберъ-камергера князя А. М. Голицына, у графа А. Г. Орлова и у графа Остермана. Повеселившись въ Москвѣ мѣсяца два, я возвратился въ Петербургъ [1]). Скоро послѣ этого я познакомился съ княземъ А. М. Бѣлосельскимъ; онъ тогда женился на дѣвицѣ Казицкой и, какъ извѣстно, взялъ за нею большое богатство.

Отъѣзжая въ Москву, онъ совѣтовалъ мнѣ туда пріѣхать, говоря, что у жены его большое родство, въ числѣ котораго есть невѣсты богатыя. Я рѣшилъ послѣдовать его совѣту, списавшись съ княземъ П. М. Волконскимъ, который всегда радъ былъ со мной видѣться, а потому и пригласилъ меня въѣхать прямо къ нему въ домъ. Князь Бѣлосельскій жилъ въ Москвѣ великолѣпно; я былъ у него почти всякій день. Онъ любилъ играть комедіи и, можно сказать, былъ мастеръ сего дѣла; особливо онъ игралъ въ совершенствѣ роль игрока въ комедіи Реньяра. По нѣкоторомъ моемъ пребываніи въ Москвѣ онъ предложилъ мнѣ въ невѣсты дѣвицу Бекетову, бывшую послѣ женою Сергѣя Сергѣевича Кушникова, и дабы познакомить меня съ сею дѣвицею и съ ея родственниками, князь пригласилъ всѣхъ ихъ и меня къ себѣ

[1]) Сіе происходило въ началѣ 1795 года.

на обѣдъ. Вскорѣ потомъ разнесся слухъ въ Москвѣ, что у насъ война съ Швеціею; всѣ гвардейскіе офицеры, въ числѣ коихъ и я, находившіеся тамъ, поспѣшили отправиться къ своимъ полкамъ. Слухъ этотъ оказался неосновательнымъ, и предположенія князя Бѣлосельскаго женить меня на дѣвицѣ Бекетовой не имѣли болѣе никакого послѣдствія.

Зять мой Алексѣй Николаевичъ служилъ тогда при графѣ Безбородкѣ и имѣлъ казенную квартиру въ почтовомъ домѣ. Я получилъ приглашеніе отъ графа ходить къ нему обѣдать, когда ни пожелаю. Кромѣ званыхъ обѣдовъ, обыкновенное общество состояло изъ живущихъ особъ у графа и нѣсколькихъ человѣкъ коротко знакомыхъ. Ничего не было пріятнѣе, какъ слышать разговоръ графа Безбородки; онъ одаренъ былъ памятью необыкновенною и любилъ за столомъ много разсказывать, особливо о фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ, при которомъ онъ находился нѣсколько лѣтъ. Бѣглость, съ которою онъ читавши схватывалъ, такъ сказать, смыслъ всякой рѣчи, почти невѣроятна; мнѣ случалось видѣть, что привезутъ къ нему отъ императрицы преогромный пакетъ бумагъ; онъ послѣ обѣда обыкновенно садился на диванъ и всегда просилъ, чтобы для него не безпокоились, а продолжали бы между собою разговаривать, и онъ только переворачивалъ листы и иногда еще вмѣшивался и въ разговоръ своихъ гостей, не переставая между тѣмъ переворачивать листы читаемыхъ имъ бумагъ. Если то, что онъ читалъ, не заключало въ себѣ государственнаго секрета, то онъ пересказывалъ онаго содержаніе [1]). Я слышалъ отъ

[1]) Графъ Безбородко отъ природы былъ лѣнивъ и откладывалъ писать часто нужныя бумаги до послѣдней минуты. Во время своего туалета, передъ тѣмъ, какъ ему ѣхать во дворецъ къ императрицѣ, карандашемъ писалъ проекты именныхъ указовъ и проч. и посылалъ переписывать ихъ въ свою канцелярію.

графа Маркова, что онъ никогда не могъ довольно надивиться сей рѣдкой способности графа Безбородки читать самыя важнѣйшія бумаги съ такою бѣглостью и постигать оныхъ смыслъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1796 года вздумалось офицерамъ нашего полка дать праздникъ своимъ знакомымъ, и для того наняли дачу по Петергофской дорогѣ, принадлежавшую тогда князю С. Ф. Голицыну на 6-й верстѣ. Она построена была по образцу залы Таврическаго дворца. Барону Г. А. Строганову поручено было украшеніе залы и ужинъ. На меня возложили полицейскую часть на счетъ пріѣзда и разъѣзда экипажей. Нѣсколько офицеровъ назначены были для пріема гостей, коихъ было до 150 особъ; вся дача была иллюминована, и въ заключеніе праздника сожженъ былъ огромный фейерверкъ, и когда въ щитѣ загорѣлся вензель императрицы, со всего полка собранные барабанщики били походъ, и полковая музыка играла. Праздникъ вообще былъ прекрасный, и долго о немъ говорили. Петербургъ готовился къ большимъ празднествамъ, которыхъ конецъ долженствовалъ быть ужаснѣйшимъ происшествіемъ, погрузившимъ всю Россію въ печаль и уныніе. Ожидали короля шведскаго, и бракъ его съ великою княжною Александрою Павловною казался достовѣрнымъ. Онъ пріѣхалъ, и послѣ всѣхъ угощеній, сему молодому королю дѣланныхъ, послѣ всѣхъ ласкъ, императрицею Екатериною ему оказанныхъ, и когда уже всѣ священно-служители въ придворной церкви, въ полномъ облаченіи, готовы были совершать бракосочетаніе, король подъ разными предлогами отъ онаго уклонился и на другой день отправился въ свое государство [1]).

---

[1]) Великолѣпнѣйшіе изъ праздниковъ, данныхъ шведскому королю нашими вельможами, были у графа Безбородки, у графа Остермана и у графа Самойлова: всѣ сіи праздники удостоены были присутствія императрицы Екатерины.

Такой неожиданный поступокъ противъ великой государыни, привыкшей видѣть все покорнымъ своей волѣ, произвелъ на ея здоровье, какъ говорили тогда, весьма вредное вліяніе. Императрица Екатерина черезъ шесть недѣль послѣ отъѣзда короля шведскаго изъ Петербурга скончалась отъ апоплектическаго удара [1]).

[1]) Сіе несчастіе для всѣхъ подданныхъ великой Екатерины случилось 6-го ноября 1796 года.

III.

Лѣто 1796 года.—Поѣздка въ Ропшу. — Смерть княгини Е. Б. Шаховской.—Восшествіе на престолъ императора Павла I.—Присяга.—Разводъ по гатчински.—Эпизодъ со знаменемъ.—Перемѣна въ образѣ жизни офицеровъ. — Вступленіе въ Петербургъ гатчинскихъ и павловскихъ батальоновъ. — Уничтоженіе полковой канцеляріи и письменная обуза.—Назначеніе адъютантомъ къ великому князю Константину Павловичу.—Ложный доносъ на Лихачева и Дмитріева.—Повышеніе въ чинѣ. — Крещенскій парадъ и вниманіе государя. — Ф. Ф. Вадковскій.—Отправленіе государя въ Москву на коронацію.—Покупка лошадей для великаго князя Константина Павловича.—Причащеніе царской фамиліи въ великій четвергъ.—Коронація и балъ въ Грановитой палатѣ.—Путешествіе государя въ Казань.—Сафоновъ.—Назначеніе великаго князя Константина Павловича начальникомъ 1-го кадетскаго корпуса.—Вражда Ферзена и Кутузова.—Преобразованія въ кадетскомъ корпусѣ.—Жизнь въ Петергофѣ.—Перемѣны при дворѣ.—Гнѣвъ государя на великаго князя Константина Павловича.—Купанье въ Петергофѣ съ великими князьями.—Гатчинскіе маневры.—Чинъ полковника и орденъ св. Анны 3-й степени. — Ордена и орденскіе праздники при Екатеринѣ II и Павлѣ I.

Все это лѣто я провелъ на дачѣ по Петергофской дорогѣ на 5 верстѣ у княгини Варвары Александовны Шаховской. Дача сія принадлежала тогда княгинѣ Дашковой и выходила на возморье, гдѣ выстроены два каменные домика. Насъ жило тогда у княгини очень много. Въ большомъ домѣ жила она съ г-жею Парисъ, съ дочерью ея, теперешнею Балабиной, г-жа Брейткопфъ, тоже съ дочерью, которая вышла послѣ замужъ за В. Н. Зиновьева. Дочь княгини В. А. была уже тогда замужемъ за княземъ Шаховскимъ. Они жили на дачѣ, принадлежавшей послѣ графинѣ Завадовской. Княгиня Елизавета Борисовна съ мужемъ и съ сестрою его, княжною Шаховскою, находившеюся послѣ замужемъ за княземъ А. М. Го-

лицынымъ, бывала всякій день у своей матери; въ одномъ изъ домиковъ на возморьѣ жили родные племянники княгини В. А.: князь Александръ и князь Сергѣй Михайловичи Голицыны и я, а въ другомъ два француза, эмигранты: г-да Бресоль и Бушера. Часто все общество ѣздило по окрестнымъ мѣстамъ. Между всѣхъ ихъ поѣздокъ самая пріятная была въ Ропшу. По возвращеніи оттуда всякій долженъ былъ выбрать одну статью изъ того, что случалось въ теченіе двухъ дней, въ Ропшѣ проведенныхъ, и ее описать; послѣ все это соединено было вмѣстѣ и составило довольно интересное сочиненіе, подъ названіемъ: «Поѣздка одного общества въ Ропшу». Я не стану описывать причину плачевнаго конца жизни княгини Елизаветы Борисовны Шаховской, дочери княгини В. А., а скажу только то, что извѣстно было всѣмъ, что она отравила себя ядомъ. Сіе происшествіе, особливо въ лучшемъ обществѣ, столь необыкновенное, произвело много шуму и различныхъ толковъ; но скоро послѣдовавшая затѣмъ кончина императрицы Екатерины прекратила всѣ тѣ разговоры, которые занимали такъ много публики.

Въ минуту восшествія императора Павла I-го на престолъ, какъ слѣдуетъ, всѣмъ войскамъ приказано было присягать на своихъ полковыхъ мѣстахъ, а роту гренадеръ послать во дворецъ за знаменами, гдѣ они всегда находились; и тогда же намъ объявлено было, что императоръ принимаетъ на себя званіе полковника Преображенскаго полка, наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, назначаетъ полковникомъ Семеновскаго полка и военнымъ губернаторомъ петербургскимъ, Аракчеева—комендантомъ, а великаго князя Константина Павловича—полковникомъ Измайловскаго полка. Полкъ нашъ собрался на большомъ проспектѣ, который идетъ мимо церкви. Первый, посланный изъ дворца, ошибкою сказалъ, что полкъ долженъ идти на Дворцовую

площадь. Мы уже и прошли нѣсколько улицъ, какъ бывшій нашъ секундъ-майоръ Кушелевъ [1]) встрѣтилъ насъ, возвращаясь изъ дворца, и воротилъ назадъ. Весь полкъ пустился бѣжать на парадное мѣсто; не доходя до онаго, хотя было и темно, но видно было ѣдущаго кого-то верхомъ, въ темномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Сей ѣдущій, поравнявшись съ головой колонны полка, спросилъ:

— А гдѣ адъютантъ Комаровскій?

Я случился близко, тотчасъ подъѣхалъ и узналъ, что это былъ великій князь Константинъ Павловичъ. Его высочество со мной поздоровался, приказалъ мнѣ находиться при себѣ и спросилъ у меня, отчего полкъ давно не на парадномъ мѣстѣ. Я ему донесъ, что полку ошибкой приказано было идти ко дворцу. Сіе крайне его удивило. Во время присяги великій князь замѣтивъ, что полковой нашъ священникъ отецъ Прохоръ былъ въ нетрезвомъ видѣ, — спросилъ у меня:

— Отчего отецъ Прохоръ пьянъ, отъ радости или отъ печали?

Я ему отвѣчалъ: «Я думаю, ваше величество, и отъ того и отъ другого», и онъ засмѣялся.

Когда полкъ присягнулъ, его высочество приказалъ мнѣ взять взводъ гренадеръ, отнести знамена во дворецъ, отыскать тамъ наслѣдника, донести ему, что Измайловскій полкъ принялъ присягу, спросить, куда прикажетъ поставить знамена, и въ 5-ть часовъ поутру быть у него. Подходя ко дворцу, я былъ въ большомъ затрудненіи, гдѣ мнѣ найти наслѣдника; но, къ счастію моему, когда я сошелъ съ лошади и подходилъ къ среднимъ воротамъ, я увидалъ кого-то въ такомъ же мундирѣ, въ какомъ былъ и великій

---

[1]) Онъ женатъ былъ на сестрѣ Ланского, бывшаго фаворита, и съ тѣхъ поръ имѣлъ позволеніе ѣздить на обѣдъ къ императрицѣ; онъ симъ позволеніемъ пользовался всякій день, хотя императрица съ нимъ никогда почти не говорила.

князь Константинъ Павловичъ, и въ голубой лентѣ, ибо они уже надѣли тѣ мундиры, которые даны были потомъ всѣмъ гвардейскимъ полкамъ, идущимъ съ графомъ Татищевымъ подполковникомъ Преображенскаго полка. Я не усомнился, что это былъ наслѣдникъ, и исполнилъ порученіе великаго князя. Знамена же онъ приказалъ мнѣ поставить въ кабинетъ императора; входъ въ оный былъ по деревянной лѣстницѣ. Я вошелъ по лѣстницѣ, и въ первой комнатѣ нашелъ спящаго истопника, который позвалъ камеръ-лакея, и мнѣ отворили кабинетъ. Я спросилъ, не знаетъ ли онъ, куда поставить знамена. Онъ мнѣ сказалъ: «Поставьте въ уголъ, тамъ уже много ихъ находится».

Въ тотъ день, какъ императрица занемогла, въ караулѣ стоялъ Семеновскій полкъ, а въ день ея кончины Измайловскій, и капитанъ былъ П. А. Талызинъ; мнѣ хотѣлось съ нимъ видѣться, и я зашелъ въ караульню; мы обнялись и оба заплакали, равно и всѣ бывшіе въ караулѣ офицеры. Я, увидѣвъ на столѣ Анненскій крестъ, на узкой лентѣ, спросилъ у него, что это значитъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Сейчасъ мнѣ принесли, и сказали, что это второй классъ Анненскаго ордена, которымъ императоръ меня пожаловалъ, и что оный должно носить на шеѣ». Прежде мы знали только ленту со звѣздою сего ордена.

На другой день былъ тоже разводъ Измайловскаго полка, и великому князю хотѣлось, чтобы нѣкоторыя командныя слова были уже по гатчински, и чтобы всѣ офицеры имѣли на парадѣ трости и съ раструбами перчатки. Когда я къ нему явился въ 5-ть часовъ утра, онъ мнѣ приказалъ тотчасъ отправиться искупить сіи вещи и чтобы онѣ находились на полковомъ дворѣ, а онъ туда пріѣдетъ въ 8-мь часовъ; разводъ же назначенъ былъ въ 11-ть. Сія комиссія была самая затруднительная, ибо гдѣ

найти столько тростей и перчатокъ, и когда еще всѣ лавки заперты, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ разсвѣтаетъ только въ 7-мь часовъ по полуночи. Я просилъ его высочество, чтобы онъ пожаловалъ нѣсколько изъ своихъ ѣздовыхъ въ мое распоряженіе, на что онъ согласился; я разослалъ ихъ по всѣмъ перчаточникамъ, а самъ поѣхалъ по Гостиному двору. Къ счастію моему, лавочникамъ въ эту ночь что-то не поспалось: всѣ лавки были открыты очень рано, и мнѣ удалось во время исполнить порученіе, чѣмъ великій князь былъ очень доволенъ. Правду сказать, что офицеровъ при полку на лицо было тогда очень немного. Одни находились просто въ отпуску, а другіе, подавъ челобитныя въ отставку, уѣхали съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться. Кое-какъ великій князь сладилъ съ разводомъ, и мы пошли ко дворцу. Въ приказѣ полковомъ сказано было, чтобы подъ знамя нарядить подпрапорщика. Въ прежнюю службу было четыре унтеръ-офицерскихъ чина [1]), и въ первыхъ трехъ чинахъ дворянъ почти не было; а потому и наряженъ былъ изъ сдаточныхъ. Разводъ остановился у бывшаго Чичеринскаго дома. Великій князь приказалъ мнѣ взять подпрапорщика, идти во дворецъ и, остановясь передъ кабинетомъ императора, велѣть доложить его величеству, что разводъ Измайловскаго полка готовъ, и адъютантъ пришелъ за знаменемъ. Я все сіе исполнилъ, и съ докладомъ къ императору пошелъ И. П. Кутайсовъ, бывшій тогда простымъ камердинеромъ. Кутайсовъ отворилъ дверь кабинета и показалъ мнѣ знакомъ войти. Императоръ стоя надѣвалъ перчатки, а графъ Безбородко выходилъ съ бумагами. Его величество.

---

[1]) А именно: фурьеръ, подпрапорщикъ, каптенармусъ и сержантъ, и еще былъ чинъ капрала, который на обшлагѣ имѣлъ одинъ позументъ, а потому и не былъ въ числѣ унтеръ-офицеровъ; изъ прочихъ три чина имѣли по два, а сержантъ—три позумента.

приказавши уже мнѣ взять знамя, спросилъ у меня, увидя подпрапорщика большого роста:

— А что онъ дворянинъ?

Я отвѣчалъ: «Никакъ нѣтъ».

— Знамя должно быть носимо дворяниномъ,— сказалъ императоръ,— а потому и приведите мнѣ унтеръ-офицера изъ дворянъ.

Я тотчасъ пошелъ къ разводу, который уже строился на площади противъ дворца. Великій князь, увидя меня, не могъ понять, отчего я иду безъ знамени; а когда онъ узналъ, что наряженъ былъ подъ оное не дворянинъ, онъ чрезвычайно огорчился и сказалъ мнѣ:

— Возьми хоть сержанта и поди скорѣе,—что я и сдѣлалъ.

Императора уже въ кабинетѣ не было; онъ пошелъ къ императрицѣ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ разводу. Достойно примѣчанія, что народу на площади было очень мало, и сіе небывалое зрѣлище въ Петербургѣ,—чтобы самъ императоръ, едва вступившій на престолъ, присутствовалъ при разводѣ,—никакого примѣтнаго дѣйствія не произвело, и какъ будто это всегда случалось. Императоръ былъ разводомъ нашимъ доволенъ и изъявилъ свое благоволеніе, что насъ очень ободрило, а радость великаго князя была неизреченна.

Образъ нашей жизни офицерской совсѣмъ перемѣнился; при императрицѣ мы помышляли только, чтобы ѣздить въ общества, театры, ходить во фракахъ, а теперь съ утра до вечера на полковомъ дворѣ, и учили насъ всѣхъ, какъ рекрутъ. Великому князю угодно было, чтобы я первый надѣлъ мундиръ новаго покроя и обстригъ себѣ волосы, и меня это такъ перемѣнило, что когда я пріѣхалъ домой, то сестра Анна Ѳедотовна меня не узнала.

На четвертый день послѣ восшествія на престолъ императора Павла мы видѣли зрѣлище совсѣмъ но-

ваго для насъ рода, это было вступленіе гатчинскихъ и павловскихъ баталіоновъ въ Петербургъ. Войска одѣты были совершенно по прусски, въ короткихъ мундирахъ съ лацканами, въ черныхъ штиблетахъ,— на гренадерахъ шапки, какъ теперешнія Павловскаго полка, а на мушкатерахъ маленькія треугольныя шляпы безъ петлицъ, а только съ одною пуговкой. Офицеры одѣты были всѣ въ изношенныхъ мундирахъ, а такъ какъ цвѣтъ ихъ былъ темнозеленый и, вѣроятно, перекрашенъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ, то всѣ они полиняли и представляли видъ пѣгій. Императоръ Павелъ, еще наслѣдникомъ, былъ генералъ-адмираломъ и президентомъ адмиралтейской коллегіи. Во флотѣ были баталіоны и назывались морскими; они употреблялись на корабляхъ для десантовъ. Изъ сихъ-то войскъ составлены были въ Гатчинѣ и Павловскѣ баталіоны изъ кадетъ морского корпуса, оказавшихся неспособными къ морской службѣ, а оттуда переводимы были въ гатчинскіе и павловскіе баталіоны. Едва войска пришли къ заставѣ, какъ присланъ былъ съ донесеніемъ о томъ поручикъ Радьковъ. Императоръ самъ надѣлъ на него орденъ св. Анны 2-го класса и назначилъ его адъютантомъ къ наслѣднику; приказавъ войскамъ идти, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ нимъ навстрѣчу. Когда войска вошли въ алиніеманъ на Дворцовой площади, императоръ самъ сказалъ:

— Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную ко мнѣ вашу службу, и въ награду того вы поступаете въ гвардію, а гг. офицеры чинъ въ чинъ.

Всѣхъ баталіоновъ было шесть, изъ коихъ назначены были: императора и Аракчеева—въ Преображенскій, наслѣдника и Недоброва—въ Семеновскій, великаго князя Константина Павловича и Малютина—въ Измайловскій полкъ, рота егерей—въ гвардейскій егерскій баталіонъ. Прежде при каждомъ гвардейскомъ полку была егерская команда, изъ которыхъ

при императорѣ Павлѣ составленъ былъ баталіонъ. Кавалерія поступила въ конную гвардію. Съ какою радостію великіе князья увидѣлись со своими сослуживцами, и съ какою печалью мы должны были считать ихъ своими товарищами! На всѣхъ насъ напало какое-то уныніе. Иначе и быть не могло, ибо сіи новые наши товарищи не только были безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ самаго развратнаго поведенія; нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою.

Въ Измайловскомъ полку было три адъютанта: Бахметевъ, Арбеневъ и я; великій князь обоихъ первыхъ написалъ въ роты, а меня оставилъ, и назначилъ двухъ гатчинскихъ, бывшихъ адъютантами въ его высочества и Малютина баталіонахъ: Черепанова и Шебуева. Прежде въ каждомъ гвардейскомъ полку была полковая канцелярія, и одинъ изъ офицеровъ былъ секретаремъ; сіе званіе было штатное. Въ сей канцеляріи производились всѣ письменныя дѣла, адъютантъ завѣдывалъ только нарядами и рапортами, касающимися до строевой части. По новому образованію, канцелярія была уничтожена, а съ нею находившіеся въ оной писаря, и вся эта обуза пала на меня, какъ на полкового адъютанта, такъ что я ни на минуту не имѣлъ отдыха; со своими родными даже по нѣсколько дней я не видался.

Ноября 30 былъ разводъ нашего полка. Въ 6-ть часовъ утра я долженъ былъ ѣхать къ коменданту Аракчееву, который жилъ во дворцѣ, за нѣкоторыми приказаніями. Выходя отъ него, я встрѣтилъ наслѣдника; увидѣвши меня, съ свойственною ему прелестною улыбкою, его высочество сказалъ мнѣ:

— Поздравляю, Комаровской.

Я спросилъ: «Съ чѣмъ, ваше высочество?»

— А развѣ братъ тебѣ ничего не сказалъ?—продолжалъ онъ.

Я ему отвѣчалъ: «Ничего».

Тогда онъ мнѣ говорилъ:

— Prenez comme si je ne vous ai rien dit [1]).

Я поѣхалъ въ полкъ, гдѣ былъ уже великій князь, и, не могши скрыть моей радости, я сказалъ ему:

— Наслѣдникъ съ чѣмъ-то изволилъ меня поздравить.

Его высочество мнѣ отвѣчалъ: «поздравить?—развѣ онъ знаетъ—съ чѣмъ, а я ничего не знаю».

Тогда приказы при паролѣ отдавались въ комнатѣ; всѣ адъютанты и дежурные по полкамъ и по карауламъ штабъ-офицеры писали оные въ записныхъ своихъ книжкахъ. Приказы диктовалъ наслѣдникъ, какъ военный губернаторъ, и самъ императоръ тутъ всегда находился. Цѣпь была изъ конно-гвардейскаго внутренняго караула. Мнѣ случилось близко стоять отъ государя; между прочими пунктами приказа одинъ начинался: л.-гв. Семеновскаго полка капитанъ Путиловъ назначается адъютантомъ къ его императорскому высочеству наслѣднику; л.-гв. Измайловскаго полка полковой адъютантъ Комаровской назначается адъютантомъ къ его императорскому высочеству Константину Павловичу, съ чиномъ капитанъ-поручика. Меня такъ это удивило, что я не зналъ, что дѣлать; чувствовалъ только, что императоръ ударилъ меня слегка по плечу рукой и сказалъ:

— Что же ты, братъ, стоишь? Дѣло, кажется, идетъ не объ чужомъ.

Я взглянулъ на наслѣдника; онъ мнѣ сдѣлалъ знакъ глазами, чтобы я благодарилъ. Я тотчасъ сталъ на одно колѣно, и государь подалъ мнѣ поцѣловать руку. Я не могу изъяснить моей радости, особливо какъ вспомнилъ, что избавляюсь отъ всѣхъ столь не-

---

[1]) Считайте, какъ будто я вамъ ничего не говорилъ.

сносныхъ для меня хлопотъ [1]). Я узналъ послѣ, что наканунѣ этого дня въ комнатномъ собраніи государь подошелъ къ великимъ князьямъ и спросилъ у нихъ:

— Что вы, господа, не берете къ себѣ никого еще въ адъютанты?

Они поклонились и ничего не отвѣтили. Лишь только государь отошелъ, то наслѣдникъ спросилъ великаго князя Константина Павловича:

— Ты доволенъ Комаровскимъ?

Онъ отвѣчалъ: доволенъ.

— То сдѣлай же мнѣ одолженіе,—продолжалъ наслѣдникъ,—возьми его къ себѣ въ адъютанты, а я возьму Путилова.

Послѣ государь опять подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Что, господа, надумались ли?

Тогда великіе князья уже просили о назначеніи къ нимъ въ адъютанты: наслѣдникъ—Путилова, а великій князь Константинъ Павловичъ—меня и съ повышеніемъ въ чинѣ, на что императоръ изъявилъ свое соизволеніе. Стало быть, и въ семъ случаѣ видна была ко мнѣ милость наслѣдника.

---

[1]) Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ одной необыкновенной сцены. Крѣпостной мальчикъ Семеновскаго полка капитана Лихачева донесъ Архарову, бывшему тогда вторымъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, что господинъ его и того же полка капитанъ И. И. Дмитріевъ посягають на жизнь императора. Лихачева и Дмитріева посадили въ крѣпость, но по сдѣланному строгому изслѣдованію доносъ оказался ложнымъ. Императоръ приказалъ провести ихъ обоихъ въ ту комнату, гдѣ обыкновенно отдавались приказы, въ то время, когда еще въ оной всѣ находились. Государь публично объявилъ, что Лихачевъ и Дмитріевъ невинны, и, обращаясь ко всѣмъ бывшимъ въ приказной комнатѣ, сказалъ: «Неужели я имѣю между вами, господа, измѣнниковъ?» Тогда мгновенно всѣ вдругъ закричали: «Нѣтъ, государь!» и бросились цѣловать его руки. Императоръ симъ общимъ порывомъ изъявленія вѣрности былъ тронутъ до слезъ. По окончаніи сей сцены, государь пошелъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и съ восторгомъ сказалъ ей: «Теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ. Я сейчасъ получилъ новую присягу»,—и разсказалъ ей всѣ подробности того, что происходило въ приказной комнатѣ.

Сіе повышеніе въ чинъ было для меня весьма выгодно, но обидно для моихъ товарищей, ибо я былъ изъ младшихъ поручиковъ [1]). Новая моя должность была гораздо покойнѣе прежней, а главное, что я ни за какія упущенія по оной не подвергалъ себя отвѣтственности. Мнѣ казалось, что императоръ Павелъ былъ ко мнѣ милостивъ.

Января 6-го 1797 г., въ день Богоявленія Господня, былъ парадъ всѣмъ гвардейскимъ войскамъ для водосвятія и окропленія знаменъ и штандартовъ святою водою. Морозъ былъ въ 14-ть градусовъ при сильномъ вѣтрѣ. Іордань была устроена противъ сената; императоръ и оба великихъ князя были при войскахъ верхами, а императрица, великія княгини, великія княжны и весь дворъ шли пѣшкомъ изъ Зимняго дворца на Іордань и обратно, и многіе отъ сего занемогли. При императорѣ Павлѣ поздравленія дѣлались всегда наканунѣ придворныхъ праздничныхъ дней, а такъ какъ на другой день было рожденіе великой княжны Анны Павловны, то и приказано было съѣзжаться во дворецъ въ вечеру того же 6-го числа. Началось поздравленіе. Императоръ обыкновенно всѣмъ мужчинамъ давалъ цѣловать руку; когда пришла моя очередь, и я подошелъ къ нему, его величество, придержавъ мою руку, сказалъ съ веселымъ видомъ:

— Что, братъ, справился ли ты, все ли у тебя цѣло?—надобно было разумѣть, что не отморозилъ ли я чего.

Я отвѣчалъ, что совершенно здоровъ.

Наступило время приготовленія къ отъѣзду на коронацію. Вся свита раздѣлена была на нѣсколько отрядовъ, но принадлежавшимъ къ великимъ князьямъ приказано было собраться въ Павловское, гдѣ и дворъ

---

[1]) Что и случилось: А. Н. Бахметевъ былъ настоящимъ полковымъ адъютантомъ; когда меня произвели въ прапорщики, онъ отдавалъ о томъ въ приказѣ, а когда меня произвели въ капитанъ-поручики, онъ былъ еще въ прежнемъ чинѣ.

находился. Тутъ я нашелъ комендантомъ и шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка [1]) Ф. Ф. Вадковскаго, съ которымъ я былъ очень знакомъ, и котораго иначе не видалъ, какъ сидѣвшаго цѣлые дни передъ каминомъ въ вольтеровскихъ креслахъ; онъ служилъ при дворѣ камергеромъ, куда онъ никогда не ѣздилъ. Въ древнія времена онъ былъ любимцемъ императора Павла и былъ въ его свитѣ, когда его величество вояжировалъ подъ именемъ Сѣвернаго графа. Ф. Ф. самъ не могъ надивиться этой съ нимъ перемѣнѣ и сказалъ мнѣ:

— Я долженъ былъ принять, что мнѣ предложили; я его давно знаю, онъ шутить не любитъ, хотя уже двадцать лѣтъ, какъ я военную службу оставилъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію, императоръ купилъ у графа Безбородка преогромный его домъ, противъ Головинскаго сада и назвалъ оный Слободскимъ дворцомъ. Приказано было пристроить двѣ большія по бокамъ деревянныя залы; сей дворецъ сгорѣлъ во время нашествія французовъ. Отрядъ, въ которомъ я находился, пріѣхалъ въ Москву прежде двора. Свита великаго князя Константина Павловича помѣщена была противъ Слободскаго дворца, въ старомъ сенатѣ, гдѣ назначено было мѣсто пребыванія и для его высочества. По принятому обыкновенію императоръ остановился въ Петровскомъ дворцѣ. Вся гвардія на сей случай была отправлена въ Москву; это правда, что она была тогда немногочисленна. Назначенъ былъ день шествія въ Москву. Въ церемонію наряжены были камергеры и камеръ-юнкеры: а такъ какъ было холодно, то и приказано было имъ имѣть юберъ-роки, т. е. родъ широкихъ кафтановъ. изъ пунцоваго бархату. Ничего не было смѣшнѣе,

---

[1]) Сей полкъ составленъ былъ частію изъ московскаго гренадерскаго и изъ другихъ полковъ.

какъ видѣть этихъ придворныхъ, привыкшихъ ходить по паркету, въ тонкихъ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ,—верхомъ, Богъ знаетъ на какихъ лошадяхъ, и на тѣхъ неумѣющихъ держаться и управлять ими; многихъ лошади завозили куда хотѣли, и оттого сіи царедворцы потеряли свои ряды и надѣлали большую конфузію. Особливо примѣчателенъ былъ между ими графъ Хвостовъ, бывшій тогда камергеромъ. Императоръ остановился въ Кремлѣ только, чтобы приложиться къ св. мощамъ и иконамъ, и, сѣвъ опять на лошадь, продолжалъ шествіе свое до Слободскаго дворца, куда прибыли уже, какъ начало смеркаться. Мимо государя прошли, однако же, церемоніальнымъ маршемъ всѣ войска, бывшія въ строю. Надобно было посмотрѣть на несчастныхъ придворныхъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были снимать съ лошадей, такъ они отъ холоду, можно сказать, окоченѣли. Великій князь поручилъ мнѣ купить для его сѣдла лошадей. Я ѣздилъ по англичанамъ, барышникамъ, но ничего не могъ найти порядочнаго. Мнѣ сказали, что есть хорошія верховыя лошади у г. Гончарова, имѣвшаго славныя, парусинную и бумажную, фабрики. Узнавъ, гдѣ онъ живетъ, я къ нему поѣхалъ, но не засталъ его дома, а жена г. Гончарова просила меня къ ней войти, что я исполнилъ. Она приняла меня очень ласково, говорила, что мужъ ея будетъ въ отчаяніи, что не случилось его у себя, что онъ непремѣнно на другой день самъ ко мнѣ пріѣдетъ; просила только сказать, гдѣ я живу, въ которомъ часу онъ можетъ со мною видѣться, изъявляя желаніе чаще у себя меня видѣть, пока дворъ пробудетъ въ Москвѣ. На другой день, чѣмъ свѣтъ, г. Гончаровъ былъ уже у меня, и мы вмѣстѣ поѣхали къ нему смотрѣть лошадей. Я нашелъ у него двухъ—очень хорошихъ статей, и сказалъ ему, что я долженъ ихъ показать великому князю Константину Павло-

вичу, что я, по приказанію его высочества, ищу для него лошадей. Г. Гончаровъ обезпамятѣлъ отъ радости и сказалъ:

— Ахъ! какъ бы я былъ счастливъ, если бы мои лошади понравились его высочеству, и удостоилъ бы великій князь принять.

Я ему отвѣчалъ: «Я не думаю, чтобы великій князь принялъ вашихъ лошадей даромъ».

По возвращеніи во дворецъ, я донесъ его высочеству, что я нашелъ двухъ лошадей, и спросилъ, когда угодно будетъ ихъ видѣть, назвавъ и хозяина оныхъ. Великій князь приказалъ привести ихъ на другой день, но чтобы отнюдь г. Гончарова тутъ не было. Я тотчасъ послалъ къ нему ѣздового съ запиской, прося его самого не безпокоиться; я узналъ послѣ, что Гончарова это очень огорчило. Одна изъ лошадей очень понравилась его высочеству, и онъ приказалъ узнать о цѣнѣ; я ему доложилъ, что хозяинъ этой лошади денегъ не возьметъ, а, если угодно, можно сдѣлать ему подарокъ. Великій князь приказалъ мнѣ отвезти къ нему табакерку съ бриліантами, стоящую цѣну лошади. Гончаровъ былъ чрезвычайно радъ этому подарку, и не переставалъ носить табакерку, хотя не нюхалъ табаку, покуда всѣмъ знакомымъ своимъ оной не показалъ. Съ тѣхъ поръ Аѳанасій Ивановичъ Гончаровъ сдѣлался моимъ хорошимъ пріятелемъ и просилъ меня принять отъ него въ подарокъ одну лошадь.

Императоръ Павелъ назначилъ день своего коронованія въ свѣтлое Христово воскресенье. Вся императорская фамилія говѣла на страстной недѣлѣ и въ великій четвергъ должна была причаститься св. таинъ, кромѣ императора, въ церкви у Спаса за золотою рѣшеткой. Обѣдня совершаема была митрополитомъ Платономъ; я былъ дежурнымъ, находился тоже въ церкви и былъ свидѣтелемъ зрѣлища, которое навсегда у меня останется въ памяти.

Пусть представятъ себѣ императрицу Марію Ѳеодоровну въ цвѣтѣ лѣтъ, великихъ княгинь: Елисавету Алексѣевну и Анну Ѳеодоровну, великихъ княженъ: Александру Павловну, Елену Павловну, Марію Павловну и Екатерину Павловну, всѣхъ одѣтыхъ въ бѣлыхъ платьяхъ, и скажутъ, можно ли видѣть болѣе августѣйшихъ красавицъ, вмѣстѣ соединенныхъ! Одинъ Платонъ умѣлъ это достойно изъяснить. Когда отворились царскія двери, и прежде нежели діаконъ вынесъ сосудъ, митрополитъ вышелъ изъ алтаря и, какъ будто пораженный блескомъ сихъ красавицъ, отступилъ назадъ, потомъ, обратясь къ императору, сказалъ:

— Всемилостивѣйшій государь! воззри на вертоградъ сей,—и повелъ рукою, показывая на предстоявшихъ; у императора примѣтны были слезы на глазахъ.

Коронація происходила обыкновеннымъ порядкомъ; императоръ короновалъ императрицу Марію Ѳеодоровну, но было достойно примѣчанія, что императоръ, во время причастія, вошелъ въ алтарь, взялъ сосудъ и, какъ глава церкви, самъ причастился св. таинъ. Потомъ на тронѣ прочелъ самъ фамильный пактъ, имъ составленный, о порядкѣ наслѣдія на престолѣ; сей пактъ повелѣлъ хранить въ серебряномъ ковчегѣ въ Успенскомъ соборѣ. Примѣчательно было, что на балѣ, въ Грановитой палатѣ, дамы были одѣты въ робахъ чернаго бархата съ преогромными фижмами; балъ открыла императрица Марія Ѳеодоровна съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ минуэтомъ, и прочія дамы ей послѣдовали.

Скоро послѣ коронаціи императоръ съ обоими великими князьями воспріялъ путешествіе въ Казань. Съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ поѣхалъ мой товарищъ Сафоновъ; онъ былъ капитаномъ Измайловскаго полка. Кстати о Сафоновѣ: любопытно будетъ знать, какимъ образомъ онъ по-

палъ въ адъютанты къ великому князю Константину Павловичу. Сафоновъ у насъ въ полку былъ въ числѣ черныхъ офицеровъ, т. е. не имѣющихъ ни малѣйшаго воспитанія. До восшествія императора Павла на престолъ, онъ уже подалъ челобитную въ отставку и отправилъ большую часть своихъ пожитковъ въ деревню, а остался дожидаться перваго пути, чтобы самому съ матерью туда же отправиться. Какъ сдѣлалась перемѣна въ правленіи, онъ просилъ меня, чтобы его высочество исходатайствовалъ ему отставку. Великій князь отвѣчалъ, чтобы Сафоновъ сходилъ хотя одинъ разъ въ караулъ, и если удачно, тогда его высочество удовлетворитъ его желанію. Между тѣмъ императоръ, проходя одинъ разъ мимо нашихъ офицеровъ, во время развода, замѣтилъ Сафонова, вѣроятно, потому, что онъ всѣхъ офицеровъ былъ лицомъ старообразнѣе, спросилъ о немъ у майора нашего полка, генералъ-майора Кушелева, и когда узналъ его фамилію, еще разъ поглядѣвъ на него пристально, пошелъ далѣе. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, приходитъ камердинеръ отъ государя къ великому князю съ повелѣніемъ, чтобы капитану поручику Сафонову приказать пріѣхать къ его величеству. Тотчасъ посланъ былъ ѣздовой въ полкъ, и Сафоновъ полумертвый является къ императору. Государь спрашиваетъ у него, не тѣхъ ли онъ Сафоновыхъ, которые въ родствѣ съ Гендриковыми. Онъ отвѣчалъ:

— Тѣхъ, государь.

— Такъ, стало быть, мы свои,—продолжалъ императоръ, — мнѣ нужно имѣть при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ человѣка пожилыхъ лѣтъ, вродѣ дядьки, который бы мнѣ доносилъ о всѣхъ дѣйствіяхъ его высочества и ничего бы отъ меня не скрывалъ: мнѣ кажется, я въ тебѣ этого человѣка нашелъ; я тебя назначаю адъютантомъ къ великому князю, но только именемъ.

Сафоновъ не могъ опомниться отъ радости. Императоръ въ ту же минуту послалъ за великимъ княземъ, который чрезвычайно удивился, увидя императора въ кабинетѣ съ Сафоновымъ. Государь, взявъ его за руку, сказалъ его высочеству:

— Вотъ человѣкъ, которому я тебя поручаю; онъ хотя и адъютантъ твой, но ты долженъ въ немъ видѣть довѣренную мою особу.

Потомъ всѣ вмѣстѣ пошли къ императрицѣ, и государь, входя къ ней съ веселымъ видомъ, сказалъ ей, держа Сафонова за руку:

— Я, наконецъ, нашелъ человѣка, котораго искалъ для Константина Павловича.

Императрица наговорила множество пріятныхъ вещей Сафонову.

Я былъ тогда у великаго князя, и каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ его высочество, идущаго вмѣстѣ съ Сафоновымъ, какъ съ равнымъ себѣ, и, обнявши его, великій князь сказалъ съ притворно веселымъ лицомъ:

— Прошу имѣть почтеніе и уваженіе къ Павлу Андреевичу; онъ хотя и имѣетъ званіе моего адъютанта, но онъ гораздо для меня болѣе сего званія.

Недолго Сафоновъ пользовался своимъ преимуществомъ; великій князь взялъ такую надъ нимъ поверхность, что онъ былъ изъ первыхъ его льстецовъ, и ни одного раза не смѣлъ доносить государю о поступкахъ его величества.

По возвращеніи изъ Казани въ Петербургъ, императоръ назначилъ великаго князя Константина Павловича главнымъ начальникомъ надъ 1-мъ кадетскимъ корпусомъ, по тому примѣру, вѣроятно, что отецъ его величества, императоръ Петръ III, былъ директоромъ онаго въ царствованіе Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина поручала сей корпусъ всегда начальству генерала, имѣвшаго военную репутацію, каковы были: графъ Ангальтъ, графъ

де-Бальменъ и т. п. Послѣдній былъ въ ея царствованіе М. Л. Кутузовъ, котораго императоръ Павелъ назначилъ командиромъ войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ, а на мѣсто его директоромъ кадетскаго корпуса—славнаго генерала, графа Ферзена, который разбилъ и взялъ въ плѣнъ Костюшко. Великій князь поручилъ мнѣ письменныя дѣла, какъ по кадетскому корпусу, такъ и по Измайловскому полку. Его высочество всякій день по утру въ 5-ть часовъ ѣздилъ въ корпусъ со мною; ему пріятно было видѣть, какъ по барабану нѣсколько сотъ дѣтей вставали и одѣвались. Между тѣмъ поступало ко мнѣ множество бумагъ отъ графа Ферзена по бывшимъ будто бы злоупотребленіямъ, допущеннымъ генераломъ Кутузовымъ, распродажею пустопорожнихъ мѣстъ, корпусу принадлежащихъ, и прочее. Я замѣтилъ, что между сими двумя генералами была взаимная личная вражда, отъ зависти, можетъ быть, въ военномъ ремеслѣ происходившая. Мнѣ хотѣлось, чтобы предоставленія графа Ферзена не сдѣлали вреда генералу Кутузову, ибо я зналъ строгость императора, и если бы сіи бумаги доведены были до свѣдѣнія его величества, то генералъ Кутузовъ непремѣнно бы пострадалъ. Я много разъ ѣздилъ къ графу Ферзену и старался его склонить къ нѣкоторому снисхожденію, но успѣть въ томъ не былъ въ состояніи. Наконецъ, выбравъ веселую минуту великаго князя, я объяснилъ все его высочеству. Онъ, меня поблагодаривъ, приказалъ мнѣ поѣхать къ графу Ферзену и сказать ему, что все, что было сдѣлано въ управленіе генерала Кутузова корпусомъ, происходило въ царствованіе его августѣйшей бабки, и что его высочеству не угодно, чтобы генералъ, служившій ея величеству съ честію, получилъ какую-либо непріятность; а потому приказываетъ его превосходительству, чтобы впредь никакихъ представленій на генерала Кутузова болѣе не дѣлать. Графу Ферзену это было очень непріятно.

Въ первый разъ, какъ я встрѣтился во дворцѣ съ генераломъ Кутузовымъ, которому, вѣроятно, все было извѣстно, онъ меня чрезвычайно благодарилъ.

Первый кадетскій корпусъ былъ преобразованъ Бецкимъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. По штату положено быть пяти возрастамъ, и въ каждомъ возрастѣ по сту кадетъ, выпуски были черезъ 15-ть лѣтъ; впослѣдствіи сіе измѣнилось, и выпускали по успѣхамъ, но кадеты никуда отпускаемы не были во время нахожденія ихъ въ корпусѣ, и для того были казенныя лошади и кареты, въ которыхъ возили ихъ прогуливаться. Кадеты получали воспитаніе моральное и гимнастическое; для сего послѣдняго устроенъ былъ jeu de pommes, который и теперь существуетъ. Кадетъ учили вольтижировать, верхомъ ѣздить, фехтовать и танцовать. Императоръ Павелъ, желая увеличить число кадетъ, приказалъ составить новый штатъ и уничтожить всѣ гимнастическіе классы, даже и танцовальный, оставивъ фехтовальный и манежъ. Для составленія сего штата назначены были генералъ-майоръ Андреевскій, служившій въ корпусѣ, экономъ онаго баронъ Ашъ и я. Мы нашли способъ прибавить 226 кадетъ, итакъ число оныхъ было 726, а вмѣсто возрастовъ кадеты были раздѣлены на роты; штатъ сей былъ конфирмованъ [1]).

Изъ загородныхъ дворцовъ, доставшихся послѣ императрицы Екатерины императору Павлу, онъ любилъ Петергофъ, Царскаго же Села терпѣть не могъ. Проведя весенніе мѣсяцы въ 1798-мъ году въ Павловскѣ, императоръ въ началѣ іюня со всѣмъ дворомъ переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ квартировалъ ея величества полкъ, онымъ командовалъ Михаилъ Алексѣевичъ Обресковъ. На время высочайшаго

---

[1]) Сіе было въ 1797-мъ году, и я 11-го августа того же года произведенъ былъ въ гвардіи капитаны.

пребыванія въ Петергофѣ великій князь Константинъ Павловичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ, Обресковъ — комендантомъ, я — плацъ-маіоромъ, а Измайловскаго полка адъютантъ Черепановъ—плацъ-адъютантомъ. Время было прежаркое. Одинъ разъ императоръ, встрѣтивъ меня, сказалъ:

— Nous sommes ici comme en Afrique [1]).

Тогда пріѣхали въ Петергофъ два брата императрицы Маріи Θеодоровны, герцоги Фердинандъ и Александръ. Императоръ ѣзжалъ всякое утро верхомъ съ герцогами и обоими великими князьями; я бывалъ всегда въ свитѣ. Скоро послѣ того начались гоненія на многихъ придворныхъ, а особливо на тѣхъ, къ коимъ императрица Марія была милостива; въ числѣ ихъ былъ графъ Н. П. Румянцовъ, которому велѣно было ѣхать въ чужіе края; шталмейстеръ князь Голицынъ сосланъ былъ въ Москву; князь А. Б. Куракинъ, бывшій генералъ-прокуроромъ, отставленъ, а на мѣсто его назначенъ Лопухинъ; генералъ-адъютантъ Нелидовъ, бывшій любимцемъ императора и имѣвшій военный портфель, отставленъ, а на мѣсто его опредѣленъ генералъ Ливенъ; графъ Буксгевденъ, тесть Нелидова, бывшій петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, отставленъ, и на мѣсто его назначенъ графъ Паленъ; Нелединскій, бывшій у принятія челобитенъ, отставленъ, и на мѣсто его опредѣленъ Неплюевъ [2]). Причиною сихъ гоненій и перемѣнъ полагали начинавшійся фаверъ Кутайсова, который былъ тогда боленъ жабою,—ему данъ былъ орденъ св. Анны 2-го класса, а говорили, что ему приложили красный пластырь на шею, чтобы скорѣе выздоровѣлъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и рождавшаяся страсть къ дочери Лопухина много способствовала

---

[1]) Мы здѣсь совсѣмъ какъ въ Африкѣ.

[2]) Сіе гоненіе распространялось и на особъ, къ которымъ былъ милостивъ наслѣдникъ; князь А. Н. Голицынъ, находившійся при его высочествѣ камергеромъ, былъ отставленъ и высланъ въ Москву.

такимъ дѣйствіямъ императора. Лопухинъ скоро потомъ выдалъ одну изъ своихъ дочерей за сына Кутайсова, и тѣмъ составилась партія, которая не могла быть въ духѣ императрицы Маріи Өеодоровны. Должность великаго князя, какъ военнаго губернатора, обязывала его находиться при вечернемъ рапортѣ караульнаго офицера, подаваемомъ императору. Всякое воскресенье были въ Петергофѣ балы, на которые приглашались иногда иностранные министры. Въ одно воскресенье, послѣ такого бала, который продолжался довольно долго, когда вся императорская фамилія вошла во внутреннія комнаты, императоръ со всѣми распрощался, въ томъ числѣ и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Его высочество, возвратясь къ себѣ, сказалъ мнѣ:

— Государь меня отпустилъ, прикажи подать мнѣ кабріоль; я поѣду погулять въ Нижній садъ.

Черезъ полчаса послѣ отъѣзда великаго князя приходитъ графъ Ливенъ и спрашиваетъ у меня, гдѣ его высочество, говоря при томъ, что государь дожидаетъ его, чтобы принять рапортъ отъ караульнаго офицера. Я ему отвѣчалъ, что великій князь поѣхалъ въ садъ, и его высочество считаетъ, что государь его отпустилъ; но я тотчасъ пошлю отыскать великаго князя. Не прошло получаса, какъ графъ Ливенъ опять приходитъ и говоритъ мнѣ:

— Скажите его высочеству, что государь на него гнѣвается, что онъ не знаетъ своей должности.

Лишь только графъ Ливенъ ушелъ, какъ посланный мой отыскалъ великаго князя, и онъ прискакалъ домой. Торопливо спрашиваетъ меня:

— Ну, что сдѣлалось?

Я ему пересказалъ все, что случилось въ его отсутствіе; его высочество чрезвычайно огорчился и послалъ меня узнать отъ караульнаго офицера, какъ это происходило. Караульный офицеръ мнѣ сказалъ, что государь долго не принималъ его съ рапортомъ.

ожидая все великаго князя, наконецъ, приказалъ ему войти и принялъ рапортъ. На другой день, рано по утру, великій князь прислалъ за мной. Я нашелъ его весьма встревоженнымъ.

— Я не могъ во всю ночь почти уснуть,—сказалъ мнѣ его высочество.

Онъ тотчасъ рѣшился написать письмо къ государю, но оно возвращено было нераспечатаннымъ; послѣ того приходитъ Обресковъ и говоритъ его высочеству:

— Государь знаетъ, что ваше высочество сегодня нездоровы, а потому приказалъ мнѣ подать рапортъ при разводѣ,—который великій князь принужденъ былъ ему отдать.

Это довершило отчаяніе его высочества. Чтобы больше еще привести его въ затруднительное положеніе, императрица присылаетъ къ нему записку, въ которой приглашаетъ его съ собой прогуливаться въ колясочкѣ. Я не знаю, что онъ отвѣчалъ на записку императрицы. Ходя долго по комнатѣ взадъ и впередъ, наконецъ, онъ бросился ко мнѣ на шею и сказалъ:

— Мнѣ пришла мысль, исполни ее: поди сейчасъ къ И. П. Кутайсову, скажи ему все, что со мной случилось, скажи, въ какомъ я отчаяніи, и чтобы онъ испросилъ у государя одну милость, чтобы меня выслушать.

Кутайсовъ былъ боленъ и жилъ подъ самымъ государевымъ кабинетомъ, что у гауптвахты; лишь только я къ нему вошелъ, какъ онъ мнѣ говоритъ:

— Вы вѣрно пришли отъ великаго князя Константина Павловича? Я все знаю. Государь у меня былъ и все пересказалъ; не стыдно ли великому князю не исполнять своей обязанности, и тѣмъ приводитъ въ гнѣвъ своего отца и государя?

Такая встрѣча меня удивила. Я ему на сіе сказалъ:

— Если бы его высочество былъ виноватъ, онъ не сталъ бы себя оправдывать, а великій князь прислалъ меня просить васъ, чтобы вы испросили у государя одну только милость, чтобы его выслушать.

— Хорошо, сударь, — отвѣчалъ Кутайсовъ, — я исполню волю его высочества.

Я пожалѣлъ великаго князя и не передалъ ему всего разговора, а сказалъ только, что И. П. обѣщалъ исполнить его волю. Черезъ нѣсколько минутъ опять великій князь послалъ меня къ Кутайсову; лишь только я поровнялся съ гауптвахтой, какъ государь выходитъ отъ Кутайсова, увидя меня, прямо идетъ ко мнѣ на встрѣчу и, вертя своею тростью, грозно мнѣ сказалъ:

— А! ты посломъ ходишь.

Я тотчасъ сталъ на колѣни и говорю ему:

— Государь, великій князь передъ вами не виноватъ.

Его такъ это удивило, что онъ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Встань, встань, — какъ не виноватъ? Надѣнь шляпу.

И, взявъ меня подъ руку, пошелъ со мной по аллеѣ Верхняго сада. Я объяснилъ государю, какъ великому князю показалось, что онъ его отпустилъ, и увѣрялъ въ привязанности великаго князя къ его величеству не только, какъ къ отцу, но какъ къ государю; и что онъ вѣрнѣйшаго подданнаго, какъ великій князь, у себя не имѣетъ; что гнѣвъ государя довелъ его высочество до отчаянія.

— Какъ, онъ точно огорченъ?—прервалъ государь.

— Онъ такъ огорченъ,—продолжалъ я,—что если сіе состояніе продолжится, то онъ, я увѣренъ, сдѣлается больнымъ.

Тогда государь началъ мнѣ разсказывать, какъ всѣ противъ него, т.-е. императрица и наслѣдникъ;

что онъ окруженъ шпіонами; въ сію минуту прошелъ вдали парикмахерскій ученикъ, государь, показывая на него, сказалъ мнѣ: «Ты видишь этого мальчишку; я не увѣренъ, чтобы и ему не велѣно тоже за мной присматривать»; что его величество полагался на привязанность одного только Константина Павловича, но наканунѣ сдѣланный имъ поступокъ заставилъ государя думать, что и онъ передался противной партіи. Наконецъ, императоръ присовокупилъ:

— Ну, если я его прощу, что онъ этому обрадуется?

Я отвѣчалъ ему: «Его высочество будетъ безъ памяти отъ радости, государь»!

Тутъ онъ, принявъ веселый видъ, сказалъ изъ итальянской оперы:

— Dite lo voi per me [1]), что я его прощаю, чтобы онъ послалъ взять рапортъ у Обрескова и подалъ бы мнѣ оный при разводѣ, подошелъ бы, какъ обыкновенно, не показывая ни малѣйшей радости, чтобы никто не догадался о томъ, что между нами происходило, — и приказалъ мнѣ идти.

Великій князь ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ и не могъ понять, отчего я долго такъ не возвращался. Когда я ему разсказалъ, что со мной случилось, онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, но видя, что я ему говорю именемъ государя, какъ ему поступать должно во время развода, тутъ онъ бросился ко мнѣ на шею и началъ меня цѣловать, и такъ крѣпко меня обнималъ, что я думалъ, что онъ меня задушитъ. Когда великій князь съ рапортомъ подошелъ къ государю, его величество ему сказалъ:

— Ты имѣешь прекраснаго посланника.

Съ тѣхъ поръ государь всякій день что-нибудь пріятное мнѣ говорилъ. Я выше сказалъ, что это

---

1) Передайте ему отъ меня.

лѣто было прежаркое. Наслѣдникъ, великій князь Константинъ Павловичъ, двое князей Чарторыйскихъ, изъ коихъ одинъ былъ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, а другой при Константинѣ Павловичѣ, графъ П. А. Строгановъ, князь Волконскій—адъютантъ наслѣдника, и я всякій день ходили купаться въ петергофскую купальню, и великій князь Александръ Павловичъ училъ меня плавать. Одинъ разъ до того расшалились, что у гавани стоялъ превысокій столбъ, на которомъ утвержденъ фонарь для мореплавателей, и преузенькая лѣстница вела къ фонарю, всякій долженъ былъ туда взлѣзть, чтобы показать, что не трусъ, а столбъ былъ такъ ветхъ, что когда взлѣзаешь, то онъ весь шатался. Все это лѣто много дѣлали рѣзвостей подобнаго рода.

Осенью того же года назначены были маневры въ Гатчинѣ; войска раздѣлены были на двѣ арміи: одною командовалъ графъ Паленъ, а другою Кутузовъ. Великій князь Константинъ Павловичъ опять назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Гатчинѣ; генералъ-майоръ Чертковъ, командиръ Преображенскаго полка,—комендантомъ; того же полка полковникъ Цызеревъ—плацъ-майоромъ, а я разжалованъ былъ въ плацъ-адъютанты. Въ Гатчинѣ жизнь была довольно пріятная: по утру маневры, а ввечеру, всякій день, французскій спектакль на придворномъ театрѣ. Я особливо находилъ удовольствіе въ гатчинской жизни, потому что у обоихъ великихъ князей была общая передняя, и я всякій день имѣлъ счастіе видѣть наслѣдника и говорить съ нимъ. Великій князь Константинъ Павловичъ обходился со мной тоже весьма милостиво. Въ Гатчинѣ 18-го сентября я произведенъ въ полковники. Когда войска возвращались въ Петербургъ, на первомъ привалѣ у Пудоской мельницы, 28-го сентября, государь пожаловалъ меня кавалеромъ Анненскаго ордена на шпагѣ, который былъ тогда третьяго класса. При императрицѣ

Екатеринѣ два ордена, т.-е. Андреевскій и Александровскій, имѣли свои орденскія платья: перваго—была мантія зеленаго бархата съ глазетовымъ серебрянымъ воротникомъ, камзолъ и нижнее платье изъ такого же глазета и цѣпь сего ордена надѣвалась на шею, круглая шляпа чернаго бархата съ бѣлыми вокругъ тульи перьями; второго—платье отличалось только тѣмъ, что мантія была краснаго бархата. Императрица въ сіи праздники обѣдала съ кавалерами сихъ орденовъ. Императоръ Павелъ, сверхъ того, учредилъ еще три кавалерскіе праздника: 1-й св. Іоанна Іерусалимскаго 24-го іюня, 2-й ордена св. Анны 3-го февраля и 3-й праздникъ всѣхъ орденовъ въ день св. Михаила 8-го ноября. Анненскій орденъ имѣлъ платья по классамъ, которыхъ тогда было три: 1-й лента черезъ плечо со звѣздою, 2-й крестъ на шеѣ, а 3-й на шпагѣ; платье вообще было: мантія пунцоваго бархата съ золотымъ глазетовымъ воротникомъ, шляпа круглая изъ такого же бархата, на одно поле поднято,—сверхъ котораго приколоты были пунцовыя перья. 1-й классъ имѣлъ мантію до каблука и на шляпѣ три пера; 2-й мантію до половины икры и на шляпѣ два пера; а 3-й мантію до колѣна и на шляпѣ одно перо. Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго платье состояло: изъ сюперъ-веста чернаго бархата съ большимъ мальтійскимъ крестомъ спереди и сзади. Ордена св. Георгія и св. Владиміра императоромъ Павломъ были уничтожены, какъ учрежденные, вѣроятно, его матерью. Въ кавалерскіе праздничные дни императоръ всегда самъ бывалъ въ процессіи, которая собиралась въ зеркальной комнатѣ, а кавалеры шли по два въ рядъ,—младшіе впереди,—въ большую придворную церковь и обратно. Его величество всегда былъ въ церемоніи въ императорской коронѣ и въ далматикѣ.

IV.

Зима 1798—1799 г.—Война съ Франціей.—Суворовъ вызывается въ Петербургъ.—Великій князь Константинъ Павловичъ отправляется въ дѣйствующую армію. — Визитъ Людовику XVIII въ Митавѣ. —Поступокъ Винценгероде.—Пребываніе въ Вѣнѣ.—Толки о Суворовѣ.—Графъ Безбородко.—Прибытіе въ армію.—Бассиньяно и его послѣдствія.—Военныя дѣйствія въ Италіи.—Швейцарскій походъ.—Встрѣча съ герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ.—Винценгероде.—Бесѣда съ Суворовымъ. — Эстергази въ Аугсбургѣ. — Возвращеніе въ Россію черезъ Прагу.—Чинъ генералъ-майора.—Быстрыя повышенія и производства.—Пріѣздъ въ Петербургъ и представленіе государю.—Немилость государя къ Конногвардейскому полку.—Полкъ переведенъ въ Царское Село и порученъ великому князю Константину Павловичу.—Формированіе Уваровымъ Кавалергардскаго полка. — Комаровскій и Сафоновъ переводятся въ армію.—Аудіенція у наслѣдника.—Хлопоты у Обольянинова. — Назначеніе комендантомъ Каменецъ-Подольской крѣпости.—Милость наслѣдника.—Отъѣздъ изъ Петербурга.

Я эту зиму былъ въ большой милости у великаго князя Константина Павловича и пользовался совершенною довѣренностію его высочества. Всякій день обѣдалъ за столомъ съ нимъ и съ великою княгинею. Между тѣмъ загорѣлась опять война у австрійцевъ съ французами, и на сей разъ Россія намѣрена была принять дѣятельное въ оной участіе. Императоръ Францъ, не находя, видно, между своими полководцами достойнаго противостоять французскимъ предводителямъ армій, обратился съ просьбою къ союзнику своему, императору Павлу 1-му, дать ему въ главнокомандующіе его арміею, никогда не побѣжденнаго фельдмаршала, графа Суворова-Рымникскаго, жившаго тогда подъ присмотромъ капитана-исправ-

ника въ Новгородской своей деревнѣ [1]). Императоръ Павелъ изъявилъ свое согласіе на просьбу Франца II-го. Посланъ былъ курьеръ за графомъ Суворовымъ, и фельдмаршалъ немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ принятъ былъ публикою съ восторгомъ. Во второмъ свиданіи императоръ, какъ уже гроссмейстеръ, надѣлъ на графа Суворова крестъ великаго бальи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Фельдмаршалъ поклонился объ руку государю и сказалъ:

— Спаси, Господи, царя.

Императоръ Павелъ, поднявъ его, обнялъ и отвѣчалъ:

— Тебѣ царей спасать.

Чтобы придать болѣе важности сей кампаніи и удовлетворить желанію великаго князя Константина Павловича, государю угодно было позволить его высочеству находиться волонтеромъ при графѣ Суворовѣ. Для сопровожденія великаго князя въ пути и для нахожденія въ арміи при его особѣ, назначенъ былъ изъ лучшихъ генераловъ Екатеринина вѣка генералъ-отъ-кавалеріи графъ Дерфельденъ. Между тѣмъ собирались три россійскія арміи на границѣ: 1-я подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Нумсена, долженствующая идти въ Италію, 2-я подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Корсакова—на Рейнъ и 3-я подъ командою генералъ-лейтенанта Германа—въ Голландію. Генералъ Нумсенъ скоро умеръ, и начальство принялъ старшій по немъ генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ. Графъ Суворовъ, пробывъ въ Петербургѣ съ недѣлю, отправился въ Вѣну.

---

[1]) Все преступленіе графа Суворова было, какъ говорили, въ томъ, что когда императоръ Павелъ спросилъ его мнѣнія насчетъ введеннаго его величествомъ новаго одѣянія войскъ, которыя имѣли прежде остриженые волосы въ кружокъ, а по новому положенію должны были имѣть косы и пукли, то Суворовъ будто отвѣчалъ между прочимъ: пукли не пушка, а коса не штыкъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ изволилъ выѣхать изъ Петербурга въ началѣ марта 1799 года [1]). Въ свитѣ его высочества находились: генералъ графъ Дерфельденъ, генералъ-майоръ Сафоновъ, великаго князя адъютанты, полковники: я и Лангъ, Измайловскаго полка поручикъ Озеровъ, и адъютанты графа Дерфельдена, кадетскаго корпуса поручикъ Перскій, двора его высочества докторъ Вельцинъ и лейбъ-хирургъ Линдстремъ, два пажа: Храповицкій, князь Гагаринъ и берейторъ Штраубе. Въ каретѣ съ великимъ княземъ сидѣли графъ Дерфельденъ, Сафоновъ и я. Сафонову поручена была экономическая часть, а я занимался всегда письменною. Императоръ Павелъ оказывалъ тогда большое покровительство французскимъ принцамъ. Когда принцъ Конде былъ въ Петербургѣ, его величество пожаловалъ ему домъ у Синяго моста, бывшій графа Чернышева, и на коемъ написано было: Hôtel Condé. Королю Людовику XVIII государь далъ убѣжище въ Митавѣ, гдѣ находится дворецъ бывшихъ герцоговъ курляндскихъ. Сей дворецъ назначенъ былъ для жительства короля. Въ проѣздъ черезъ Митаву великій князь послалъ меня навѣдаться о здоровьи Людовика XVIII и просить позволенія его навѣстить. Король мнѣ сказалъ, что онъ будетъ счастливъ увидѣть сына своего благодѣтеля. Его высочество приказалъ и намъ всѣмъ идти къ королю. Его величество встрѣтилъ великаго князя въ первой комнатѣ, въ коей въ два ряда стояли его gardes du corps. Ихъ оставалось еще нѣсколько человѣкъ. Дворъ короля былъ тогда довольно многочисленъ. Людовикъ XVIII взялъ великаго князя за руку, привелъ въ гостиную, куда и мы вошли, и, показавъ его высочеству порт-

---

[1]) Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ угодно было поручить мнѣ привезти для ея величества изъ Италіи разныхъ шелковъ и пармезанскаго сыру, до котораго императрица была охотница. Я обѣ сіи комиссіи исполнилъ въ точности.

ретъ императора Павла, который висѣлъ надъ канапе, сказалъ:

— Вотъ мой благодѣтель.

Потомъ великій князь представилъ насъ королю. Его величество пригласилъ его высочество, и со всѣми нами, къ обѣденному своему столу. Насъ сидѣло за столомъ особъ пятьдесятъ. Первый камеръ-юнкеръ короля былъ герцогъ Дюрасъ. Я видѣлъ тутъ много другихъ особъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ французскимъ фамиліямъ. На самой австрійской границѣ ожидалъ уже его высочество, присланный для встрѣчи и для сопровожденія великаго князя до Вѣны, отъ императора Франца II-го, князь Эстергази, сынъ и наслѣдникъ того, который былъ посломъ при коронаціи въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Во время путешествія его высочества черезъ владѣнія императора римскаго отдаваемы были великому князю всѣ возможныя военныя почести. Не доѣзжая до Вѣны, на послѣднюю станцію, выѣхалъ на встрѣчу дядя его высочества герцогъ Фердинандъ Виртембергскій, бывшій тогда военнымъ губернаторомъ вѣнскимъ.

Я долженъ теперь обратиться нѣсколько назадъ. Лѣтомъ 1798 года, пріѣхалъ съ письмомъ къ великому князю Константину Павловичу отъ герцогини Кобургской, матери великой княгини Анны Θеодоровны, находившійся въ службѣ герцога Кобургскаго, подполковникъ баронъ Винценгероде, который по просьбѣ его высочества великаго князя Константина Павловича былъ принятъ въ нашу службу маіорскимъ чиномъ и назначенъ адъютантомъ къ великому князю. Когда начались слухи о войнѣ у австрійцевъ съ французами и еще неизвѣстно было, что Россія будетъ въ оной участвовать, Винценгероде просился служить волонтеромъ въ австрійской арміи, но императоръ Павелъ ему отказалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его величеству неугодно, чтобы слу-

жащіе въ его войскахъ чиновники находились волонтерами въ чужихъ арміяхъ; а какъ иностранца, вѣроятно, неугодно было назначить Винценгероде быть при великомъ князѣ во время кампаніи. Онъ, однако же, упросилъ наслѣдника написать письмо къ герцогу Фердинанду Виртембергскому, что такъ какъ Винценгероде началъ свою службу въ австрійской арміи, то чтобы герцогъ исходатайствовалъ у императора Франца принять опять его въ свою службу, а онъ, подъ предлогомъ фамильныхъ дѣлъ, отпросится въ отпускъ за-границу. Когда великій князь Константинъ Павловичъ сѣлъ въ карету Фердинанда, чтобы вмѣстѣ доѣхать до Вѣны, герцогъ просилъ позволенія у его высочества прочитать письмо наслѣдника, врученное ему великимъ княземъ, говоря, что, вѣроятно, великій князь Александръ Павловичъ не пишетъ къ нему никакихъ секретовъ; каково же было удивленіе обоихъ, когда они увидѣли, что Винценгероде все это дѣлалъ скрытно отъ великаго князя Константина Павловича, у котораго онъ былъ адъютантомъ; а, сверхъ того, наслѣдникъ проситъ герцога, чтобы братъ его, Константинъ Павловичъ, ничего о семъ не зналъ. Сей поступокъ Винценгероде очень прогнѣвалъ его высочество, равно и соучастіе въ немъ наслѣдника его огорчило. Я все это слышалъ отъ самого великаго князя.

Мы пріѣхали прямо въ Бургъ: такъ называютъ въ Вѣнѣ императорскій дворецъ. Великій князь переодѣлся и пошелъ къ императору. Для всей свиты его высочества отведены были во дворцѣ комнаты, назначена прислуга, экипажъ и верховыя лошади. На другой день великій князь представилъ всѣхъ насъ императору. Мы всякій день приглашаемы были къ гофмаршальскому столу, а его высочество обѣдалъ съ императоромъ. Мы вообще мало приглашаемы были вѣнскими вельможами; только одинъ посолъ нашъ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій ста-

рался угощать великаго князя и всю его свиту. Онъ давалъ большіе обѣды, завтраки и нѣсколько баловъ въ домѣ своемъ въ Пратерѣ, который тогда еще не былъ такъ великолѣпенъ, какъ теперь.

Между тѣмъ, лишь только графъ Суворовъ пріѣхалъ къ арміи, какъ начались побѣды; всякій день бюллетень объявлялъ о какомъ-нибудь выигранномъ сраженіи, такъ что графъ Дерфельденъ, спустя нѣсколько дней, сказалъ мнѣ:

— Надобно просить великаго князя ѣхать скорѣе къ арміи, а то мы ничего не застанемъ; я знаю Суворова, теперь уже онъ не остановится.

Въ Вѣнѣ только и разговоровъ было тогда, что о славномъ нашемъ полководцѣ. Когда онъ выѣзжалъ изъ своей квартиры, весь народъ бѣжалъ за нимъ и кричалъ: виватъ Суворовъ! и провожалъ его до того мѣста, гдѣ онъ останавливался. Выходя изъ кареты, фельдмаршалъ обращался къ народу и кричалъ: виватъ Францъ! Сказывали, что одинъ разъ онъ былъ приглашенъ въ оберъ-кригсъ-ратъ, и просили графа Суворова привезти съ собой планъ кампаніи. Фельдмаршалъ пріѣзжаетъ, садится на назначенное ему мѣсто. Начались между тѣмъ разныя сужденія; потомъ графъ Тугутъ, первый того времени министръ, обращается къ графу Суворову и говоритъ:

— Вы, господинъ фельдмаршалъ, изволили, вѣроятно, уже сдѣлать и привезти съ собой вашъ планъ кампаніи?

Графъ Суворовъ встаетъ съ своего мѣста, вынимаетъ изъ-подъ мундира большой листъ бумаги, развертываетъ и кладетъ на столъ; всѣ увидѣли съ удивленіемъ, что это былъ листъ бѣлой бумаги, и потомъ сказалъ присутствующимъ:

— Я другихъ плановъ кампаніи никогда не дѣлалъ,—поклонился всѣмъ и уѣхалъ.

Наконецъ, назначенъ былъ день нашего отъѣзда изъ Вѣны къ арміи. За нѣсколько дней предъ выѣз-

домъ нашимъ изъ Петербурга, великій князь послалъ меня, по волѣ императора, спросить у графа Безбородко, кому и какіе должно будетъ дѣлать подарки при вѣнскомъ дворѣ. Я не могу не отдать и при семъ случаѣ полную справедливость необыкновенной памяти, великимъ познаніямъ и свѣдѣніямъ графа о всѣхъ европейскихъ дворахъ. Онъ началъ мнѣ разсказывать, какъ будто читая въ книгѣ, родословную всѣхъ вельможъ вѣнскихъ, кто изъ нихъ чѣмъ прославился, кто и въ какое время наиболѣе оказалъ услугу двору нашему, такъ что я около часу слушалъ его съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ, и познакомилъ меня почти со всѣми вельможами, которыхъ я увижу въ Вѣнѣ. Потомъ онъ сѣлъ и написалъ своей рукой списокъ всѣмъ, которымъ должно дать подарки, и какіе именно.

— Табакерку съ портретомъ его высочества, осыпанную брильянтами, назначивъ въ какую цѣну,— сказалъ онъ,—должно подарить тому, кто посланъ будетъ на встрѣчу великаго князя. Вѣроятно, это будетъ или князь Эстергази, или князь Лихтенштейнъ, ибо сіи тутъ двѣ знатнѣйшія фамиліи въ Австріи.

Графъ, конечно, и о прочихъ дворахъ имѣлъ такія же свѣдѣнія. Когда я получилъ приказаніе отъ великаго князя дѣлать подарки, его высочество приказалъ мнѣ показать списокъ, данный мнѣ графомъ Безбородкою, послу нашему графу Разумовскому. Онъ, прочитавъ его, сказалъ:

— Графъ Безбородко совершенный геній; онъ лучше это знаетъ, никогда не выѣзжавши изъ Россіи, нежели я, который слишкомъ 15-ть лѣтъ живу здѣсь.

Князю Эстергази приказано было отъ императора сопровождать великаго князя до главной квартиры фельдмаршала. Его высочеству угодно было возложить на меня вести журналъ пребыванія его въ арміи, въ которомъ описаны всѣ баталіи, военныя

движенія и дѣйствія, при коихъ великій князь находился. Сей журналъ помѣщенъ былъ отрывками въ военномъ журналѣ, издаваемомъ свиты его величества капитаномъ Рахмановымъ, и у меня оный находится въ спискѣ, а потому и упоминать здѣсь о происшествіяхъ сей достопамятной кампаніи, которая, впрочемъ, извѣстна всему ученому свѣту изъ сочиненій разныхъ классическихъ авторовъ, я нахожу излишнимъ, а ограничусь только изложеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, не относящихся собственно до военныхъ дѣйствій. По пріѣздѣ въ армію, мы нашли фельдмаршала въ Вогерѣ; это было поздно вечеромъ; лишь только онъ узналъ, что великій князь къ нему пришелъ, графъ Суворовъ выскочилъ изъ другой комнаты, подошелъ къ его высочеству, поклонился ему объ руку и сказалъ:

— Сынъ природнаго нашего государя.

Фельдмаршалъ былъ одѣтъ въ короткомъ бѣломъ кителѣ; на головѣ имѣлъ родъ каски, на которой былъ вензель F II, на шеѣ Мальтійскій крестъ великаго бальи, на широкой черной лентѣ, а глазъ завязанъ чернымъ платкомъ; онъ не снялъ, вѣроятно, каски потому, что она придерживала перевязку. Его высочество обнялъ фельдмаршала, поцѣловалъ и спросилъ:

— Что это у васъ, графъ Александръ Васильевичъ, глазъ завязанъ?

— Ахъ, ваше высочество, — отвѣчалъ фельдмаршалъ,—вчерашній день проклятые немогузнайки меня опрокинули въ ровъ, и чуть косточекъ моихъ всѣхъ вдребезги не разбили [1]).—Потомъ, подходя къ графу Дерфельдену, сказалъ: «не вижу.»

---

[1]) Казаки взяли въ реквизицію гдѣ-то одну небольшую синяго цвѣта карету. Графъ Суворовъ ее увидѣлъ и приказалъ купить: въ этой каретѣ онъ всегда ѣздилъ запряженною парою лошадей, которыхъ брали изъ ближнихъ деревень, и съ кучеромъ изъ мужиковъ, а кривой его поваръ стоялъ всегда лакеемъ на запяткахъ.

Великій князь ему назвалъ генерала.

— Старинный пріятель и сослуживецъ, Вильгельмъ Христофоровичъ! — сказалъ фельдмаршалъ, перекрестясь, поцѣловалъ крестъ, который находится въ Андреевской звѣздѣ;—намъ должно,—продолжалъ онъ,—его высочество, сына природнаго нашего государя,—и опять поклонился объ руку,—беречь болѣе, нежели глаза свои: у насъ ихъ два, а великій князь у насъ здѣсь одинъ.

Его высочество подвелъ ему и всѣхъ насъ. Графъ Суворовъ между прочимъ сказалъ великому князю:

— Ваше высочество, говорятъ, что будто трудно служить двумъ государямъ, а мы служимъ же трехъипостасной троицѣ.

На другой день фельдмаршалъ пришелъ къ великому князю въ полномъ фельдмаршальскомъ австрійскомъ мундирѣ, ибо онъ принятъ былъ симъ чиномъ въ австрійскую службу, и долго находился въ кабинетѣ его высочества. Вышедъ оттуда, великій князь назвалъ ему князя Эстергази, который былъ одѣтъ въ богатѣйшемъ своемъ венгерской гвардіи мундирѣ, которою онъ тогда командовалъ. Графъ Суворовъ сказалъ ему по нѣмецки:

— Прошу васъ донести императору, что я войсками его величества очень доволенъ; они дерутся почти такъ же хорошо, какъ и русскіе.

Сіе послѣднее, казалось, было не очень пріятно слышать надменному князю Эстергази. Въ тотъ же самый день великій князь отправился къ корпусу россійскихъ войскъ, по совѣту фельдмаршала, а князь Эстергази—въ Вѣну. Послѣ неудачнаго сраженія 1-го мая подъ Бассиньяно, великій князь послалъ меня къ фельдмаршалу, ибо онъ требовалъ, чтобы его высочество самъ и войска, бывшія въ сраженіи, пришли въ его главную квартиру. Его высочество отговорился тѣмъ, что находится при войскахъ, и съ ними прибудетъ. Графъ Суворовъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ съ грознымъ видомъ:

— Я сейчасъ велю васъ и всѣхъ вашихъ товарищей сковать и пошлю къ императору Павлу съ фельдъегеремъ; какъ вы смѣли допустить великаго князя подвергать себя такой опасности? Если бы его высочество, — чего Боже сохрани, — взятъ былъ въ плѣнъ, какой бы стыдъ былъ для всей арміи, для всей Россіи, какой ударъ для августѣйшаго его родителя, и какое торжество для республиканцевъ! Тогда принуждены бы мы были заключить самый постыдный миръ, словомъ такой, какой бы предписали намъ наши непріятели [1]).

Во все это время онъ ходилъ по комнатѣ, а я молчалъ.

Потомъ спросилъ онъ у меня, какъ великъ конвой изъ казаковъ при его высочествѣ?

Я отвѣчалъ: «20 человѣкъ при одномъ оберъ-офицерѣ».

Фельдмаршалъ, уже нѣсколько успокоясь, продолжалъ: «мало».

Тотчасъ позвалъ адъютанта и приказалъ изъ своего конвоя отрядить сто казаковъ, при самомъ исправномъ штабъ-офицерѣ, и внушить имъ, что они должны быть тѣлохранителями сына ихъ императора. Потомъ графъ Суворовъ меня отпустилъ и приказалъ съ симъ конвоемъ отправиться къ великому князю. Я передалъ его высочеству весь разговоръ фельдмаршала.

— Такъ онъ очень сердитъ? — сказалъ великій князь и задумался.

На другой день войска выступили, и великій князь поѣхалъ въ главную квартиру. Едва его высочество вошелъ къ графу Суворову, какъ онъ встрѣтилъ его въ передней, просилъ войти въ свою комнату, гдѣ они заперлись. Бесѣда продолжалась очень долго, и

---

[1]) Извѣстно, что, когда графъ Суворовъ находился съ кѣмъ-либо наединѣ, то онъ говорилъ съ большимъ краснорѣчіемъ и умомъ.

великій князь вышелъ изъ оной очень красенъ. Фельдмаршалъ хотѣлъ было отдать приказъ по арміи и отнести всю неудачу сраженія 1-го мая къ неопытности и лишней запальчивости юности, но тогда бы всѣ узнали, что сіе относится до великаго князя. Дѣйствительно, его высочество весьма погорячился. Когда открытъ былъ непріятель на высотахъ противолежащаго берега подъ крѣпостью Валенцою, и когда нѣсколько баталіоновъ нашихъ переправились черезъ рѣку По на островъ, съ котораго можно было перейти въ бродъ на другой берегъ, то великій князь сказалъ генералу Розенбергу:

— Нечего мѣшкать, ваше превосходительство, прикажите людямъ идти впередъ.

Генералъ отвѣчалъ его высочеству: «Мы слишкомъ еще слабы; не дождаться ли намъ подкрѣпленія?»

Великій князь возразилъ: «Я вижу, ваше превосходительство, что вы привыкли служить въ Крыму; тамъ было покойнѣе и непріятеля въ глаза не видали» [1]).

Генералъ Розенбергъ, оскорбленный до глубины сердца такимъ упрекомъ, отвѣчалъ: «Я докажу, что я не трусъ»,—вынулъ шпагу, закричалъ солдатамъ: «за мной!» и самъ пошелъ первый въ бродъ.

Сія поспѣшность имѣла самыя дурныя послѣдствія [2]). Генералъ Розенбергъ во всю кампанію служилъ съ отличною храбростью.

---

[1]) Генералъ Розенбергъ точно нѣсколько лѣтъ командовалъ въ Крыму войсками и оттуда назначенъ былъ въ итальянскую армію.

[2]) По пріѣздѣ въ Вѣну, его высочество приказалъ берейтору своему Штраубе купить для своего сѣдла лошадей, и всякій изъ насъ далъ ему такую же комиссію. Хотя Штраубе и накупилъ всѣхъ нужныхъ лошадей для великаго князя и для его свиты, но онѣ не могли поспѣть къ дѣлу 1-го мая. Генералъ графъ Милорадовичъ, великолѣпный во всѣхъ его дѣяніяхъ, по прибытіи его высочества къ корпусу генерала Розенберга, въ которомъ Милорадовичъ служилъ, подвелъ къ великому князю прекрасную англійскую лошадь; Сафонова и меня, какъ бывшихъ съ нимъ ополчанъ, ссудилъ тоже англійскими лошадьми. Изъ сихъ лошадей, въ дѣлѣ при Бассиньяно, одна только лошадь его высочества уцѣлѣла, а Сафонова и моя пропали.

Послѣ сего несчастнаго сраженія мы были свидѣтелями только однѣхъ побѣдъ въ прекраснѣйшей странѣ всей Европы, а такъ какъ военныя дѣйствія происходили въ сѣверной части Италіи, то и отъ жаровъ мы вовсе не страдали. Во всемъ мы находили изобиліе, великое множество всякаго рода фруктовъ, а, сверхъ того, за нами слѣдовала повсюду очень изрядная труппа актеровъ, между которыми были отличные прыгуны; лишь только останавливались въ какомъ-нибудь городкѣ, ибо во всякомъ изъ нихъ есть театръ, мы ходили провести наши вечера въ итальянскую оперу. Словомъ, вся почти эта кампанія не что иное была, какъ самая пріятная прогулка, и въ самомъ дѣлѣ мы пріѣхали въ Верону въ концѣ апрѣля, а 6-го августа была славная баталія при городѣ Нови, на границѣ Генуэзской республики. Итакъ, съ небольшимъ въ три мѣсяца, мы прошли и очистили отъ непріятеля всѣ владѣнія Венеціанской республики, всю Ломбардію и весь Піемонтъ. Въ теченіе сего времени армія возвращалась отъ Турина назадъ до Піяченцы, гдѣ три дня продолжалась знаменитая баталія на трехъ рѣкахъ: Тидонѣ, Требіи и Нурѣ, и опять пришли къ Турину.

Походъ черезъ Альпійскія горы не представлялъ намъ никакихъ выгодъ, ни такого изобилія въ продовольствіи, какъ Италія. Напротивъ того, въ осеннее время, съ безпрестанными дождями, а часто и снѣгомъ, безъ бараковъ, которыхъ не изъ чего было сдѣлать, армія находилась подъ открытымъ небомъ и питалась однимъ сыромъ и картофелемъ, отъ чего сдѣлались болѣзни. Пріятно, однако же, было видѣть, съ какимъ радушіемъ встрѣчали насъ добрые швейцарцы: они выносили навстрѣчу нашимъ солдатамъ вино, хлѣбъ, сыръ и фрукты. Когда мы перешли черезъ Сентъ-Готардъ, великій князь послалъ меня поздравить фельдмаршала съ совершеніемъ столь многотруднаго и знаменитаго похода, и что имя его пріо-

брѣло тѣмъ незабвенную славу въ исторіи. Графъ Суворовъ принялъ сіе поздравленіе со всеподданническою признательностію, какъ отъ сына природнаго своего государя,—это были его слова. При семъ я отъ себя прибавилъ ему комплиментъ, но фельдмаршалъ мнѣ отвѣчалъ:

— А Ганнибалъ?—онъ первый то же сдѣлалъ.

Когда уже кончилась наша швейцарская экспедиція, и армія слѣдовала на свои кантониръ-квартиры въ Аугсбургъ, великій князь, находясь всегда при ней, въ одномъ небольшомъ городкѣ, на берегу Рейна, нашелъ дядю своего герцога Александра Виртембергскаго, который служилъ тогда въ австрійской арміи генераломъ и командовалъ отрядомъ арміи эрцъ-герцога Карла. Герцогъ былъ очень радъ увидѣться съ его высочествомъ; всѣхъ насъ принялъ очень ласково и угостилъ обѣдомъ. Во время ретирады австрійской арміи герцогъ долженъ былъ защищать одинъ мостъ; къ нему присланъ былъ отъ корпуса генерала Корсакова генералъ-майоръ Титовъ съ нѣсколькими баталіонами въ подкрѣпленіе; герцогъ съ великою похвалою отзывался о личной генералъ-майора Титова храбрости и бывшихъ подъ его командою войскъ. Я, почти въ это же время, получилъ письмо отъ Винценгероде, въ которомъ онъ съ какою-то боязливостію рѣшается о себѣ мнѣ напомнить, какъ о бывшемъ моемъ сотоварищѣ, и просить меня повергнуть его, какъ онъ пишетъ въ своемъ письмѣ, къ стопамъ великаго князя, чего самъ онъ сдѣлать никакъ не осмѣливается. Я, однако же, выбравъ удобную минуту, показалъ оное его высочеству; я примѣтилъ, что великій князь перемѣнился въ лицѣ и сказалъ:

— Никогда мнѣ не говорите объ немъ.

Наконецъ, главная квартира фельдмаршала, который получилъ тогда же отъ императора Павла титулъ генералиссимуса и князя Италійскаго, пришла въ Аугсбургъ, а великій князь остановился въ неболь-

шомъ разстояніи, въ одномъ городкѣ. Черезъ нѣсколько дней его высочество послалъ меня къ князю Суворову испросить позволенія, пока не рѣшено будетъ объ участи нашей арміи, съѣздить въ Кобургъ, для свиданія съ родителями его супруги, великой княгини Анны Ѳеодоровны. Едва доложили генералиссимусу, что я присланъ отъ его высочества, онъ приказалъ мнѣ войти къ себѣ. Я исполнилъ данное мнѣ порученіе отъ его высочества. Князь Суворовъ сказалъ мнѣ:

— Доложите великому князю, сыну природнаго моего государя, что я самъ въ повелѣніяхъ его высочества, и чтобы изволилъ дѣлать, что ему угодно.

Между тѣмъ, онъ спросилъ прежде, вѣроятно, о моемъ имени и отчествѣ, назвавъ меня оными и показавъ мнѣ стулъ, стоящій подлѣ стола, а самъ сѣлъ на канапе противъ меня и, облокотясь обоими локтями на столъ, закрылъ глаза и сказалъ мнѣ:

— Садись, слушай и перескажи его высочеству, что я буду говорить.—Князь началъ свой разговоръ о тогдашней политикѣ всѣхъ дворовъ. Говоря объ Англіи, онъ сказалъ: сія держава старается поддерживать только вражду противъ Франціи всѣхъ прочихъ государствъ, дабы не дать ей усилиться, ибо одна Франція можетъ соперничествовать съ Англіею на моряхъ; политика ея лукава. Въ доказательство тому князь Суворовъ привелъ, что англійское министерство, завидуя успѣхамъ нашей арміи въ Италіи, домогалось и интриговало, чтобы оная послана была въ Швейцарію, гдѣ, по малолюдству своему, армія наша могла погибнуть. Сверхъ того, англійскій флотъ, блокировавшій Геную, допустилъ французскому гарнизону, тамъ находящемуся, моремъ получить и секурсъ и продовольствіе.—Австрійская политика,—продолжалъ онъ,—самая вѣроломная и управляема врагомъ своего отечества Тугутомъ, который, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на защиту лишенныхъ пре-

стола королей, своихъ союзниковъ, вздумалъ дѣлать пріобрѣтенія изъ завоеванныхъ нами у непріятеля городовъ и провинцій. Гофъ-кригсъ-ратъ, мой злѣйшій непріятель, предписалъ мимо меня генералу Меласу на всякомъ, взятомъ нами у непріятеля, городѣ выставлять австрійскій императорскій гербъ, но я сему воспротивился. Австрійцы дорого заплатятъ за ихъ вѣроломство. Одинъ нашъ императоръ поступаетъ, какъ прилично высокому союзнику, безо всякихъ видовъ корысти и изъ единаго похвальнаго подвига, чтобы возстановить и храмъ Божій и престолы царей. Сію монаршую волю мы, кажется, сколько могли, исполнили. Я сдѣлался старъ и слабъ,—присовокупилъ онъ,—и одной прошу милости у всемилостивѣйшаго государя моего, чтобы отпустилъ меня домой. Мы увидимъ, что будетъ съ австрійцами, когда бичъ ихъ Бонапарте возвратится въ Европу [1]).

Генералиссимусъ еще со мной нѣсколько времени говорилъ, но что я могъ теперь припомнить, кажется, было самое интересное изъ его разговора. Великій князь былъ очень доволенъ отданнымъ мною его высочеству отчетомъ о сужденіяхъ князя Суворова.

Австрійскій кабинетъ, увидя, но поздно, что князь Суворовъ, огорченный дѣйствіями онаго, рѣшительно желаетъ оставить армію, а тѣмъ уничтожиться можетъ и коалиція съ Россіею, вознамѣрился прислать князя Эстергази въ главную квартиру, въ Аугсбургъ, какъ особу, которой великій князь оказывалъ милости. Инструкція князя Эстергази состояла въ томъ, чтобы склонить его высочество быть посредникомъ между двумя императорами; что недоумѣніе происходило отъ того, что министры во взаимныхъ своихъ сношеніяхъ не всегда соблюдали строго интересы обѣихъ державъ. Князь Эстергази привезъ отъ императора Франца двѣ ленты военнаго ордена Маріи-

---

[1]) Бонапарте былъ тогда въ Египтѣ.

Терезіи: одну великому князю, а другую князю Суворову; два ордена на шею: князю Багратіону и Милорадовичу, и нѣсколько орденовъ въ петлицу, которые предоставлено было генералиссимусу возложить по его усмотрѣнію на тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ болѣе отличившимися при освобожденіи отъ непріятеля Италіи. Нельзя болѣе было показать уваженія къ услугамъ князя Суворова и къ нему самому. Въ то же почти время и король Сардинскій прислалъ генералиссимусу цѣпь военнаго ордена св. Лазаря и Маврикія, нѣсколько орденовъ на шею и въ петлицу; изъ сихъ послѣднихъ и я получилъ. Даже камердинеръ князя Суворова, Прошка, получилъ золотую медаль съ изображеніемъ короля, для ношенія на зеленой лентѣ на шеѣ. Удостоеніе сими орденами предоставлено было тоже на произволъ князя Суворова, за освобожденіе Піемонта отъ непріятеля, какъ провинціи, принадлежащей королю Сардинскому [1]). Князь Эстергази открылся первому мнѣ о данномъ ему порученіи касательно великаго князя. Я ему сказалъ, что не могу взять на себя довести сего до свѣдѣнія его высочества, а чтобы онъ испросилъ аудіенцію и самъ бы объяснился съ великимъ княземъ. Для испрошенія сей аудіенціи князь Эстергази отнесся ко мнѣ офиціально. Его высочество отвѣчалъ ему письменно, что онъ въ арміи находится волонтеромъ, что дипломатическія отношенія между союзными дворами вовсе ему неизвѣстны, что онъ не можетъ войти ни въ какое посредничество безъ высочайшей воли императора, его родителя; и что онъ, видя въ князѣ Эстергази теперь дипоматическое лицо, дол-

---

[1]) Цѣпь носится на шеѣ, и тотъ, который получаетъ оную, называется le cousin du roi. Князь Суворовъ поступилъ при раздачѣ орденовъ болѣе пристрастно, нежели справедливо, ибо получили оные или родственники его, бывшіе въ арміи, или находящіеся при немъ чиновники; изъ отличившихся же дѣйствительно въ арміи никто почти оныхъ не былъ удостоенъ.

женъ перемѣнить образъ своего съ нимъ обращенія [1]). Сей отзывъ его высочества чрезмѣрно огорчилъ князя Эстергази, ибо Тугутъ увѣренъ былъ, что посланные ордена великому князю, генералиссимусу и прочимъ чиновникамъ россійской арміи произведутъ желаемое имъ дѣйствіе, и что князь Эстергази несомнѣнно успѣетъ въ своей миссіи. Сіе подтвердилось тѣмъ, что князь Эстергази опять обратился ко мнѣ и въ отчаяніи своемъ сказалъ:

— Я нахожусь въ такомъ положеніи, что мнѣ нельзя почти возвратиться въ Вѣну; министръ требовалъ отъ меня, чтобы я непремѣнно привезъ согласіе великаго князя на сдѣланное его высочеству предложеніе.

Я ему совѣтовалъ стараться испросить свиданія съ княземъ Суворовымъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Какъ можно говорить съ такимъ человѣкомъ, отъ котораго нельзя добиться толку.

— Вы его не знаете,—возразилъ я,—и если князь васъ приметъ наединѣ, то вы совсѣмъ другихъ будете о немъ мыслей.

Долго князь Эстергази не получалъ удовлетворительнаго отвѣта, наконецъ, князь Суворовъ назначилъ ему часъ свиданія, и мнѣ случилось съ Эстергази встрѣтиться, какъ онъ выходилъ отъ генералиссимуса. Увидя меня, онъ сказалъ:

— C'est vrai, c'est un diable d'homme. Il a autant d'esprit, que de connaissance, mais je n'ai rien pu obtenir de lui [2]).

И скоро послѣ того князь Эстергази уѣхалъ въ Вѣну. Такимъ образомъ окончилась и война для Россіи, и дружескія ея отношенія къ австрійской державѣ. Начало сего сразу ознаменовалось тѣмъ, что великій князь, на возвратномъ пути своемъ въ Рос-

---

[1]) Я сохранилъ у себя всю бывшую по сему предмету переписку.

[2]) Дѣйствительно, это изумительный человѣкъ!!.. У него столько же ума, сколько свѣдѣній, но я ничего не могъ отъ него добиться.

сію, не поѣхалъ уже на Вѣну, а на Прагу. Я въ семъ городѣ получилъ приказъ, отданный при паролѣ отъ 4-го ноября въ Петербургѣ, что я, по старшинству, произведенъ въ генералъ-майоры, съ оставленіемъ при прежней должности; и такъ я съ небольшимъ въ семь лѣтъ изъ сержантовъ гвардіи получилъ генералъ-майорскій чинъ. Это могло случиться только въ царствованіе императора Павла, гдѣ безпрестанныя были выключки, отставки, а потому и большія производства. Здѣсь можно привести въ примѣръ Аркадія Ивановича Нелидова. При восшествіи императора Павла на престолъ, т. е. 6-го ноября 1796 года, онъ только что выпущенъ былъ изъ камеръ-пажей въ поручики гвардіи; въ мартѣ мѣсяцѣ 1797 года онъ былъ генералъ-майоромъ и генералъ-адъютантомъ, а въ день коронаціи получилъ Аннинскую ленту и тысячу душъ. Я забылъ выше сказать, что въ тотъ же самый день, всѣ служившіе въ гатчинскихъ и павловскихъ баталіонахъ штабъ- и оберъ-офицеры получили деревни отъ 100 и до 250 душъ, по чинамъ, а нѣкоторые, какъ графъ Аракчеевъ, Кологривовъ, Донауровъ, Кушелевъ и проч.—по 2.000 душъ. Я выѣхалъ изъ Италіи въ Аннинскомъ крестѣ на шеѣ, брильянтами украшенномъ, съ командорскимъ крестомъ Іоанна Іерусалимскаго, съ пенсіономъ по 300 рублей въ годъ, изъ почтовыхъ доходовъ, и съ крестомъ въ петлицѣ ордена св. Лазаря и Маврикія.

Мы пріѣхали въ Петербургъ 27-го декабря 1799 года. Императоръ Павелъ принялъ великаго князя съ большою радостью; на другой день его высочество представлялъ насъ государю. По тогдашнему обыкновенію, должно было стать на колѣно тому, кто за что-нибудь благодарилъ; а какъ всякій изъ насъ долженъ благодарить или за чинъ, или за полученные во время кампаніи знаки отличія, то императоръ, не допуская становиться на колѣно, всякаго изъ насъ обнималъ, говоря при томъ:

— Не вы, а я васъ благодарить долженъ за службу вашу мнѣ и царевичу; — а, ко мнѣ оборотясь, сказалъ:—ты, сверхъ того, еще и отличилъ себя въ сраженіяхъ, командуя баталіономъ[1]).

Одинъ разъ государь спросилъ у великаго князя, покойна ли теперешняя одежда для солдата во время походовъ. Императоръ зналъ, что во всю кампанію содаты штиблетъ не надѣвали, а унтеръ-офицерскія галебарды, которыя были въ 4 аршина, всѣ изрублены были на дрова, когда проходили снѣжныя Альпійскія горы.

— Я готовъ сдѣлать всякую перемѣну въ одѣяніи,—продолжалъ государь,—ибо удобность познается опытомъ.

Тогда его высочество отвѣчалъ, что башмаки, штиблеты и особливо унтеръ-офицерскія галебарды вовсе не удобны въ походѣ. На сіе императоръ ему сказалъ:

— Прикажи одѣть рядового и унтеръ-офицера во всей аммуниціи и вооруженіи, и представь мнѣ для образца.

Великій князь черезъ нѣсколько дней представилъ императору образцовыхъ; такъ какъ форма немного походила на бывшую при императрицѣ, государь съ гнѣвомъ сказалъ его высочеству:

— Я вижу, ты хочешь ввести потемкинскую одежду въ мою армію; чтобы они шли съ глазъ моихъ долой—и самъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ находились образцовые.

Великій князь увидѣлъ, но поздно, что государь хотѣлъ только вывѣдать его мысли насчетъ формы, имъ введенной, а не перемѣнить оную. Съ тѣхъ поръ началась холодность къ великому князю и ко всѣмъ бывшимъ при немъ, а потомъ гоненія на участво-

---

[1]) Товарищъ мой, его высочества адъютантъ, полковникъ Лангъ, тоже командовалъ баталіономъ; онъ умеръ отъ раны, полученной при озерѣ Клюнталь.

вавшихъ въ итальянской кампаніи. Извѣстно, какъ поступлено было съ княземъ Суворовымъ, котораго императоръ приглашалъ пріѣхать въ Петербургъ, обѣщая принять его, какъ Римъ принималъ своихъ тріумфаторовъ; вмѣсто того, лишь только генералиссимусъ пріѣхалъ на нашу границу, какъ ему сдѣланъ былъ выговоръ, въ приказѣ по арміи, за то, что во время кампаніи онъ имѣлъ при себѣ противъ устава дежурнаго генерала, вмѣсто бригадъ-майора, и что князь Суворовъ умеръ, не видавши императора. Я слышалъ отъ наслѣдника, что государю завидно было, что князь Суворовъ пріобрѣлъ такую славу, а не онъ самъ; отъ сего въ немъ родилась зависть и ненависть ко всѣмъ служившимъ въ сей знаменитой кампаніи. Полкъ конной гвардіи съ давняго времени имѣлъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ императора. Января 6-го 1800 года, въ день Богоявленія Господня, былъ обыкновенный парадъ для освященія знаменъ и штандартовъ; полкъ сей, въ числѣ прочихъ войскъ, бывшихъ въ парадѣ, проходилъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя и такъ его прогнѣвалъ, что множество офицеровъ, въ томъ числѣ четыре брата Васильчиковыхъ, были посажены подъ арестъ и выключены изъ службы; одинъ Илларіонъ Васильевичъ остался при дворѣ камергеромъ, которымъ онъ былъ прежде. С. И. Мухановъ, командиръ полка, былъ выключенъ изъ службы и лишенъ Аннинскаго креста 2-го класса, котораго онъ былъ кавалеръ. Отдано было въ приказѣ, чтобы конногвардейскій полкъ въ тотъ же самый день выступилъ въ Царское Село. Великому князю Константину Павловичу поручено было принять сей полкъ подъ свое начальство и стараться истребить изъ онаго духъ буйства и бунтовщицкій, которымъ сей полкъ зараженъ. Его высочеству приказано жить въ Царскомъ Селѣ, въ своемъ домѣ, который былъ купленъ для него императрицею Екатериною у фаворита ея Ланскаго. Я въ тотъ

самый день занемогъ, и потому не поѣхалъ въ Царское Село съ великимъ княземъ. Его высочество нашелъ дворецъ свой во всю зиму нетопленнымъ, и оттого холодъ въ ономъ былъ ужасный; я пріѣхалъ на третій день и увидѣлъ, что всѣ мои товарищи въ комнатахъ сидятъ въ шинеляхъ на мѣху. Великая княгиня Анна Ѳеодоровна такъ сильно простудилась въ семъ домѣ, что едва не умерла отъ жестокой горячки [1]). Великій князь взялъ съ собой въ Царское Село двухъ офицеровъ Измайловскаго полка: Олсуфьева и Опочинина, которые потомъ были его адъютантами. Императоръ прикомандировалъ къ его высочеству двухъ своихъ генералъ-адъютантовъ: Кожина и князя А. Ф. Щербатова. Бѣдная конная гвардія должна была всякій день, по колѣно въ снѣгу, дѣлать ученья, не взирая на жестокость морозовъ. Говорили, что Г. А. Кожинъ былъ присланъ съ тѣмъ, чтобы и о дѣйствіяхъ великаго князя доносить императору. Великому князю позволено было только по воскресеньямъ пріѣзжать въ Петербургъ съ Сафоновымъ. Его высочество наслѣдникъ, когда я отъѣзжалъ въ Царское Село, изволилъ мнѣ сказать:

— Если тебѣ нужно будетъ пріѣзжать въ Петербургъ, то отнюдь не прописывайся на заставѣ своимъименемъ, а чужимъ, или Ахта, или Линдстрема, а то тебѣ будетъ худо.

Первый былъ камердинеръ, а другой лейбъ-хирургъ при его высочествѣ. Я во всякомъ случаѣ находилъ неоцѣненнымъ для меня участіе, которое его высочество наслѣдникъ принималъ во мнѣ. Од-

---

[1]) Незадолго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ Дибичъ, отецъ фельдмаршала, онъ служилъ адъютантомъ при Фридрихѣ Великомъ. Императоръ принялъ его въ нашу службу подполковникомъ и опредѣлилъ къ своей особѣ. Государь такъ много желалъ подражать во всемъ Фридриху II, что когда онъ узналъ объ отчаянной болѣзни великой княгини, приказалъ Дибичу, какъ говорили, сдѣлать церемоніалъ похоронъ своей невѣсткѣ такой точно, какой былъ въ употребленіи въ Пруссіи при погребеніи принцессъ.

нажды, великій князь въ Зимнемъ дворцѣ послалъ меня съ порученіемъ къ его высочеству Александру Павловичу. По окончаніи онаго, ему угодно было со мной начать какой-то разговоръ, и мы подошли къ окошку. Это было въ большомъ его высочества кабинетѣ, что на углу, противъ адмиралтейства. Мы не чувствовали, что народъ, увидѣвши наслѣдника, началъ собираться толпою. Его высочество взглянулъ нечаянно въ окошко и, примѣтя сію толпу, сказалъ мнѣ:

— Прощай, братъ, убирайся скорѣе, а то обоимъ намъ будетъ бѣда,—и самъ поспѣшно ушелъ въ другую комнату.

Какъ видно, была и тогда уже любовь народа къ сему милосерднѣйшему изъ государей. Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Царское Село генералъ-адъютантъ Уваровъ, съ повелѣніемъ выбрать изъ полку конной гвардіи лучшихъ людей и лошадей для сформированія Кавалергардскаго полка, котораго Уваровъ назначенъ былъ шефомъ. Великому князю кавалерійская служба начала очень нравиться. Во время итальянской кампаніи его высочество имѣлъ при себѣ всегда австрійскій Лобковица драгунскій полкъ, которымъ онъ очень занимался; а, сверхъ того, и въ полку конной гвардіи его высочество принималъ уже большое участіе.

Пріѣздъ Уварова великому князю былъ очень непріятенъ, тѣмъ болѣе, что его высочеству извѣстно было, что Кавалергардскій полкъ формировался по предложенію Уварова, который былъ тогда въ большой милости у императора, по связямъ сего генерала съ княгинею Лопухиной. При выборѣ людей и лошадей Уваровъ встрѣтилъ большія затрудненія, такъ что онъ ѣздилъ въ Петербургъ и привезъ высочайшее повелѣніе допустить Уварова безпрепятственно производить выборъ. Отъ сего времени родилась въ великомъ князѣ непримиримая вражда

противъ Кавалергардскаго полка и противъ шефа онаго. Всякій день я посылалъ ѣздового въ Петербургъ за приказомъ. 2-го мая полученъ былъ приказъ, при паролѣ отданный, въ которомъ сказано: адъютантамъ его императорскаго высочества Константина Павловича, генералъ-майорамъ Сафонову и Комаровскому, и полковнику графу Шувалову [1]) состоять при арміи и носить общій армейскій мундиръ [2]). Прочтя сей приказъ, я тотчасъ понесъ оный къ великому князю. Его высочество, въ первую минуту, не могъ ничего сказать и примѣтно перемѣнился въ лицѣ, потомъ говоритъ:

— Ну, что жъ? это значитъ, что вы должны носить только армейскій мундиръ, а все остаетесь при мнѣ.

Я ему возразилъ: «Тогда бы сказано было: «съ оставленіемъ при прежней должности».

Великій князь всталъ съ своего мѣста и сказалъ съ жаромъ:

— Кажется, быть не можетъ, чтобы государю угодно было такъ много меня огорчать!

Потомъ приказалъ мнѣ написать къ графу Ливену и спросить у него, остаемся ли мы при его высочествѣ или нѣтъ, и въ такомъ случаѣ, что намъ дѣлать, а самъ написалъ къ наслѣднику и тотчасъ велѣлъ отправить съ письмами ѣздового въ городъ. Возвратившійся нашъ посланный привезъ отвѣты вовсе неудовлетворительные. Графъ Ливенъ писалъ, что государь потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ въ 6-ть часовъ утра, приказалъ ему сѣсть и самъ продиктовалъ первый пунктъ приказа; что ему кажется, что мы уже болѣе не состоимъ при великомъ князѣ, и завтра же при разводѣ должны представиться государю, и въ общихъ армейскихъ мундирахъ. Наслѣдниково письмо было почти такого же содержанія.

---

[1]) Графъ Шуваловъ находился тогда въ Италіи за раною.

[2]) Сафоновъ и я носили мундиръ Измайловскаго полка.

Великій князь былъ тронутъ симъ до слезъ, благодарилъ насъ за вѣрную къ нему службу и, прощаясь, нѣсколько разъ обнималъ насъ, написалъ письмо къ своему гофмаршалу князю Вяземскому, чтобы, въ случаѣ нашего отъѣзда изъ Петербурга, снабдилъ насъ экипажемъ и всѣмъ нужнымъ для дороги, а, сверхъ того, приказалъ производить Сафонову и мнѣ по три тысячи рублей въ годъ пенсіона по смерть. Мы тотчасъ оба отправились въ Петербургъ. Въ ночь намъ кое-какъ сдѣлали общіе армейскіе мундиры, и мы въ назначенный часъ пріѣхали къ разводу. Намъ сказано было, что государю представляются въ комнатѣ, что подлѣ фонарика; дежурнымъ генералъ-адъютантомъ былъ тогда князь П. Г. Гагаринъ, уже женившійся на княжнѣ Лопухиной. Государь вышелъ къ намъ съ грознымъ видомъ, и когда представили ему Сафонова, онъ сказалъ:

— Aussitôt pris, aussitôt pendu [1]), а мнѣ: и вы, сударь, не заживетесь.

Я подумалъ, какая разница въ пріемѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ мы возвратились изъ Италіи, и чѣмъ мы могли провиниться. Сафоновъ не зналъ ни слова по французски и отвѣчалъ одною улыбкою, потомъ спросилъ у меня, что государь ему говорилъ. Я ему перевелъ слово въ слово; онъ весь поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Ахъ батюшки, да что я сдѣлалъ? [2])

Я тотчасъ его успокоилъ, сказалъ ему, что это французская поговорка, которая значитъ, что онъ, вѣроятно, имѣетъ уже мѣсто. На другой день Сафоновъ назначенъ былъ шефомъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка, квартировавшаго въ Ригѣ, на мѣсто выключеннаго изъ службы князя Бориса Владиміровича Голицына. Любопытно знать, за что

---

[1]) Пойманъ и повѣшенъ.

[2]) Въ царствованіе императора Павла можно было испугаться, ибо на Дону незадолго передъ тѣмъ и головы рубили и вѣшали.

князь Голицынъ былъ такъ строго наказанъ. Разводъ его полка въ обыкновенное время шелъ по одной улицѣ и, поровнявшись съ домомъ, гдѣ находилась въ родахъ женщина, барабанщики ударили походъ, отъ чего та женщина, вѣроятно, испугалась и имѣла несчастные роды. Донесено было о семъ происшествіи государю, и шефъ полка выключенъ изъ службы.

Послѣ представленія государю, я пошелъ къ наслѣднику. Его высочество принялъ меня чрезвычайно милостиво и сказалъ мнѣ:

— Я жалѣю о братѣ, что онъ тебя лишился; я знаю, что онъ тебя любитъ.

Вошелъ во всѣ мои домашнія обстоятельства, и когда я ему объяснилъ, что отъ меня нѣкоторымъ образомъ зависятъ зять и сестра, племянникъ и племянница, его высочество, подумавши немного, сказалъ:

— Такъ надобно стараться, чтобы ты остался здѣсь.

Походя нѣсколько по комнатѣ:—Не теряя времени,— продолжалъ онъ, — поѣзжай къ Обольянинову [1]), скажи ему, что онъ никогда столько ни меня, ни брата одолжить не будетъ въ состояніи, какъ теперь, если ты причисленъ быть можешь къ провіантскому департаменту и назначенъ тѣмъ чиновникомъ, который долженъ посланъ быть на границу для веденія счетовъ съ австрійскимъ правительствомъ, по случаю продовольствія нашихъ войскъ во время кампаніи. Сіе тѣмъ удобнѣе, что ты служилъ въ этой кампаніи и можешь объясняться на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Я тотчасъ поѣхалъ къ Обольянинову. Онъ пользовался тогда большою довѣренностью императора, и потому у него всѣ комнаты наполнены были гостями. Лишь только онъ меня увидѣлъ, какъ

[1]) Обольяниновъ былъ тогда генералъ-провіантмейстеромъ и генералъ-прокуроромъ.

сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу. Я сказалъ ему, что пріѣхалъ отъ его императорскаго высочества наслѣдника; онъ взялъ меня за руку и отвелъ въ сторону. Я ему объяснилъ все, что приказалъ великій князь Александръ Павловичъ ему сказать, и со своей стороны просилъ его оказать мнѣ сіе благодѣяніе. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что и для меня готовъ все сдѣлать, а исполнить волю государя наслѣдника и великаго князя Константина Павловича есть священная для него обязанность, и что онъ при первомъ удобномъ случаѣ непремѣнно доложитъ императору.

Къ несчастію моему построенъ былъ тогда въ адмиралтействѣ корабль, названный «Благодатный»; онъ имѣлъ 120 пушекъ и былъ первый такой величины. Корабельный мастеръ, видно, ошибся въ конструкціи сего корабля, ибо, когда надобно было оный спускать на воду, то корабль съ мѣста не тронулся. Государь такъ былъ этимъ занятъ, что почти цѣлые дни проводилъ въ адмиралтействѣ. Наконецъ, придумали устроить какія-то машины на противолежащемъ берегу, и помощію канатовъ насилу его стащили съ мѣста. По сей-то причинѣ Обольяниновъ не нашелъ случая обо мнѣ доложить, какъ между тѣмъ получено было донесеніе отъ подольскаго военнаго губернатора графа Гудовича, что Каменецъ-Подольская крѣпость остается безъ коменданта, и меня назначили въ сіе званіе мая 5-го 1800 года.

Я чувствовалъ себя уже нездоровымъ, а сіе назначеніе и болѣе разстроило еще мое здоровье. Я, собравшись, однако же, съ силами, поѣхалъ къ наслѣднику просить его высочество позволить мнѣ нѣсколько дней остаться въ Петербургѣ. Я признаюсь, что я былъ въ такомъ положеніи, что мнѣ и выѣхать было не съ чѣмъ, ибо нѣсколько денегъ, которыя я имѣлъ, должно было оставить на прожитокъ моимъ домашнимъ. Великій князь Александръ Павловичъ мнѣ сказалъ:

— Ты знаешь порядокъ, что тотъ, кто назначенъ къ какой-либо должности, непремѣнно выѣхать обязанъ на другой день, хотя полумертвый, но я прикажу тебя прописать завтра на заставѣ выѣхавшимъ, а ты можешь остаться три дня, но съ тѣмъ, что никому не показывайся, особливо, чтобы Паленъ [1]) не зналъ, что ты здѣсь.

Я бросился со слезами благодарить его высочество за такую милость, чувствуя, какъ много великій князь себя этимъ подвергалъ отвѣтственности.

Едва я воротился домой, какъ наслѣдникъ съ своимъ камердинеромъ прислалъ мнѣ тысячу рублей на дорогу. Я не нахожу словъ, чтобы изъяснить то, что я испытывалъ при полученіи сего благодѣянія, на которое никакого не имѣлъ права; и, сверхъ того, оно оказано было въ самую крайнюю, можно сказать, минуту. Я симъ завѣщаю моимъ дѣтямъ чтить память благословеннаго, не только какъ бывшаго ихъ императора, но и какъ высокаго, единственнаго благодѣтеля отца ихъ. Въ теченіе тѣхъ трехъ дней наслѣдникъ присылалъ ко мнѣ адъютанта своего, князя Волконскаго, навѣдаться о моемъ здоровьѣ и предложить мнѣ еще пробыть день или два, если бы здоровье мое того требовало; но я хотя и не совсѣмъ выздоровѣлъ, выѣхалъ, однако же, въ назначенное время, чтобы не употребить во зло столь для меня драгоцѣнной довѣренности его высочества, подъ именемъ отставного полковника Муромцева, ѣдущаго въ деревню на своихъ лошадяхъ. А такъ какъ это было въ полночь, то меня пропустили черезъ заставу безъ всякаго затрудненія.

---

[1]) Графъ Паленъ былъ тогда вторымъ военнымъ петербургскимъ губернаторомъ.

V.

Боязнь промедленія въ дорогѣ.—Эпизодъ съ генераломъ Глуховымъ.—Графъ Гудовичъ.—Графъ Морковъ.—Отставка Гудовича и назначеніе Розенберга.—Несостоявшееся сватовство.—Посѣщеніе Каменца великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.—Полковникъ Удомъ и опредѣленіе его въ должность полицеймейстера въ Каменцѣ.—Вѣсть о кончинѣ императора Павла и о воцареніи Александра I.—Возвращеніе въ Петербургъ и представленіе новому императору.—Назначеніе адъютантомъ къ государю.—Беклешовъ и Трощинскій.—Въѣздъ императора въ Москву для коронаціи.—Торжество коронаціи.—Любовь народа къ новому государю.—Сватовство и женитьба на Е. Е. Цуриковой. — Осмотръ имѣній жены и учрежденіе деревенскаго лазарета.

При выѣздѣ я чувствовалъ довольно сильные гемороидальные припадки, но оные, видно, отъ сильнаго движенія, а болѣе отъ начинающихся жаровъ, усилились до самой вышней степени боли; остановиться же мнѣ никакъ было невозможно, ибо, пробывши уже три дня въ Петербургѣ, послѣ рапорта о выѣздѣ моемъ изъ онаго, и если бы я еще нѣсколько дней замедлилъ прибыть къ мѣсту моего назначенія, то непремѣнно бы выключенъ былъ изъ службы за долгое неприбытіе къ своей должности. Я бы могъ взять свидѣтельство о болѣзни, но пока бы оное дошло по порядку куда слѣдуетъ, дѣло бы было сдѣлано, тѣмъ болѣе, что я опредѣленъ былъ на мѣсто инженеръ-генералъ-майора Глухова, который находился въ посланной экспедиціи въ Корфу, и когда оная не состоялась, то Глуховъ назначенъ былъ комендантомъ въ Каменецъ. По представленію военнаго губернатора, что крѣпость остается долгое время безъ коменданта, генералъ-майоръ Глуховъ былъ вы-

ключенъ изъ службы за долгое неприбытіе къ своему мѣсту. Хотя послѣ объяснилось, что онъ физически не могъ скорѣе пріѣхать изъ такой отдаленности, и Глуховъ былъ принятъ попрежнему въ службу, но ударъ уже былъ нанесенъ. Военный подольскій губернаторъ, графъ Гудовичъ, братъ перваго любимца Петра III, былъ чрезмѣрно гордый, старинпаго вѣка вельможа, особливо противу поляковъ, но ко мнѣ онъ былъ весьма ласковъ. Тогда жилъ въ Подольской губерніи, изгнанный и заточенный въ свои деревни, графъ А. И. Морковъ; онъ въ послѣднее время при императрицѣ Екатеринѣ игралъ большую роль, особливо, когда князю Зубову поручена была дипломатическая часть, графъ Морковъ былъ въ оной главное дѣйствующее лицо. Его упрекали въ неблагодарности противу графа Безбородки, который составилъ его счастіе, а Морковъ передался князю Зубову. Онъ дорого заплатилъ за свое вѣроломство. Поляки старались оказывать ему все возможное презрѣніе, считая его однимъ изъ главныхъ виновниковъ послѣдняго раздѣла Польши. Графъ Гудовичъ по связямъ своимъ съ графомъ Безбородкою обходился съ графомъ Морковымъ весьма надменно. Во всѣхъ процессахъ, у него съ поляками по имѣнію его случавшихся,—ибо въ Польшѣ ихъ великое множество,—рѣдко находилъ онъ защиту. Графъ Морковъ часто по дѣламъ своимъ пріѣзжалъ въ Каменецъ и проводилъ все свое время у меня, особливо, когда пріѣхали ко мнѣ въ Каменецъ Алексѣй Николаевичъ, сестрица Анна Ѳедотовна и племянница моя Александра Алексѣевна. Я видѣлъ однажды за столомъ у графа Гудовича то, что только можно видѣть въ одной Польшѣ, — жену, сидящую между двумя мужьями. Это была графиня Потоцкая; по одной сторонѣ у нея сидѣлъ графъ Потоцкій, а по другой графъ Витъ, прежній ея мужъ, и чтобы довершить сію картину, напротивъ графини сидѣлъ бискупъ

Сѣраковскій, который дѣлалъ ея разводъ и совершалъ второй бракъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ Гудовичъ былъ отставленъ, а на мѣсто его опредѣленъ въ подольскіе военные губернаторы Андрей Григорьевичъ Розенбергъ, тотъ самый, который служилъ въ итальянской кампаніи. Мнѣ еще пріятнѣе было служить съ симъ новымъ начальникомъ, который имѣлъ ко мнѣ полную довѣренность. Графу Моркову вздумалось было женить меня на одной изъ дочерей графа Потоцкаго, бывшей потомъ за графомъ Шоазель и умершей женою А. Н. Бахметева; дѣло кончилось одной только корреспонденціей между графомъ Морковымъ и графиней Потоцкою. Фамиліи, кажется, не хотѣлось, чтобы дѣвица вышла замужъ не за католика, да я и самъ не очень желалъ быть женатымъ на полькѣ, имѣя передъ глазами множество примѣровъ ихъ непостоянства.

Генералъ Розенбергъ поѣхалъ осматривать ввѣренныя ему губерніи: Подольскую, Волынскую и Минскую. Около сего времени великій князь Константинъ Павловичъ посланъ былъ императоромъ Павломъ инспектировать войска легкой кавалеріи, находившіяся подъ начальствомъ генерала Баура и расположенныя по австрійской границѣ; его высочество находился не въ дальномъ разстояніи отъ Каменца. Ему угодно было посѣтить меня въ новомъ моемъ мѣстопребываніи. Узнавъ, что великій князь уже близко отъ города, я выѣхалъ къ нему навстрѣчу верхомъ. Онъ обошелся со мной весьма милостиво и изволилъ мнѣ сказать, что онъ нарочно пріѣхалъ въ Каменецъ, чтобы со мной видѣться. Для его высочества приготовлена была квартира въ домѣ военнаго губернатора и приличный караулъ. Великій князь удержалъ меня весь вечеръ у себя. Откланиваясь, я спросилъ у него позволенія имѣть честь представиться его высочеству на другой день всѣмъ

военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, находящимся въ Каменцѣ, удостоить присутствіемъ своимъ балъ, который будетъ имѣть честь дать его высочеству дворянство Подольской губерніи, и принялъ приказаніе насчетъ развода. Возвратясь домой, я нашелъ у себя графа Моркова; лишь только онъ меня увидѣлъ:

— Спасите меня, любезный генералъ, — сказалъ онъ мнѣ,—вы знаете, какъ со мной поляки поступаютъ, и если великій князь со мной обойдется немилостиво и принять изволитъ меня въ числѣ прочихъ, то я пропаду. Злодѣи мои умножатъ еще свои ко мнѣ притязанія.

Я старался его, сколько могъ, успокоить и обѣщалъ все объяснить великому князю. Принцъ Нассау былъ въ отставкѣ и жилъ на второй станціи отъ Каменца въ имѣніи его жены; я иногда бывалъ у него въ гостяхъ, тотчасъ послалъ ему сказать, что великій князь на другой день желаетъ его видѣть. Я пришелъ къ его высочеству очень рано поутру, началъ издалека говорить о графѣ Морковѣ, потомъ объяснилъ положеніе, въ которомъ онъ тогда находился. Въ первую минуту великій князь мнѣ сказалъ:

— Какъ, ты хочешь, чтобы я его принялъ?—онъ у государя подъ гнѣвомъ.

Я осмѣлился просить его высочество, чтобы онъ уважилъ службу его императрицѣ, а болѣе, чтобы не дать восторжествовать полякамъ. Наконецъ, онъ согласился и приказалъ мнѣ, прежде общаго представленія, ввести къ нему въ кабинетъ принца Нассау, а потомъ графа Моркова. Я вышелъ отъ великаго князя, чтобы посмотрѣть, начали ли собираться въ пріемной комнатѣ; увидѣвши графа Моркова, я подошелъ къ нему и сказалъ въ полголоса:

— Великій князь васъ приметъ въ своемъ кабинетѣ.

Онъ схватилъ мою руку и такъ крѣпко ее сжалъ отъ радости, что я едва не закричалъ. Его высочество говорилъ съ графомъ Морковымъ довольно долго, и надобно было его видѣть передъ поляками по выходѣ изъ кабинета великаго князя; верхъ его счастія былъ, когда пригласили его вмѣстѣ съ принцемъ Нассау къ обѣденному столу его высочества; сверхъ того, во время бала великій князь нѣсколько разъ разговаривалъ съ графомъ Морковымъ. Я долженъ отдать справедливость, что онъ всегда за оказанную мною ему сію услугу былъ признателенъ. Его высочество былъ вообще весьма любезенъ въ Каменцѣ, и всѣ его милостивымъ и ласковымъ обращеніемъ были довольны; со мной же онъ обходился, какъ съ своимъ домашнимъ. На другой день, рано поутру, великій князь изволилъ выѣхать изъ Каменца.

Въ мое время получено было въ Каменцѣ новое постановленіе, чтобы въ крѣпостяхъ и губернскихъ городахъ были полицеймейстеры, а въ уѣздныхъ городахъ городничіе. Въ Каменцѣ была вакансія полицеймейстера; я въ затрудненіи находился, кого представить въ сію должность. Однажды, является ко мнѣ выключенный изъ службы полковникъ Удомъ, двоюродный братъ Ивана Ѳедоровича, который женатъ былъ на моей двоюродной племянницѣ Акининой. Выключенный Удомъ служилъ въ Таврическомъ гренадерскомъ полку и въ капитанскомъ чинѣ въ варшавскую революцію получилъ георгіевскій крестъ [1]). При императорѣ Павлѣ, во всякомъ армейскомъ полку были двѣ флигельроты, т. е. фланговыя гренадерскія, которыя, соединясь съ двумя ротами другого полка, составляли сводный гренадерскій баталіонъ, и онѣ дѣйствовали всегда от-

[1]) Мнѣ показалось не излишнимъ объяснить здѣсь все случившееся съ Удомомъ, чтобы показать, за что самые заслуженные и отличнаго поведенія чиновники въ царствованіе императора Павла подвергались иногда выключкѣ изъ службы.

дѣльно отъ своихъ полковъ. По случаю предполагаемой тогда войны противу турокъ, нѣсколько сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ для составленія особаго отряда должны были собраться на границѣ. Полковникъ Удомъ отъ полка назначенъ былъ командиромъ флигельротъ. Шефъ Таврическаго гренадерскаго полка, генералъ-майоръ Ляпуновъ, не отправилъ съ нимъ всего положеннаго по штату обоза. На рапортъ о семъ полковника Удома шефъ далъ ему предписаніе, чтобы онъ съ командою своею слѣдовалъ непремѣнно, и что вслѣдъ за нимъ выслано будетъ все, что должно укомплектовать обозъ по штату; но генералъ-майоръ Ляпуновъ сего не исполнилъ. Полковникъ Удомъ приходитъ съ своими двумя флигельротами на сборное мѣсто. Отрядный начальникъ дѣлаетъ смотръ, при которомъ полковникъ Удомъ представляетъ ему копію съ его рапорта шефу Таврическаго гренадерскаго полка и предписаніе сего послѣдняго, по которому онъ не смѣлъ не выступить, хотя и не имѣлъ положеннаго по штату обоза. Отрядный начальникъ донесъ государю, что приведенныя полковникомъ Удомомъ флигельроты Таврическаго гренадерскаго полка онъ нашелъ во всей исправности, но не имѣютъ при себѣ всего по штату обоза. Императоръ, получивъ сей рапортъ, приказалъ полковника Удома выключить изъ службы: вотъ все его преступленіе. Видя несчастное положеніе сего заслуженнаго штабъ-офицера и совершенную его невинность и желая ему быть полезнымъ, я предложилъ полковнику Удому полицеймейстерскую должность въ Каменцѣ; онъ принялъ предложеніе мое съ великою признательностію.

— Но я выключенный изъ службы,—отвѣтилъ онъ,—а насъ не велѣно никуда опредѣлять на службу.

И, дѣйствительно, сіе повелѣніе насчетъ сихъ несчастныхъ существовало, а, сверхъ того, имъ

запрещенъ былъ въѣздъ въ столицы. Я рѣшился, однако же, представить Удома генералу Розенбергу; онъ ему очень понравился. Узнавши, что я прошу его высокопревосходительство представить Удома въ полицеймейстеры:

— Помилуйте, генералъ,—сказалъ мнѣ военный губернаторъ,—вы хотите погубить насъ всѣхъ троихъ.

На сіе я ему отвѣчалъ:

— Я прошу только васъ сдѣлать представленіе о Удомѣ, а я оное отправлю при партикулярномъ письмѣ къ генералъ-прокурору Обольянинову, который, я надѣюсь, мнѣ не откажетъ.

Черезъ нѣсколько времени, мы получили самый удовлетворительный отъ Обольянинова отзывъ, и Удомъ опредѣленъ былъ въ полицеймейстеры въ Каменецъ [1]).

Мы въ Каменцѣ жили довольно весело; у насъ бывали иногда балы. Я могу сказать, что меня поляки любили. Но все я не увѣренъ былъ, чтобы кто нибудь не сдѣлалъ на меня доноса, и всякую почту ожидалъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Начальникъ мой былъ въ великомъ безпокойствѣ. Онъ зналъ, что одинъ жидъ за то, что открыли у него большую контрабанду на границѣ, въ которой замѣшаны были многіе изъ купцовъ, австрійскіе и наши, послалъ на него доносъ въ Петербургъ. Я нѣсколько дней не выходилъ изъ дому отъ сильнаго ревматизма въ правой рукѣ.

Въ теченіе сего времени, однажды послѣ обѣда, приходитъ ко мнѣ полицеймейстеръ Удомъ съ встревоженнымъ лицомъ и держитъ въ рукѣ бумагу. Я сидѣлъ съ моими родными; онъ мнѣ дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы я къ нему вышелъ. Я, видя его

---

[1]) Это тотъ самый, который служитъ генералъ-лейтенантомъ и топулъ вмѣстѣ въ рѣкѣ Рымникѣ съ княземъ Аркадіемъ Александровичемъ Суворовымъ.

въ такомъ положеніи, спрашиваю у него: что сдѣлалось? Онъ мнѣ прерывающимся голосомъ отвѣчаетъ:

— Я, право, самъ не знаю,—и подаетъ мнѣ бумагу.

Я ее беру, и въ первую минуту не повѣрилъ своимъ глазамъ: это была подорожная присланнаго изъ кіевскаго провіантскаго депо курьера въ каменецъ-подольское коммиссіонерство. Подорожная начиналась: «по указу его императорскаго величества императора Александра Павловича» и проч. Я, прочитавши нѣсколько разъ, наконецъ, вскрикнулъ:

— Боже мой, какое счастіе!

Сестрица и всѣ мои родные не могли понять, что со мной сдѣлалось, и въ ту самую минуту я пересталъ чувствовать боль отъ ревматизма. Прежде, нежели сестрица успѣла на восклицаніе мое прійти, я бросился къ нимъ въ комнату и началъ ихъ всѣхъ обнимать и поздравлять, показывая имъ подорожную. Удомъ за мной идетъ и все мнѣ говоритъ:

— Ваше превосходительство, не подлогъ ли? Тогда мы всѣ пропадемъ!

Я приказалъ позвать къ себѣ присланнаго, который мнѣ сказалъ, что наканунѣ рано утромъ пріѣхалъ курьеръ изъ комиссаріатскаго департамента въ Кіевъ съ объявленіемъ, что императоръ Павелъ скончался, а императоръ Александръ воцарился, и что какъ онъ выѣзжалъ, то весь кіевскій гарнизонъ собирался къ присягѣ. Я поспѣшно одѣлся, взялъ курьера съ собой и пошелъ къ военному губернатору; онъ тогда отдыхалъ. Лишь только я стукнулъ дверью, онъ спросилъ, кто тутъ, и тотчасъ вскочилъ съ кровати.

— Что случилось, ваше превосходительство?—спросилъ онъ:—нѣтъ ли изъ Петербурга курьера?

Видя, что онъ чрезвычайно встревоженъ, я отвѣчалъ ему:

— Успокойтесь, ваше превосходительство.

— Да что у васъ за бумага?—продолжалъ онъ.

Я ему говорю:—Подорожная,—и разсказалъ ему все, что случилось.

Генералъ Розенбергъ долго не могъ опомниться, наконецъ сказалъ мнѣ:

— Да правда ли?

Тогда я позвалъ курьера, и онъ все подтвердилъ.

Радость Андрея Григорьевича была чрезмѣрная, и мы машинально бросились другъ друга обнимать и поздравлять. Тутъ онъ мнѣ признался о томъ безпокойствѣ, въ которомъ находился, и что ежеминутно ожидалъ себѣ бѣды.

— Что же намъ дѣлать?—спросилъ онъ у меня:—мы еще ничего не имѣемъ офиціальнаго.

Гарнизонъ каменецкой состоялъ изъ двухъ армейскихъ полковъ, нѣсколькихъ пушекъ артиллеріи и инженерной команды; одинъ изъ полковъ помѣщенъ былъ въ казармахъ, а другой расположенъ по окрестнымъ деревнямъ. Я предложилъ генералу Розенбергу послать въ тотъ полкъ, который стоитъ по деревнямъ, чтобы былъ въ готовности къ выступленію въ крѣпость, и что я дамъ знать войскамъ, стоящимъ внутри города, быть тоже готовыми. На другой день пріѣхалъ къ намъ курьеръ изъ Петербурга съ манифестомъ о восшествіи на престолъ императора Александра I и съ присяжнымъ листомъ. Войска немедленно были собраны, и я съ несказаннымъ восторгомъ приводилъ ихъ къ присягѣ обожаемому мною императору. Едва сія счастливая новость разнеслась, какъ я получилъ два письма: одно отъ принца Нассау, а другое отъ графа Моркова; оба они требовали отъ меня подтвержденія сей новости и спрашивали моего совѣта, ѣхать ли имъ въ Петербургъ. Я обоихъ удостовѣрилъ, пославъ къ нимъ копію съ манифеста, и совѣтовалъ тому и другому ѣхать представиться новому императору, а графа Моркова просилъ доставить отъ меня письмо государю, черезъ кого онъ сочтетъ приличнымъ. Я получилъ 10-го мая 1801 года

изъ Петербурга высочайшій приказъ, отданный при паролѣ апрѣля 17-го, въ которомъ на мѣсто мое назначается маіоръ, а мнѣ повелѣно состоять по арміи; а отъ 22-го того же мѣсяца предписано отъ великаго князя Константина Павловича, чтобы я сдалъ крѣпость назначенному на мое мѣсто комендантомъ генералъ-маіору Гану, а по сдачѣ рапортовать его высочеству и государственной военной коллегіи. Я тогда удостовѣрился, что письмо мое дошло до его величества, въ которомъ я только писалъ, что, повергая себя къ стопамъ государя и благодѣтеля, изъявляю неизреченную мою радость, что могу наименоваться наивѣрнѣйшимъ изъ его подданныхъ, и что письмо мое напомнило обо мнѣ императору. Я предложилъ Алексѣю Николаевичу и сестрицѣ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ я надѣялся скоро съ ними соединиться. Я прожилъ въ Каменцѣ около трехъ недѣль въ ожиданіи моего преемника. По пріѣздѣ генералъ-маіора Гана, я сдалъ ему крѣпость въ три дня и, распростясь съ моимъ добрымъ начальникомъ А. Г. Розенбергомъ, полетѣлъ въ Петербургъ, взявъ съ собою просьбу отъ полицеймейстера Удома объ опредѣленіи его въ армію [1]). Я пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ обѣда; одѣвшись, отправился тотчасъ къ Михаилу Иларіоновичу Кутузову, бывшему тогда военнымъ губернаторомъ, на мѣсто графа Палена. Проѣзжая по улицамъ, на всѣхъ лицахъ встрѣчающихся со мною людей я примѣтилъ изображеніе какого-то душевнаго удовольствія. Явясь къ военному губернатору, который принялъ меня очень ласково, я просилъ его высокопревосходительство представить меня императору. Онъ мнѣ на сіе сказалъ:

— Я знаю, что васъ государь всегда жаловалъ,

---

[1]) Удомъ, чрезъ мѣсяцъ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, опредѣленъ былъ въ тотъ же Таврическій гренадерскій полкъ, изъ котораго онъ былъ выключенъ. Сколько сія перемѣна въ царствованіи сдѣлала счастливыхъ, подобно Удому!

и потому я вамъ совѣтую завтра въ половинѣ перваго часа поѣхать прямо на Каменный островъ, вызвать дежурнаго камердинера и приказать о себѣ доложить его величеству: въ это время государь возвращается отъ развода и бываетъ одинъ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ другого дня и назначеннаго часа ѣхать на Каменный островъ. Наконецъ, часъ наступилъ, я во дворцѣ, вызываю камердинера, который мнѣ сказалъ:

— Тотчасъ доложу.

И черезъ десять минутъ отворяетъ дверь и говоритъ:

— Пожалуйте къ государю.

Я не въ состояніи описать той минуты, когда я увидѣлъ моимъ императоромъ того, который съ небольшимъ за годъ передъ тѣмъ, какъ наслѣдникъ престола, оказалъ мнѣ милости и благодѣянія, которымъ нѣтъ примѣра. Я не заплакалъ, а зарыдалъ и только что могъ сказать:

— Простите, государь, это слезы радости и неизъяснимой благодарности.

Императоръ меня обнялъ, я хотѣлъ поймать его руку, чтобъ поцѣловать, но онъ ее отнялъ, и я поцѣловалъ его въ плечо. Государь мнѣ сказалъ:

— Я радъ, что тебя вижу, теперь, я надѣюсь, мы будемъ жить вмѣстѣ,—присовокупить изволилъ:—каково ты жилъ въ Каменцѣ? И ты не въ претензіи, что выѣхалъ оттуда?

Я отвѣчалъ его величеству:

— Не въ претензіи, потому что выѣздъ оттуда доставляетъ мнѣ счастіе теперь видѣть моего государя.

Потомъ императоръ изволилъ спросить у меня:

— Былъ ли ты у брата?

Я отвѣчалъ:

— Нѣтъ еще, ваше величество!

— Такъ съѣзди къ нему,—присовокупилъ государь.

Я откланялся и поѣхалъ съ большимъ восторгомъ отъ милостиваго пріема императора.

Въ тотъ же день я отправился въ Стрѣльну, гдѣ находился великій князь Константинъ Павловичъ. Его высочество обласкалъ меня, какъ нельзя болѣе, и сказалъ:

— Ну, Комаровской, я надѣюсь, опять ко мнѣ?

Я отвѣчалъ, что я почту себѣ за великое счастіе находиться попрежнему при особѣ его высочества.

— Такъ я доложу государю,—продолжалъ великій князь,—теперь Богъ съ тобой.

Я пошелъ повидаться съ бывшими моими товарищами и нашелъ только одного Озерова; впрочемъ, я увидѣлъ множество новыхъ для меня лицъ: Баура, Н. Ф. Хитрова, который былъ тогда въ большой милости, Витовтова, Олсуфьева и Опочинина, которыхъ я оставилъ офицерами Измайловскаго полка, адъютантами его высочества, и тонъ ихъ мнѣ вообще очень не понравился. Черезъ годъ я нашелся у великаго князя въ кругу совсѣмъ почти незнакомыхъ. Возвратясь домой, я подумалъ, какъ бы мнѣ еще встрѣтиться съ государемъ и, если возможно, избавиться отъ предлагаемаго мнѣ великимъ княземъ. Я узналъ, что императоръ всякой день послѣ развода въ 12-мъ часу прогуливаться изволитъ съ Уваровымъ въ Лѣтнемъ саду. Я туда поѣхалъ и, къ счастью моему, тотчасъ встрѣтилъ государя; его величество мнѣ сказалъ:

— Здравствуй, Комаровской, что тебя давно не видать?

Я доложилъ государю, что я не смѣю безпокоить его величество.

— Вздоръ какой! пріѣзжай ко мнѣ, когда хочешь,— присовокупилъ императоръ.

Получивъ такое позволеніе, я рѣшился въ тотъ же день ѣхать на Каменный островъ и тотчасъ былъ принятъ императоромъ. Государь изволилъ у меня спросить:

— Ты видѣлся съ братомъ? и онъ, я увѣренъ, тебѣ обрадовался.

Я отвѣчалъ его величеству, что великій князь меня принялъ очень милостиво, и что его высочеству угодно, чтобы я попрежнему находился при его особѣ. Сказавъ сіе, я замолчалъ; послѣднія слова я выговорилъ съ нѣкоторою разстановкою.

Государь, взглянувъ на меня пристально, продолжалъ:

— А ты что думаешь?

Я молчалъ.

Потомъ изволилъ сказать: — Говори откровенно.

Тогда я объяснилъ государю, что, будучи слишкомъ годъ въ отсутствіи отъ его высочества, я нашелъ при его особѣ много людей, мнѣ вовсе незнакомыхъ, которые, вѣроятно, уже удостоены довѣренности великаго князя, и я въ моемъ чинѣ буду увеличивать только число чиновниковъ, при его высочествѣ находящихся, что я бы не желалъ вести жизнь праздную, и что тѣ занятія, которыя я имѣлъ при великомъ князѣ, возложены, конечно, на другія лица. Императоръ слушалъ меня съ примѣтнымъ вниманіемъ. Помолчавъ немного, государь сказалъ:

— Развѣ ты хочешь быть моимъ генералъ-адъютантомъ?

Я не опомнился отъ радости и отвѣчалъ:

— Это бы было верхъ моего счастія.

Я бросился благодарить государя. Его величество меня обнялъ и изволилъ сказать:

— Теперь никому ни слова; мнѣ надобно уладить это съ братомъ, — и меня изволилъ отпустить.

Хотя назначеніе мое казалось вѣрнымъ, но я опасался, чтобы великій князь не воспрепятствовалъ. Черезъ нѣсколько дней я читаю, однако же, въ высочайшемъ приказѣ отъ 17-го іюля 1801 года: «состоящій по арміи генералъ-маіоръ Комаровской назначается генералъ-адъютантомъ къ его императорскому

величеству. Всякій можетъ себѣ вообразить, что я почувствовалъ при прочтеніи сего приказа. Сіе назначеніе было для меня тѣмъ лестнѣе, что я первый удостоился получить сіе званіе при императорѣ Александрѣ. Послѣ императора Павла оставались генералъ-адъютанты: Уваровъ, графъ Ливенъ, князь Долгорукій,—сіи два послѣдніе имѣли военный портфель,— и князь Гагаринъ, который находился министромъ во Флоренціи. Я узналъ потомъ, что въ первое свиданіе у императора съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ государь, между прочимъ, спросилъ у его высочества:

— У тебя былъ Комаровской?

— Былъ, государь,—отвѣчалъ великій князь.—Я надѣюсь, что ваше величество пожалуетъ его мнѣ попрежнему,—присовокупилъ его высочество.

Государь изволилъ сказать:

— Охотно, но у меня одинъ только генералъ-адъютантъ Уваровъ; Ливенъ и Долгорукій имѣютъ свою часть; мнѣ бы не хотѣлось взять, кого я не знаю; при тебѣ же будутъ два генералъ-маіора: Хитровъ и Комаровской, они оба мнѣ извѣстны, уступи мнѣ одного изъ нихъ.

Императоръ зналъ, что отъ меня великій князь уже отвыкъ, а Хитрова онъ очень любитъ. Его высочество, подумавъ нѣсколько, сказалъ:

— Если вашему величеству уже непремѣнно угодно имѣть одного изъ двухъ, то извольте взять Комаровскаго, а Хитрову позвольте носить конногвардейскій мундиръ.

Государь изволилъ отвѣчать:

— Очень радъ.

Возвратясь въ Стрѣльну, великій князь обнимаетъ Хитрова и поздравляетъ. Наконецъ, объясняется, что онъ выпросилъ Николаю Ѳеодоровичу позволеніе носить конногвардейскій мундиръ, и что меня уступилъ государю. Хитровъ мнѣ никогда не могъ про-

стить, что не онъ назначенъ былъ въ генералъ-адъютанты, а я. Онъ считалъ, что при семъ случаѣ мною употреблена была какая-нибудь интрига, ибо и его императоръ очень жаловалъ. Вѣроятно, Хитровъ былъ причиною, что съ тѣхъ поръ великій князь ко мнѣ перемѣнился до того, что приказалъ своей конторѣ не производить мнѣ тѣхъ трехъ тысячъ рублей, которые пожалованы были въ пенсіонъ по смерть.

Я всякій день послѣ обѣда былъ во дворцѣ на Каменномъ острову. Обѣдовъ тогда съ гостьми у государя не было. Уваровъ выѣзжалъ съ императоромъ по утру верхомъ или гулялъ пѣшкомъ съ его величествомъ въ Лѣтнемъ саду, а я сопровождалъ государя послѣ вечернихъ его величества занятій въ кабріолетѣ парой, которой государь самъ правилъ. Въ одно время были съ докладомъ у императора вмѣстѣ Беклешовъ и Трощинскій, первый былъ генералъ-прокуроромъ на мѣсто Обольянинова, а второй первымъ статсъ-секретаремъ. Я видѣлъ, что они вышли изъ государева кабинета оба чрезвычайно раскраснѣвшіеся, какъ будто послѣ большого пренія или спора и, казалось, въ великомъ негодованіи другъ на друга. Лишь только я сѣлъ подлѣ государя въ кабріолетѣ, его величество у меня изволилъ спросить:

— Ты видѣлъ, каковы были лица на Беклешовѣ и Трощинскомъ, когда они вышли отъ меня.

Я отвѣчалъ: «Видѣлъ, государь».

— Не правда ли, что они похожи были на вареныхъ раковъ? — продолжалъ императоръ. — Они, безъ сомнѣнія, по опытности своей, въ дѣлахъ, знающіе болѣе всѣхъ прочихъ государственныхъ чиновниковъ, но между ними есть зависть; я примѣтилъ это, потому что, когда одинъ изъ нихъ объясняетъ какое-либо дѣло, кажется, нельзя лучше, лишь только оное коснется для приведенія въ исполненіе до другого, тотъ совершенно опровергаетъ

мнѣніе перваго, тоже на самыхъ ясныхъ, кажется, доказательствахъ. По неопытности моей въ дѣлахъ я находился въ большомъ затрудненіи и не зналъ, которому изъ нихъ должно отдать справедливость. Я приказалъ, чтобы по генералъ-прокурорскимъ дѣламъ они приходили съ докладомъ ко мнѣ оба вмѣстѣ и позволяю спорить при себѣ, сколько имъ угодно, а изъ сего извлекаю для себя пользу.

Я нашелъ, что государь весьма благоразумно дѣлаетъ, ибо это былъ одинъ способъ, чтобы ознакомить его величество скорѣе съ дѣлами. Мое положеніе становилось болѣе и болѣе для меня пріятнымъ, особливо, когда мнѣ извѣстны сдѣлались всѣ ужасныя происшествія, которыя сопровождали восшествіе императора Александра на престолъ, отчасти разсказанныя мнѣ самимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ [1]). По восшествіи императора Александра на престолъ, графу Н. П. Румянцову немедленно позволено было возвратиться въ Россію, и онъ, по пріѣздѣ своемъ, назначенъ былъ министромъ коммерціи. Я думаю, что онъ нѣсколько способствовалъ назначенію меня въ генералъ-адъютанты, ибо государь къ нему былъ очень милостивъ, и я графу сообщалъ мои мысли, что мнѣ бы было очень непріятно находиться между тѣми, которые окружали великаго князя, по возвращеніи моемъ изъ Каменца. Я бывалъ у графа Н. П. очень часто, и онъ обращался со мной, какъ съ ближнимъ своимъ, родственникомъ. Я долженъ здѣсь сказать къ славѣ императора Александра, чѣмъ началъ его величество свое царствованіе. Государь повелѣлъ учредить ко-

---

[1]) Надобно думать, что императоръ Павелъ имѣлъ нѣкоторое подозрѣніе объ измѣнѣ, ибо, за нѣсколько недѣль до сего плачевнаго событія, государь повелѣлъ Обольянинову, бывшему тогда генералъ-прокуроромъ, привести обоихъ великихъ князей къ присягѣ на вѣрность къ нему въ церкви Михайловскаго замка, что и было исполнено; его высочество цесаревичъ показывалъ мнѣ мѣсто въ церкви, гдѣ сіе происходило.

миссію, которая должна была разсмотрѣть всѣ дѣла и поступки, по коимъ сослано было множество лицъ въ Сибирь, и поднести къ нему докладъ о сихъ несчастныхъ. Множество невинныхъ были возвращены, нѣкоторые получили прежнія свои должности, другіе вознаграждены были единовременно выданными пособіями или по смерть пенсіонами. День коронаціи назначенъ былъ 15-го сентября. Сестрица моя, Анна Ѳедотовна, часто видалась съ Софіей Сергѣевной Титовой, которой мужъ служилъ въ 1-мъ департаментѣ сената секретаремъ. Въ одно время Софья Сергѣевна говоритъ сестрицѣ:

— Какъ бы желала, чтобы Евграфъ Ѳедотовичъ женился на дѣвицѣ Елизаветѣ Егоровнѣ Цуриковой: она прекрасно воспитана и имѣетъ хорошее состояніе; это тѣмъ удобнѣе можно сдѣлать, что мужъ мой, Петръ Яковлевичъ, вѣроятно, съ 1-мъ департаментомъ сената поѣдетъ въ Москву на коронацію; мы же съ фамиліею Цуриковыхъ въ родствѣ. Одно только препятствіе можетъ быть, что Егоръ Лаврентьевичъ Цуриковъ, отецъ дѣвицы, о которой я говорю, скончался, и что мать ея, Авдотья Дмитріевна, не захочетъ, можетъ быть, такъ скоро выдать дочь свою замужъ послѣ кончины ея супруга.

Сей разговоръ никакого тогда дѣйствія не произвелъ надо мной, тѣмъ болѣе, что П. Я. Титовъ не поѣхалъ съ 1-мъ департаментомъ сената въ Москву, а остался въ Петербургѣ. Насъ поѣхало четверо вмѣстѣ на коронацію: я, какъ старшій генералъ-адъютантъ, генералъ-майоръ Репнинскій, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, бывшій тогда полковникомъ и флигель-адъютантомъ, и капитанъ 2-го ранга Клокачевъ; онъ былъ тогда начальникомъ императорской флотиліи. Вояжъ нашъ былъ превеселый; насъ чрезвычайно забавлялъ Клокачевъ, который никогда почти не ѣздилъ по твердой землѣ, а все плавалъ по морямъ, и онъ испытывалъ отъ движе-

нія экипажа по землѣ ту же болѣзнь, которую имѣютъ на морѣ, и мы прозвали Клокачева страдальцемъ отъ земляной болѣзни, и онъ всѣ вещи называлъ морскими именами: напримѣръ, ему нужна была веревка, и онъ говорилъ: «подайте мнѣ шкотъ». Я имѣлъ случай разсказать это государю, и его величество очень смѣялся.

День торжественнаго въѣзда императора Александра въ Москву, какъ праздникъ отличается отъ будня, такъ оный не походилъ на бывшій 4 года и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Тогда всѣ чиновники военные и статскіе, въ каррикатурныхъ своихъ мундирахъ, ѣхали по два въ рядъ, младшіе впереди, что составляло предлинную линію въ видѣ протянутой веревки. Императоръ Павелъ ѣхалъ одинъ, и нѣсколько позади два великіе князя. Теперь же молодой императоръ, въ красѣ лѣтъ своихъ, богоподобной наружности, ѣхалъ окруженный многочисленною и блестящею свитою; все было величественно, а не каррикатурно. Передъ императоромъ ѣхало одно только московское дворянство по два въ рядъ, на отличнѣйшихъ лошадяхъ, на коихъ были богатѣйшіе уборы; послѣ церемоніи всѣ эти лошади подведены были государю. Стеченіе народа было неимовѣрное; радостные клики сопровождали императора отъ самаго Петровскаго дворца до Кремлевскаго; дома украшены были разными дорогими тканями; дамы во всѣхъ окошкахъ привѣтствовали вожделѣннаго гостя, махая бѣлыми платками своими, развѣвающимися по воздуху; погода была прекрасная, какъ посреди лѣта. Я въ жизнь мою ничего не видывалъ ни торжественнѣе, ни восхитительнѣе сего достопамятнаго дня. Графъ Н. П. Румянцовъ пригласилъ меня остановиться въ его домѣ. По пріѣздѣ въ Москву, я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ моимъ знакомымъ, между которыми я не забылъ А. Н. Гончарова; я не видѣлся съ нимъ послѣ коронаціи импе-

ратора Павла. Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и проситъ меня достать нѣсколько билетовъ для фамиліи госпожи Цуриковой, чтобы смотрѣть на коронацію, и что онъ дѣлаетъ сіе по просьбѣ племянника Авдотьи Дмитріевны, князя Черкасскаго, съ которымъ онъ очень знакомъ. Я послалъ просить церемоніймейстера: билеты были присланы, и я вручилъ оные г. Гончарову. Священный обрядъ коронаціи происходилъ, какъ обыкновенно, въ Успенскомъ соборѣ. Зрѣлище было восхитительное и трогательное, когда императоръ возлагалъ корону на августѣйшую свою супругу, и видѣть потомъ молодую императорскую чету, плѣнительной красоты, въ коронахъ и царскихъ облаченіяхъ, шествующею при пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ и восклицаніяхъ многочисленнаго народа, подъ золотоглазетовыми балдахинами, вокругъ древняго Кремля. По сему случаю праздники были превеликолѣпные, особливо у графа Шереметева въ Останкинѣ, гдѣ данъ былъ спектакль, балъ, фейерверкъ и ужинъ, и вся дорога отъ Москвы до Останкина, на разстояніи шести верстъ, была иллюминована. Чтобы дать понятіе, съ какимъ восторгомъ императоръ Александръ встрѣчаемъ былъ въ Москвѣ народомъ, привожу слѣдующій случай. Его величество всякій день, послѣ развода, изволилъ прогуливаться по московскимъ улицамъ, верхомъ, въ сопровожденіи бывшаго тогда въ Москвѣ главнокомандующаго, фельдмаршала графа Салтыкова, и дежурнаго генералъ-адъютанта. Однажды, я имѣлъ счастіе сопровождать императора; множество народа окружило государя и безпрестанно кричало: «ура!». Одинъ мужикъ долго шелъ подлѣ стремени императора, все любуясь на него, вдругъ обтеръ пыль съ сапога его величества, перекрестился и поцѣловалъ его ногу. Это было, какъ сигналомъ для всей толпы, которая такимъ же образомъ начала цѣловать съ обѣихъ сторонъ ноги императора.

Послѣ коронаціи пріѣзжалъ ко мнѣ князь А. А. Черкасской съ Гончаровымъ, чтобы благодарить меня за доставленные мною билеты для его тетушки, но не засталъ меня дома; черезъ нѣсколько дней я просилъ Аѳанасія Николаевича свозить меня къ князю, но его не случилось дома, и я принятъ былъ Авдотьей Дмитріевною Цуриковою; она меня очень обласкала, но ея дочери не видалъ. Послѣ пріѣзжалъ ко мнѣ князь А. А. Черкасской въ другой разъ; я навѣстилъ его опять, и, такимъ образомъ, я сдѣлался знакомъ въ домѣ Авдотьи Дмитріевны, теперешней матушки моей тещи. Одинъ несчастный случай доставилъ мнѣ способъ оказать услугу Авдотьѣ Дмитріевнѣ. Сдѣлался пожаръ въ конюшнѣ, принадлежавшей къ ея дому, который угрожалъ распространиться и домъ подвергнуть пламени. Пріѣхала пожарная команда; полиція вообще тогда не была въ такомъ устройствѣ, какъ мы видимъ ее теперь; я взялъ команду подъ свое распоряженіе, и такъ удачно оною дѣйствовалъ, что, кромѣ нѣсколькихъ стойлъ, въ конюшнѣ ничего болѣе не сгорѣло; А. Д. Цуриковой не случилось тогда дома. Я, какъ водится, осыпанъ былъ за то благодарностью. Первый, сдѣлавшій предложеніе Авдотьѣ Дмитріевнѣ о желаніи моемъ войти въ ея семейство, былъ Н. С. Свѣчинъ, съ которымъ я имѣлъ давнее знакомство; онъ тогда служилъ генералъ-провіантмейстеромъ и женатъ былъ на родной племянницѣ жены В. Д. Арсеньева, родного брата Авдотьи Дмитріевны, находившагося подъ командою Свѣчина. Послѣ того графъ Н. П. Румянцовъ, какъ принимавшій всегда живѣйшее участіе во всемъ томъ, что могло случиться для меня счастливаго, поѣхалъ къ Авдотьѣ Дмитріевнѣ и говорилъ много въ мою пользу. Наконецъ, мнѣ сдѣланъ былъ отзывъ довольно удовлетворительный. Между тѣмъ дворъ изъ Москвы возвратился въ Петербургъ. Я, пробывъ нѣсколько дней послѣ того въ Москвѣ и получивъ удостовѣ-

реніе о будущемъ моемъ счастіи, отправился туда же для испрошенія позволенія у императора вступить въ законный бракъ съ дѣвицею Елисаветою Егоровною Цуриковой, о которомъ государь уже нѣсколько былъ извѣстенъ, и пригласить зятя моего А. Н. Астафьева и сестрицу Анну Ѳедотовну быть свидѣтелями событія, котораго они такъ давно желали, совершившагося 8-го января 1802 года въ церкви Косьмы и Даміана на Полянкѣ, почти противъ дома В. Д. Арсеньева. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года, мы поѣхали въ Петербургъ: матушка моя, теща, которая съ того времени заступила для меня мѣсто моей родной матери, по ея ко мнѣ милости и по моей сыновней къ ней привязанности, — жена моя Елисавета Егоровна, князь А. А. Черкасской, родной племянникъ матушки, и я. Императоръ предпринялъ лѣтомъ путешествіе въ остзейскія провинціи; я испросилъ у его величества позволеніе, во время его отсутствія, съѣздить осмотрѣть деревни жены моей, куда и матушка съ нею пріѣхала; я въ первый разъ познакомился тогда съ прелестнымъ Городищемъ и полюбилъ оное. Объѣзжая прочія деревни и входя въ каждый крестьянскій домъ, я нашелъ въ одномъ изъ нихъ, въ селѣ Покровскомъ, старуху и трехъ молодыхъ женщинъ. Спрашиваю, почему я не вижу ни одного мужика. Старуха, заплакавъ, мнѣ отвѣчала, что изъ молодыхъ женщинъ одна ея дочь и двѣ невѣстки, которыя обѣ овдовѣли, что съ небольшимъ въ три недѣли ихъ мужья, а ея сыновья померли отъ горячки, и что домъ ея остался почти безъ работниковъ. Сіе тотчасъ подало мнѣ мысль имѣть лѣкаря и учредить въ Городищѣ лазаретъ, чѣмъ я немедленно занялся и скоро привелъ въ исполненіе.

VI.

Дѣло Шубина.—Назначеніе начальникомъ петербургской полиціи.—Графъ Каменской, главнокомандующій столицею.—Преобразованія по полиціи.—Просьба объ увольненіи отъ полицейской службы и ея результаты.—Эртель.—Покупка у него 500 душъ крестьянъ и выгодная ихъ продажа.—Проектъ о сформированіи земскаго войска.—Солдатскія свѣтлицы при Екатеринѣ II.—Исторія казармъ Семеновскаго полка.—Пріѣздъ эрцгерцога палатина.—Полученіе отъ эрцгерцога графскаго достоинства.—Рожденіе сына.—Отъѣздъ эрцгерцога.—Мысль объ учрежденіи секретной полиціи.—А. Д. Балашовъ.—Опредѣленіе его московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.—Болѣзнь и отправленіе за-границу.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ случилось происшествіе, которое сдѣлало тогда много шуму. Въ Семеновскомъ полку служилъ поручикомъ Шубинъ; онъ былъ очень друженъ съ К. М. Полторацкимъ, бывшимъ тогда полковымъ адъютантомъ Семеновскаго полка. Шубинъ однажды открылся ему, что какой-то Григорій Ивановъ, находившійся при дворѣ великаго князя Константина Павловича, предлагаетъ ему войти съ нимъ въ заговоръ противъ императора Александра, что Шубинъ никакъ на сіе не соглашается, а открывается Полторацкому съ тѣмъ, что нельзя ли Григорія Ивановича схватить, ибо у нихъ свиданія бываютъ въ Лѣтнемъ саду, когда смеркается. Полторацкій на сіе согласился и въ назначенный день и часъ поѣхалъ съ Шубинымъ въ Лѣтній садъ. Идя вмѣстѣ по большой аллеѣ, Шубинъ сказалъ:

— Слышишь, кто-то идетъ. Это вѣрно онъ! Ты постой, а я пойду къ нему навстрѣчу.

Полторацкій послѣ показалъ, что онъ точно слышалъ будто шаги и видѣлъ даже, что кто-то

мелькнулъ между деревьями; сіе, вѣроятно, ему просто показалось. Черезъ пять минутъ Полторацкій слышитъ пистолетный выстрѣлъ, бѣжитъ на оный и видитъ друга своего Шубина, лежащаго на землѣ и говорящаго:

— Ахъ, злодѣй меня застрѣлилъ!

Полторацкій не зналъ, что съ нимъ дѣлать, поднялъ его и примѣчаетъ, что у него идетъ кровь изъ лѣвой руки; къ счастію, видитъ огонь въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго замка, Полторацкій ведетъ Шубина туда. Этотъ огонь былъ въ комнатахъ, занимаемыхъ бывшимъ кастеляномъ того замка. Полторацкій осматриваетъ своего друга и видитъ, что рана не смертельна, а только что прострѣлена рука выше локтя. Послали за лѣкаремъ, а Полторацкій поѣхалъ тотчасъ на Каменный островъ, чтобы немедленно довести до свѣдѣнія императора о такомъ важномъ происшествіи. На Каменномъ островѣ все спало. Полторацкій идетъ въ комнаты, гдѣ жилъ оберъ-гофмаршалъ, графъ Николай Александровичъ Толстой, приказываетъ его разбудить и разсказываетъ ему о случившемся въ Лѣтнемъ саду. Графъ Толстой рѣшается идти къ государю и сообщаетъ его величеству о слышанномъ отъ Полторацкаго. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ тогда Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ случилось еще два происшествія въ столицѣ. Одна карета, ѣхавшая съ Васильевскаго острова, на Исаакіевской площади смяла одного англичанина. У Михайловскаго замка, послѣ постройки онаго, оставались еще шалаши, въ которыхъ живали рабочіе люди; братъ кавалера великихъ князей, Николая и Михаила Павловичей, Ушакова, возвращаясь ночью домой въ Михайловскій замокъ, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, выскочившими изъ тѣхъ шалашей людьми былъ ограбленъ и жестоко прибитъ. Государь дѣйствіями петербургской полиціи былъ уже весьма недоволенъ, ибо и то и другое изъ сихъ

приключеній остались нераскрытыми; происшествіе, случившееся въ Лѣтнемъ саду, довершило, чтобы прогнѣвать императора на полицію. Михаилъ Илларіоновичъ сказался больнымъ. На другой день послѣ шубинской исторіи назначена была комиссія изъ генералъ-адъютантовъ: Уварова, князя Волконскаго и сенатора Макарова, чтобы произвести строгое по сему дѣлу розысканіе. Случившійся тогда въ Петербургѣ фельдмаршалъ, графъ Каменской, названъ былъ главнокомандующимъ въ столицѣ, а я назначенъ къ нему въ помощники и начальникомъ петербургской полиціи. Фельдмаршалъ и я случились тогда во дворцѣ, когда государю угодно было позвать графа Каменскаго и меня въ свой кабинетъ и объявить намъ обоимъ сію высочайшую свою волю. Вышедши изъ государева кабинета, я предложилъ фельдмаршалу навѣстить Михаила Илларіоновича Кутузова; графъ Каменской на сіе согласился. Мы нашли Кутузова очень растроганнымъ, особливо шубинской исторіей. Говоря о ней, я сказалъ:

— Il me semble, que ce prétendu Григорій Ивановичъ n'est qu'un fantôme [1]).

Михаилъ Илларіоновичъ съ восклицаніемъ отвѣчалъ:—Vous avez raison, mon général [2]).

Въ слѣдующій день пріѣхалъ ко мнѣ оберъ-полицеймейстеръ Овсовъ съ двумя поліцеймейстерами, Зайцевымъ и Евреиновымъ, и со всѣми частными приставами. Изъ поданныхъ мнѣ рапортовъ, я усмотрѣлъ, что при многихъ будкахъ не было вовсе будочниковъ; сіе меня крайне удивило. Я спросилъ о причинѣ и сказалъ:

— Мудрено ли, что по улицамъ дѣлаются грабежи и драки, когда ни брать грабителей, ни разнимать дерущихся некому.

Частные пристава мнѣ отвѣчали, что въ будочники

---

[1]) Мнѣ кажется, что пресловутый Григорій Ивановичъ—призракъ.
[2]) Вы правы, генералъ.

посылаютъ людей обыватели изъ своихъ дворовъ, кого хотятъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые не пожелаютъ прислать человѣка натурою, дозволяется внести девять рублей въ мѣсяцъ деньгами; что на сію сумму никакой нѣтъ возможности нанять человѣка, который бы согласился безсмѣнно стоятъ на часахъ, а особливо зимою на морозѣ [1]).

Между частными приставами я замѣтилъ одного, который показался мнѣ расторопнѣе прочихъ, фамилія его—Гейде; я приказалъ ему явиться къ себѣ послѣ обѣда. Я спросилъ у него, знаетъ ли онъ о двухъ происшествіяхъ, которыя случились нѣсколько дней тому назадъ: съ англичаниномъ и съ ограбленнымъ г. Ушаковымъ.

Гейде мнѣ отвѣчалъ, что онъ о томъ слышалъ. Я ему приказалъ непремѣнно найти, кому принадлежала карета, ѣхавшая съ Васильевскаго острова, и отыскать тѣхъ людей, которые ограбили Ушакова, и что его ожидаетъ награда, если онъ все это раскроетъ. Гейде испросилъ у меня позволенія дѣйствовать въ партикулярномъ платьѣ, что я ему позволилъ. Черезъ нѣсколько дней найдено было, кому принадлежала карета, и кто въ ней ѣхалъ; лошади были ямскія; ограбившіе Ушакова были бѣглые солдаты, которые также отысканы. Гейде за сіе произведенъ былъ въ слѣдующій чинъ. Я занимался раскрытіемъ и шубинскаго происшествія. Полиція открыла, что на третій день послѣ выстрѣла истопникъ Михайловскаго замка, ловя рыбу въ поперечной канавѣ, которая идетъ изъ Фонтанки въ Екатерининскій каналъ, вытащилъ пистолетъ, который тотчасъ былъ ко мнѣ представленъ. Я увидѣлъ, что онъ долженъ быть изъ военнаго сѣдла; призвавъ къ себѣ шубинскаго камердинера, я спросилъ у него, нѣтъ ли у его господина форменнаго сѣдла.

---

[1]) Тогда въ будкахъ не было печей.

— Есть,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—баринъ мой нѣсколько времени исправлялъ въ полку адъютантскую должность.

Я приказалъ принести пистолеты, и камердинеръ принесъ мнѣ только одинъ, который видно совершенно былъ пара найденному. Между тѣмъ, я узналъ, что къ Шубину допускается Полторацкій; я сообщилъ комиссіи, что, мнѣ кажется, не должно позволять имъ имѣть свиданія, ибо они могутъ сговориться, и тогда нельзя будетъ дойти до истины. Комиссія уважила сіе обстоятельство, и къ Полторацкому приставленъ былъ полицейскій офицеръ. Шубинъ представилъ примѣты Григорія Иванова; тотчасъ по всѣмъ трактамъ посланы были фельдъегери его отыскивать. Примѣты эти чрезвычайно похожи были на П. В. Кутузова, которому показалось это очень обидно. Узнавши, что у Шубина бѣжалъ одинъ изъ лакеевъ не задолго передъ тѣмъ, я послалъ за его камердинеромъ, который мнѣ сіе подтвердилъ. Я спросилъ у него, подавалъ ли баринъ его о томъ заявленіе въ часть, и въ которую. Камердинеръ мнѣ отвѣчалъ, что онъ самъ носилъ объявленіе въ 3-ю Адмиралтейскую часть. Я приказалъ оное къ себѣ, и открылось, что въ немъ написаны примѣты тѣ же самыя, какія имѣлъ мнимый Григорій Ивановъ. Я отправилъ въ комиссію и найденный пистолетъ и копію съ объявленія о бѣжавшемъ лакеѣ. Сіи двѣ улики немало способствовали къ доведенію Шубина до признанія, что вся эта исторія была имъ выдумана, что Григорія Иванова никогда не существовало, что онъ выстрѣлилъ въ свою руку самъ и бросилъ пистолетъ въ канаву, что надѣлалъ много долговъ, которые отецъ отказался за него платить, и что онъ рѣшился все это сдѣлать, надѣясь, что государь его наградитъ. Шубина лишили чиновъ и сослали въ Сибирь. Полторацкому, какъ говорится, вымыли голову за его легковѣрность.

Государь скоро примѣтилъ, что графъ Каменской былъ слишкомъ тороπливъ, чрезмѣрно вспыльчивъ и переиначивалъ иногда даже приказанія его величествомъ ему даваемыя. Въ отвращеніе сего послѣдняго, государь повелѣлъ мнѣ всякій разъ послѣ обѣда пріѣзжать къ нему за полученіемъ приказаній, а отъ фельдмаршала поутру принимать изволилъ только рапорты, и когда онъ о чемъ докладывалъ, то его величество ему отвѣчалъ:

— Я послѣ вамъ дамъ знать, что сдѣлать должно.

Мое положеніе было самое затруднительное: иногда фельдмаршалъ вздумаетъ самъ собою сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, а я знаю, что оно неугодно будетъ государю, или я получилъ уже совсѣмъ противное тому повелѣніе, то и долженъ былъ ему представлять, какъ отъ самого себя, что не лучше ли будетъ сдѣлать иначе; ибо государю не угодно было, по сродной его величеству деликатности, огорчить фельдмаршала тѣмъ, что будто онъ не имѣетъ полной довѣренности императора. Я, пользуясь позволеніемъ всякій день послѣ обѣда пріѣзжать къ его величеству, представилъ государю однажды записку о положеніи, въ которомъ находилась тогда полиція, и что, кромѣ того, что будочниковъ при всѣхъ будкахъ не находится, но когда бываетъ пожаръ, то будочники ходятъ по улицамъ, вертятъ трещотками и сзываютъ съ обывательскихъ дворовъ людей, назначенныхъ хозяевами для сей повинности, что весьма неудобно; сверхъ того, драгунская полицейская команда раздѣлена по частямъ, и что у старательнаго только частнаго пристава оная находится въ порядкѣ. Его величество, прочитавъ мою записку, удивился и изволилъ сказать:

— Какъ, здѣшняя полиція находится въ такомъ положеніи, и мнѣ никто о семъ по сіе время не говорилъ!

Поблагодаривши меня за мою догадку, приказать мнѣ изволилъ представить мои мысли насчетъ улучшенія полиціи. Проектъ мой состоялъ въ томъ, чтобы хозяева домовъ не посылали людей натурою въ полицейскія должности, а платили бы по 9-ти рублей въ мѣсяцъ за каждаго, на что, по собраннымъ мною предварительнымъ свѣдѣніямъ, хозяева домовъ всѣ согласны. Въ будочники и пожарные служители я предлагалъ опредѣлять изъ армейскихъ полковъ менѣе способныхъ къ фронтовой службѣ, которые поступали тогда въ гарнизонные полки, въ коихъ не отправляли никакой службы. Присовокупивъ собираемую съ хозяевъ домовъ сумму къ положенному по штату жалованью и провіанту, можно улучшить состояніе каждаго полицейскаго служителя. Драгунскія полицейскія команды для единообразія должны соединены быть въ одну команду, и слѣдуетъ поручить оную исправному штабъ-офицеру. Государь во всѣхъ частяхъ изволилъ утвердить мой проектъ и приказалъ тотчасъ учредить изъ полицейскихъ драгунъ одну команду, начальникомъ которой я назначилъ подполковника Гейде. Теперь всѣ будочники и служители въ пожарныхъ командахъ, по тогдашнему моему проекту, комплектуются изъ внутренней стражи не только въ Петербургѣ, въ Москвѣ, но и во всѣхъ губернскихъ городахъ. Скоро потомъ назначены были маневры всѣмъ гвардейскимъ войскамъ и находящимся армейскимъ полкамъ въ окрестностяхъ Петербурга, при Красномъ Селѣ. Всѣ войска поручены были начальству фельдмаршала графа Каменскаго. Государю угодно было видѣть искусство въ военномъ ремеслѣ сего состарѣвшагося въономъ генерала, но, кажется, онъ не вполнѣ оправдалъ ожиданія его величества. На время отсутствія графа Каменскаго изъ столицы я остался единственнымъ оной начальникомъ. Я долженъ признаться, что моя настоящая должность становилась часъ отъ часу для меня тя-

гостинѣ. Дурное устройство полиціи, о которомъ я выше упоминалъ, безтолковость моего ближайшаго начальства, противъ котораго я долженъ былъ почти безпрестанно дѣйствовать, вовлекали меня въ большія непріятности, а, сверхъ того, и безпрестанныя хлопоты, сопряженныя съ исправляемою мною должностью, изнуряли мои силы. По возвращеніи императора изъ Краснаго Села, хотя его величество изъявить мнѣ изволилъ свое удовольствіе за управленіе мною столицею, но я рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ просить государя уволить меня отъ возложенной на меня обязанности. Однажды, я былъ приглашенъ на обѣдъ къ императору; во время стола его величество публично отзываться изволилъ, что онъ моей службой очень доволенъ, и, глядя на меня, сказалъ:

— Но ты, братъ, не потолстѣлъ, видно, полицейскіе хлѣбы тебѣ не въ прокъ.

Я только поклонился, не отвѣчая ничего. Послѣ обѣда я долженъ былъ принять, по обыкновенію, приказанія отъ государя; получивши оныя, я осмѣлился представить его величеству, что физическія мои силы отказываются продолжать служеніе въ настоящей моей должности, и что я прошу одной милости—меня отъ оной уволить. Государь, нѣсколько помолчавъ, сказать мнѣ изволилъ:

— На кого же ты меня оставляешь? Ты знаешь, каковъ фельдмаршалъ!

Я продолжалъ:

— Здѣшняя полиція въ самомъ дурномъ положеніи, какъ вашему величеству извѣстно; я со всѣмъ моимъ желаніемъ и усердіемъ не въ состояніи ее исправлять, ибо не имѣю ни малѣйшей опытности, ни познанія по полицейской части; одинъ, по мнѣнію моему, генералъ-майоръ Эртель, бывшій оберъ-полицеймейстеромъ почти во все время царствованія по-

койнаго государя въ Москвѣ, можетъ привести здѣшнюю полицію въ порядокъ.

— Да ты знаешь ли, — возразилъ государь, — каковы были Эртеля поступки въ Москвѣ? Я долженъ былъ перваго его удалить отъ должности и дать ему полкъ.

Я на сіе отвѣчалъ:

— Вашему величеству докладывалъ графъ Салтыковъ, что Эртель дѣйствовалъ самовластно; можетъ быть, онъ имѣлъ на то высочайшее повелѣніе; но здѣсь, и въ присутствіи вашего величества, онъ, конечно, не осмѣлится выйти изъ границъ своей должности; впрочемъ, я могу засвидѣтельствовать предъ вашимъ величествомъ, что московскіе жители вообще были Эртелемъ очень довольны.

Государь, подумавъ немного, изволилъ сказать:

— Хорошо, я согласенъ, но съ тѣмъ, что ты останешься, какъ теперь, начальникомъ полиціи.

Я осмѣлился возразить:

— Отъ сего потерпитъ служба вашего величества, ибо генералъ-майоръ Эртель, будучи гораздо старѣе меня въ чинѣ, неохотно мнѣ будетъ повиноваться.

Императоръ изволилъ отвѣчать:—Но ты мой генералъ-адъютантъ.

— Все равно, государь, — продолжалъ я, — старшему быть въ командѣ у младшаго очень обидно.

Наконецъ, его величество согласился и приказалъ мнѣ послать фельдъегеря за Эртелемъ, который тогда былъ шефомъ Бутырскаго пѣхотнаго полка. Я несказанно былъ радъ пріѣзду Эртеля, который тотчасъ назначенъ былъ петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а Овсовъ получилъ другую должность. Когда генералъ-майоръ Эртель принялъ должность петербургскаго оберъ-полицеймейстера, государь въ высочайшемъ приказѣ изволилъ объявить мнѣ свое удовольствіе за хорошее мною исправленіе порученной должности и въ знакъ всемилостивѣйшаго благово-

ленія пожаловалъ мнѣ перстень съ брильянтами и съ вензелевымъ его величества именемъ. Я долженъ сказать, что во время нахожденія моего подъ начальствомъ графа Каменскаго онъ обращался со мной, не взирая на его крутой нравъ, весьма снисходительно. Фельдмаршалъ такъ, можно сказать, надоѣлъ императору, что его величество однажды мнѣ говорить изволилъ:

— Не хочетъ ли графъ Каменской проситься прочь? Если бы сіе случилось, я бы поставилъ свѣчу Казанской Божіей Матери!

Съ одной стороны государь не хотѣлъ огорчить фельдмаршала увольненіемъ его отъ должности, а съ другой графъ Каменской привыкъ служить тамъ, куда государи его опредѣляли, хотя фельдмаршалъ мнѣ то же говорилъ:

— Я пріѣхалъ сюда огурчикомъ, а теперь сталъ похожъ на вялую рѣпу.

Меня просилъ однажды Эртель, чтобы, по знакомству моему съ графомъ Васильевымъ, бывшимъ тогда государственнымъ казначеемъ, куплены были у него въ казну пятьсотъ душъ, пожалованныя Эртелю императоромъ Павломъ. Графъ Васильевъ мнѣ отвѣчалъ, что въ казнѣ тогда на сей предметъ денегъ не было; мнѣ вздумалось самому войти въ торгъ съ Эртелемъ, и, найдя покупку выгодною, за 75.000 я пріобрѣлъ тѣ 500 душъ, которыя были въ двухъ деревняхъ на Днѣстрѣ въ Подольской губерніи. Я поѣхалъ осмотрѣть новыя мои помѣстья и съ удовольствіемъ увидѣлъ Каменецъ-Подольскъ и его жителей, которые приняли меня съ большою ласкою. Управленіе новокупленнымъ имѣніемъ представляло, по отдаленности своей, нѣкоторыя неудобства, и я рѣшился черезъ годъ продать оное и получилъ 100.000 рублей. Въ проѣздъ мой черезъ разные города, я видѣлъ гарнизонныя роты, составленныя изъ людей, по виду еще здоровыхъ; сіе подало мнѣ

мысль представить государю проектъ о сформированіи изъ сихъ гарнизонныхъ ротъ,—въ которыхъ люди не исправляли ни малѣйшей службы, особливо въ заштатныхъ городахъ,—подъ названіемъ земскаго войска, раздѣливъ оное на баталіоны и команды, которые и подчинить отставнымъ изъ военной службы начальникамъ. Тогда въ губернскихъ городахъ были драгунскія команды и нѣсколько пѣшихъ солдатъ, а въ уѣздахъ штатныя команды, состоявшія въ губернскихъ городахъ подъ распоряженіемъ губернаторовъ, а въ уѣздныхъ—городничихъ; но число людей въ сихъ командахъ было весьма ограничено. Государю проектъ мой понравился, и, можетъ быть, оный послужилъ основаніемъ учрежденія впослѣдствіи внутренней стражи. Въ царствованіе императрицы Екатерины солдаты гвардейскихъ полковъ жили въ такъ называемыхъ свѣтлицахъ; свѣтлица была деревянная связь, раздѣленная сѣнями пополамъ, и состояла изъ двухъ большихъ покоевъ; въ каждомъ изъ нихъ помѣщались и холостые, и женатые солдаты. Между строеніемъ находилось довольно большое пространство пустой земли, которая занималась огородами. Свѣтлицы выстроены были по обѣимъ сторонамъ улицы, въ линію, и въ каждой изъ оныхъ квартировала одна рота, а потому и теперь называютъ еще улицы, находящіяся въ гвардейскихъ полкахъ, по номерамъ жившихъ тогда въ оныхъ ротъ. Офицеры жили въ большихъ деревянныхъ связяхъ: у богатыхъ и у женатыхъ оныя были прекрасно убраны. Императору Александру, еще наслѣдникомъ престола, угодно было на свой счетъ, для своего Семеновскаго полка, выстроить каменный полковой дворъ, гдѣ должны помѣщаться лазаретъ и церковь, три флигеля для офицеровъ и казармы для помѣщенія солдатъ всего полка. Производство сихъ строеній поручено было полковнику Путилову, бывшему тогда адъютантомъ при его высочествѣ наслѣдникѣ, и

архитектору Волкову, а по выходѣ Путилова въ отставку на его мѣсто опредѣленъ гардеробъ-мейстеръ Геслеръ. Дабы скорѣе окончено было строеніе, отдали оное на подрядъ. Архитекторъ Волковъ вскорѣ умеръ. Послѣ восшествія императора Александра на престолъ, черезъ два года, казармы Семеновскаго полка оказались отъ сырости къ жительству почти совсѣмъ неспособными. Однажды государь мнѣ изволилъ разсказывать, какой капиталъ употребленъ на построеніе казармъ, и въ то время, когда онъ самъ нуждался въ деньгахъ, а теперь онѣ обратились ко вреду тѣхъ, которымъ его величество желалъ доставить покой и выгоды. Императоръ находился въ большомъ затрудненіи, какимъ бы образомъ сдѣлать казармы къ жительству удобными. Наконецъ, государь изволилъ мнѣ сказать:

— Не возьмешься ли ты за это дѣло?

Я отвѣчалъ:

— Вашему величеству извѣстно и мое усердіе, и моя ревность: я готовъ исполнять все, что приказать изволите,—и тотчасъ предложилъ средство, которое государю очень понравилось.—Мнѣ кажется, что должно созвать,—сказалъ я,—всѣхъ лучшихъ здѣшнихъ архитекторовъ и каменныхъ мастеровъ, осмотрѣть съ ними казармы и потребовать ихъ мнѣнія о приведеніи оныхъ въ такое состояніе, чтобы безвредно можно было въ нихъ жить.

Сіе было сдѣлано, и нашли, что должно пристроить особливыя кухни и прачешныя.

Потомъ государю угодно было возложить на меня построеніе кавалергардскихъ, конногвардейскихъ, измайловскихъ и построить вновь нѣсколько семеновскихъ казармъ.

Въ началѣ 1803 года, эрцгерцогъ палатинъ изъявилъ желаніе видѣться съ императоромъ и со вдовствующею императрицею, послѣ кончины его супруги великой княгини и эрцгерцогини Александры

Павловны. Государю угодно было послать меня на встрѣчу его императорскаго высочества. Я дождался эрцгерцога палатина въ Вильнѣ. Такъ какъ это было въ мартѣ мѣсяцѣ, то дорога такъ испортилась, что его императорское высочество принужденъ былъ оставить свои тяжелые экипажи и ѣхать на перекладныхъ повозкахъ. Я предложилъ эрцгерцогу остановиться въ Нарвѣ и послать курьера въ Петербургъ, чтобы высланы были легкіе экипажи, но на сіе онъ не согласился. Подъѣзжая къ Петербургу, въ саняхъ не было возможности ѣхать, и мы сѣли въ двѣ телѣги: въ одной эрцгерцогъ со мною, а въ другой одинъ изъ его адъютантовъ съ камердинеромъ его императорскаго высочества. Я боялся, что привезу эрцгерцога полумертвымъ, и, дѣйствительно, онъ насилу на ногахъ могъ держаться, когда мы пріѣхали въ Зимній дворецъ. Его императорское высочество ввели въ приготовленныя для него комнаты. Немедленно пришли къ нему императоръ и вдовствующая императрица; всѣ пеняли эрцгерцогу, что онъ такъ много рисковалъ; но онъ тотчасъ, однакоже, сказалъ, что я просилъ его остановиться въ Нарвѣ и послать за экипажами, но его нетерпѣніе было такъ велико увидѣться съ ихъ императорскими величествами, что не хотѣлъ ни минуты промедлить. Я долженъ былъ всякое утро приходить къ государю и принимать приказанія на цѣлый день для эрцгерцога; иногда императоръ мнѣ говорилъ:

— Поди къ матушкѣ и спроси, какъ ей угодно, чтобъ палатинъ провелъ день.

Я безпрестанно находился съ эрцгерцогомъ, кромѣ только, когда онъ обѣдалъ или проводилъ вечеръ съ одною императорскою фамиліею. Свита его императорскаго высочества состояла изъ гофмейстера его, графа Сапари, двухъ камергеровъ, двухъ адъютантовъ и одного медика. Эрцгерцогъ обходился со мною весьма милостиво, а графъ Сапари полюбилъ меня,

какъ невозможно больше; онъ пользовался совершенною довѣренностью его императорскаго высочества. Однажды графъ Сапари мнѣ сказалъ:

— Вы, генералъ, примѣчаете, я думаю, какъ его императорское высочество, эрцгерцогъ, васъ любитъ; ему бы хотѣлось сдѣлать для васъ что-нибудь пріятное; скажите мнѣ откровенно, чего бы вы желали?

Я ему отвѣчалъ:—Для меня очень лестно слышать, что его императорское высочество имѣетъ ко мнѣ столько милостей, я этимъ очень доволенъ, и больше ничего не желаю.

— Вы мнѣ сказывали, генералъ, — продолжалъ графъ Сапари,—что вы недавно женаты; развѣ вамъ не было бы пріятно, и вашей молодой супругѣ получить графское достоинство? Сей титулъ вы оставили бы въ наслѣдство вашему потомству.

Сіе предложеніе меня очень удивило и, признаюсь, обрадовало.

— Я бы почелъ для себя это большимъ счастіемъ,—отвѣчалъ я,—но безъ воли императора не могу принять милости, которую угодно мнѣ оказать его императорскому высочеству; а между тѣмъ прошу ваше сіятельство повергнуть мою признательность къ стопамъ эрцгерцога.

На другой день, поутру рано, я пришелъ къ государю, и, къ счастію моему, никого не было у его величества. Я тотчасъ передалъ разговоръ мой съ графомъ Сапари, слово въ слово. Государю, примѣтно, это было очень пріятно, и онъ изволилъ съ обыкновенною его милостію мнѣ сказать:

— Я этому очень радъ, и какъ ты думаешь,— продолжалъ государь,—если и я примолвлю за тебя слово эрцгерцогу, не испорчу дѣла?

Я началъ его величество благодарить, а государь меня обнялъ и продолжать изволилъ:

— Неужели ты думалъ, что я когда-нибудь по-

мѣшаю твоему счастію! Напротивъ, я всегда готовъ къ тому способствовать.

Въ сей день былъ обѣдъ у императора, и я видѣлъ, что послѣ стола государь отвелъ эрцгерцога къ окошку и довольно долго съ нимъ разговаривалъ, чего прежде я не замѣтилъ. Въ тотъ же вечеръ эрцгерцогъ отправилъ курьера въ Вѣну. Мнѣ странно было, что графъ Сапари не спрашивалъ у меня послѣ, просилъ ли я у государя позволенія принять предложенное мнѣ имъ отъ имени эрцгерцога достоинство, и получилъ ли я, или нѣтъ, высочайшее на то соизволеніе. Спустя нѣсколько недѣль, прихожу я въ одно утро, по обыкновенію, къ эрцгерцогу; вдругъ вижу, что отворяются обѣ половинки двери изъ его кабинета, и онъ несетъ на обѣихъ рукахъ какую-то широкую, въ малиновомъ бархатѣ переплетенную книгу, и идетъ ко мнѣ навстрѣчу. Подошедъ, его императорское высочество, отдавая мнѣ эту книгу, сказалъ:

— Je vous félicite, m-r comte du St. Empire Romain [1]).

Я догадался, что сія книга должна быть дипломъ на графское достоинство. Я принялъ книгу и, принеся мою благодарность эрцгерцогу, просилъ позволить отнести ее къ государю. Императоръ изволилъ меня поздравить графомъ и повелѣлъ мнѣ дипломъ мой оставить у его величества, который препровожденъ былъ потомъ черезъ бывшаго тогда министра юстиціи Г. Р. Державина, при высочайшемъ указѣ, въ правительствующій сенатъ, для распубликованія повсемѣстно [2]). Мнѣ сказывалъ послѣ графъ Сапари, что когда императоръ Францъ извѣстился о желаніи государя, чтобы я получилъ графское достоинство, и что эрцгерцогу хотѣлось, прежде отъѣзда своего изъ Россіи, лично вручить мнѣ дипломъ, то его величество приказалъ канцлеру своему графу Кобен-

---

[1]) Поздравляю васъ, графъ Священной Римской имперіи.

[2]) Австрійскому курьеру, привезшему мой дипломъ на графское достоинство, я подарилъ 100 червонцевъ.

целю оставить всѣ прочія дѣла и заняться отправленіемъ скорѣе диплома въ Петербургъ. Я забылъ сказать, что предварительно изъ герольдіи вытребована была моя родословная. Государь довершилъ милостивое свое ко мнѣ участіе тѣмъ, что когда я получилъ графское достоинство, его величество повелѣлъ своему послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, испросить особую аудіенцію у императора Франца и изъявить его величеству отъ имени государя признательность за введеніе меня въ достоинство графа Священной Римской имперіи. Эрцгерцогъ сбирался къ отъѣзду изъ Россіи. Мнѣ хотѣлось дать прощальный обѣдъ свитѣ его императорскаго высочества и для того позвалъ оную къ себѣ. 28 мая 1803 года, лишь только отобѣдали и гости мои разъѣхались, какъ Богъ мнѣ даровалъ перваго сына графа Егора Евграфовича [1]). Воспріемниками его были императоръ и вдовствующая императрица. По случаю возложеннаго на меня государемъ порученія, построенія для гвардейскихъ полковъ казармъ, о чемъ я говорилъ выше, я не могъ сопровождать эрцгерцога палатина на возвратномъ его пути до границы; сіе возложено было на генералъ-адъютанта А. В. Васильчикова. Прощаясь со мной, его императорское высочество подарилъ мнѣ золотую табакерку, осыпанную брильянтами, съ его вензелемъ, которую цѣнили тогда въ 7 тысячъ рублей.

Когда государь собирался ѣхать въ Аустерлицкую кампанію, приказать мнѣ изволилъ явиться къ себѣ.

— Я ѣду въ армію,—сказалъ мнѣ императоръ,—но тебя не беру съ собой потому, что ты гораздо будешь для меня нужнѣе здѣсь; впрочемъ, ты пороху уже нанюхался и видѣлъ близко непріятеля, — продолжалъ государь. — Я поручаю столицу Вязьми-

---

[1]) О рожденіи прочихъ моихъ дѣтей написано въ святцахъ, и потому упоминать здѣсь о томъ я нахожу излишнимъ.

тинову [1]), а тебя назначаю къ нему въ помощники; сверхъ того, я желаю, чтобы учреждена была секретная полиція, которой мы еще не имѣемъ и которая необходима въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Для составленія правилъ оной назначенъ будетъ комитетъ изъ князя Лопухина [2]), графа Кочубея [3]) и тебя. Ты видишь,—присовокупилъ императоръ,—что тебѣ нечѣмъ обижаться, что не будешь находиться въ кампаніи, я знаю твою голову и усердіе; прощай, Богъ съ тобой.

По отъѣздѣ государя къ арміи, я былъ у благодѣтеля моего, графа Николая Петровича Румянцова, и сообщилъ ему о комитетѣ. Онъ мнѣ сказалъ:

— У меня есть много книгъ касательно сей полиціи, и мы вмѣстѣ, если хочешь, станемъ дѣлать выписки объ образованіи оной. Когда ты пріѣдешь въ комитетъ, ты будешь уже имѣть понятіе о предметѣ онаго и сообщишь свѣдѣнія, которыя прочимъ членамъ комитета, можетъ быть, вовсе неизвѣстны.

Мы, дѣйствительно, сими выписками нѣсколько времени занимались; комитетъ сей, однакоже, не состоялся, и мнѣ никогда не была извѣстна сему причина.

Во время отсутствія государя, которое продолжалось, какъ извѣстно, не очень долго, я исполнялъ нѣкоторыя порученія генерала Вязьмитинова и занимался казенными строеніями. По возвращеніи императора въ Петербургъ, его величество съ удовольствіемъ увидѣть изволилъ хорошій успѣхъ въ строеніяхъ, подъ моимъ распоряженіемъ бывшихъ, и по донесеніи петербургскаго военнаго губернатора о исправномъ исполненіи дѣлаемыхъ имъ мнѣ порученій, его величеству угодно было, 16 марта 1806 г.,

---

[1]) Вязьмитиновъ былъ тогда петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

[2]) Князь Лопухинъ—министръ юстиціи.

[3]) Графъ Кочубей—министръ внутреннихъ дѣлъ.

наградить меня орденомъ св. Анны 1-го класса, при весьма милостивомъ рескриптѣ.

Во время служенія моего еще въ Измайловскомъ полку я весьма былъ друженъ съ Александромъ Дмитріевичемъ Балашовымъ; онъ выпущенъ былъ изъ камеръ-пажей поручикомъ въ нашъ полкъ, вышелъ въ армію подполковникомъ, а въ царствованіе императора Павла, какъ и всѣ тѣ, которые, не подверглись выключкѣ изъ службы, скоро достигъ до генералъ-майорскаго чина. Когда объявлена была война Англіи, Балашовъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ревель. Адмиралъ Нельсонъ пришелъ съ ввѣренною ему эскадрою въ Балтійское море съ тѣмъ, чтобы истребить нашъ флотъ и взять Ревель и Кронштадтъ. Императоръ Павелъ тогда скончался. Государь Александръ Павловичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, послалъ въ Англію Новосильцова, а Балашову поручено было трактовать съ Нельсономъ, бывшимъ уже съ своею эскадрою въ виду Ревеля. Какъ извѣстно, миръ съ Англіею скоро былъ заключенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилось и ревельское военное губернаторство; Балашову повелѣно было состоять по арміи. Потомъ онъ назначенъ былъ шефомъ Троицкаго пѣхотнаго полка. Я Балашова потерялъ совсѣмъ изъ виду. Въ одно воскресенье во время спектакля въ Эрмитажѣ, графъ Кочубей, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, говоритъ мнѣ:

— Государь поручилъ мнѣ спросить у васъ, не знаете ли вы кого-нибудь изъ вашихъ сослуживцевъ, котораго бы можно было назначить въ московскіе оберъ-полицеймейстеры.

Я ему отвѣчалъ, что сію минуту никого не имѣю, но чтобы графъ позволилъ мнѣ подумать.

На другой день мы званы были на музыкальный вечеръ къ А. Н. Гончарову, который переселился въ Петербургъ, и котораго сынъ учился тогда у слав-

наго Роде играть на скрипкѣ. Каково же было мое удивленіе встрѣтить тамъ Александра Дмитріевича Балашова [1]). Не видавшись столько лѣтъ, мы другъ другу обрадовались; я началъ у него разспрашивать, почему онъ во фракѣ и оставилъ военную службу, и давно ли въ Петербургѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что въ Петербургъ только что пріѣхалъ, и не по своей надобности; что онъ имѣлъ дѣло около Вышняго-Волочка, тамъ нашелъ одного изъ своихъ пріятелей, который въ затрудненіи былъ доставить сына своего въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ.

— Я, какъ человѣкъ свободный, — продолжалъ Александръ Дмитріевичъ, — и бывшій на половинѣ дороги, вызвался оказать пріятелю моему сію услугу и вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ повидаться съ моими знакомыми; а что оставилъ службу, такъ потому, что меня имѣть въ оной болѣе не желаютъ.

Я возразилъ.

— Какъ не желаютъ! этого, кажется, быть не можетъ.

Онъ мнѣ на сіе сказалъ:

— Выслушай, что со мной случилось: я былъ, какъ тебѣ извѣстно, ревельскимъ военнымъ губернаторомъ и имѣлъ тамъ весьма важное порученіе, которое исполнилъ, кажется, нельзя лучше; вмѣсто награды я лишился мѣста и состоялъ по арміи; вдругъ, получаю приказъ, что Преображенскаго полка полковникъ Запольскій назначается шефомъ перваго въ арміи полка, Екатеринославскаго гренадерскаго, а я вмѣстѣ съ нимъ получаю Троицкій полкъ, который расположенъ по Кавказской линіи. Я, однакоже, поѣхалъ къ полку и, дождавшись 1 сентября, подалъ въ отставку. Послѣ сего желаютъ ли меня имѣть на службѣ, и какъ бы ты на моемъ мѣстѣ поступилъ?

---

[1]) Балашовъ по первой своей женѣ былъ въ родствѣ съ женою Гончарова.

Я долженъ былъ съ нимъ согласиться, что ему не оставалось ничего другого дѣлать.

— Но,—продолжалъ я,—неужели ты рѣшился въ твои лѣта никогда болѣе уже не служить? Есть должности, въ которыхъ можно быть полезнымъ отечеству, и кромѣ военной службы.

— Я живу съ моей матушкой, съ женой, съ сестрами,—отвѣчалъ онъ,—и въ кругу моего семейства я чрезвычайно счастливъ.

Я ему сказалъ:

— А если можно соединить и семейную жизнь и службу вмѣстѣ, то не будетъ ли сіе пріятнѣе?

Тогда я сообщилъ Балашову о сдѣланномъ мнѣ порученіи. Онъ, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ:

— Хотя и трудно рѣшиться быть разжаловану изъ поповъ въ діаконы, ибо, какъ военный губернаторъ, я имѣлъ въ командѣ у себя полицеймейстера и всю полицію и ни отъ кого не зависѣлъ, а тутъ самъ буду подъ командой; но я бы сію должность принялъ, только я увѣренъ, что меня не опредѣлятъ.

Въ слѣдующій день поутру я донесъ государю, что по сдѣланному мнѣ порученію графомъ Кочубеемъ, по волѣ его величества, я осмѣлился бы рекомендовать въ московскіе оберъ-полицеймейстеры Балашова, но онъ полагаетъ, что имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ его величества. Потомъ разсказалъ все слышанное мною отъ Александра Дмитріевича государю. Его величество изволилъ слушать съ большимъ вниманіемъ, наконецъ, сказать изволилъ:

— Я помню Балашова съ того времени, какъ онъ еще былъ камеръ-пажемъ при бабушкѣ; послѣ видѣлъ его въ Казани комендантомъ и зналъ, когда онъ былъ ревельскимъ военнымъ губернаторомъ; сіе мѣсто, съ миромъ съ Англіей, само собой уничтожилось. Назначеніе же полковника Запольскаго шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка произошло оттого, что я въ семъ полку беру большое

участіе: ты знаешь, что шефомъ онаго я назначенъ былъ покойною бабушкою [1]). Полкъ сей приведенъ въ большое разстройство Палицынымъ; мнѣ надобно было поручить оный такому начальнику, котораго бы я лично зналъ по службѣ и который бы въ состояніи былъ полкъ привести въ хорошее состояніе. Балашовъ, кажется, отъ фронтовой службы отвыкъ, а такъ какъ онъ состоялъ по арміи, то и назначенъ былъ шефомъ перваго вакантнаго полка. Изъ сего ты видишь причины, по коимъ сдѣланъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка Запольскій, а не другой кто. Ты можешь увѣрить Балашова, что я вовсе не хотѣлъ его обидѣть, и ничего, кромѣ хорошаго, противъ его не имѣю, и если онъ желаетъ быть московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, то я охотно его въ сію должность опредѣляю. Прикажи ему явиться къ Кочубею.

Увидѣвшись съ Александромъ Дмитріевичемъ, я ему передалъ разговоръ мой съ государемъ, и Балашовъ получилъ желаемое имъ мѣсто. Сіе было начало его послѣдующей фортуны по службѣ и всѣхъ почестей, имъ въ оной пріобрѣтенныхъ. Я долженъ отдать справедливость Александру Дмитріевичу, что онъ болѣе и болѣе старался всегда оказывать мнѣ знаки своей дружбы и откровенности.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1806 года я весьма сильно занемогъ и по причинѣ сей жестокой моей болѣзни, продолжавшейся около года, я не могъ участвовать въ Фридландской кампаніи. Государь принимать изволилъ самое милостивое и живѣйшее участіе въ отчаянномъ почти положеніи моей жизни, въ которомъ я находился. Прислать изволилъ лѣчить меня собственнаго своего доктора Крейтона, который обязанъ

[1]) Императрица Екатерина, незадолго до ея кончины, назначила шефами полковъ гренадерскихъ: Екатеринославскаго—великаго князя Александра Павловича и С.-Петербургскаго—великаго князя Константина Павловича.

былъ всякій день доносить императору о состояніи моего здоровья. Его величество полагать изволилъ, что сія жестокая болѣзнь мнѣ приключилась отъ простуды, которую я получилъ, ѣздивъ безпрестанно по казеннымъ строеніямъ, въ самую ненастную погоду; тѣмъ болѣе государь желалъ моего выздоровленія. Наконецъ, болѣзнь моя кончилась, но осталось сильное разслабленіе въ нервахъ. Лѣчившіе меня медики признали необходимымъ, чтобы я поѣхалъ къ минеральнымъ водамъ въ чужіе края. Я лишь только послалъ о семъ государю просьбу, какъ его величество соизволилъ на мой отъѣздъ, не отдавая о томъ въ приказѣ, дабы я не лишился во время моего отсутствія моего трактамента. Мы все это лѣто прожили на дачѣ по Петергофской дорогѣ, на 6-й верстѣ, принадлежащей княгинѣ Дашковой.

VII.

Пріѣздъ въ Вѣну.—Болѣзнь.—Докторъ Капелини. — Бракосочетаніе императора Франца.—Увеселенія вѣнской аристократіи.—Рожденіе сына Александра.—Г-жа Staël.—Переселеніе въ Баденъ.—Поѣздка въ Пресбургъ.—Коронованіе новой императрицы венгерской короной.—Возвращеніе въ Баденъ и въ Вѣну.—Гулянья въ Пратерѣ.—Образцовый порядокъ.—Переселеніе въ Парижъ.—Пріемъ у Наполеона.—Князь Куракинъ.—Параллель между Парижемъ до революціи и Парижемъ временъ имперіи.—Представленіе императрицѣ Жозефинѣ.—Симпатія къ русскимъ. — Спектакли въ Тюльери. — Строгости придворнаго этикета.—Обѣдъ.

Сентября 15-го 1807 года, прямо съ дачи мы поѣхали въ Вѣну. Въ семъ путешествіи находились: матушка, жена моя, сынъ Егоръ Евграфовичъ, который былъ тогда по пятому году, съ его няней, и,—чтобы вести счеты во время дороги,—двоюродный мой племянникъ Н. Н. Акининъ, а дочь нашу Анну, которая имѣла тогда полтора года, поручили сестрицѣ моей Аннѣ Ѳедотовнѣ. На сей дачѣ мы имѣли тогда несчастіе лишиться дочери нашей Авдотьи, которая была старѣе дочери Анны. Во время вояжа нашего ничего примѣчательнаго до Вѣны не случилось. По пріѣздѣ нашемъ въ сію столицу мы нашли ее наполненною такимъ множествомъ пріѣхавшихъ со всѣхъ сторонъ любопытныхъ, по случаю бракосочетанія императора Франца съ третьей его супругой, принцессою d'Esté, что ѣздили нѣсколько часовъ по всему городу, чтобы сыскать квартиру въ какой-нибудь гостиницѣ. Наконецъ, принуждены были остановиться въ самой послѣдней изъ всей Вѣны Kärtner-Strasse, Am wilden Mann, и то отвели намъ только три комнаты

въ 4-мъ этажѣ. На другой день я поѣхалъ къ нашему послу, которымъ былъ тогда въ Вѣнѣ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Онъ предваренъ уже былъ о моемъ пріѣздѣ вдовствующею императрицею, которая къ нему была очень милостива и вела съ нимъ партикулярную переписку. Князь Куракинъ, увидя меня, сказалъ:

— Я давно уже ожидаю ваше сіятельство, мнѣ вашъ пріѣздъ сюда былъ извѣстенъ; радъ буду оказывать вамъ всякаго рода услуги,—продолжалъ онъ,—знаю, что вы пріѣхали сюда лѣчиться, и что въ васъ принимаютъ участіе ихъ императорскія величества.

Послѣ нѣкоторыхъ еще взаимныхъ комплиментовъ, я возвратился домой. Желая показать женѣ моей любимое вѣнскихъ жителей гулянье, по бастіонамъ вокругъ города [1]), я надѣлъ фракъ и пошелъ съ ней гулять. Это было уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вѣтеръ былъ прехолодный, и я сильно простудился; къ вечеру я почувствовалъ большой жаръ. Къ счастью, пришелъ меня навѣстить бывшій тогда совѣтникомъ посольства баронъ Анстенъ, съ которымъ я знакомъ былъ, когда онъ служилъ при принцѣ Нассау. Онъ, увидѣвъ меня въ этомъ положеніи, а особливо жену мою въ отчаяніи и матушку, которая себя также не очень хорошо чувствовала, сказалъ:

— Вы живете въ самой дурной гостинницѣ, какая только есть въ Вѣнѣ, но вознаграждены тѣмъ, что напротивъ васъ живетъ лучшій здѣшній и всѣхъ русскихъ докторъ Капелини, и въ томъ же домѣ есть и аптека. Пошлите за Капелини: онъ, вѣрно, дома и къ вамъ тотчасъ будетъ. Если угодно, я напишу къ нему записку и пошлю съ своимъ человѣкомъ.

Капелини, дѣйствительно, къ намъ тотчасъ явился и нашелъ, что у меня на лицѣ и на головѣ дѣлается

---

[1]) Сіи бастіоны взорваны были Наполеномъ въ 1810 году.

рожа. Мы впослѣдствіи имѣли въ немъ друга, а не медика. Первое, что онъ сказалъ:

— Вамъ здѣсь никакъ нельзя оставаться; я постараюсь найти для васъ покойную квартиру, а между тѣмъ для графа нуженъ хорошій супъ: въ здѣшней гостиницѣ столъ прескверный; я буду присылать оный съ моей кухаркой, а такъ какъ въ трактирѣ не дозволяютъ носить кушанья со стороны, она называться будетъ вашей прачкой и ходить къ вамъ будто съ бѣльемъ.

Подлѣ самой той комнаты, въ которой я лежалъ, жило нѣсколько офицеровъ, которые цѣлыя ночи проводили въ пьянствѣ, въ картежной игрѣ и въ ужасномъ шумѣ. Племянникъ мой Акининъ нѣсколько разъ ходилъ просить ихъ, чтобы не такъ шумѣли, что подлѣ нихъ лежитъ больной русскій генералъ, но они переставали только на минуту, а потомъ опять тотъ же шумъ возобновлялся и гораздо еще сильнѣе. Каково же было мое положеніе, что я въ страданіи не могъ не только спать, но имѣть ни малѣйшаго покоя. Одинъ разъ Капелини входитъ къ намъ съ веселымъ видомъ и говоритъ:

— Какъ я радъ, что, наконецъ, нашелъ для васъ препокойную квартиру, которую я самъ ѣздилъ осматривать; я ни пропускалъ ни одного объявленія, чтобы не прочесть, и далъ комиссію моимъ пріятелямъ и знакомымъ искать и навѣдываться о квартирѣ для васъ, и теперь, кажется, я въ этомъ успѣлъ. Домъ въ предмѣстьѣ [1]) въ два этажа, главный фасадъ въ садъ, принадлежитъ земляку моему Оригони; верхній этажъ занятъ жильцами, а нижній свободенъ — и сказываетъ намъ цѣну. Мы стали его благодарить, какъ нельзя больше, и просить, чтобы онъ тотчасъ нанялъ квартиру, и дали денегъ для задатка. Капелини намъ сказалъ:

---

[1]) Городъ Вѣна, самъ по себѣ, очень малъ, но предмѣстья его весьма обширны.

— Здѣсь иначе не нанимаютъ квартиры, какъ на извѣстное время и по контракту. Если вамъ угодно,— продожалъ онъ, — я заключу контрактъ отъ своего имени, но должно только опредѣлить время.

Мы рѣшились нанять квартиру на шесть мѣсяцевъ. Мнѣ сдѣлалось нѣсколько лучше, то есть, боли перестали, но на лицѣ была еще большая опухоль. Капелини долго не зналъ, какимъ образомъ меня перевезти; наконецъ, рѣшился, чтобы портъ-шезъ [1]) принесли къ самой моей постели и, окутавъ меня хорошенько, чтобы я не простудился, отнесли бы на новую квартиру. Лѣстница была въ семъ мерзкомъ трактирѣ такъ узка и съ поворотами, что съ большимъ трудомъ меня снесли внизъ. Посланъ былъ впередъ мой камердинеръ, нѣмецъ, который нанятъ былъ еще въ Петербургѣ, чтобы приготовить для меня постель: каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что Капелини меня самъ дождался; я не могъ довольно изъявить ему моей благодарности, и въ самомъ дѣлѣ, какое примѣрное и рѣдкое попеченіе о своемъ больномъ! Я думалъ, что я нахожусь въ раю: комнаты прекрасныя, опрятныя; хорошо меблированы, и меня принесли къ самой моей постели. Капелини приказалъ комнаты вытопить и вездѣ накурить. Я скоро совершенно оправился въ чистомъ воздухѣ, который былъ въ нашихъ комнатахъ. Во всемъ домѣ жили только двѣ фамиліи: вверху графиня Лабія, урожденная графиня Гадикъ, а внизу наша. Графъ Лабія, noble de Venise, послѣ всѣхъ перемѣнъ, случившихся съ сей республикой, въ которой онъ имѣлъ большія маетности, рѣшился оставить жизнь свою въ Австріи. Графъ Лабія находился тогда по своимъ дѣламъ въ Венеціи. Мы скоро познакомились съ его женою и нашли въ ней

---

[1]) Портъ-шезы въ большомъ употребленіи въ Вѣнѣ; это родъ маленькой кареты, съ тремя стеклами. которую несутъ два человѣка на длинныхъ деревянныхъ коромыслахъ.

прекрасную и премилую сосѣдку. Мы съ ней видались почти всякій день. Поручили нашему доктору Капелини, чтобы найти для старшаго нашего сына, за которымъ необходимъ уже былъ присмотръ, родъ гувернера. Капелини намъ рекомендовалъ отставного изъ австрійской службы поручика, родомъ итальянца, Витали, за нравственность котораго онъ ручался. Основываясь на рекомендаціи Капелини, мы взяли къ себѣ Витали. Тогда въ Вѣнѣ было русскихъ: Н. А. Нарышкинъ со всей фамиліей, княгиня Шаховская съ двумя дочерьми, деверемъ своимъ, княземъ Шаховскимъ, и Бахметевымъ; прекрасная Татищева, бывшая тогда Безобразова, и теперешній ея мужъ Татищевъ; баронъ Бюллеръ, бывшій нашимъ министромъ въ Мюнхенѣ, съ своимъ семействомъ, князь Багратіонъ, графиня М. А. Толстая съ двумя дочерьми и съ двумя сыновьми,—мужъ ея, графъ П. А., былъ тогда посланъ въ Парижъ; съ нею пріѣхалъ П. А. Арсеньевъ и Кологривой, который причисленъ къ вѣнской миссіи; П. М. Лунинъ съ женою и дочерью, два брата Яковлевы; еще находился тамъ А. П. Ермоловъ, но съ нимъ почти не видались. Я былъ представленъ императору, а жена моя ко двору не представлялась по причинѣ ея беременности.

Бракосочетаніе императора происходило въ церкви aux petits Augustins, гдѣ намъ отведена была трибуна. Священную сію церемонію совершалъ родной братъ императрицы, примасъ венгерскій. Рѣдко можно было видѣть гдѣ-нибудь столько драгоцѣнныхъ каменьевъ, какъ при семъ случаѣ, которыми украшены были австрійскія и венгерскія дамы: сіи послѣднія были въ національномъ своемъ костюмѣ. На императорѣ былъ фельдмаршальскій мундиръ; лента ордена Маріи-Терезіи въ два ряда по краямъ унизана была довольно крупными брильянтами. Въ сей же церкви находится знаменитый мавзолей

изъ лучшихъ произведенiй рѣзца славнаго Кановы, въ память эрцгерцогини Христины, дочери Марiи-Терезiи, сооруженный мужемъ ея, герцогомъ Саксенъ-Тешенскимъ, бывшимъ намѣстникомъ нидерландскимъ. Герцогъ Альбертъ имѣлъ лучшiй домъ въ Вѣнѣ, давалъ часто великолѣпные и многолюдные обѣды. Въ сей столицѣ партикулярные балы тогда вовсе не были въ употребленiи, а большiе обѣды и рауты, которые назывались les avant-soirées. Въ Вѣнѣ странное тогда было обыкновенiе: послѣ званаго обѣда должно узнать, когда будетъ другой такой же обѣдъ у того же хозяина, и прiѣхать послѣ сего обѣда благодарить, и сiе называлось: rendre le diner, а буде сего не сдѣлаешь, то почиталось большою невѣжливостью, и даже впередъ подвергнешься не быть никогда болѣе приглашеннымъ. Послѣ всякаго большого обѣда начинается въ домѣ совершенная суматоха, ибо одни прiѣзжаютъ, а другiе уѣзжаютъ. Князь Лобковицъ любилъ музыку и театръ, и у него былъ спектакль, составленный изъ членовъ общества, и представляли итальянскiя оперы, между прочимъ, Camille ou le Souterrain, сочиненiе Пера. Князь Лобковицъ имѣлъ одну ногу короче другой, игралъ въ сей оперѣ роль садовника и говорилъ, что онъ оттого хромаетъ, что полѣзъ на дерево и упалъ съ онаго. Роль Камиллы въ большомъ превосходствѣ была играна дѣвицею Губо, она имѣла притомъ голосъ прелестнѣйшiй. У графини Замойской тоже былъ театръ, но представляли французскiя пьесы. Графиня Замойская играла прелестно, особенно въ роли Betti въ La jeunesse de Henri V. Я послѣ видѣлъ въ Парижѣ въ той же роли славную m-lle Mars и не нашелъ большой разницы. Между актерами, игравшими у графини Замойской, я видѣлъ Clery, камердинера несчастнаго Людовика XVI, короля французскаго. Въ Вѣнѣ, сверхъ того, былъ театръ, составленный изъ охотниковъ лучшихъ фамилiй, гдѣ играли только

національныя пьесы; я иногда ѣздилъ туда, получая билетъ отъ графини Лабіи: дядя ея, графъ Бренеръ, былъ однимъ изъ старшинъ сего общества [1]).

1 февраля 1808 года, родился у насъ сынъ Александръ; воспріемниками его были посолъ нашъ князь Куракинъ и графиня М. А. Толстая. При посольствѣ нашемъ былъ священникъ, который слишкомъ 30 лѣтъ не выѣзжалъ изъ Вѣны, но все сіе время ему не случалось ни разу крестить младенцевъ; онъ былъ въ большомъ затрудненіи и никакъ не рѣшался погрузить младенца въ воду и просилъ, чтобы позволили его облить водою, на что мы принуждены были согласиться.

Докторъ Капелини нашелъ, что для подкрѣпленія моихъ нервовъ нужно употреблять сѣрныя ванны, а потому и совѣтовалъ на лѣто ѣхать въ Баденъ, разстояніемъ отъ Вѣны въ 3 миляхъ, или 21 верстѣ. Поелику онъ самъ туда всякое лѣто ѣздилъ, то и взялся для насъ нанять въ Баденѣ домъ. Въ наше время была въ Вѣнѣ знаменитая m-me Staël, которую старались всѣ сколько можно болѣе угощать. У князя Лихтенштейна данъ былъ спектакль: Agar dans le dêsert, въ которомъ m-me Staël играла съ своимъ сыномъ. Она была нѣсколько разъ, изъ любопытства, въ нашей посольской церкви. Всѣхъ болѣе ей нравилось общество prince de Ligne; онъ былъ тогда уже въ

[1]) Во время нашего пребыванія въ Вѣнѣ, въ университетской залѣ были по воскресеньямъ концерты, составленные изъ охотниковъ и первѣйшихъ артистовъ. Однажды, вздумали дать знаменитую araторію Гайдена—«Сотвореніе міра». Сей славнѣйшій и, можно сказать, вдохновенный сочинитель ораторіи еще былъ живъ, и передъ началомъ оной его принесли въ залу, гдѣ было приготовлено для него возвышенное мѣсто,—на носилкахъ, и онъ имѣлъ шляпу на головѣ. При появленіи Гайдена въ залу, раздались рукоплесканія и громогласные крики: «виватъ». Знатнѣйшія вѣнскія дамы: княгиня Эстергази, Шварценбергъ и проч., подходили цѣловать его руку. Сею ораторіею дирижировалъ извѣстный Пиччини. Гайденъ былъ такъ тронутъ и слабъ, что не могъ остаться до конца ораторіи. Онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Примѣчательно, что до конца своей жизни Гайденъ сохранилъ скромное названіе капельмейстера князя Эстергази.

ребячествѣ. M-me Staël говорила, что для нея любезнѣе всѣхъ въ Вѣнѣ prince de Ligne и С. С. Уваровъ, бывшій тогда при нашемъ посольствѣ.

Мы переѣхали въ Баденъ въ маѣ мѣсяцѣ, равно какъ и всѣ почти русскія семейства, бывшія въ Вѣнѣ; нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не для лѣченія, а только, чтобы провести лѣто въ семъ прекрасномъ мѣстѣ, переселились въ Баденъ. Въ сіе почти время пріѣхалъ туда же лѣчиться графъ Эммануилъ Сенпри, съ графомъ Людольфомъ, теперешнимъ неаполитанскимъ министромъ въ Петербургѣ. Графъ Сенпри получилъ жестокую рану въ ногу въ Фридландскую кампанію. Я съ нимъ ѣздилъ купаться вмѣстѣ и въ одинъ павильонъ. Мы жили въ Баденѣ самымъ наиприятнѣйшимъ образомъ. Часто ѣздили въ обществѣ нашихъ соотчичей по прелестнымъ окрестностямъ баденскимъ, каковы Маркенштейнъ, загородный домъ Лихтенштейна, котораго называлиНазе по чрезвычайному его носу; Феслау, банкира барона Фраза; Шенау, графа Брауна, гдѣ видно великое изобиліе водъ, и гдѣ въ построенномъ круглообразномъ, превосходной внутри архитектуры, храмѣ, посвященномъ богинѣ ночи (сія богиня изображена на колесницѣ), сводъ представляетъ небесную твердь, освѣщенную луною и звѣздами. Когда войдешь въ сей храмъ, вдругъ услышишь музыку восхитительной мелодіи и въ такой отдаленности, что едва звуки доходятъ до слуха, и въ то время колесница, на которой стоитъ богиня, медленно объѣзжаетъ всю внутренность храма. Все вмѣстѣ представляетъ что-то таинственное. Въ увеселительномъ дворцѣ императора, Лаксенбургѣ, между прочимъ, видно судилище среднихъ вѣковъ: посреди комнаты, гдѣ члены онаго собирались, находится большое отверстіе въ видѣ трубы, въ которую поднимали изъ темницы, устроенной въ погребахъ, рыцаря для объявленія ему приговора; послѣ чего опускали его въ сіе заточеніе. Вся эта комната,

впрочемъ, довольно большая, убрана латами рыцарей тѣхъ вѣковъ. Мы входили и въ самую темницу; въ ней изображенъ рыцарь большого роста, сидящій на деревянной скамьѣ и имѣющій на ногахъ и рукахъ цѣпи, и, коль скоро къ нему станешь подходить, онъ привстаетъ со скамьи и нѣсколько разъ встряхиваетъ цѣпями и потомъ опускается на скамью. Лаксенбургъ было любимое мѣсто второй жены императора Франца. Она, сказываютъ, была большая охотница до всякаго рода звѣрей. Павильонъ, въ которомъ императрица часто бывала, снаружи увѣшанъ множествомъ разнообразныхъ животныхъ чучелъ, какъ-то: кошекъ, собакъ и проч. Монастырь Гейлигенъ-Крейцъ, или святого креста, съ мѣстоположеніемъ уединеннымъ, окруженный горами имѣетъ печать святости. Множество ходитъ туда на богомолье. Наконецъ, деревня Брюль представляетъ видъ дикой природы, лежитъ въ превысокихъ голыхъ скалахъ. Екатерина Александровна Нарышкина была, можно сказать, душою этихъ прогулокъ; она большею частью ихъ учреждала и все угощеніе принимала подъ свое распоряженіе. Послѣ ваннъ, въ 12 часовъ, всѣ, и тѣ, которые лѣчились, и здоровые, собирались въ довольно обширный, въ самомъ Баденѣ находящійся, паркъ. Въ устроенномъ посреди парка кіоскѣ играла музыка, и сіе гуляніе продолжалось до 2-хъ часовъ по полудни и возобновлялось послѣ обѣда, но безъ музыки. Ѣздили часто гулять въ долину св. Елены, въ самомъ ближнемъ разстояніи отъ Бадена; сія долина окружена превысокими горами. Въ сіе лѣто множество было пріѣзжихъ въ Баденъ. Мы перемѣнили три квартиры; послѣдняя называлась, по своему мѣстоположенію, Ландшафтомъ, и, дѣйствительно, передъ глазами нашими, на высотахъ трехъ горъ, находились развалины трехъ замковъ: Раухенштейнъ, Шарфенекъ и трехъ-угольная башня. Всякій вечеръ почти у насъ собирались всѣ русскіе, а иногда австрійцы;

между прочими просилъ позволенія быть намъ представленъ молодой князь Эстергази, теперешній посолъ въ Англіи, и другіе иностранцы, бывшіе тогда въ Баденѣ. Очень часто играли у насъ въ charades en action, что было для всѣхъ весьма пріятно. Въ Баденѣ былъ театръ, и мы за нѣсколько гульденовъ могли имѣть всякаго рода костюмы.

Изъ Бадена я съ женою моею ѣздилъ въ Пресбургъ по случаю коронаціи императрицы, какъ королевы венгерской. Мы нанимали въ Вѣнѣ четверомѣстную карету и пару прекрасныхъ вороныхъ инглезированныхъ лошадей за 300 гульденовъ въ мѣсяцъ, что составляло тогда на наши деньги 180 рублей, а когда переѣхали въ Баденъ, то вмѣсто кареты мы взяли четверомѣстную коляску, и въ сей-то коляскѣ и на парѣ вороныхъ лошадей мы отправились въ другое государство и въ другую столицу, взявъ съ собою жена—горничную свою дѣвку, а я—своего камердинера Лапіера, такъ разстоянія близки во всѣхъ почти государствахъ, кромѣ Россіи. Мы изъ Бадена выѣхали рано поутру; на серединѣ дороги обѣдали, кормили лошадей часа два и пріѣхали въ Пресбургъ еще гораздо до захожденія солнца. Мы переодѣлись и пошли гулять въ публичный садъ. Для нашего посла и для всѣхъ русскихъ въ каѳедральной церкви, гдѣ совершалось коронованіе, назначено было особливое мѣсто. Намъ всѣмъ непріятно было видѣть, что А. К. Разумовскій, жившій тогда въ отставкѣ, въ Вѣнѣ, находился не съ нами, а между первыхъ чиновъ австрійскихъ. Императоръ былъ въ приготовленномъ для него мѣстѣ и имѣлъ корону и всѣ одѣянія св. Стефана. Короновалъ и священнодѣйствовалъ тотъ же братъ императрицы, примасъ венгерскій, который и вѣнчалъ ее. Прежде коронаціи императрица должна была причаститься св. таинъ, и лишь только она передъ алтаремъ стала на колѣни, какъ ей сдѣлался обморокъ. Сіе произвело большое

смятеніе, но она скоро пришла въ себя. Когда возложили на нее корону эрцгерцогини австрійской, тогда примасъ подошелъ къ императору, снялъ съ него корону св. Стефана и коснулся оною плеча императрицы: въ семъ состояло все коронованіе. Потомъ былъ публичный обѣдъ; подъ балдахиномъ, за столомъ сидѣли императоръ, императрица, палатинъ и примасъ венгерскій. Ничего не можно видѣть великолѣпнѣе, какъ шествіе императрицы въ церковь и обратно во дворецъ. Императоръ, палатинъ и всѣ первѣйшіе магнаты венгерскіе окружали ея карету верхомъ, имѣя на себѣ самыя богатѣйшія свои одѣянія, а на лошадяхъ ихъ были драгоцѣнныя украшенія. На князѣ Эстергази было платье изъ краснаго бархата, вышитое все, гдѣ должно быть, шнуркомъ, крупнымъ жемчугомъ, а вмѣсто пуговицъ—солитеры; ножны сабли осыпаны брильянтами съ разными драгоцѣнными каменьями; сапоги вверху обшиты брильянтами, а кисточки у сапоговъ изъ крупнаго жемчуга. Конскій уборъ былъ тоже изъ краснаго бархата, и вышитъ жемчугомъ съ драгоцѣнными каменьями; даже оголовы мундштука унизаны таковыми же каменьями. Я нѣсколько разъ, во время пребыванія нашего въ Пресбургѣ, былъ у эрцгерцога палатина, который обращался со мной такъ же, какъ и въ бытность его въ Петербургѣ, т.-е. весьма милостиво. Я съ большимъ удовольствіемъ увидѣлся и съ добрымъ графомъ Сапари и со всѣми, которые были съ его императорскимъ высочествомъ въ Петербургѣ; одного только изъ тѣхъ камергеровъ уже при палатинѣ не находилось.

Возвратясь въ Баденъ, и когда вечера стали длиннѣе, ввелись въ употребленіе серенады; онѣ состояли изъ дѣвицы Губо, которая восхитительно пѣла, одного француза Макота, который былъ стихотворецъ и игралъ на гитарѣ, и графа Лудольфа, игравшаго тогда на флейтѣ. Ничего не было пре-

лестнѣе сихъ серенадъ. По совѣту доктора Капелини, при употребленіи сѣрныхъ баденскихъ ваннъ, я пилъ эгерскія воды, и сей способъ лѣченія мнѣ совершенно возвратилъ здоровье. Въ Баденѣ хотя и былъ докторъ Шенкъ, но никто почти съ нимъ не совѣтовался, а брали совѣты большею частью отъ вѣнскихъ докторовъ. Тамъ находились публичныя ванны, подъ названіемъ Frauen-bad, въ которыхъ купались и женщины и мужчины вмѣстѣ, но они имѣли на себѣ длинныя одѣянія, родъ халатовъ. Въ Баденъ пріѣхалъ принцъ Плесъ, который былъ совершенно здоровъ; ему понравилось, что можно купаться вмѣстѣ съ женщинами, хотя доктора и предупреждали его, что сіе можетъ быть для него весьма вредно, но онъ ихъ не послушался, полагаясь на свое крѣпкое сложеніе, однакоже кончилъ тѣмъ, что пришелъ, послѣ нѣсколькихъ ваннъ, въ совершенное разслабленіе. На самомъ источникѣ, который называется Шпрудель, видна надпись: «благотвореніе природы посвящено страждущему человѣчеству». Въ самомъ Баденѣ, на одной изъ окружающихъ его горъ, принадлежащей графинѣ Александровичевой, разведенъ прекрасный садъ, въ которомъ находится много надписей на итальянскомъ языкѣ; а на другой горѣ есть кальверъ, куда въ назначенные дни ходятъ на богомолье.

Проведя, такимъ образомъ, около пяти мѣсяцевъ въ Баденѣ, мы возвратились въ Вѣну. Мы нашли прекрасную квартиру въ предмѣстьѣ Іосифъ-штадтъ, на улицѣ, называемой Егеръ-цейль, которая изъ Вѣны ведетъ въ Пратеръ. У насъ передъ окошками ежедневное было гулянье по извѣстной страсти вѣнскихъ жителей къ сему, единственному во всей Европѣ, парку; особливо по воскресеньямъ, можно сказать, что вся Вѣна на нѣсколько часовъ переселялась въ Пратеръ. Недалеко отъ насъ былъ національный театръ, Кашперле, куда я часто ходилъ смѣяться дурачествамъ, наономъ представляе-

мымъ. Въ Пратерѣ даваемы были тогда фейерверки, каковыхъ я нигдѣ не видывалъ; оные представляли взятіе Гибралтара, осажденнаго кораблями съ моря, или знаменитыя осады крѣпостей. Стеченіе при сихъ зрѣлищахъ бываетъ до 20/т. человѣкъ, и болѣе, и кажется, сидишь одинъ, пока темно, когда же освѣтится сей партеръ головъ человѣческихъ, не можешь себѣ безъ удивленія представить такое безмолвное молчаніе отъ сего множества народа, соединеннаго вмѣстѣ. Оно только сродно однимъ вѣнскимъ жителямъ, извѣстнымъ своею безпримѣрною кротостію нравовъ. Вокругъ того мѣста, гдѣ зажигаютъ фейерверки, протянута въ аршинъ ширины сѣть изъ самыхъ тонкихъ бичевокъ, а въ срединѣ пустое мѣсто, оставленное для входа, у котораго стоятъ два человѣка, для полученія денегъ со входящихъ. Не было примѣра, чтобы кто-нибудь нарушалъ сію бренную преграду. У насъ бы должно обнести сіе мѣсто, по крайней мѣрѣ, рогатками и, сверхъ того, еще поставить нѣсколько человѣкъ будочниковъ. Во время самаго большого стеченія народа и экипажей въ Пратеръ, когда вереница каретъ начинается у каѳедральной церкви св. Стефана,—что составитъ до павиліона, находящагося на самомъ концѣ Пратера, верстъ до восьми, и больше,—для порядка наряжаются изъ городскихъ драгуны, при одномъ унтеръофицерѣ, человѣкъ до 10-ти рядовыхъ, и тѣмъ дѣла почти никакого нѣтъ, ибо всякой изъ кучеровъ знаетъ свой рядъ и, хоть тысячу разъ ему приказывай, онъ никакъ изъ него не выѣдетъ. Народныя же увеселенія вѣнскихъ жителей самыя скромныя; всякой выкуритъ свою трубку табаку [1]), выпьетъ нѣсколько стакановъ пива и съѣстъ пару или двѣ жареныхъ цыплятъ, до чего они большіе охотники,—вотъ вся ихъ забава. Мнѣ ни одного разу не случалось видѣть

---

[1]) Курить табакъ позволяется только за городомъ.

пьянаго человѣка до того, чтобы онъ на ногахъ шатался, или бы кто сдѣлалъ какой-нибудь шумъ. Сравните же теперь сіе съ нашимъ Екатерингофскимъ или съ другимъ публичнымъ гуляньемъ, куда для порядка посылаются весь жандармскій дивизіонъ, со всего города полицейскіе офицеры, солдаты и будочники, и всѣмъ много дѣла находится. Въ Вѣнѣ на всѣхъ мостахъ сдѣланы помосты деревянные, и, чтобы долѣе сохранить оные, на обоихъ концахъ каждаго моста поставлены столбы, на которыхъ написано, чтобы черезъ мостъ ѣхали шагомъ. Ни одинъ кучеръ, ни за что, ни подъ какимъ видомъ, иначе черезъ мостъ не поѣдетъ; а тутъ нѣтъ, однакоже, ни часового, ни будочника, который бы запретилъ ему сіе дѣлать. Мнѣ случалось видѣть, что даже самого императора по мостамъ везутъ шагомъ. Кстати, для сравненія сказать здѣсь можно: во время командованія моего петербургскою полиціею, я испросилъ высочайшее повелѣніе, чтобы черезъ мосты не позволено было скакать во всю прыть, ибо находили сіе для мостовъ весьма вреднымъ,—особливо устроенныхъ на плашкоутахъ,—а чтобы ѣхали по онымъ маленькой рысью. О сей высочайшей волѣ объявлено было, съ подпискою, всѣмъ обывателямъ петербургскимъ, и на обоихъ концахъ и на срединѣ мостовъ сначала поставлены были полицейскіе офицеры. Но до того доходило, что, когда карета скакала на мостъ, то будочникъ старался ее остановить, и если въ каретѣ сидѣла почетная особа, то офицеръ подходилъ къ ней и говорилъ учтивымъ образомъ, что по высочайшему повелѣнію запрещено ѣздить такъ скоро по мостамъ. Нѣкоторыя изъ сихъ почетныхъ особъ доходили до того, что даже плевали въ глаза офицерамъ съ досады, что не позволяютъ имъ скакать, какъ бѣшенымъ. Я всякій разъ доводилъ сіе до свѣдѣнія государя; симъ плевателямъ въ глаза хотя и дѣлаемы были выговоры, но офицеръ

не менѣе былъ обезчещенъ. Въ Баденѣ, куда съѣзжались лѣчиться со всѣхъ странъ Европы, вся полиція состояла изъ одного унтеръ-офицера, именемъ Христіана, который имѣлъ время, за нѣсколько гульденовъ во все лѣто, разносить записки о пріѣзжающихъ, а по случаю только пребыванія тамъ императора отряжалось изъ вѣнской полиціи два офицера, которые ходили во фракахъ. Въ Баденѣ, какъ и у всѣхъ минеральныхъ водъ, куда съѣзжаются только лѣчиться, былъ королемъ нѣкто Ценекъ, а королевой графиня Александровичева; ихъ главная обязанность состояла въ томъ, чтобы управлять веселостями, доставляющими удовольствіе публикѣ. Въ Баденѣ были прекрасные редуты. Лѣчившій меня докторъ Капелини не совѣтовалъ въ осеннее время возвращаться въ Россію, а находилъ полезнымъ провести зиму въ тепломъ климатѣ. Намъ предложили двѣ страны—или Франція, или Италія, и мы выбрали первую, въ которой Парижъ сдѣлалъ большой перевѣсъ.

Мы выѣхали изъ Вѣны въ началѣ ноября 1808 г., проѣзжали черезъ города: Регенсбургъ, Мюнхенъ, Стутгартъ, Карлсруэ, гдѣ я опять увидѣлъ, единственную въ свѣтѣ, аллею изъ тополей,—которую пощадили и всѣ войска, послѣ перваго моего вояжа столько разъ по ней проходившія, — Страсбургъ, Нанси и Люневиль. Въ Парижѣ мы остановились Place des Victoires, rue du Mail, въ Petit Hôtel de Portugal. Наполеонъ тогда находился въ Гишпаніи, но черезъ нѣсколько дней, самымъ неожиданнымъ образомъ, возвратился въ Парижъ. Послѣ Эрфуртскаго свиданія назначенъ посломъ нашимъ при французскомъ дворѣ князь Куракинъ изъ Вѣны, а графъ Толстой отозванъ. Сверхъ того, изъ Эрфурта пріѣхалъ въ Парижъ бывшій тогда нашимъ канцлеромъ графъ Н. П. Румянцовъ, какъ извѣстно, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ тюльерійскимъ кабинетомъ

склонить Англію на заключеніе всеобщаго мира, на что графъ Румянцовъ имѣлъ полномочіе. Я имѣлъ посѣщеніе des Dames de la Halle, которыя поднесли мнѣ изъ цвѣтовъ прекрасный букетъ; это мнѣ стоило нѣсколько золотыхъ наполеоновъ. Мы нашли въ Парижѣ изъ русскихъ: графа Кочубея съ женою, князя П. М. Волконскаго съ фамиліею, княгиню Шаховскую, съ которой мы видѣлись въ Вѣнѣ, съ дочерьми и съ деверемъ ея, княземъ Н. А. Шаховскимъ, двухъ братьевъ Яковлевыхъ и Н. Н. Демидова съ женою, котораго можно было почесть скорѣе жителемъ Парижа, ибо онъ нѣсколько лѣтъ тамъ жилъ безвыѣздно. Скоро назначена была для посла нашего князя Куракина въ Тюльерійскомъ дворцѣ публичная аудіенція, на которой должны были представлены быть и русскіе. Съѣздъ во дворецъ былъ премноголюдный; весь дипломатическій корпусъ, всѣ первые члены, военные, штатскіе и придворные составляли дворъ превеликолѣпнымъ. Нѣсколько маршаловъ въ мантіяхъ, полномъ своемъ мундирѣ, и всякій изъ нихъ съ жезломъ въ рукѣ, придавали оному еще болѣе величія. Придворный мундиръ былъ краснаго цвѣта съ серебрянымъ шитьемъ по борту и обшлагамъ. Посреди сего двора, блестящаго золотомъ и серебромъ, Наполеонъ въ простомъ офицерскомъ, егерскаго полка, мундирѣ дѣлалъ величайшую оттѣнку. Я признаюсь, что видъ его произвелъ на меня впечатлѣніе, котораго я никогда не забуду. Въ сей день Наполеонъ имѣлъ, по мундиру, нашу Андреевскую ленту. Посолъ нашъ князь Куракинъ превзошелъ всѣхъ богатствомъ своего одѣянія: на немъ былъ золотой глазетовый кафтанъ [1]), пуго-

[1]) Онъ имѣлъ этотъ же кафтанъ на себѣ во время бала, который давалъ князь Шварценбергъ въ Парижѣ по случаю женитьбы Наполеона на Маріи-Луизѣ. Въ бывшій тогда пожаръ у князя Шварценберга, когда танцовальная зала его сгорѣла, князь Куракинъ обязанъ былъ сему кафтану, какъ сказываютъ, что онъ только имѣлъ нѣкоторыя части тѣла обгорѣвшія, а не совсѣмъ сгорѣлъ.

вицы, пряжки, эполеть,—который поддерживалъ на плечѣ ленту,—звѣзда Андреевская, шпага, петлица на шляпѣ и пуговицы на оной были всѣ брильянтовыя. Аудіенція началась тѣмъ, что посла нашего ввели въ тронную комнату, подлѣ той, въ которой мы всѣ находились. Сказываютъ, что Наполеонъ сидѣлъ на тронѣ, и нашъ посолъ ему говорилъ рѣчь. Мы были представлены княземъ Куракинымъ; у меня Наполеонъ спросилъ, въ какихъ войскахъ я служу, то есть въ кавалеріи или въ пѣхотѣ. Подлѣ меня стоялъ князь Н. Л. Шаховской, который былъ въ прусской лентѣ Краснаго Орла, ибо другой у него тогда не было, и имѣлъ подвязанную руку, въ которую онъ былъ жестоко раненъ. Наполеонъ, поглядя на него пристально, сказалъ:

— Вы, конечно, служили въ послѣднюю войну; а въ какомъ дѣлѣ ранены?

— При Гельсбергѣ,—отвѣчалъ князь Шаховской.

Наполеонъ пошелъ далѣе.

Тогда уже начались слухи о близкомъ разрывѣ Австріи съ Франціей. Наполеонъ подошелъ къ князю Метерниху, австрійскому послу, сказалъ ему:

— On s'arme chez vous: si c'est contre moi, j'enverrai des femmes pour vous combattre [1],— и, не дождавшись отвѣта, пошелъ прочь.

Пусть представятъ себѣ положеніе бѣднаго Метерниха, услышавшаго такія уничижительныя изреченія для своего государства при собраніи представителей всѣхъ европейскихъ государей. Въ тотъ день ввечеру давали въ Grand Opéra «La Vestale», куда мы поѣхали. Каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли посла нашего, князя Куракина, сидящаго одного въ своей ложѣ, въ томъ самомъ кафтанѣ и во всѣхъ брильянтахъ, въ которыхъ онъ былъ поутру на

---

[1]) У васъ вооружаются; если это противъ меня, то я пошлю женщинъ сражаться съ вами.

аудіенціи у Наполеона. Признаюсь, что самолюбіе наше очень страдало, когда мы увидѣли, что весь партеръ обратился на него и занимался болѣе имъ, нежели оперою. Князь А. Б. Куракинъ имѣлъ прекрасныя качества; онъ былъ гостепріименъ, весьма добръ и учтивъ, но слишкомъ держался стариннаго обыкновенія и имѣлъ слабость выставлять на себѣ множество орденовъ [1]) и драгоцѣнныхъ вещей, безъ коихъ его рѣдко можно было видѣть.

По сравненію, я нашелъ большую перемѣну въ Парижѣ до революціи и въ Парижѣ во время имперіи. Тогда не видно было ни одного почти военнаго мундира, теперь же, напротивъ, ихъ встрѣтилъ столько, какъ бываетъ въ военномъ станѣ. Прежде по всѣмъ улицамъ слышны были пѣсни, и видны всякаго рода увеселенія, нынѣ же повсюду молчаніе и родъ какого-то унынія. Словомъ, видъ на всѣхъ лицахъ перемѣнился. Говорили, что правительство употребляло большія суммы денегъ, дабы нанимать паяцовъ и разныхъ шутовъ для забавъ народа, особливо во время карнаваловъ.

Мы представлены были Жозефинѣ, женѣ Наполеона, Гортензіи, дочери Жозефины, и женѣ Людовика, бывшаго тогда королемъ голландскимъ, принцессѣ Боргезе, сестрѣ Наполеона, и матери его, Летиціи Бонапарте; она имѣла также свой дворъ. Камергеръ, представлявшій насъ сей послѣдней, спросилъ, не любопытны ли мы видѣть портретъ великаго Наполеона. По изъявленіи нами согласія, онъ ввелъ насъ въ одну комнату, гдѣ мы увидѣли портретъ во весь ростъ мужчины въ коричневомъ французскаго покроя кафтанѣ, среднихъ лѣтъ и довольно пріятной наружности. Всѣ русскіе, находив-

---

[1]) Князь А. Б. Куракинъ имѣлъ почти всѣ европейскіе ордена, которые онъ, большею частью, получилъ во время управленія его, какъ вице-канцлеръ, коллегіею иностранныхъ дѣлъ въ царствованіе императора Павла.

шіеся тогда въ Парижѣ, какъ дворомъ, такъ и первыми министрами были принимаемы, какъ нельзя лучше, во первыхъ, потому, что сіе было скоро послѣ заключеннаго въ Тильзитѣ мира, которымъ Россія признала Наполеона императоромъ французовъ, всѣхъ королей, имъ сотворенныхъ и всѣ пріобрѣтенія, имъ сдѣланныя; во вторыхъ, по случаю предстоящаго разрыва съ Австріей, ибо союзъ Россіи, съ той или съ другой стороны, могъ произвести большой перевѣсъ въ успѣхахъ войны. Въ Тюльеріійскомъ дворцѣ всякій четвергъ былъ спектакль, потомъ собраніе въ комнатахъ и ужинъ, въ которомъ мужчины, однакоже, не участвовали, а однѣ только дамы. Зовъ дѣлался дежурнымъ камергеромъ билетомъ на имя каждаго изъ приглашаемыхъ. Сей билетъ должно было при входѣ во дворецъ показать швейцару, который раздиралъ его пополамъ, одну половину оставлялъ у себя, а другую должно было отдать стоящему при входѣ въ театръ лакею. Ничто не было величественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственнѣе, какъ видъ на каждой ступени высокой лѣстницы Тюльеріійскаго дворца стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ въ медвѣжьихъ шапкахъ гренадеръ императорской гвардіи, мужественнаго и марціальнаго вида, украшенныхъ медалями и шевронами, державшихъ свое ружье,—которое столько разъ обагрено было кровью непріятелей почти всѣхъ земныхъ странъ,—смиренно у ноги. Наполеонъ, какъ итальянецъ, любилъ и музыку итальянскую предпочтительно передъ французской. Его капельмейстеръ былъ Paer, извѣстный своими превосходными сочиненіями нѣсколькихъ итальянскихъ оперъ. Славный пѣвецъ Крементини [1]) и пѣвица Грассини принадлежали къ императорской капеллѣ. Почти без-

---

[1]) Наполеонъ такъ любилъ талантъ Крементини, что сдѣлалъ сего пѣвца кавалеромъ маленькаго креста ордена желѣзной короны.

престанно давали въ Тюльерійскомъ театрѣ итальянскую оперу Romëo et Juliette, въ которой играли Крементини и Грассини; ничего невозможно было слышать восхитительнѣе, какъ сіи два голоса вмѣстѣ, ибо Грассини имѣла превосходный contre-alto. Хотя сія опера представляема была такъ часто, но всякій разъ ее можно было слышать съ новымъ удовольствіемъ. Мы видѣли также тамъ нѣсколько и французскихъ піесъ, какъ-то: трагедію Rome sauvèe et Manlius, торжество славнаго Talma, и водевиль: le Flibustier, въ которомъ австрійцы были выведены на сцену въ самомъ карикатурномъ видѣ. Въ Тюльерійскомъ театрѣ назначены были двѣ ложи для всего дипломатическаго корпуса. Графъ Толстой, бывшій нашимъ посломъ [1]), нарочно, сказываютъ, опаздывалъ въ театръ, чтобы садиться позади всѣхъ; а такъ какъ тѣ ложи были противъ наполеоновой, то онъ не могъ сего не замѣтить и кончилъ тѣмъ, что приказалъ нашему послу назначить особую ложу; подлѣ оной сидѣлъ всегда итальянскаго королевства министръ графъ Морескальки. Я всегда былъ въ ложѣ нашего посла, которая была черезъ двѣ ложи отъ наполеоновой. Надобно сказать, что Наполеонъ никогда въ театрѣ не аплодировалъ, а оттого царствовала всегда въ ономъ глубокая тишина. Одинъ разъ случилось, что Крементини пропѣлъ извѣстную его арію: «Ombra odorata aspeta», съ такимъ совершенствомъ, что бѣдный Морескальки, какъ итальянецъ, въ изступленіи отъ восторга, нѣсколько разъ

[1]) Сказывали, что графъ Толстой, по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, увидѣвшись съ Фуше, бывшимъ тогда министромъ полиціи, просилъ его приказать пріискать людей для его услуги, подъ предлогомъ, что онъ, какъ иностранецъ, не знаетъ, къ кому адресоваться, говоря при томъ, что онъ увѣренъ, что окруженъ будетъ шпіонами полиціи, то предпочитаетъ ихъ получить изъ первыхъ рукъ. Вообще, графъ Толстой поступалъ и велъ себя, во время его тамъ пребыванія, со всѣмъ возможнымъ достоинствомъ россійскаго посла и пріобрѣлъ и оставилъ по себѣ уваженіе отъ самихъ французовъ, что я слышалъ отъ маршала Массена.

громко закричалъ bravo, bravo и вдругъ, опомнившись, спустился со стула на полъ и на четверенькахъ выползъ изъ ложи. Между нашей ложей и наполеоновой никого тогда не сидѣло. Я самъ испугался за несчастнаго Морескальки и взглянулъ на Наполеона, за которымъ въ продолженіе всего спектакля всегда стоялъ Rémusat, директоръ театровъ и дежурный камергеръ. Въ ту самую минуту, какъ услышалъ Наполеонъ сей, можно сказать, никогда небывалый крикъ въ театрѣ, оборотясь, бросилъ взоръ на Rémusat, который, поклонясь, вышелъ вонъ изъ ложи, но чѣмъ это кончилось, мнѣ не было извѣстно. Наполеонъ, во время представленія, всегда читалъ ту піесу, которую играли на театрѣ. Противъ его ложи находилась жозефинина; за императрицей также во время всего спектакля стояли ея двора гофмаршалъ и дежурный камергеръ. Нельзя было съ большимъ, можно сказать, пренебреженіемъ трактовать придворныхъ чиновниковъ, какъ при Наполеоновомъ дворѣ. Мнѣ случилось видѣть однажды, что во время танцевъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, произведенныхъ первыми танцорами парижскихъ театровъ, приглашенныя дамы сидѣли на табуретахъ [1]), а императрица, королевы: гишпанская, голландская и принцесса Боргезе—на креслахъ; за каждой изъ нихъ стояло по одному камергеру; принцессѣ Боргезе захотѣлось поставить свои ноги на скамеечку; она оборотилась, сдѣлала только знакъ своему камергеру, который тотчасъ пошелъ, принесъ скамеечку, поставилъ ей подъ ноги и закрылъ оную ея платьемъ, она даже и поклономъ его за то не поблагодарила. Сравните же съ сими пришельцами высокихъ членовъ нашего

---

[1]) На сей вечеръ приглашенъ былъ находившійся тогда въ Парижѣ персидскій посолъ; а такъ какъ для мужчинъ не было въ той комнатѣ стульевъ, то и должны были стоять. Посолъ, постоявши немного, сѣлъ тутъ же на полъ, поджавши ноги; съ тѣхъ поръ велѣно было для него ставить табуретъ.

императорскаго дома: съ какою утонченною деликатностію они обходятся со своими придворными чинами. Должно еще примѣтить, что Наполеонъ составилъ свой дворъ изъ особъ знатнѣйшихъ французскихъ фамилій. Послѣ спектакля всѣ собирались въ комнатѣ, такъ называемой le salon des Marechaux; въ ней находились во весь ростъ портреты французскихъ маршаловъ. Черезъ нѣсколько минутъ дежурные камергеры выходили изъ бывшей подлѣ комнаты и приглашали избранныхъ особъ для составленія партіи въ вистъ императрицы, обѣихъ королевъ, принцессы Боргезе и m-me de la Rochefoucauld, grande maitresse de la cour. Когда партіи въ карты были составлены, то отворялись обѣ половинки двери, и всѣ мужчины и дамы должны были идти по одиночкѣ отдать, — такъ называлось, — поклонъ императрицѣ, обѣимъ королевамъ: гишпанской, голландской и принцессѣ Боргезе, которыя отвѣчали небольшимъ поклономъ. Въ сіе время Наполеонъ стоялъ въ той же комнатѣ и какъ будто всѣмъ дѣлалъ инспекторскій смотръ; иногда онъ подзывалъ къ себѣ изъ мужчинъ того, съ кѣмъ ему нужно было поговорить. Для дамъ сія церемонія была весьма затруднительна, ибо онѣ, не оборачиваясь, а только отталкивая ногой предлинные хвосты ихъ платьевъ, должны были маневрировать. Императрицынъ столъ былъ одинъ въ поперечной стѣнѣ комнаты, а прочіе три—въ продольной. Стало быть, надлежало дамамъ сдѣлать три поклона, идя прямо къ столу императрицы; потомъ, поворотясь нѣсколько направо, сдѣлать каждой изъ королевъ и принцессѣ по одному поклону, переходя бокомъ отъ одной до другой, и идти задомъ до дверей [1]). Когда всѣ мужчины и

---

[1]) Когда представлялась жена моя Жозефинѣ, я ее провожалъ до той комнаты, гдѣ назначено было собираться. Гофмаршалъ императрицы, который насъ ожидалъ, сказалъ мнѣ: «Предупредите графиню,

дамы перебывали, такимъ образомъ, для отдачи поклона императрицѣ, двумъ королевамъ и принцессѣ, Наполеонъ выходилъ въ комнату собранія и дѣлалъ cercle, послѣ коего онъ уходилъ къ себѣ. Всякій разъ передъ нимъ шли два huissiers, или гофъ-фурьера, чтобы очищать для него дорогу, когда онъ приходилъ въ собраніе, или уходилъ изъ онаго, крича во весь голосъ: l'Empereur! а такъ какъ онъ ходилъ очень скоро, то нерѣдко сіи его передовые сшибали почти съ ногъ попадавшихся на ихъ дорогѣ [1]). За ужиномъ столы накрыты были на 8 особъ. За столъ императрицы, равно какъ и за столы королевъ и принцессы Боргезе, приглашались дамы по выбору, а прочіе наполнялись какъ ни попало. У императрицы Жозефины были приватныя вечернія собранія, на которыхъ она была чрезвычайно любезна. Королева Гортензія тоже иногда принимала къ себѣ по вечерамъ. Всякую почти недѣлю были большіе званые обѣды: у Камбассереса, архиканцлера, у Шампаньи, министра иностранныхъ дѣлъ, у князя Талейрана, оберъ-гофмейстера двора, у князя Куракина, нашего посла, и у графа Н. П. Румянцова, у котораго былъ столъ лучше всѣхъ прочихъ, а Шампаньи, напротивъ, славился своими предурными винами и столомъ. Одинъ разъ я обѣдалъ у графа Румянцова вмѣстѣ съ кардиналомъ Мори; послѣ обѣда подошли мы къ камину, онъ мнѣ сказалъ:

что она должна сдѣлать императрицѣ три поклона при входѣ и столько же, когда будетъ откланиваться, идя назадъ, не оборачиваясь; вчера одна дама такъ запуталась въ хвостѣ своего платья, что упала на полъ и меня чуть съ ногъ не сшибла». Жозефинѣ никто не представлялъ, а только гофмаршалъ, отворяя дверь, называлъ особъ, входящихъ къ ней. Наполеону же представляла дамъ m-me de Luçay.

[1]) Я видѣлъ однажды Талейрана, который былъ тогда въ немилости; у него одна нога короче другой. Когда закричали: l'Empereur, онъ бросился бѣжать, и, къ счастію, близко случился каминъ, за который онъ удержался, а то быть бы ему на полу. Онъ бы по справедливости могъ сказать: «que le parquet de la cour est glissant» (что придворный паркетъ скользокъ).

— Какое счастіе для Европы, что два наши императора заключили теперь между собой союзъ, а всего бы еще лучше было, если бы они раздѣлили ее пополамъ и назвались бы одинъ—сѣвернымъ, а другой—полуденнымъ императорами.

Кардиналъ Мори, сказавши сіе, ушелъ, не дождавшись моего отвѣта.

VIII.

Карнавалъ.—Маскарады.—Обращеніе Наполеона съ дамами.—Публичныя засѣданія въ законодательномъ собраніи и въ l'Institut de France.—Музей Наполеона.—Осмотръ художественной выставки и другихъ достопримѣчательностей.—Люксембургскій дворецъ.—Домъ инвалидовъ.—Артиллерійскій музей.—Монетный дворъ.—Агрономическій музей.—Ботаническій садъ.—Институтъ глухонѣмыхъ.—Церковь les petits Augustins.—Физикъ Бееръ.—Фабрика гобеленовъ.—Императорская консерваторія.—Пантеонъ.—Панорама тильзитскаго свиданія.—Версаль.—Тріаноны.—Сенъ Клу.—Аббатство С. Дени.—Ожиданіе войны между Франціей и Австріей.—Выѣздъ изъ Парижа въ Вѣну.—Дорога.—Объявленіе войны.—Вѣна.—Возвращеніе въ Россію.—Милостивый отвѣтъ государя.—Лѣто въ Городищѣ.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Никогда, какъ говорили, такого веселаго карнавала не было, какъ въ тотъ годъ. Графъ Морескальки, министръ итальянскаго королевства, далъ, между прочимъ, маскарадъ, для котораго королева голландская составила кадриль изъ двѣнадцати дамъ, въ числѣ коихъ и сама находилась, въ русскихъ костюмахъ, и каждая изъ нихъ по очереди и всѣ вмѣстѣ интриговали графа Румянцова и князя Куракина. Наполеонъ на семъ маскарадѣ нѣсколько разъ переодѣвался. Камбасаресъ тоже давалъ маскарадъ премноголюдный и прекрасный. У Шампаньи было нѣсколько баловъ; на одномъ изъ нихъ я былъ свидѣтелемъ страннаго случая. Я стоялъ подлѣ жены Н. Н. Демидова; Наполеонъ, говоря прежде со многими, подходилъ къ ней; она сдѣлала пренизкій поклонъ и взяла веселый видъ, ожидая отъ него какого-нибудь пріятнаго привѣтствія; она знала его генераломъ Бонапарте, первымъ консуломъ и, наконецъ,

видала уже императоромъ. Наполеонъ, остановясь передъ ней, довольно долго смотрѣлъ ей въ лицо, переступая съ одной ноги на другую, понюхалъ табаку, ибо въ лѣвой рукѣ онъ держалъ всегда табакерку, наконецъ, спросилъ:

— Qui êtes vous, madame [1]?

Я взглянулъ на мою сосѣдку и примѣтилъ, что она вся перемѣнилась въ лицѣ и сквозь зубы сказала свою фамилію. Потомъ онъ, обратившись къ стоявшей на другой сторонѣ Демидовой, дочери Муравьева-Апостола, которая была съ нею на балѣ, сказалъ:

— C'est une bien jolie personne et qui vous sert de chaperon ici [2].

Надобно знать, что Наполеонъ почти никогда не дожидался отвѣта, и, сказавши сіи слова, отошелъ прочь. Демидова, насилу опомнившись отъ такого грубаго вопроса, ей сдѣланнаго, сказала мнѣ:

— Онъ имѣетъ непостижимыя странности и разсѣянности, и оныя еще болѣе въ немъ увеличились съ тѣхъ поръ, какъ онъ императоромъ. Я увѣрена, что онъ сіе сдѣлалъ потому, что занятъ былъ другою какою-нибудь мыслію; можно ли ему было меня не узнать? Я была въ самомъ короткомъ знакомствѣ съ его женою, когда она была просто m-me Bonaparte, и съ нимъ очень часто видалась.

Это точно доказывало, что Наполеонъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о приличіяхъ въ обращеніи съ дамами, а, можетъ быть, и не хотѣлъ его имѣть. Мы довольно часто послѣ спектакля проводили вечера у Н. Н. Демидова, а по вторникамъ бывали у графа Сегюра, бывшаго французскимъ министромъ при дворѣ императрицы Екатерины II. Мы бывали также у князя Метерниха.

---

[1] Кто вы, сударыня?

[2] Это очень хорошенькая особа, которая служитъ вамъ здѣсь надзирательницей.

Мнѣ случилось быть въ публичномъ засѣданіи законодательнаго собранія по случаю закрытія онаго. Предсѣдателемъ сего собранія былъ тогда Fontanes. Онъ, по обыкновенію, говорилъ предлинную рѣчь, наполненную похвалами и лестію ихъ законодателю Наполеону. Кончилось рукоплесканіемъ и продолжительнымъ крикомъ депутатовъ «vive l'empereur»! Засѣданіе въ Institut de France, въ которомъ я также находился, гораздо болѣе мнѣ понравилось. Онымъ предсѣдательствовалъ графъ Сегюръ; Andrieux читалъ при семъ случаѣ прекрасную басню его сочиненія: La vache de Fénélon, и нѣкоторыя другія сочиненія были читаны самими авторами. Я слушалъ два курса въ Парижѣ—въ l'Athénée de France за деньги, гдѣ лекціи преподавали знаменитые Cuvier, Thénard и другіе славные тогдашняго времени ученые; другой курсъ древностей gratuit, т. е. безденежно, преподаваемый профессоромъ Mélin. Онъ былъ вмѣстѣ директоромъ кабинета древностей публичной императорской библіотеки, въ которой, между прочими рѣдкостями, находятся два глобуса необыкновенной величины, такъ что, не взирая на высоту комнатъ, они проходили во второй этажъ. Въ наше время въ Парижѣ находились всѣ изящныя произведенія древней Италіи, трофеи великой арміи, въ хранилищѣ, называемомъ Наполеоновъ музеумъ, въ Луврскомъ дворцѣ устроенномъ. Описывать красоты Аполлона Бельведерскаго, Венеры Медицейской, Лаокоона и проч. статуй было бы излишнимъ, и я не въ состояніи того сдѣлать; впрочемъ, кому неизвѣстны сіи мастерскія произведенія изъ множества описаній, изданныхъ въ свѣтъ? Но достойно примѣчанія: то, чѣмъ славилась вся Италія, классическая страна Европы, и куда стекались отовсюду любители изящнаго,—здѣсь собрано въ одномъ мѣстѣ, и въ нѣсколько часовъ можно было видѣть лучшія произведенія рѣзца и кисти, ибо въ Наполеоновомъ

музеумѣ находились не только всѣ лучшія статуи, но и картины первѣйшихъ древнихъ итальянскихъ живописцевъ, даже преображеніе Христа Спасителя Рафаэлево, которое почитается единственнымъ въ свѣтѣ произведеніемъ живописи. Каково же было французамъ разставаться въ 1815-мъ году съ сими сокровищами, которыя, по Парижскому трактату, долженствовали быть возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Въ Луврскомъ же дворцѣ, въ тотъ годъ, была выставка національныхъ произведеній искусства. Въ Парижѣ всѣ удобства придуманы: куда ни пріѣдешь видѣть любопытное, швейцаръ или привратникъ при входѣ за нѣсколько су предлагаетъ купить описаніе того, что предстоитъ видѣть. Такимъ образомъ случилось и съ нами при входѣ на выставку; по сему подробному каталогу мы осматривали всѣ произведенія живописи и скульптуры. Тогда славились, какъ живописцы, David Gérard, Girodet le Gros и нѣкоторые другіе.

Картина коронованія Наполеона папою Піемъ VII, кисти Давида, останавливала всѣхъ зрителей. Она представляла ту самую минуту, когда сей верховный святитель возлагалъ на Наполеона, сидящаго на тронѣ, императорскую корону; въ картинѣ находилось до тридцати фигуръ, во весь ростъ, и всѣ списаны были съ натуры. Одно, въ чемъ упрекали живописца, это то, что онъ всѣхъ принцессъ Наполеоновой фамиліи нарядилъ въ бѣлое платье и поставилъ почти на одной линіи, какъ фрунтъ солдатъ, зато изображеніе папы сдѣлано было превосходно. Картина, представлявшая Марію Стюартъ въ темницѣ, написанная Girodet, получила всеобщую похвалу, равно какъ и портретъ генерала Лассаля во весь ростъ, державшаго въ одной рукѣ ключи взятой имъ крѣпости, живописца Gerard. Въ сей же выставкѣ мы видѣли статую изъ бѣлаго мрамора, рѣзца знаменитаго Кановы, изображающую мать Наполеона, сидящую въ длинныхъ

креслахъ, въ видѣ Агриппины. Странная мысль, но неизвѣстно, кому она принадлежала—скульптору, или оригиналу статуи.

Сверхъ сего, мы старались употребить наше время, оставшееся отъ веселостей, на осмотрѣніе всего любопытнаго, какъ въ Парижѣ, такъ и въ окрестностяхъ онаго, сколько было возможно. Мы руководствовались книгою Pariscum, дабы знать дни и часы, когда можно было видѣть какое-либо заведеніе; а путеводителемъ нашимъ былъ одинъ французъ, m-r de la Bontraye.

Въ самомъ городѣ мы были въ Люксембургскомъ дворцѣ, гдѣ находится галлерея картинъ славнаго фламандскаго живописца Рубенса, представляющая во-первыхъ, портретъ Генриха IV, короля французскаго и жены его Маріи Медичійской; во-вторыхъ, то время, когда ей сдѣлано было предложеніе о вступленіи въ бракъ съ Генрихомъ; въ третьихъ, ихъ сговоръ; въ четвертыхъ, ихъ бракосочетаніе; представлены и другія обстоятельства относительно сего случая; все сіе писано было съ натуры. Въ семъ же дворцѣ, въ превосходныхъ живописныхъ картинахъ, изображена жизнь св. Брюна и полное собраніе видовъ французскихъ гаваней славнаго Вернета.

Ѣздили въ инвалидный домъ и осматривали оный во всѣхъ подробностяхъ. Въ библіотекѣ, куда сходятся читать повѣствованія о дѣяніяхъ своихъ предковъ-героевъ сіи изувѣченные воины на полѣ чести,—изъ коихъ часто видно у троихъ не болѣе двухъ ногъ,—находится портретъ Наполеона, верхомъ, въ плащѣ, обуреваемомъ вѣтромъ, когда онъ былъ на вершинѣ горы С. Бернарда, первымъ консуломъ, передъ баталіей при Маренго, за которой, какъ извѣстно, Наполеонъ завоевалъ вторично всю Италію. Умилительно было видѣть въ больницѣ, гдѣ, какъ раненые, такъ одержимые и другими тѣлесными недугами, сіи защитники отечества успокаиваются и

ухаживаются сестрами милосердія. Мы видѣли сихъ благотворныхъ сестеръ, шьющихъ бѣлье и приготовляющихъ пищу для больныхъ инвалидовъ; мы были въ той столовой, гдѣ Петръ Великій, наливъ кубокъ вина, выпилъ за здоровье сихъ увѣчныхъ воиновъ. Куполъ съ превосходною живописью, равно какъ и вся церковь инвалиднаго дома, почитается мастерскимъ произведеніемъ архитектуры; въ сей церкви сохраняются всѣ военные трофеи, взятые у непріятелей.

Въ артиллерійскомъ музеѣ, между прочими достопримѣчательностями, мы видѣли одинъ изъ боченковъ, начиненный порохомъ, принадлежащій къ machine infernale. Мы купили тамъ нѣсколько секретныхъ замковъ, видѣли изъ таковыхъ одинъ, который привинчивается къ двери. Къ сему замку придѣланъ небольшой пистолетъ; когда отворишь дверь, пистолетъ дѣлаетъ выстрѣлъ и искрами отъ кремня зажигаетъ маленькую свѣчку, подлѣ полки находящуюся, и, такимъ образомъ, хозяинъ разбуженъ, и комната освѣщена. Сіи замки изобрѣтены противъ воровъ.

Въ монетномъ дворѣ мы видѣли родъ мѣдныхъ тумбовъ, на которыхъ выбивается монета; на сихъ тумбахъ была надпись: «сіи тумбы вылиты изъ мѣди пушекъ, взятыхъ у русскихъ подъ Аустерлицемъ». Какое непростительное самохвальство, тѣмъ болѣе, что я нарочно спросилъ у чиновника, который показывалъ намъ монетный дворъ: была ли въономъ какая перемѣна, и не сдѣлали ли нѣкоторыхъ прибавленій? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что какъ сей монетный дворъ былъ до революціи, въ такомъ положеніи и теперь находится. Чиновникъ, видно, не подозрѣвалъ, что я русскій. Какая разница между нашимъ монетнымъ дворомъ и Парижскимъ: у насъ видна опрятность, а тамъ ужасная нечистота; на нашемъ монетномъ дворѣ дѣйствующая сила есть паровая машина,

а въ парижскомъ, по крайней мѣрѣ, какъ я его видѣлъ, употреблена была человѣческая сила, и работали на ономъ преступники.

Въ агрономическомъ музеумѣ я видѣлъ множество машинъ и орудій для хлѣбопашества, подобно, какъ у насъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ, но съ тѣхъ поръ сія часть сдѣлала во Франціи великіе успѣхи.

Мы съ великимъ любопытствомъ разсматривали всѣ растенія въ Jardin des Plantes (ботаническій садъ). Директоръ онаго m-r F. Jussieu [1]) по знакомству своему съ de la Bontraye, который намъ предложилъ видѣть сіе рѣдкое въ своемъ родѣ заведеніе, принялъ насъ въ своихъ комнатахъ и приказалъ показать намъ садъ во всѣхъ подробностяхъ. Тогда находилось тамъ и большое собраніе рѣдкихъ звѣрей. Мы видѣли также и Шенбрунскій ботаническій садъ, но Парижскій кажется гораздо полнѣе. Въ первомъ мы видѣли бѣлыхъ орловъ, которые, сказываютъ, очень рѣдки.

Намъ случилось быть на публичномъ испытаніи знаменитаго института глухонѣмыхъ аббата Сикара [2]). Славный Malhio былъ тогда уже его помощникомъ. Въ комнатѣ, гдѣ происходило испытаніе, видны были два портрета въ натуральный ростъ: одинъ изображалъ l'aЬЬé de l'Epée, незабвеннаго изобрѣтателя способа, служащаго къ образованію сихъ несчастно-рожденныхъ и основателя сего института, съ тѣмъ изъ его воспитанниковъ, который служилъ сюжетомъ написать извѣстную комедію, а другой портретъ представлялъ аббата Сикара и Malhio, а внизу написанъ

---

[1]) Извѣстный того времени лучшій французскій ботаникъ.

[2]) Я вспомнилъ, что въ то время сочинены были стихи и посвящены аббату Сикару:

Renonce désormais à ton art admirable
Quel bien l'humanité peut elle en recueillir,
Lorsque à tous les Français un tyran exécrable
A défendu de voir, de parler et d'ouïr.

его удивительный отвѣтъ: la reconnaissance est la mémoire du coeur [1]).

Нельзя было безъ чувства состраданія о сихъ несчастныхъ и вмѣстѣ безъ удивленія видѣть, до чего можетъ дойти терпѣніе человѣка, посвятившаго себя какой-либо части. Между сими воспитанниками много было съ такими примѣтными дарованіями, что имъ недоставало только возможности объясняться, чтобы быть полезнѣйшими людьми въ обществѣ.

Во время революціи всѣ мавзолеи и гробницы бывшіе въ Abbaye St. Denis, истреблены, и, не помню кѣмъ-то, остатки оныхъ собраны и помѣщены въ упраздненную церковь les petits Augustins. Сіи обломки древнихъ памятниковъ были расположены по вѣкамъ съ большимъ тщаніемъ и искусствомъ. Стекла въ окошкахъ даже были того же вѣка, котораго находились въ томъ отдѣленіи куски памятниковъ, ибо совершенно цѣлаго ни одного почти не было; сіе доказываетъ, до какого изступленія звѣрства доходилъ во время революціи народъ! Напримѣръ, видна была часть лошадиной головы отъ монумента Генриха IV, нѣсколько звеньевъ цѣпи, которою окованы были четыре народа, побѣжденные Людовикомъ XIV, отъ памятника, въ честь сего короля воздвигнутаго на площади, называемой la place des Victoires. На сей площади теперь находится, кажется, бронзовая статуя, изображающая генерала Deshixs.

Насъ возилъ г-нъ de la Bontraye къ славному тогда физику Бееру; онъ наиболѣе занимался отводами громовыхъ ударовъ, и у него сія часть такъ была усовершенствована, что въ саду его находилась бесѣдка на китайскій манеръ, вокругъ всей крыши коей было навѣшено множество колокольчиковъ, подобранныхъ звукомъ въ родѣ кариліона, и при малѣйшей электрической силѣ въ воздухѣ сіи коло-

[1]) Благодарность—память сердца.

кольчики производили звонъ самый стройный и пріятный; онъ дѣлалъ сей опытъ въ бытность нашу у него. Бееръ, узнавши, что мы русскіе, и не изъ обожателей Наполеона, повелъ насъ въ свою спальню, снялъ со стѣны небольшую картину, подъ которой въ стѣнѣ сдѣлано было отверстіе, закрывавшееся небольшой жестяной дощечкой; онъ пожалъ пружинку, дощечка отскочила, и сквозь стекло, какъ у небольшой зрительной трубки, видно было изображеніе Людовика XVI, освѣщенное яркимъ свѣтомъ, и онъ представлялся въ нѣкоторомъ отдаленіи, совершенно, какъ живой.

Мы видѣли славную во всемъ свѣтѣ гобеленовую фабрику aux Gobelins; въ ней ткали тогда Наполеона верхомъ, во весь ростъ.

Посѣтили также le Conservatoire Impérial, гдѣ образуются музыканты, пѣвцы, пѣвицы, актеры, актрисы, танцоры и танцорки для всѣхъ національныхъ театровъ. Всѣ первые изъ французовъ таланты въ сихъ родахъ получили свое образованіе въ семъ превосходномъ заведеніи.

Изъ церкви S-te Geneviève, во время революціи, устроенъ пантеонъ, великолѣпнѣйшее зданіе во всемъ Парижѣ, посвященное для принятія праха великихъ мужей, отличившихся на поприщѣ жизни. Мы видѣли тутъ гробы, между прочими, Руссо и Вольтера. Видъ съ пантеона представляетъ весь Парижъ, какъ въ панорамѣ.

Тогда любопытство всѣхъ парижанъ привлекаемо было тильзитскою панорамою, которая сдѣлана была съ большимъ совершенствомъ, особливо для тѣхъ, которые тамъ находились. На Нѣманѣ видѣнъ былъ тотъ павильонъ, въ которомъ встрѣтились оба императора. По улицамъ города представлены были, въ парадѣ, наши гвардейскіе полки, которые объѣзжали верхомъ Александръ и Наполеонъ съ многочисленною свитою.

Мы ѣздили въ Versailles; въ какомъ состояніи я нашелъ сіе всегдашнее и любимое пребываніе французскихъ королей! Видно было, что революція прошла черезъ царскіе чертоги, которые, хотя нѣсколько возобновлены Наполеономъ, но уже нѣтъ и признака раззолоченныхъ ложъ въ королевскомъ театрѣ. Славные фонтаны совсѣмъ не существуютъ. Сказывали, что водопроводныя свинцовыя трубы всѣ вытасканы изъ земли. Странно, что въ бывшихъ королевскихъ комнатахъ сохранились портреты m-lle de la Valière и m-me Pompadour. Большой Тріанонъ отдѣланъ Наполеономъ; онъ ѣздилъ туда на охоту. Маленькій Тріанонъ, любимое жилище королевы Marie Antoinette, совершенно почти разоренъ. Проводникъ нашъ, уроженецъ версальскій, показывалъ намъ въ саду то мѣсто, гдѣ, будто, королева имѣла тайныя свиданія съ кардиналомъ Роганомъ, чтобы получить отъ него извѣстное драгоцѣнное ожерелье. Такъ поддерживалась еще молва, помрачающая честь сей несчастной принцессы.

На возвратномъ пути мы останавливались въ St. Cloud; сей дворецъ былъ въ весьма хорошемъ состояніи, ибо Наполеонъ часто въ немъ живалъ. Мы были въ той оранжереѣ, изъ которой генералъ Бонапарте, по возвращеніи своемъ изъ Египта, введенными имъ гренадерами принудилъ 500 членовъ національнаго собранія, имѣвшихъ засѣданіе въ сей оранжереѣ, для спасенія своей жизни, выскочить въ окошки.

Мимоѣздомъ въ Парижъ, мы осматривали главную фарфоровую фабрику въ Севрѣ. Оная превосходнѣе вѣнской (въ которой мы купили много фарфора для стола и для десерта) своими пріятными формами и имѣющимся секретомъ наводить на фарфоръ синій цвѣтъ, которому ни одна фарфоровая фабрика подражать не можетъ; зато въ цѣнахъ вещамъ никакого нѣтъ сравненія.

Въ Abbaye de St. Denis, гдѣ до революціи покоился прахъ толикихъ поколѣній французскихъ королей, въ наше время устроенъ былъ запасный магазинъ хлѣба для продовольствія парижскихъ жителей. Привратникъ соборной церкви, подъ сводами которой находились гробы королей, разсказывалъ намъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣзжалъ Наполеонъ съ кѣмъ-то самъ-другъ, чтобы осморѣть то мѣсто, которое онъ назначилъ для себя, велѣлъ зажечь свѣчу, взялъ ее въ руку и пошелъ одинъ въ темное подземелье.

— C'est un luron qui n'a pas peur [1]),—прибавилъ привратникъ.

Мы любопытны были видѣть мѣсто, которое, по тогдашнимъ соображеніямъ, могло дѣйствительно вмѣщать въ себѣ останки сего великаго человѣка. Но сколь всѣ человѣческія предположенія ничтожны противу неисповѣдимыхъ судебъ Всевышняго!

Мы хотѣли воспользоваться пребываніемъ нашимъ въ Парижѣ, чтобы найти гувернантку для дочери нашей Анны; и, хотя Витали очень хорошаго поведенія, но онъ былъ весьма слабаго здоровья и не могъ быть гувернеромъ при сынѣ нашемъ Егорѣ, то и для него намъ нужно было имѣть другого человѣка. Для дочери мы нашли m-lle Anné, пожилую дѣвицу отмѣнной нравственности. Она воспитывала старшую дочь Лукьяна Бонапарте. Изъ представлявшихся во множествѣ, желающихъ опредѣлиться къ сыну нашему въ гувернеры, мы рѣшили взять m-r Place, который былъ весьма ученъ, но оказался впослѣдствіи неспособнымъ исполнять принятую имъ на себя обязанность. M-lle Anné должна была съ нами ѣхать въ Россію, а m-r Place—весною пріѣхать въ Петербургъ моремъ.

---

1) Этотъ разбойникъ—безъ страха.

Между тѣмъ война у австрійцевъ съ французами казалась неизбѣжною; положеніе всѣхъ русскихъ, находившихся тогда въ Парижѣ, сдѣлалось затруднительнымъ, ибо мы не знали, которую сторону возьметъ наше правительство; нейтральною же оставаться Россіи казалось невозможно. Въ такихъ обстоятельствахъ всѣ почти наши соотчичи вознамѣрились оставить Парижъ. Мы рѣшились въ концѣ марта мѣсяца, 1809-го года, ѣхать опять въ Вѣну.

Проѣзжая французскія владѣнія до рѣки Рейна, мы видѣли уже множество войскъ, идущихъ на границу. Я принялъ въ Вѣнѣ къ себѣ къ камердинеры одного изъ дезертировъ французской арміи, служившаго въ оной унтеръ-офицеромъ, по имени Лапіеръ. Когда мы поѣхали въ Парижъ, то я въ своемъ паспортѣ назвалъ его Штейномъ, уроженцемъ изъ Курляндіи, и такъ его всѣ и называли. На возвратномъ пути мы остановились въ городѣ Нанси, чтобы перемѣнить лошадей; Лапіеръ сидѣлъ тогда на козлахъ четвероместной нашей кареты. Къ счастью, онъ купилъ еще въ Вѣнѣ для дороги шапку съ длинными наушниками, которыми онъ завернулъ себѣ все лицо и оставилъ только одни глаза. Покуда намъ закладывали почтовыхъ лошадей, Лапіеръ узнаетъ множество солдатъ того самаго эскадрона, въ которомъ онъ служилъ, ходящихъ вокругъ нашихъ экипажей. Каково же было его положеніе! Онъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, ибо если бы онъ кѣмъ-нибудь изъ его сослуживцевъ былъ признанъ, то его бы взяли, и онъ былъ бы разстрѣлянъ. Въ Страсбургѣ мы ходили смотрѣть въ протестантской церкви мраморный монументъ фельдмаршала де Сакса. Фельдмаршалъ изображенъ во весь ростъ, у ногъ его открытый гробъ, куда уже онъ одною ногою вступилъ, и Франція, въ видѣ женщины, его останавливаетъ. Въ этой же церкви находится нѣсколько столѣтій въ стеклянномъ футлярѣ со-

всѣмъ почти неповрежденное тѣло какого-то графа Нассау. Въ Мюнхенѣ баварскаго короля тогда уже не было, и все находилось въ большой тревогѣ; однакоже намъ предложили осмотрѣть дворецъ; картины и прочія вещи были уложены въ ящики. По всей дорогѣ безпрестанный былъ проходъ войскъ. Въ городѣ Браунау, на австрійской границѣ, пришелъ ко мнѣ комендантъ и сказалъ, что декларація о войнѣ съ французами уже публикована, и, узнавши, что я русскій, весьма желалъ узнать, которую мы возьмемъ сторону. Я ему отвѣчалъ, что, такъ какъ я оставилъ давно Россію, мнѣ вовсе неизвѣстны намѣренія нашего правительства. Комендантъ меня предварилъ, что мы найдемъ большое затрудненіе и въ почтовыхъ лошадяхъ и въ самомъ проѣздѣ по дорогѣ, и, дѣйствительно, мы часто должны были на станціяхъ дожидаться по нѣскольку часовъ лошадей, а дорогой останавливаться, покуда пройдетъ колонна войска; особливо затрудняли насъ понтоны и тяжелая артиллерія. Мы, можно сказать, вояжировали по военнымъ этапамъ и окружены были съ обѣихъ сторонъ войсками, сперва какъ будто насъ провожающими, а потомъ идущими къ намъ навстрѣчу. За нѣсколько станцій до Вѣны, мы встрѣтили императора Франца и эрцгерцога Карла, ѣдущихъ къ своей арміи на границу.

Какъ мы были рады, когда добрались до Вѣны! Мы остановились въ трактирѣ à l'Impératrice d'Autriche. Русскихъ мы нашли въ Вѣнѣ очень мало. Графъ П. А. Толстой находился тамъ съ своимъ семействомъ, и мы съ нимъ почти всякій день видались. Начали получаться бюллетени изъ арміи; первые были довольно благопріятны для австрійскихъ войскъ. Трогательно было видѣть молодую императрицу въ черномъ платьѣ и подъ таковымъ же вуалемъ, окруженную своимъ дворомъ, ходящую въ процессіи пѣшкомъ по разнымъ монастырямъ для бого-

молья. Миссіею нашею управлялъ тогда совѣтникъ посольства Анстетъ, чрезъ котораго я узналъ, что правительство наше скорѣе дѣйствовать будетъ противу австрійцевъ, нежели возьметъ ихъ сторону, и что на границѣ нашей собирается уже вспомогательный корпусъ нашихъ войскъ французамъ, въ 30.000 человѣкъ, подъ командою князя С. Ф. Голицына.

Мы, пробывши въ Вѣнѣ около трехъ недѣль, разстались здѣсь съ Витали и отправились въ Россію. Вмѣстѣ съ нами выѣхалъ графъ Толстой съ своимъ семействомъ; мы до самой нашей границы дѣлали дорогу почти вмѣстѣ. Въ началѣ мая мѣсяца 1809-го года мы пріѣхали въ Городище. Достойно примѣчанія, что въ этотъ годъ мы видѣли три весны: въ концѣ февраля мѣсяца въ Парижѣ на улицахъ, продавали уже букеты изъ фіалокъ, а въ мартѣ уже было зелено; выѣхали въ апрѣлѣ изъ Вѣны, гдѣ тоже деревья стали зеленѣть, а, пріѣхавъ въ Городище въ маѣ черезъ нѣсколько дней равномѣрно увидѣли, что деревья начали распускаться.

Я привезъ съ собою, по совѣту Капелини, нѣсколько кувшиновъ Егерской воды. Я донесъ государю о возвращеніи моемъ въ Россію и просилъ позволенія пробыть нѣсколько времени въ нашихъ деревняхъ, гдѣ мнѣ нужно пить еще привезенныя со мною минеральныя воды. Его величество приказалъ мнѣ отвѣчать, что хорошо дѣлаю, что не вдругъ возвращаюсь въ холодный петербургскій климатъ, а что остановился провести лѣто въ умѣренномъ и тѣмъ пріучить себя постепенно къ перенесенію холоднаго сѣвернаго воздуха.

Черезъ нѣсколько недѣль пріѣхали къ намъ въ Городище зять мой, Алексѣй Николаевичъ Астафьевъ, сестрица Анна Ѳедотовна, племянница Александра Алексѣевна и привезли съ собой дочь нашу Анну, которой былъ тогда четвертый годъ. Я несказанно былъ радъ увидѣться съ моими родными, особливо

съ нашей дочерью Анной. Когда мы ее оставили, она не могла еще на ногахъ держаться, а тутъ увидѣли, что она ходила и все говорила, только по своему, и собой была прелестна. Мы поручили тотчасъ дочь нашу воспитанію mademoiselle Anné. Я далъ слово графу П. А. Толстому посѣтить его въ Тульской губерніи въ селѣ его Троицкомъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Я пробылъ у него нѣсколько дней и возвратился въ Городище, куда пріѣхала графиня Марья Алексѣевна Толстая съ однимъ изъ своихъ сыновей и погостила у насъ съ недѣлю. Она не могла довольно налюбоваться красотой дочери нашей Анны и называла ее Грезовой картиной. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1809 года Богъ даровалъ намъ сына Владимира. Скоро послѣ сего, зять мой, сестрица и племянница отправились въ Петербургъ, куда и мы возвратились, какъ скоро жена моя послѣ родовъ оправилась. Государь изволилъ меня принять весьма милостиво и долго со мной разговаривалъ, входя во всѣ подробности моего лѣченія, пребыванія въ чужихъ краяхъ и семейнаго моего положенія.

IX.

Назначеніе инспекторомъ внутренней стражи.— Засѣданіе по вопросу о внутренней стражѣ.— Ея организація.— 1812 годъ.— Отъѣздъ съ государемъ въ Вильно.— Балъ въ Закретѣ.— Окрестности Вильно.— Государь отправляетъ Балашова къ Наполеону.— Начало кампаніи.— Балашовъ у Наполеона.— Укрѣпленный лагерь Пфуля.— Отступленіе.— Государь отправляется въ Москву.— Молебенъ въ Успенскомъ соборѣ.— Рѣчь государя московскому дворянству.— Возвращеніе въ Петербургъ.— Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ.— Командировка въ Волынскую губернію.— Дорога.— Винценгероде.— Смерть Багратіона.— Ямщики.— Дѣла по хозяйству въ Городищѣ.— Пріѣздъ въ Житоміръ.— Занятія по набору лошадей.— Пріѣздъ графини Комаровской.

Въ мое отсутствіе, для окончанія начатыхъ подъ моимъ распоряженіемъ казенныхъ строеній, учреждена была комиссія, которою управлялъ В. А. Пашковъ, бывшій тогда членомъ военной коллегіи. Образъ жизни моей былъ единообразенъ до 1811 года, іюля 7-го, когда я, по высочайшему приказу, назначенъ былъ инспекторомъ вновь учреждаемой внутренней стражи и помощникомъ по сей части военнаго министра, которымъ былъ тогда Барклай-де-Толли. Государь, прежде назначенія моего, приказалъ мнѣ разсмотрѣть постановленіе внутренней стражи и ея обязанности, и съ моими замѣчаніями передать военному министру. Потомъ все сіе внесено было въ государственный совѣтъ и получило высочайшее утвержденіе. Барклай-де-Толли хотѣлъ, чтобы я носилъ званіе дежурнаго при немъ генерала по внутренней стражѣ, но государь на сіе не согласился, сказавъ:

— Графъ Комаровской мой генералъ-адъютантъ, и я хочу, чтобы онъ былъ между мной и вами.

Съ начала послѣдняго образованія государственнаго совѣта и учрежденія комитета министерствъ, государь предсѣдательствовалъ самъ всегда, какъ въ совѣтѣ, такъ и въ комитетѣ министерствъ. Когда внесено было въ совѣтъ положеніе о внутренней стражѣ, императоръ приказалъ прочесть оное и самъ объяснялъ выгоды сего учрежденія, опорочивая прежнее постановленіе о губернскихъ и уѣздныхъ штатныхъ командахъ тѣмъ, что онѣ, будучи составлены изъ воинскихъ нижнихъ чиновъ, подчиняются статскимъ чиновникамъ, какъ-то: губернаторамъ и городничимъ, и что тѣ нижніе чины безпрестанно употребляются въ партикулярныя работы вмѣсто отправленія ихъ служебныхъ обязанностей; что въ команды сіи офицеры употребляются сенатомъ съ гражданскими чинами; что вообще въ тѣхъ командахъ нижніе чины имѣютъ одно только званіе солдата, а потому, чтобы сіи команды, войдя въ составъ внутренней стражи, получили образованіе, соотвѣтствующее ихъ предназначенію; онѣ должны зависѣть отъ военнаго министерства. На сіе Балашовъ, бывшій уже министромъ полиціи, просилъ и получилъ позволеніе объяснить свое мнѣніе. Онъ старался доказать, что мѣстное гражданское начальство, лишась способа дѣйствовать по своему усмотрѣнію, часто не пропуская нимало времени, военною силою, не будетъ въ состояніи отвратить могущіе возникнуть важные безпорядки и сохранить спокойствіе и тишину между обывателями, столь необходимыя въ благоустроенномъ государствѣ; что, по мнѣнію его, внутренняя стража должна быть подъ непосредственнымъ распоряженіемъ мѣстнаго гражданскаго начальства. Сіе мнѣніе министра полиціи, какъ извѣстно, оставлено было безъ уваженія. Однакоже преніе по сему пред-

мету между государемъ и Балашовымъ, какъ говорили, продолжалось довольно долго, и сіе засѣданіе имѣло что-то конституціонное. Главный предметъ учрежденія внутренней стражи состоялъ въ томъ, чтобы при баталіонахъ оной формируемы были рекруты, чтобы посредствомъ оной препровождались въ случаѣ войны плѣнные, чтобы конвоированы были рекрутскія партіи, съ мѣста ихъ набора, въ назначенное рекрутское депо, куда прикомандированы должны быть офицеры изъ внутренней стражи. На сіи потребности прежде отряжались команды при офицерахъ изъ дѣйствующихъ войскъ; при самыхъ рекрутскихъ наборахъ находились прежде штабъ-офицеры изъ армейскихъ полковъ, которые должны были замѣнены быть штабъ-офицерами изъ внутренней стражи. Пересылка арестантовъ всякаго рода прежде возлагаема была на обывателей, — повинность самая отяготительная, особливо въ рабочую пору,— а, сверхъ того, за упуски на пути арестанта, сіи несчастные подвергались тюремному заключенію и часто невинному наказанію; названная повинность также вошла въ обязанность внутренней стражи.

Сія огромная инспекція сначала раздѣлена была на 8-мь округовъ; каждымъ командовалъ генералъ-майоръ, на правахъ дивизіоннаго генерала, на бригады и на полубаталіоны, ибо они состояли тогда только изъ трехъ ротъ. Округъ составляли нѣсколько бригадъ, а бригады два или три баталіона. Впослѣдствіи времени число округовъ, по представленію моему, увеличилось до 11-ти и прибавлено по одной ротѣ къ каждому полубаталіону, и оные получили названіе баталіоновъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ назначенъ находиться одинъ баталіонъ, который и носитъ имя того города; въ каждомъ уѣздномъ городѣ учреждена инвалидная команда. Принято было за правило, чтобы въ губернскіе баталіоны поступали изъ арміи нижніе чины, опредѣ-

ленные на службу изъ самыхъ тѣхъ уѣздовъ. Сіе соблюдалось, сколько было возможно. Для удобнѣйшаго препровожденія арестантовъ и пересыльныхъ потомъ учреждены по большимъ трактамъ этапныя команды.

По назначеніи меня инспекторомъ внутренней стражи, я часто имѣлъ счастіе быть призываемымъ въ кабинетъ государя. Его величество весьма много занимался сею вновь учрежденною имъ частію. Когда я представилъ императору первый мѣсячный рапортъ о ввѣренной мнѣ сей обширной и по всей Россіи, кромѣ Сибири, разбросанной инспекціи, государь былъ чрезвычайно доволенъ. Какъ инспекторъ внутренней стражи, я имѣлъ при себѣ канцелярію, состоящую изъ одного секретаря, двухъ чиновниковъ, оберъ-аудитора и нѣсколькихъ писцовъ. По званію моему, я могъ имѣть 4-хъ адъютантовъ, но сначала находились при мнѣ только три: Преображенскаго полка баронъ Швахгеймъ, Семеновскаго— Дохтуровъ и Измайловскаго — Храповицкій.

Насталъ для Россіи роковой 1812-й годъ. Государь въ мартѣ мѣсяцѣ отправиться изволилъ въ Вильно, куда приказалъ и мнѣ ѣхать. За нѣсколько времени передъ отъѣздомъ у императора былъ обѣденный столъ, на которомъ, въ числѣ многихъ военныхъ чиновниковъ, и я находился. Послѣ обѣда государь подошелъ къ намъ и сказать изволилъ:

— Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, свой долгъ исполнили, какъ должно; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не посторонія, а потому надѣюсь и уповаю на Бога, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность, и что мы не помрачимъ военную славу, нами пріобрѣтенную.

Я взялъ съ собой въ Вильно двухъ моихъ адъютантовъ: Швахгейма и Дохтурова и оберъ-аудитора

Куликова, а адъютанта Храповицкаго оставилъ въ Петербургѣ управлять моею канцеляріей. Кому неизвѣстны военныя и политическія происшествія сей знаменитѣйшей эпохи въ лѣтописяхъ нашей имперіи? Впрочемъ, судьбѣ неугодно было, какъ впослѣдствіи будетъ видно, чтобы я и въ сей войнѣ дѣятельнымъ образомъ на полѣ брани участвовалъ. Свѣдѣнія, которыя о ней имѣю, я почерпнулъ изъ реляцій и изъ другихъ источниковъ, а потому и говорить здѣсь о сей войнѣ я не намѣренъ. Въ Вильно, противъ всякаго чаянія, пріѣхалъ адъютантъ Наполеона le comte de Narbonne съ собственноручнымъ письмомъ отъ своего государя къ нашему императору. Содержаніе письма тогда никому извѣстно не было. Въ Вильнѣ и окрестностяхъ сего города стояла 3-я дивизія, которою командовалъ графъ Коновницынъ. Государю угодно было показать пріѣзжему гостю, какъ наши войска маневрируютъ, и для сего собрана была вся 3-я дивизія, и всѣ движенія производила она превосходно. Незадолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, извѣстный шведскій уроженецъ, генералъ графъ Армфельдъ, былъ назначенъ состоять въ свитѣ его величества; онъ находился въ Вильнѣ. Всѣ военные чиновники, бывшіе тогда при государѣ, какъ-то генералъ-и флигель-адъютанты и прочіе, вознамѣрились дать праздникъ его величеству. Для сего назначенъ былъ замокъ недалеко отъ Вильно, называвшійся Закретъ, въ которомъ во время Польши жили монахи, а послѣ оный пожалованъ былъ графу Бенигсену. Собрали деньги, и учредителемъ сего праздника избранъ былъ графъ Армфельдъ. Замокъ назначенъ былъ для бала, а для ужина положили выстроить деревянную галлерею, что поручено было лучшему архитектору изъ поляковъ, находившемуся въ Вильно. Наканунѣ того дня, какъ назначенъ былъ праздникъ, вся построенная галлерея обрушилась; къ счастію, что въ ней тогда никого не случилось,

а больше еще, что не тогда, когда бы оная была наполнена гостями. Архитекторъ, строившій сію галлерею, послѣ сего несчастнаго происшествія, безъ вѣсти пропалъ: сказывали, что нашли его шляпу на берегу рѣки Виліи, и изъ сего заключили, что онъ бросился въ воду. Праздникъ, однакоже, былъ данъ, который удостоилъ императоръ своимъ присутствіемъ.

Окрестности Вильны прелестныя. Государь всякій день изволилъ ѣздить верхомъ съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ; мнѣ случилось показывать императору загородный домъ, называемый Верки, принадлежащій одному изъ графовъ Потоцкихъ, гдѣ я былъ прежде съ Балашовымъ. Мѣстоположеніе Верки единственное; на превысокой горѣ, у подошвы которой извивается рѣка Вилія, окруженная зелеными лугами, съ разбросанными по оной кустарниками, по обоимъ ея берегамъ, это мѣсто представляло видъ очаровательный. Сею прогулкою, казалось, государь былъ очень доволенъ [1]).

По принятому тогда плану кампаніи, когда извѣстно сдѣлалось, что Наполеонъ перешелъ черезъ рѣку Нѣманъ съ многочисленною своею арміею, составленною изъ войскъ всѣхъ почти европейскихъ націй, приказано было нашимъ корпусамъ, расположеннымъ по прусской границѣ, отступать къ Дриссѣ. Часть главной квартиры, находившейся въ Вильно, отправлена уже была по тому же направленію. Государь разсудилъ послать съ отвѣтомъ къ Наполеону и избрать для сего изволилъ А. Д. Балашова. Поздно ввечеру, наканунѣ нашего оттуда выѣзда, приказы-

---

[1]) Въ Вильнѣ князь В. С. Трубецкой жилъ вмѣстѣ съ П. В. Кутузовымъ. Виленскій полицеймейстеръ Вейсъ служилъ прежде подъ командою Кутузова, когда сей послѣдній былъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ. Вейсъ приглашаетъ однажды къ себѣ на чай П. В. и князя Трубецкого, который увидѣлъ прекрасную дочь хозяина, влюбился въ нее, а потомъ на ней обвѣнчался.

ваетъ ему явиться къ себѣ; отдавая письмо, повелѣваетъ ему тотчасъ отправиться къ Наполеону. Балашовъ доноситъ императору, что онъ уже свой обозъ съ прочими отправилъ, и что у него нѣтъ ни генеральскаго мундира, ни ленты. Государь приказываетъ ему у кого-нибудь достать для себя мундиръ и все, что ему нужно, и чтобы онъ непремѣнно черезъ часъ выѣхалъ, назначивъ находиться при Балашовѣ полковника М. Ф. Орлова, который былъ тогда причисленъ къ князю П. М. Волконскому. Я жилъ тогда вмѣстѣ съ Александромъ Дмитріевичемъ. Онъ приходитъ домой въ отчаяніи, разсказываетъ мнѣ все, что съ нимъ случилось, говоря, что Александровскою лентою его ссудилъ графъ П. А. Толстой. Къ счастію, мой обозъ еще не уѣхалъ, и я ему предложилъ мой генеральскій мундиръ. Надобно было оный примѣрять; насилу мундиръ мой влѣзъ на Балашова, но нечего было дѣлать; онъ рѣшился его взять и обѣщался во все время ѣсть на сколько можно менѣе, чтобы похудѣть. На другой день государь и вся его величества свита оставили Вильно.

Извѣстно, что нашъ аръергардъ, состоящій изъ однихъ гвардейскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, былъ атакованъ французами въ виленскихъ улицахъ. Сей генералъ такъ славно защищался, что не только отретировался въ совершенномъ порядкѣ, но даже ранилъ и взялъ въ плѣнъ начальника непріятельскаго отряда, графа Сегюра, а полковникъ Ефремовъ самъ своею пикою нанесъ почти смертельный ударъ принцу Гогенлоэ, бывшему послѣ при дворѣ министромъ короля Виртембергскаго. Главная квартира императора пришла въ мѣстечко Видзы, сдѣлавши 6-ть переходовъ, а о Балашовѣ еще слуху не было, и начинали уже насчетъ его безпокоиться, не оставилъ ли его Наполеонъ военноплѣннымъ. Наконецъ, передъ выходомъ уже изъ сего мѣстечка, посланный отъ госу-

даря возвратился и привезъ собственноручное письмо къ его величеству отъ Наполеона. Всѣ обступили и начали разспрашивать Александра Дмитріевича, что съ нимъ случилось во время его отсутствія. Вотъ что онъ разсказывалъ. Оставя Вильно, на другой день онъ пріѣхалъ на французскіе аванъ-посты; когда трубачъ его протрубилъ три раза и Балашовъ объявилъ, что онъ россійской арміи генералъ, присланный къ императору Наполеону, то непріятельскій офицеръ его остановилъ, а самъ послалъ получить приказаніе. Черезъ нѣсколько времени посланный возвратился. Балашову и Орлову завязали глаза и вели ихъ, такимъ образомъ, до главной квартиры маршала Давуста; тутъ имъ развязаны были глаза, и Балашова одного ввели къ маршалу, которому онъ объявилъ причину своего пріѣзда, и просилъ отправить его къ императору французовъ. Давустъ ему отвѣчалъ, что онъ не знаетъ точно, гдѣ находится теперь его величество, но если генералъ Балашовъ желаетъ, то онъ пошлетъ письмо отъ россійскаго императора съ своимъ адъютантомъ къ императору Наполеону, на что Балашовъ возразилъ, что ему отъ государя своего повелѣно отдать письмо лично, и потому онъ никому онаго повѣрить не можетъ. Маршалъ ему сказаль, что онъ тотчасъ пошлетъ извѣстить Наполеона о пріѣздѣ къ нему генерала отъ императора Александра. Посланный не возвращался четыре дня, между тѣмъ Балашовъ видѣлъ, что за всѣми его движеніями примѣчали: наконецъ, онъ рѣшился спросить у маршала Давуста, не считаютъ ли они его своимъ плѣннымъ, въ такомъ случаѣ онъ проситъ его, чтобы онъ далъ ему способъ донести о томъ своему государю, ибо онъ не постигаетъ, какимъ образомъ, когда извѣстно, что императоръ Наполеонъ перешелъ черезъ наши границы, по сію пору посланный его адъютантъ не привозитъ никакого отвѣта. Маршалъ ему отвѣчалъ:

— Послушайте, генералъ, неужели намъ неизвѣстны права военныя, и что особа парламентера есть по всѣмъ законамъ неприкосновенна и даже священна, замедленіе же сіе,—продолжалъ маршалъ,— происходитъ, вѣроятно, оттого, что императоръ объѣзжаетъ многочисленные корпуса своей арміи, расположенные на большомъ пространствѣ, и что адъютантъ мой не успѣлъ его догнать.

Наконецъ, посланный возвратился съ повелѣніемъ къ Давусту препроводить русскаго генерала подъ приличнымъ конвоемъ въ настоящее мѣсто пребыванія императора Наполеона. Каково же было удивленіе Балашова, когда его привели въ Вильнѣ, въ тотъ дворецъ, гдѣ жилъ государь, и Наполеонъ принялъ его въ той самой комнатѣ, изъ которой отправлялъ его императоръ Александръ нѣсколько дней тому назадъ. Это Александръ Дмитріевичъ разсказывалъ всѣмъ любопытнымъ. Мнѣ же, такъ какъ мы жили вмѣстѣ, онъ сообщилъ всѣ подробности его пребыванія въ Вильнѣ. Когда ввели его къ Наполеону, и онъ подалъ письмо отъ нашего государя, императоръ французовъ, прочитавши оное, сказалъ:

— Насъ англичане поссорили; я удивляюсь,— продолжалъ онъ,—что вашъ императоръ находится самъ при войскахъ. Что ему тутъ дѣлать? Онъ природный государь, ему должно царствовать, а не воевать; мое дѣло другое: я солдатъ, и это мое ремесло. Я не могу согласиться на требованія вашего императора. Когда я что занялъ,—считаю своимъ. Вамъ мудрено защищать вашу границу, столь обширную, съ такимъ малымъ числомъ войскъ.

Во все это время онъ ходилъ по комнатѣ, потомъ, подумавши немного, прибавилъ:

— Увидимъ, чѣмъ все это кончится.

Наполеонъ много еще говорилъ, но сіе составляетъ почти всю существенность разговора. Балашовъ былъ приглашенъ къ обѣденному столу, за которымъ на-

ходились, кромѣ него, Наполеонъ, Бертье, Дюрокъ, Бесіеръ и Коленкуръ. За обѣдомъ Наполеонъ обращается къ Балашову и говоритъ:

— Вы думаете, генералъ, что сіи господа (показывая на Бертье и Бесіера) что-нибудь у меня значатъ; ничего не бывало: они только исполнители моихъ приказаній.—Потомъ продолжаетъ:—Вы были, кажется, начальникомъ московской полиціи?—и не давши времени Балашову отвѣчать, спрашиваетъ у Коленкура:—Вы знаете Москву? Большая деревня, гдѣ видно множество церквей,—и продолжая говорить:—къ чему онѣ? Въ теперешнемъ вѣкѣ перестали быть набожными.

На сіе Балашовъ отвѣчалъ:—Я не знаю, ваше величество, набожныхъ во Франціи, но въ Гишпаніи и въ Россіи много еще есть набожныхъ.

Послѣ обѣда, который продолжался съ небольшимъ полчаса, Коленкуръ подошелъ осторожно къ Балашову и сказалъ:

— Зайдите, генералъ, ко мнѣ.

Александръ Дмитріевичъ исполнилъ. Коленкуръ много говорилъ о милостяхъ, императоромъ Александромъ ему оказанныхъ, во время пребыванія его посломъ въ Петербургѣ, и о привязанности его къ нашему государю. Въ разговорахъ своихъ онъ былъ очень откровененъ и даже совѣтовалъ быть твердымъ въ своихъ предпріятіяхъ. Балашовъ сказывалъ, что тогда уже французская кавалерія очень много пострадала; вся дорога усѣяна была околѣвшими лошадьми.

Черезъ нѣсколько переходовъ пришли мы въ знаменитый укрѣпленный лагерь, на правомъ берегу рѣки Десны генераломъ Пфулемъ устроенный. Я поѣхалъ впередъ съ барономъ Толемъ, бывшимъ тогда оберъ-квартирмейстеромъ нашей арміи, чтобы онъ, какъ мастеръ сего дѣла, показалъ мнѣ сіе укрѣпленіе и объяснилъ выгоды и невыгоды онаго.

Баронъ Толь математически мнѣ доказалъ, что если мы дождемся въ семъ лагерѣ Наполеона, то онъ насъ всѣхъ, какъ говорится, возьметъ живьемъ. Лагерь устроенъ былъ на высокомъ берегу въ утесѣ, а къ рѣкѣ внизу большая отмель. Для отступленія всей арміи находились три моста на рѣкѣ Деснѣ. Если бы мы атакованы были во фронтъ лагеря и въ то самое время непріятель послалъ бы отрядъ внизу утеса отмелью, который легко могъ бы овладѣть хотя первымъ мостомъ, тогда бы никакой ретирады имѣть не могли [1]). Къ счастію, Наполеонъ, видно, не зналъ, въ какомъ невыгодномъ положеніи находилась наша армія. Между тѣмъ мы никакого свѣдѣнія не имѣли о непріятелѣ. Корпусы, приходившіе въ соединеніе, не были при отступленіи имъ обезпокоиваемы. При нашей арміи казаковъ, кромѣ гвардейскихъ, почти вовсе не было. Рѣшились командировать генерала Корфа съ регулярной кавалеріей сдѣлать сильное рекогносцированіе, чтобы открыть непріятеля, но онъ возвратился безъ успѣха. Графъ Мишо служилъ тогда полковникомъ въ свитѣ его величества; онъ составилъ записку о бѣдственномъ положеніи арміи и предлагалъ, чтобы немедленно оставить лагерь и итти по лѣвому берегу рѣки Десны къ Полоцку. Сія записка черезъ князя Волконскаго представлена была государю; учрежденъ былъ совѣтъ, чтобы разсмотрѣть мнѣніе графа Мишо. При государѣ находился комитетъ для отправленія государственныхъ дѣлъ, состоящій изъ графа Аракчеева, Шишкова, государственнаго секретаря, и Балашова. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ графа Мишо, и отступленіе арміи было рѣшено. Графъ Витгенштейнъ

---

[1]) Никто такъ не надоѣдалъ генералу Пфулю своими дерзкими насмѣшками, какъ маркизъ Паулуччи насчетъ укрѣпленнаго его лагеря. Мы всѣ ходили обѣдать за гофмаршальскій столъ; бѣдный Пфуль пересталъ за оный ходить, чтобы не быть предметомъ насмѣянія.

оставленъ былъ съ своимъ корпусомъ, чтобы обезпечивать ретираду арміи. Шишковъ и Балашовъ, съ которыми я жилъ вмѣстѣ, сказывали мнѣ, что рѣшено сдѣлать воззваніе къ Москвѣ и ко всей Россіи, чтобы собрать добровольное ополченіе, что они насилу могли убѣдить графа Аракчеева, чтобы онъ упросилъ государя оставить армію, а самому императору ѣхать въ Москву, гдѣ присутствіе его величества произведетъ большое дѣйствіе въ сію критическую минуту. Когда Шишковъ и Балашовъ предлагали графу Аракчееву, что необходимо нужно государю, въ теперешнемъ ея положеніи, оставить армію и ѣхать въ Москву, и что сіе одно средство, чтобы спасти отечество,—графъ Аракчеевъ возразилъ на сіе:

— Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь при арміи.

Они ему отвѣчали:

— Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика.

Сіе заставило Аракчеева итти къ государю и упросить его величество на отъѣздъ изъ арміи. Можно сказать, что душа и чувства графа Аракчеева, совершеннаго царедворца, были чужды любви къ отечеству. Съ нами жилъ также генералъ-адъютантъ Винценгероде; онъ просился съ нѣсколькими гусарами сдѣлать поиски на непріятеля, но тоже никого не открылъ. Императоръ слѣдовалъ съ арміею до Полоцка, но еще изъ лагеря подъ Дриссой посланъ былъ генералъ-адъютантъ князь Трубецкой съ воззваніемъ въ Москву. Государь, на другой день по прибытіи въ Полоцкъ, изволилъ отправиться въ Москву. Въ свитѣ его величества находились: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, князь П. М. Волконскій, А. С. Шишковъ, А. Д. Балашовъ и я. Главную свою квартиру императоръ поручилъ генералъ-адъютанту П. В. Кутузову.

Тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ графъ Ф. В. Растопчинъ. Государь повелѣлъ ему, чтобы никакой встрѣчи для его величества дѣлано не было, и нарочно пріѣхалъ въ Москву ночью; но отъ послѣдней станціи къ Москвѣ вся дорога была наполнена такимъ множествомъ народа, что отъ бывшихъ у сихъ желающихъ видѣть своего государя фонарей было такъ почти свѣтло, какъ днемъ. Въ слѣдующій день, поутру, императоръ назначить изволилъ быть молебну въ Успенскомъ соборѣ. Стеченіе народа на всей Кремлевской площади было такъ велико, что находившіеся при государѣ генералъ-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобы довести императора съ Краснаго крыльца до собора; всѣхъ насъ можно было уподобить судну, безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гауптвахты и оттуда уже кое-какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное ура заглушало почти колокольный звонъ. Сіе шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время. На другой день приказано было сдѣлать изъ досокъ мостки съ перилами отъ Краснаго крыльца до собора. Архіепископъ Августинъ встрѣтилъ государя съ крестомъ и съ св. водою и произнесъ весьма трогательное и краснорѣчивое слово.

Въ пространныхъ залахъ Слободскаго дворца назначены были собранія для дворянства и купечества; императоръ самъ поѣхалъ въ Слободскій дворецъ. Войдя въ залу, гдѣ собрано было все московское дворянство, коего губернскимъ предводителемъ былъ В. Д. Арсеньевъ, государь сказалъ:

— Вамъ извѣстна, знаменитое дворянство, причина моего пріѣзда. Императоръ французовъ вѣроломнымъ образомъ, безъ объявленія войны, съ многочисленною арміею, составленною изъ порабощенныхъ

имъ народовъ, вторгнулся въ нашу границу. Всѣ средства истощены были, — сохраняя, однакоже, достоинство имперіи,—къ отвращенію сего бѣдствія; но властолюбивый духъ Наполеона, не имѣющій предѣловъ, не внималъ никакимъ предложеніямъ. Настало время для Россіи показать свѣту ея могущество и силу. Я въ полной увѣренности взываю къ вамъ: вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель да не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ; сего ожидаетъ отъ васъ ваше отечество и государь.

Все зало огласилось словами:

— Готовы умереть скорѣе, государь, нежели покориться врагу! Все, что мы имѣемъ, отдаемъ тебѣ; на первый случай десятаго человѣка со ста душъ крестьянъ нашихъ на службу.

Всѣ бывшіе въ залѣ не могли воздержаться отъ слезъ. Государь самъ былъ чрезмѣрно тронутъ и добавилъ:

— Я многаго ожидалъ отъ московскаго дворянства, но оно превзошло мое ожиданіе [1]).

Потомъ императоръ изволилъ войти въ залу, гдѣ находилось московское купечество. Государь встрѣченъ былъ съ радостнымъ восклицаніемъ, и они объявили его величеству, что на нѣсколько милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ отечеству, уже сдѣланы подписки. Императоръ, окруженный толпой народа, который отовсюду стремился навстрѣчу его величеству съ безпрестаннымъ крикомъ «ура»,—возвратился въ Кремлевскій дворецъ.

Многіе изъ первѣйшихъ московскихъ чиновниковъ и мы всѣ въ тотъ день были приглашены къ обѣденному столу государя. Императоръ нѣсколько разъ изволилъ повторять, что онъ этого дня никогда не забудетъ. Послѣ обѣда посланъ былъ орденъ

---

[1]) Весь сей разговоръ остался у меня въ совершенной памяти.

I класса св. Анны губернскому московскому предводителю В. Д. Арсеньеву. Многіе изъ моихъ знакомыхъ, московскихъ дворянъ, мнѣ говорили: одни, что отдадутъ всѣхъ своихъ музыкантовъ, другіе— актеровъ, третьи—дворовыхъ людей, псарей въ ратники, ибо ихъ скорѣе образовать можно для военнаго ремесла, нежели крестьянъ. Начальникомъ московскаго ополченія избранъ былъ дворянствомъ М. Л. Кутузовъ, а въ помощь ему графъ Ираклій Ивановичъ Морковъ. Въ Москвѣ уже получено было извѣстіе, что французами занятъ Смоленскъ; съ симъ извѣстіемъ пріѣхалъ великій князь цесаревичъ. Государь послѣ сего изволилъ отъѣхать въ Петербургъ. Въ сей столицѣ петербургское дворянство собирало тоже ополченіе, и сіе дворянство подчинило своихъ ратниковъ тоже М. Л. Кутузову. Въ семъ качествѣ онъ пріѣхалъ явиться къ государю; это было въ Таврическомъ дворцѣ; я, увидѣвши сего славнаго генерала, подхожу къ нему и говорю:

— Стало быть, дворянство обѣихъ столицъ нарекло ваше высокопревосходительство своимъ защитникомъ и отечества!

Михаилу Ларіоновичу неизвѣстно еще было, что московское дворянство избрало его также начальникомъ своего ополченія. Когда онъ узналъ отъ меня о семъ назначеніи, съ полными слезъ глазами сказалъ:

— Вотъ лучшая для меня награда въ моей жизни!—и благодарилъ меня за сіе извѣстіе.

Хотя Барклай-де-Толли и названъ былъ главнокомандующимъ I западною арміею, но онъ не переставалъ быть военнымъ министромъ; въ отсутствіе его управлялъ военнымъ министерствомъ князь А. И. Горчаковъ. Однажды я былъ дежурнымъ при государѣ на Каменномъ островѣ. Князь Горчаковъ, бывшій ко мнѣ всегда чрезвычайно хорошо расположенъ, пріѣзжаетъ съ докладомъ къ императору и говоритъ мнѣ:

— Ахъ, любезный другъ, какую я имѣю ужасную комиссію къ государю! Я избранъ ходатаемъ отъ всего комитета гг. министровъ, чтобы просить его величество перемѣнить главнокомандующаго арміею и, вмѣсто Барклая, назначить Кутузова. Ты знаешь, какъ государь жалуетъ Барклая, и что сіе—собственный выборъ его величества.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда князь Горчаковъ выйдетъ изъ кабинета императора. Дѣйствительно, случай былъ рѣдкій, чтобы какое-либо мѣсто, хотя составленное, впрочемъ, изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновъ,—предложило государю нашему, противу воли его, перемѣнить лицо, и какое же?— главнокомандующаго арміею, тѣмъ болѣе, что императоръ, какъ извѣстно было, не весьма благоволилъ тогда къ генералу Кутузову. Наконецъ, я увидѣлъ князя Горчакова, выходящаго изъ кабинета государева; видно, что у нихъ былъ продолжительный и жаркій разговоръ, ибо князь имѣлъ лицо, какъ пламя. Онъ мнѣ сказалъ:

— Слава Богу, я успѣлъ. Нельзя не дивиться кротости и милосердію государя; представь себѣ, что я осмѣлился, наконецъ, сказать его величеству, что вся Россія желаетъ назначенія генерала Кутузова, что въ отечественную войну приличнѣе быть настоящему русскому главнокомандующимъ.

Государь приказалъ князю Горчакову дать знать генералу Кутузову, чтобы на другой день поутру онъ пріѣхалъ къ его величеству. Мое дежурство еще продолжалось, когда генералъ Кутузовъ прибылъ на Каменный островъ. Я съ нимъ былъ одинъ.

— Мнѣ предстоитъ великое и весьма трудное поприще,—сказалъ Михаилъ Ларіоновичъ,—я противу Наполеона почти не служилъ; онъ все шелъ впередъ, а мы ретировались; можетъ быть, по обстоятельствамъ нельзя было иначе. Скажите мнѣ,—продолжалъ онъ,— кто находится въ главной квартирѣ Барклая изъ

чиновниковъ, занимающихъ мѣсто по штабу? Я никого не знаю.

Я назвалъ ему всѣхъ, и когда онъ услышалъ, что оберъ-квартирмейстерскую должность отправляетъ баронъ Толь, онъ мнѣ сказалъ:

— Я этому очень радъ, онъ мой воспитанникъ, онъ выпущенъ изъ первыхъ кадетскаго корпуса, когда я онымъ командовалъ.

Послѣ сего позвали его къ государю. Выходя изъ кабинета его величества, генералъ Кутузовъ мнѣ сказалъ:

— Дѣло рѣшено,—я назначенъ главнокомандующимъ обѣихъ армій, но, затворяя уже дверь кабинета, я вспомнилъ, что у меня ни полушки нѣтъ денегъ на дорогу; я воротился и сказалъ: «Mon maître, je n'ai pas un sou d'argent» [1]). Государь пожаловалъ мнѣ 10.000 рублей.

Простясь со мной, генералъ Кутузовъ уѣхалъ, и мнѣ болѣе не случалось уже съ нимъ никогда видѣться.

Курьеръ съ извѣстіемъ о Бородинской баталіи пріѣхалъ поутру въ день св. Александра Невскаго; сначала казалось, что сей день былъ двойнымъ торжествомъ для Россіи, и по тезоименитству обожаемаго императора, и по одержанію надъ непріятелемъ знаменитой побѣды. Впослѣдствіи же, какъ извѣстно, сія баталія не представляла тѣхъ выгодъ, каковыхъ отъ нея ожидали. Положено было учредить, для скорѣйшаго образованія рекрутъ, пѣхотные и кавалерійскіе резервы. Первые поручены были генералу-отъ-инфантеріи князю Лобанову-Ростовскому, а вторые генералу-отъ-кавалеріи Кологривому. Государь изволилъ призвать меня однажды къ себѣ въ кабинетъ и, объясняя всю важность учрежденія сихъ резервовъ, и что отъ нихъ зависѣть долженъ впредь

---

[1]) Государь, у меня нѣтъ денегъ ни копѣйки.

весь успѣхъ дѣйствующихъ армій, сказать мнѣ изволилъ:

— Я хочу возложить на тебя весьма важное порученіе. Я имѣю донесеніе, что нѣкоторые повѣты Волынской губерніи заняты уже непріятелемъ; ты знаешь, какъ расположены къ намъ поляки! Хотя и обнародованъ указъ, чтобы съ тѣхъ губерній, которыя не даютъ ополченій, взимать рекрутъ, и въ томъ указѣ сказано также, чтобы помѣщикамъ Подольской и Волынской губерній, вмѣсто рекрутъ, предоставить на волю ставить лошадей, но я не надѣюсь, чтобы мѣстнымъ начальствомъ сіе было исполнено. Тебѣ извѣстно, что сіи двѣ губерніи изобилуютъ лошадьми, и чтобы оными не воспользовался непріятель, то я посылаю тебя съ повелѣніемъ собрать съ тѣхъ губерній, вмѣсто рекрутъ, по сдѣланному расчету до 20.000 лошадей, которыхъ и отправлять въ кавалерійскіе резервы къ Кологривому; ибо и мы, и непріятель болѣе имѣемъ нужды въ лошадяхъ, нежели въ людяхъ. Ты бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, и духъ жителей тебѣ извѣстенъ. У тебя, во внутренней стражѣ, вѣроятно, много есть штабъофицеровъ, служившихъ прежде въ кавалеріи; возьми ихъ къ себѣ, сколько хочешь. Изъ сего ты видишь, что я никого другого, кромѣ тебя, не могу употребить въ семъ государственномъ дѣлѣ, а въ успѣхахъ я не сомнѣваюсь. Поди къ графу Аракчееву; ты получишь отъ него всѣ нужныя бумаги. Пиши обо всемъ прямо ко мнѣ.

Сіе порученіе, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, дѣйствительно, было весьма важно. Получивъ бумаги отъ графа Аракчеева, послѣ обѣда, на другой день, поутру, я пріѣхалъ къ государю откланяться и получить послѣднія приказанія.

Когда я вошелъ въ кабинетъ государя, я нашелъ его величество въ чрезвычайномъ смущеніи; на большомъ столѣ лежала развернутая секретная маршрут-

ная карта Россіи. Императоръ ее разсматривалъ и нѣсколько времени не примѣтилъ, что я былъ въ комнатѣ. Увидѣвши, сказать изволилъ:

— Здравствуй; что, все получилъ?

Я отвѣчалъ, что я совсѣмъ готовъ къ отъѣзду и пришелъ получить послѣднія приказанія и спросить, какой дорогой мнѣ ѣхать, ибо на Смоленскъ невозможно, — развѣ на Москву? Государь посмотрѣлъ на меня и, помолчавши немного, сказать изволилъ:

— Ну, конечно, на Москву; впрочемъ, поѣзжай, какъ Богъ тебя пронесетъ, — и, обнявъ меня, прибавилъ:—прощай, Богъ съ тобой.

Съ Каменнаго острова я поѣхалъ откланяться къ цесаревичу; у его высочества я нашелъ П. Н. Озерова, который только что пріѣхалъ изъ Москвы. Я спрашиваю у него, можно ли мнѣ проѣхать еще черезъ Москву. Онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Не знаю; когда я выѣхалъ оттуда, французы уже были на Воробьевыхъ горахъ.

Я тотчасъ догадался по смущенному виду государя, что получено было извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы, и точно, въ тотъ самый день, поутру рано, пріѣхалъ курьеръ отъ Кутузова съ сею ужасною новостью, но въ публикѣ она не была еще извѣстна.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 8-го сентября 1812 года, взявъ съ собою оберъ-аудитора Куликова и адъютанта моего, барона Швахгейма, и придворнаго берейтора Вольгеборна. Адъютанту моему Дохтурову позволилъ служить при дядѣ его, генералѣ Дохтуровѣ, а адъютанта Храповицкаго оставилъ управлять дѣлами моей канцеляріи; князь Горчаковъ позволилъ ему, въ отсутствіе мое, ходить къ себѣ съ докладами. Я назначилъ изъ баталіоновъ внутренней стражи для пріема лошадей: полковника Куликовскаго, подполковника Вевера, майора Фюрстенау и рекомендован-

наго мнѣ княземъ А. И. Горчаковымъ подполковника Макарова; впослѣдствіи времени я опредѣлилъ тоже для пріема лошадей майора Дезописа, который находился тогда въ отставкѣ, и послѣ былъ моимъ адъютантомъ. Мы получили извѣстіе изъ Городища, что управляющій деревнями нашими Н. Н. Тагайчинъ чрезвычайно боленъ. Оберъ-аудиторъ Куликовъ рекомендовалъ мнѣ П. М. Величкина, котораго я взялъ съ собой. Пріѣхавъ въ Новгородъ, я нашелъ въ трактирѣ князя С. Н. Долгорукова, который спрашивалъ меня объ участи Москвы. Я, видя, что онъ о взятіи ея ничего не знаетъ, не хотѣлъ ему вдругъ открыться; между тѣмъ слышимъ, что у почтоваго двора кто-то остановился съ колокольчикомъ. Князь самъ побѣжалъ узнать, не курьеръ ли ѣдетъ изъ арміи. Скоро потомъ возвращается и приводитъ съ собой унтеръ-офицера, ѣдущаго курьеромъ къ государю отъ генералъ-адъютанта Винценгероде; мы спрашиваемъ у него, кто въ Москвѣ. Курьеръ отвѣчалъ:

— Два дня были тамъ французы, а послѣ изъ оной вышли.

Князь Долгорукій догадался, что Москва уже въ непріятельскихъ рукахъ, и сіе извѣстіе его ужасно поразило. Въ Вышнемъ-Волочкѣ я увидѣлся съ Н. О. Лабой, тогдашнимъ генералъ-провіантмейстеромъ; я съ нимъ былъ очень друженъ со времени пребыванія моего комендантомъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Лаба имѣлъ порученіе заготовлять провіантъ для Петербурга и для другихъ мѣстъ, куда изъ Вышняго-Волочка удобнѣе будетъ оный доставлять. Я нашелъ его въ большомъ затрудненіи, особливо когда онъ узналъ, что въ Москвѣ непріятель; ибо если французы пойдутъ московскимъ трактомъ въ Петербургъ, то непремѣнно должно провіантъ истребить, а его находилось на нѣсколько милліоновъ рублей; разрѣшенія онъ ни откуда не получалъ, хотя

послалъ курьеровъ и въ Петербургъ, и къ главнокомандующему арміей, и я бѣднаго Лабу оставилъ въ сей ужасной неизвѣстности. Въ Твери тогда былъ губернаторомъ Л. С. Кологривой, съ которымъ я былъ знакомъ прежде,—по женѣ своей онъ нѣсколько родня матушкѣ. Кологривой ко мнѣ тотчасъ пріѣхалъ и разсказалъ о всемъ, что съ Москвой случилось, что онъ отправилъ все свое семейство въ Ярославль и всѣ дѣла изъ присутственныхъ мѣстъ, что тамъ находится принцъ Ольденбургскій и великая княгиня, что между Москвой и Тверью расположеннымъ отрядомъ войскъ командуетъ генералъ-адъютантъ Винценгероде. Я тотчасъ послалъ курьера къ сему генералу; увѣдомляю его о моемъ пріѣздѣ, и, такъ какъ я имѣю важное порученіе отъ государя, то и прошу его увѣдомить меня, какимъ образомъ я могу продолжать дорогу до мѣстъ моего назначенія. Винценгероде предложилъ мнѣ пріѣхать въ городъ Клинъ, гдѣ онъ будетъ имѣть со мной свиданіе. По пріѣздѣ въ сей городъ, я нашелъ тамъ князя С. П. Волконскаго, который именемъ Винценгероде просилъ меня одного поѣхать въ деревню Давыдовку, куда генералъ, по обстоятельствамъ, долженъ быть перевести свою квартиру. Наше свиданіе было весьма трогательное; мы долго, обнявшись, оплакивали участь Москвы, и всѣ тутъ бывшіе то же дѣлали. Винценгероде развернулъ карту и показалъ мнѣ тѣ пункты, которые занимаютъ его форпосты; въ одной Московской, до границы сосѣдственныхъ губерній, они всѣ расположены были на разстояніи отъ Москвы не болѣе 30-ти верстъ; хотя отъ начальника форпостовъ онъ часто получалъ донесенія, но ручаться, однакоже, не могъ, чтобы они пробыли долго въ томъ же положеніи. Я, вмѣстѣ съ Винценгероде [1]),

---

[1]) У сего генерала было правило, чтобы имѣть при себѣ особъ, принадлежащихъ первымъ фамиліямъ, какъ-то: князя Волконскаго, Нарышкина, Бенкендорфа, и стараться доставлять имъ чины и награды.

составилъ для себя маршрутъ до города Тулы и съ нимъ разстался. Я поѣхалъ изъ Клина на города: Дмитровъ, Егорьевскъ, Зарайскъ, Покровъ, Коломну, Веневъ и Тулу; такимъ образомъ, я сдѣлалъ три четверти круга Москвы. Выѣзжая изъ Клина ввечеру, я вижу вдали большое зарево, спрашиваю у ямщика, что это значитъ. Онъ со вздохомъ мнѣ отвѣчалъ:

— Москва горитъ уже пятый день.

У меня невольно полились изъ глазъ слезы: такъ эта столица-мать для всякаго русскаго драгоцѣнна! Во все время, какъ я объѣзжалъ Москву, я видѣлъ бѣдныхъ жителей, укладывающихъ свои пожитки на телѣги; я спрашивалъ:

— Куда же вы хотите уѣхать?

— А куда глаза глядятъ, баринъ; теперь, покуда, въ лѣса, а тамъ—куда Богъ приведетъ.

Когда я просилъ для своихъ экипажей лошадей, даже за двойныя прогоны, они мнѣ въ нихъ не отказывали, но говорили:

— Пожалуйста, не загоняй лошадей далеко, баринъ, чтобы намъ было, на чемъ уѣхать.

Въ городѣ Покровѣ была квартира начальника Владимірскаго ополченія, которымъ командовалъ тогда князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ. Онъ всегда былъ друженъ съ княземъ П. И. Багратіономъ. Князь Голицынъ мнѣ разсказывалъ, съ большимъ прискорбіемъ, какъ привезли въ его деревню, недалеко отъ города Покрова, сего изъ первыхъ героевъ россійской арміи раненаго. Съ какимъ духомъ, свойственнымъ неустрашимому князю Багратіону, онъ перенесъ отнятіе ноги! Послѣднія его слова были: «спаси, Господи, Россію!» — и Богъ внялъ молитвѣ героя. Я весьма любилъ князя Багратіона; онъ имѣлъ отличныя свойства, а особливо необыкновенную доброту сердца,—и тронутъ былъ до глубины сердца извѣстіемъ о его смерти, о которой я прежде не слыхалъ. Богъ случайно привелъ меня въ зна-

менитую въ нашихъ мѣстностяхъ обитель св. Сергія Радонежскаго Чудотворца, поклониться его чудотворнымъ мощамъ. Нынѣшнее лѣто мы, бывшіе въ сей обители, узнали, что только одна ризница, драгоцѣннѣйшая во всей Россіи, была вывезена изъ лавры во время нашествія французовъ, а что всѣ богатые оклады на иконахъ оставались на своихъ мѣстахъ, и что непріятель не доходилъ только двадцати верстъ до монастыря. Въ Тулѣ, бывшій тогда губернаторомъ, Богдановъ показывалъ мнѣ конныхъ ратниковъ Тульскаго ополченія; я нашелъ ихъ въ отличномъ устройствѣ. Проѣзжая по Московской дорогѣ, я на всѣхъ ямахъ слышалъ отъ ямщиковъ родъ негодованія, что государь собираетъ со всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ на службу ратниковъ, а съ нихъ никого не берутъ, что они охотно бы дали изъ двухъ сыновей одного и снарядили бы ихъ молодцами, и не пожалѣли бы дать имъ своихъ лучшихъ лошадей. Я счелъ обязанностію донести изъ Тулы государю, какъ о тульскомъ полку конныхъ ратниковъ, такъ и о изъявленномъ мнѣ желаніи отъ ямщиковъ Московской дороги служить противу общаго врага Россіи. Вѣроятно, вслѣдствіе сего моего донесенія генералъ-адъютантъ Кутузовъ назначенъ былъ скоро потомъ сформировать нѣсколько полковъ изъ вышепомянутыхъ ямщиковъ. Пріѣхавши въ Городище, я нашелъ Тагайчина почти при самомъ концѣ жизни, и онъ скоро послѣ сего умеръ, почему и водворилъ при себѣ П. М. Величкина. Мы обязаны были, съ винокуреннаго завода нашего, поставлять 30.000 ведеръ вина въ Московскій откупъ ежегодно, въ теченіе четырехъ лѣтъ. Когда я былъ съ государемъ въ Москвѣ, въ началѣ іюля мѣсяца, комиссіонеръ нашъ явился ко мнѣ и донесъ, что все количество вина нами поставлено, но денегъ онъ получить за оное не можетъ; сумма простиралась до 104.000 рублей. Я просилъ тогда

бывшаго московскимъ вице-губернаторомъ А. Н. Арсеньева, который увѣрилъ меня, что откупщики непремѣнно деньги намъ заплатятъ. Въ Городищѣ я узналъ отъ нашего коммиссіонера, что онъ денегъ ничего не получилъ и съ тѣмъ, за два дня до вступленія непріятеля, долженъ былъ выѣхать изъ Москвы. Контракту оставался еще одинъ годъ, а потому я и писалъ къ матушкѣ, чтобы подать тотчасъ просьбу, что по неполученію нами денегъ за поставленное вино мы не въ состояніи на будущій годъ ставить вина. Отъ сего началось дѣло, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ; наконецъ, въ государственномъ совѣтѣ, въ 1819 году, опредѣлено взыскать съ бывшихъ московскихъ откупщиковъ слѣдующія намъ деньги; но мы и по сіе время съ графа Зубова, Лѣнивцева и Перетца еще оныхъ не получали.

По пріѣздѣ моемъ въ Житоміръ, я объявилъ высочайшее повелѣніе и указъ изъ правительствующаго сената, чтобы вмѣсто рекрутъ собирать лошадей въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Въ первой былъ губернаторомъ М. Н. Комбурлей, а во второй—графъ Сенпри. Я требовалъ отъ рекрутскихъ присутствій обѣихъ губерній, чтобы доставлены ко мнѣ были вѣдомости о числѣ принятыхъ уже рекрутъ и сколько еще поступить оныхъ имѣетъ. За всякаго рекрута положено было взимать или трехъ кирасирскихъ, или четырехъ драгунскихъ, или пять уланскихъ или гусарскихъ лошадей. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что до моего пріѣзда въ обѣихъ губерніяхъ уже около половины собрано было рекрутъ натурою. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Подольской губерніи оказалась чума; сіи мѣста были оцѣплены, а потому ни рекрутъ, ни лошадей собирать было съ оныхъ невозможно. Съ графомъ Сенпри я имѣлъ свиданіе на границѣ его губерніи. Назначенные мною для пріема лошадей чиновники пріѣхали. Чтобы удостовѣриться, сколько есть на лицо годныхъ

къ фрунтовой службѣ лошадей, и подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы напрасно не водили въ назначенныя мѣста для пріема лошадей, негодныхъ къ употребленію, я отнесся къ обоимъ губернаторамъ, что отъ меня посланы будутъ во всѣ повѣты чиновники, прося содѣйствія земской полиціи, которые на мѣстахъ назначатъ лошадей, которыя могутъ быть приняты. Между тѣмъ, однакоже, пріемъ лошадей на назначенныхъ пунктахъ воспріялъ свое начало. Я немедленно отнесся къ князю Горчакову, чтобы мнѣ повелѣно было, для провода лошадей, употреблять находящихся на мѣстѣ рекрутъ, которые тамъ поступятъ на службу; иначе сіе должно бы было дѣлаться посредствомъ обывателей. Въ Волынской и Подольской губерніяхъ оставались на непремѣнныхъ квартирахъ запасные эскадроны квартировавшихъ тамъ кавалерійскихъ полковъ. Я представлялъ также, чтобы я могъ и ихъ употребить для препровожденія партій лошадей; сіе имѣло ту выгоду, что служащіе въ кавалеріи офицеры и нижніе чины умѣютъ лучше обращаться съ лошадьми и сберечь оныхъ въ пути. Оба мои представленія съ похвалою были утверждены.

Меня несказанно утѣшала неожиданнымъ своимъ пріѣздомъ ко мнѣ жена моя, графиня Елизавета Егоровна, въ Житоміръ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, едва оправившись послѣ родовъ сына Павла; она мнѣ оказала въ семъ случаѣ знакъ примѣрной привязанности, пренебрегая всѣ опасности по дорогѣ, гдѣ проходили безпрестанно войска, и по слѣдамъ почти непріятельскихъ мародеровъ, претерпѣвая ужасный недостатокъ въ пищѣ такъ, что въ Москвѣ она не могла найти купить для себя калача. Въ самую распутицу она принуждена была ѣхать въ перекладныхъ повозкахъ; подъ Кіевомъ проходила по льду рѣки Днѣпра, которая только что стала. По прѣздѣ въ Житоміръ оказалось, что у нея почти все лицо было

отморожено. Проводникомъ ея былъ пьяный почталіонъ, котораго далъ ей министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ. Я желалъ, чтобы жена моя пріѣхала ко мнѣ: и при первой возможности отправилъ за ней одного офицера, но онъ встрѣтилъ ее уже подъ Кіевомъ. Я не могу довольно ее возблагодарить за ея, можно сказать, самоотверженіе для меня и за доставленіе мнѣ счастія, въ моемъ почти уединеніи въ Житомірѣ, провести съ нею все время моего тамъ пребыванія.

X.

Жизнь въ Житомірѣ.—М. И. Комбурлей.—Графъ Ильинскій.—Проѣздъ черезъ Житоміръ великой княгини Екатерины Павловны.—Софьевка графини Потоцкой.—Казнь Ржевусскаго.—Бердичевская ярмарка.—Донесеніе государю объ исполненіи возложеннаго порученія.—Орденъ св. Владиміра и новое порученіе.—Городище.—Смерть сыновей.—Переселеніе въ Орелъ.—Визитъ въ Курскъ къ Нелидовымъ.—Коренная ярмарка.—Исполненіе возложеннаго порученія и возвращеніе въ Петербургъ.—Князь Горчаковъ.—Назначеніе командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.—Производство въ генералъ-лейтенанты.—Посѣщеніе государемъ Варшавы.—Смерть сестры.—Пріобрѣтеніе Охтенской суконной фабрики.—Смерть А. Н. Астафьева.—Наводненіе 1824 года.—Помощь пострадавшимъ государя Александра I.

Жизнь наша въ Житомірѣ была довольно пріятна, и мы обязаны были въ томъ Михаилу Ивановичу Комбурлею и женѣ его Аннѣ Андреевнѣ; они всѣ средства употребляли, чтобы доставлять намъ всякаго рода удовольствія, и мы ежедневно почти были вмѣстѣ. Комбурлей, по женѣ и по себѣ, былъ очень богатъ и умѣлъ пользоваться своимъ богатствомъ. Онъ жилъ прекрасно, поступалъ и дѣйствовалъ вообще, какъ прилично было въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда во ввѣренной ему губерніи былъ театръ войны. Всѣ подати и повинности взимаемы были, какъ слѣдуетъ, и буйныхъ поляковъ умѣлъ держать въ порядкѣ. Комбурлей, наконецъ, управлялъ Волынскою губерніею на правахъ генералъ-губернатора; его погубили, и М. Н. Комбурлей умеръ, находясь подъ судомъ правительствующаго сената. Желая отвратить всякое подозрѣніе въ притѣсненіяхъ, которое бы могло возникнуть на назначенныхъ мною

военныхъ пріемщиковъ лошадей, я отнесся къ губернскимъ маршаламъ обѣихъ губерній, чтобы они изъ дворянъ, въ видѣ депутатовъ, опредѣлили по одному къ каждому военному пріемщику. Волынской губерніи маршалъ отнесся ко мнѣ, что ко всѣмъ военнымъ пріемщикамъ, по желанію моему, депутаты изъ дворянъ опредѣлены, и приложилъ именной имъ списокъ, но все дворянство проситъ, чтобы къ подполковнику Макарову депутата не назначать, ибо они увѣрены въ совершенной его честности и безпристрастіи. Общество наше нѣсколько оживилось въ Житомірѣ, когда пришли туда ополченія: нижегородское, пензенское и рязанское, всѣ подъ командою графа П. А. Толстого. П. Ф. Козловъ командовалъ полкомъ конныхъ ратниковъ нижегородскихъ и жилъ у насъ въ домѣ. Начальниками ополченій были: нижегородскаго—генералъ-майоръ Муромцевъ, пензенскаго—генералъ-майоръ Титовъ, а рязанскаго—генералъ-майоръ Измайловъ. Графъ Ильинскій пригласилъ насъ въ свое помѣстье Романово, которое назвалъ Roma nuova по великолѣпнымъ убранствамъ всякаго рода, которыя онъ большими деньгами пріобрѣлъ въ Петербургѣ, дабы украсить сіе мѣсто своего пребыванія. Насъ поѣхало въ Романово: М. Н. Комбурлей съ женой и свояченицей своей Рахмановой, жена подполковника Макарова, одна дѣвица Емельянова и я съ моей женой. Мы нашли каменный домъ преогромный, а хозяинъ насъ увѣрялъ, что это одинъ изъ флигелей будущаго замка. Комнаты внутри превысокія, наполненныя множествомъ зеркалъ, и, большею частію, изъ цѣльныхъ стеколъ. Вездѣ видно было множество бронзъ; въ одной комнатѣ мебель, обитая шелковой французской матеріей, по словамъ графа Ильинскаго, изъ маленькаго Тріанона, принадлежавшая королевѣ Маріи-Антуанетѣ. Словомъ, домъ его скорѣе похожъ былъ на магазинъ, нежели на принадлежащій частному чело-

вѣку. Мы пріѣхали къ позднему обѣду, послѣ котораго хозяинъ отвелъ дамъ въ назначенныя для нихъ комнаты и спросилъ у нихъ, что имъ угодно: чтобы ввечеру была музыка, или театръ? Дамы отдали на его произволъ. Въ восемь часовъ вечера всѣ гости приглашаемы были на чай. Жена моя чрезвычайно была удивлена, увидя даму, наряженную въ шелковое платье съ хвостомъ и перьями на головѣ, которой лицо ей казалось очень знакомо; это была madame Crae. Она торговала въ Петербургѣ дамскими головными уборами [1]). Графъ Ильинскій ее представилъ потомъ Аннѣ Андреевнѣ Комбурлей и моей женѣ, какъ хозяйку его дома. Въ большой залѣ заиграла роговая музыка, и мы всѣ пошли ее слушать съ большимъ удовольствіемъ. На другой день мы были угощены оперой и балетомъ. Графъ Ильинскій выписывалъ изъ Одессы итальянскихъ пѣвцовъ и балетмейстера, и одна изъ его актрисъ имѣла превосходный голосъ, равно какъ было и нѣсколько танцовщицъ весьма порядочныхъ. Костюмы были пребогатые, но мы видѣли сихъ несчастныхъ послѣ спектакля почти въ рубищахъ. За нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ онъ учредилъ въ Романовѣ институтъ глухонѣмыхъ, и за сіе филантропическое заведеніе, по представленію мѣстнаго начальства, графъ Ильинскій получилъ орденъ св. Владиміра 1-го класса. Мы видѣли зданіе, въ которомъ должно было быть институту, безъ стеколъ и въ совершенномъ разрушеніи. Выписанный имъ изъ Вѣны учитель для сего предмета жилъ безъ всякой должности и по контракту не получалъ даже жалованья. Графъ Ильинскій весьма набоженъ; мы нашли у него одного изъ іезуитовъ, бывшихъ въ Петербургѣ. Домовая его церковь отдѣлана съ величайшимъ вкусомъ и богатствомъ, равно ризница и вся утварь церковная пре-

---

[1]) Магазинъ ея былъ подъ вывѣской: Au temple du bon gout.

великолѣпныя. Въ комнатахъ служилъ человѣкъ, чрезвычайно богато одѣтый арнаутомъ. Въ день нашего отъѣзда онъ пришелъ просить Христа ради ко всѣмъ намъ дать ему денегъ, говоря:

— Не судите по блестящему моему платью,— оно господское, я его только надѣваю, когда гости, а самому мнѣ почти ѣсть нечего.

Такъ во всемъ у графа Ильинскаго видны были роскошь и тщеславіе подлѣ скупости и нищеты.

Черезъ г. Житоміръ проѣзжала тогда великая княгиня Екатерина Павловна, на пути своемъ къ минеральнымъ водамъ за-границу, послѣ кончины супруга ея, принца Георгія Ольденбургскаго. Здоровье ея высочества весьма было въ то время разстроено отъ сей потери; у нея безпрестанно дѣлались обморочные припадки.

Мы любопытны были видѣть извѣстный по описанію въ стихахъ однимъ лучшимъ польскимъ поэтомъ, славный садъ, называемый Софьевка. То же самое общество, которое было въ Романовѣ, отправилось въ путь, кромѣ М. Н. Комбурлея, поелику сей садъ находился въ Кіевской губерніи. Софьевка находится подлѣ мѣстечка Умань, принадлежавшаго графу Станиславу Потоцкому, первѣйшему богачу бывшей Польши. Мы нашли въ Умани героиню и тогдашнюю помѣщицу Софьевки, графиню Потоцкую, бывшую графиню Виттъ. Тамъ находился также князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Онъ назначенъ былъ государемъ предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной по случаю существовавшей тогда чумы въ тѣхъ губерніяхъ. Хозяйка сама намъ показывала сей прелестный садъ; онъ расположенъ въ оврагѣ, а потому аллеи устроены въ три этажа; богатство водъ удивительное; при самомъ въѣздѣ, на большомъ прудѣ, бьетъ фонтанъ не ниже Сампсона, что въ Петергофѣ; нѣсколько каскадъ падаютъ съ высокихъ скалъ, а всего примѣчательнѣе это подземный каналъ. На довольно

большомъ разстояніи, гуляя по саду, онъ вовсе не примѣтенъ, ибо на поверхности посажены деревья, и сдѣланы дорожки, только видны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдушины для доставленія свѣта и воздуха въ подземный каналъ, по которому мы ѣздили въ большой лодкѣ. Въ концѣ канала устроенъ резервуаръ, который помощію насосовъ наполняется водой, и лодка поднимается до поверхности воды, находящейся въ большемъ прудѣ; тогда отворяются ворота, и лодка входитъ въ тотъ прудъ. Сей механизмъ похожъ на устроенный въ Вышнемъ Волочкѣ для поднятія барокъ въ каналѣ. Въ семъ саду находится множество рѣдкихъ растеній, которыя видны только въ самыхъ жаркихъ климатахъ. Въ то время случился въ Умани отставной, прежней польской службы, поручикъ Мецель, основатель и учредитель Софьевки; онъ имѣетъ большія познанія въ гидравликѣ. Мецель разсказывалъ мнѣ, что, находясь при графѣ Потоцкомъ, который былъ главнымъ командиромъ всей польской артиллеріи, онъ пріѣхалъ однажды съ графомъ въ Умань, гдѣ они и пошли съ ружьями на охоту; войдя случайно въ сей оврагъ и видя множество источниковъ воды, графъ Потоцкій, остановясь, сказалъ Мецелю:

— Нельзя ли сдѣлать изъ сего оврага гулянье? Мнѣ хочется подарить его моей женѣ и назвать ея именемъ; чтобы издержки тебя не останавливали, я готовъ все, что ни потребуешь, на оное употребить, только чтобы Софьевка была изъ первыхъ садовъ въ Европѣ.

Имѣвши въ распоряженіи своемъ такіе неограниченные способы, Мецель хотѣлъ и свое имя сдѣлать извѣстнымъ. Выписавъ лучшаго изъ чужихъ краевъ садовника, принялись за работу, на которой, по словамъ Мецеля, нѣсколько лѣтъ находилось по 800 человѣкъ каждый день, и ассигнованы были на издержки доходы со всего староства Уманскаго, въ

которомъ находилось нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ. Мы провели три дня въ Умани и были какъ нельзя лучше угощаемы графинею Потоцкою.

По возвращеніи нашемъ въ Житоміръ, полковникъ Зелепуга, командовавшій тогда Житомірскимъ баталіономъ внутренней стражи, представилъ мнѣ при рапортѣ предписаніе главнокомандующаго арміею адмирала Чичагова, чтобы разстрѣлять доставленнаго къ полковнику Зелепугѣ измѣнника Ржевусскаго, бывшаго смотрителемъ провіантскихъ нашихъ магазиновъ, которые онъ передалъ непріятелю. Сіе произвело большое волненіе между поляками, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько времени предъ тѣмъ полученъ былъ милостивый манифестъ государевъ, которымъ дарована была амнистія въ неважныхъ случаяхъ. Многіе изъ поляковъ обратились ко мнѣ съ просьбами, хотѣли послать эстафету къ государю, и чтобы экзекуція отсрочена была до полученія рѣшенія. Я отвѣчалъ имъ, что сіе до меня вовсе не касается, что полковникъ Зелепуга знаетъ, чему онъ можетъ себя подвергнуть, не приведя въ исполненіе предписанія главнокомандующаго арміею. Въ назначенный день для экзекуціи, сверхъ Житомірскаго баталіона, которому я приказалъ всему зарядить ружья пулями, приведены были, по моему распоряженію, три запасные эскадрона для сохраненія порядка. Когда поляки увидѣли такую военную силу, ничего предпринять не осмѣлились; Ржевусскій былъ разстрѣлянъ безъ всякаго со стороны ихъ помѣшательства. Однакоже, поляки послѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыто было тѣло разстрѣляннаго Ржевусскаго, поставили памятникъ.

Мы ѣздили на славную бердичевскую ярмарку, гдѣ бываетъ большой съѣздъ купцовъ съ товарами изъ за-границы, и поляки пріѣзжаютъ изъ всѣхъ губерній, принадлежавшихъ прежде Польшѣ; особливо сія ярмарка знаменита великимъ множествомъ лошадей, на оную приводимыхъ со всѣхъ нашихъ

южныхъ губерній, и ремонтеры не только русскіе, но австрійскіе, прусскіе и другихъ государствъ пріѣзжаютъ покупать сюда лошадей. Мы были приглашены на обѣдъ къ князю Радзивиллу, бердичевскому помѣщику. Сіе мѣстечко ему приносило ежегоднаго доходу до 25.000 червонцевъ.

Собравши до 13.000 лошадей съ Волынской и Подольской губерній, изъ которыхъ въ сложности обошлась казнѣ съ небольшимъ въ 25 рублей каждая лошадь съ мѣстнымъ и путевымъ продовольствіемъ, и получивши квитанціи въ пріемѣ оныхъ отъ генерала Кологривова, бывшаго тогда въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, я отправилъ съ отчетомъ въ Петербургъ подполковника Макарова, а подпоручика Умецкаго съ донесеніемъ послалъ къ государю въ армію о совершенномъ окончаніи возложеннаго на меня порученія, прося позволенія пріѣхать въ главную квартиру его величества. Посланный мой къ государю привезъ высочайшее повелѣніе, объявленное мнѣ графомъ Аракчеевымъ, что его величество очень доволенъ исполненіемъ возложеннаго на меня порученія и жалуетъ меня за оное, при весьма милостивомъ рескриптѣ, кавалеромъ ордена св. Владиміра 2-ой степени большого креста; при томъ возлагать на меня изволитъ другое порученіе; по манифесту объ общемъ рекрутскомъ наборѣ, отъ 21-го августа 1813 года обнародованному, коимъ предоставлено на волю 22-хъ губерній, обязанныхъ рекрутскою повинностію, поставлять вмѣсто людей лошадьми, то и сей сборъ лошадей и отправленія ихъ въ кавалерійскіе резервы должны находиться подъ моимъ распоряженіемъ. Графъ Аракчеевъ присовокупляетъ, по волѣ государя, что сіе порученіе гораздо полезнѣе для службы императора и отечества, нежели пребываніе мое въ главной квартирѣ. Мнѣ предоставлено было на волю выбрать мѣсто моего пребыванія, которое бы находилось въ центрѣ губерній, въ коихъ,

по назначенію комитета гг. министровъ, сборъ лошадей долженъ быть производимъ. Губерніи Курская и Орловская одинаково находились по сему назначенію центральными. Я избралъ послѣднюю. Получивъ сіе новое порученіе, я немедленно съ женой моей изъ Житоміра отправился въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1813 года въ Городище, въ ожиданіи послѣдующихъ распоряженій, которыя возложены были на комитетъ гг. министровъ и на предсѣдательствующаго онымъ, князя Н. И. Салтыкова. Я увѣдомилъ о мѣстѣ моего пребыванія князя Горчакова. Въ теченіе сего времени мы имѣли несчастіе лишиться двухъ сыновей, Александра и Владиміра, отъ бывшей тогда въ Петербургѣ повальной болѣзни на дѣтяхъ, крупа; а равномѣрно мы огорчены были потерею m-me Anné, которая умерла отъ водяной болѣзни. Не найдя въ г-нѣ Place человѣка, способнаго къ воспитанію, мы его отказали, а сына нашего Егора отдали въ институтъ іезуитовъ. Подполковникъ Макаровъ привезъ мнѣ въ Городище всѣ дополнительныя распоряженія касательно новой моей операціи. Я переѣхалъ тогда въ г. Орелъ, назначивъ три пункта, черезъ которые должны были проводиться партіи лошадей; въ одномъ изъ нихъ я самъ находился, а въ другіе два отрядилъ надежныхъ чиновниковъ. Военныхъ пріемщиковъ, при рекрутскихъ наборахъ находящихся, снабдилъ я самыми строгими и подробными инструкціями. По положенію комитета гг. министровъ назначено было за одного рекрута взимать или по 4 кирасирскихъ, или по 6-ти драгунскихъ, или по 7-ми гусарскихъ или уланскихъ лошадей.

По приглашенію меня бывшимъ тогда курскимъ губернаторомъ А. И. Нелидовымъ, я поѣхалъ зимою съ женою моею къ нему погостить. На границѣ губерніи мы встрѣчены были чиновникомъ. Въ Курскъ мы пріѣхали поздно вечеромъ; у заставы

насъ дожидался полицейскій офицеръ, который проводилъ въ назначенный для насъ домъ; мы нашли его освѣщеннымъ, и нѣсколько офиціантовъ, весьма хорошо одѣтыхъ, для нашей услуги, потчевали насъ чаемъ, потомъ прекраснымъ ужиномъ. Я никогда не забуду того пріема и тѣхъ обязательныхъ привѣтствій и ласкъ, которыя намъ оказали въ Курскѣ во время шестидневнаго тамъ нашего пребыванія Софья Ѳедоровна и Аркадій Ивановичъ Нелидовы; они во все это время озабочены были только тѣмъ, чтобы доставить намъ всякаго рода удовольствія: спектакль, очень порядочный, нѣсколько баловъ,—словомъ ничего не было упущено ими для угощенія насъ самымъ лучшимъ и пріятнымъ образомъ.

Въ Орлѣ мы жили тоже довольно пріятно, но я простудился и получилъ жесточайшій кашель, который продолжался нѣсколько недѣль.

Въ слѣдующее лѣто мы ѣздили въ Коренную ярмарку; она бываетъ въ девятую пятницу послѣ святой недѣли. Къ сему дню изъ Курска въ монастырь, гдѣ бываетъ ярмарка, разстояніемъ до 30-ти верстъ, переносятъ чудотворную икону Курской Божіей матери. Мнѣ никогда не случалось видѣть такого множества народа, вмѣстѣ соединившагося изъ разныхъ странъ Россіи, какъ при перенесеніи сей чудотворной иконы. Вокругъ нея несутъ нѣсколько превеликихъ фонарей на длинныхъ палкахъ; всякому хочется хотя дотронуться, если не удастся быть въ числѣ несущихъ, до сихъ палокъ. Сія приверженность народа къ священной сей процессіи и теплая его вѣра къ чудотворной иконѣ можетъ почтена быть совершеннымъ торжествомъ нашей религіи. Курскій гражданскій губернаторъ долженъ впереди сей процессіи ѣхать верхомъ во всю дорогу. Икону вносятъ прямо въ церковь монастыря; она тамъ обыкновенно остается до сентября мѣсяца, а потомъ опять переносятъ ее въ Курскъ. Мѣстоположеніе

монастыря прелестное. Онъ стоитъ на превысокой горѣ, внизу течетъ рѣка, на противолежащемъ берегу виды на большомъ пространствѣ луга, лѣса и селенія. Коренная ярмарка считается въ Россіи второю; ея гостиный дворъ преобширный, весь каменный и прекрасной архитектуры. Намъ опять случилось на ярмаркѣ увидѣться съ Софьею Өедоровною и Аркадіемъ Ивановичемъ Нелидовыми. Стеченіе покупателей и купцовъ было тотъ годъ премногочисленное. При семъ случаѣ были публичные театръ и балы, и мы провели тамъ время очень весело.

Второе порученіе было для меня гораздо затруднительнѣе и хлопотливѣе перваго, которое находилось, такъ сказать, у меня подъ руками: я видѣлъ всякую лошадь, принятую моими пріемщиками, которыхъ я всѣхъ зналъ лично. Во второй операціи, хотя вся отвѣтственность возложена была на баталіонныхъ командировъ, бригадныхъ начальниковъ и окружныхъ генераловъ, гдѣ они находились, состоявшихъ подъ моимъ начальствомъ; но все я не могъ быть совершенно увѣренъ, чтобы въ 22-хъ губерніяхъ соблюдена была строгая справедливость и непоколебимое безпристрастіе; впослѣдствіи и открылось, что нѣкоторые баталіонные командиры за злоупотребленіе подверглись военному суду. Изъ полученныхъ мною квитанцій отъ генерала Кологривова было видно, что поступило въ кавалерійскіе резервы до 40 тысячъ лошадей, и по такому большому количеству оказалось не слишкомъ много къ службѣ неспособныхъ, которыя, впрочемъ, могли прійти въ сіе состояніе и отъ дальняго пути, который лошади сіи должны были сдѣлать. Такимъ образомъ окончилось и второе порученіе, на меня возложенное.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1814 года я съ женою моею возвратился въ Петербургъ. Государь находился тогда на конгрессѣ въ Вѣнѣ. По возвращеніи императора въ Петербургъ князь Алексѣй Ивановичъ

Горчаковъ, не предваривъ меня, сдѣлалъ о мнѣ докладъ къ генералъ-лейтенантскому чину, основываясь на томъ, что представленные мною отчеты по послѣдней операціи найдены въ совершенномъ порядкѣ, и что вообще вся она произведена была весьма успѣшно. Къ несчастію моему, государь былъ недоволенъ княземъ Горчаковымъ, и докладъ его обо мнѣ возвращенъ былъ съ замѣчаніемъ, что его величество предоставляетъ одному себѣ цѣнить службу своего генералъ-адъютанта, а не другому кому. Съ небольшимъ черезъ годъ потомъ, а именно 7-го февраля 1816 года, вышло образованіе дежурства главнаго штаба его императорскаго величества; въ семъ образованіи внутренняя стража получила названіе отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, и я назначенъ командиромъ онаго. Князь Горчаковъ по болѣзни отпущенъ былъ въ чужіе края, и я далъ ему своего адъютанта, графа Кошкуля. Князь былъ со мной въ безпрестанной перепискѣ. По возвращеніи его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, болѣзнь его усилилась, и онъ скоро умеръ. Послѣ смерти его, по нѣкоторымъ подрядамъ провіанта для арміи, найдены были упущенія, и онъ преданъ былъ суду: случай весьма необыкновенный, чтобы мертваго судить; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ онъ былъ оправданъ. 30-го августа 1816 года, я произведенъ былъ, какъ сказано въ приказѣ, за отличіе по службѣ въ генералъ-лейтенанты, пробывъ безъ двухъ мѣсяцевъ и нѣсколькихъ дней 17 лѣтъ въ генералъ-майорскомъ чинѣ. У императора Александра принято было за правило, чтобы въ генеральскихъ чинахъ не производить по старшинству, а за отличіе; отъ сего сколько младшихъ въ чинѣ произведены были прежде меня. Вся моя вина была въ томъ, что я не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ послѣдней кампаніи, но по прихоти ли я сіе дѣлалъ? Не имѣлъ ли я важныхъ и полезныхъ для службы, по словамъ

самого императора, порученій? Однажды, будучи наединѣ съ государемъ, я далъ почувствовать его величеству, какъ много я потерялъ по службѣ тѣмъ, что не находился въ арміи, что не могу даже участвовать въ празднествахъ, учрежденныхъ для воспоминанія незабвенныхъ военныхъ подвиговъ нашей арміи, каковы суть Лейпцигская баталія, входъ въ Парижъ, и проч., и лишенъ права носить медаль 1812 года, которою украшены почти всѣ, имѣющіе военный мундиръ. На сіе императоръ мнѣ отвѣчалъ:

— Что дѣлать; это зависитъ отъ обстоятельствъ, но ты себя ничѣмъ упрекнуть не можешь [1]).

До 1819 года я безвыѣздно изъ Петербурга занимался устроеніемъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, а съ сего года я началъ дѣлать мои инспекціи.

Въ половинѣ лѣта государь поѣхалъ въ Варшаву, куда позволилъ и мнѣ также прибыть. Осмотрѣвъ Псковскій, Митавскій, Виленскій, Гродненскій и Бѣлостокскій баталіоны, я пріѣхалъ въ Варшаву прежде императора. Подалъ его высочеству, цесаревичу, рапортъ о состояніи командуемаго мною корпуса, чѣмъ великій князь былъ очень доволенъ. Вся польская армія собрана была въ окрестностяхъ Варшавы. Государь дѣлалъ оной смотръ по полкамъ, потомъ они маневрировали. Удивительно было видѣть, до какого совершенства во всѣхъ своихъ движеніяхъ сія армія доведена была великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и въ такое короткое время. Самъ городъ Варшава, по словамъ знавшихъ оный прежде, много былъ украшенъ. Дворецъ, въ видѣ замка, довольно обширный, стоитъ на утесѣ превысокаго берега рѣки Вислы; видъ изъ онаго прекрасный. Въ большой залѣ онаго, въ медаліонахъ,

---

[1]) 1-го іюля 1814 года, въ день бракосочетанія нынѣ царствующаго государя императора Николая I-го, жена моя графиня Елизавета Егоровна пожалована была дамою меньшаго креста ордена св. великомученицы Екатерины.

находятся портреты всѣхъ польскихъ королей. Въ кабинетѣ послѣдняго короля Станислава видны портреты современныхъ ему государей, какъ-то: императрицы Екатерины, императора Іосифа II, французскаго короля Людовика XVI, англійскаго Георга III, прусскаго Фридриха II и папы. Лежащее на противоположномъ берегу рѣки Вислы, предмѣстье Прага, имѣвшее доселѣ значительныя укрѣпленія, находится въ томъ же положеніи, какъ его оставилъ Суворовъ послѣ славнаго своего штурма. Варшавскій дворъ довольно великолѣпенъ, много придворныхъ чиновъ составляютъ оный. У государя нѣсколько было большихъ столовъ. Я находился на званныхъ обѣдахъ: у Заіончека, графа Замойскаго и другихъ первыхъ чиновъ Польскаго царства. Н. Н. Новосильцевъ давалъ премноголюдный балъ, который удостоенъ былъ посѣщеніемъ государя и цесаревича. Большую часть моего времени въ Варшавѣ, я проводилъ у Н. Н. Веревкина, бывшаго послѣ московскимъ комендантомъ; онъ командовалъ тогда гвардейскою пѣхотною бригадою. Н. Н. меня ознакомилъ со всѣми варшавскими окрестностями; онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ, равно и жена его Аграфена Ѳедоровна. Я къ нимъ обоимъ сохранилъ чувства признательности за ихъ ко мнѣ привѣтливость и ласковый пріемъ.

Я выѣхалъ изъ Варшавы на другой день послѣ отбытія изъ оной императора. На возвратномъ пути въ Петербургъ я осматривалъ: Минскій, Могилевскій и Витебскій баталіоны. Съ сего времени жизнь моя была единообразна. Каждое почти лѣто я осматривалъ нѣсколько баталіоновъ и дѣлалъ по нѣсколько тысячъ верстъ. Всякій разъ я отдавалъ лично государю отчетъ о всемъ, что я видѣлъ, кромѣ установленнаго по формѣ донесенія объ инспекторскихъ смотрахъ. Хотя должность моя была весьма хлопотлива, но она доставила мнѣ случай ознакомиться

почти со всей Россіей, не выключая и знойной Астрахани, кромѣ Сибири и Грузіи [1]). Особливо вояжъ мой по всему Крыму и по южному онаго берегу оставилъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Я сохранилъ всѣ мои маршруты, и любопытные могутъ оные видѣть.

1821 года, марта 16, скончалась сестра моя Анна Өедотовна; сія потеря была для меня весьма чувствительна; она въ молодости моей имѣла о мнѣ самыя нѣжныя попеченія и раздѣляла свою привязанность между всѣмъ моимъ семействомъ [2]).

Я намѣренъ здѣсь упомянуть о сдѣланномъ мною пріобрѣтеніи Охтенской суконной фабрики въ 1822 году. Сопровождавшія обстоятельства при покупкѣ сего огромнаго заведенія, которое долженствовало или совсѣмъ меня разорить или составить мою фортуну, были слѣдующія: случайно ѣздилъ я осматривать сію фабрику, принадлежавшую тогда барону Ралю. Бывшій на оной директоръ Гильо, родомъ изъ Вервье, видя, что я съ любопытствомъ входилъ во всѣ подробности сего заведенія, ибо я уже имѣлъ небольшую суконную фабрику въ селѣ Городищѣ, по окончаніи мною осмотра фабрики, вдругъ предлагаетъ мнѣ купить оную, говоря, что я могу пріобрѣсти ее на весьма выгодныхъ кондиціяхъ, что дѣла барона Раля пришли въ великое разстройство, и что жаль будетъ, если такое заведеніе, которое можетъ быть первымъ въ Россіи, придетъ въ совершенный упадокъ. Я ему отвѣчалъ, что не имѣю ни малѣйшихъ средствъ сдѣлать такую большую покупку. Гильо просилъ позволенія на другой день ко мнѣ пріѣхать, на что я согласился; онъ привозитъ

---

[1]) Я совершилъ въ 8 лѣтъ до 32 тысячъ верстъ.

[2]) 30-го августа, того же года, въ день тезоименитства государя императора, старшая дочь моя, графиня Анна Евграфовна, пожалована во фрейлины. Сіе тѣмъ пріятнѣе для насъ было, что, по молодости своихъ лѣтъ, она не была еще представлена ко двору. Примѣръ довольно тогда рѣдкій.

составленное имъ исчисленіе, изъ котораго представлялись великіе барыши. Я его отпустилъ съ прежнимъ отвѣтомъ. На другой день мнѣ случилось быть дежурнымъ при государѣ. Послѣ обѣда пріѣзжаетъ съ докладомъ къ императору министръ финансовъ, графъ Гурьевъ. Мануфактуры и внутренняя торговля уже составляли часть его министерства, и графъ Гурьевъ былъ тогда большой покровитель фабрикамъ. Я въ разговорѣ ему сказалъ, что былъ на Ралевской суконной фабрикѣ, и о сдѣланномъ мнѣ предложеніи, присовокупя къ тому, что я въ помышленіи не имѣю, чтобы фабрику купить, ибо не имѣю къ тому возможности. Графъ Гурьевъ вдругъ сталъ меня уговаривать сдѣлать сіе пріобрѣтеніе, увѣряя меня, что онъ доставитъ мнѣ всѣ возможныя къ тому способы, что фабрика, по разстроеннымъ дѣламъ Раля, неминуемо придетъ въ совершенный упадокъ, въ то время, когда она должна быть образцовою въ Россіи, что онъ завтра увидится съ Ралемъ и будетъ посредникомъ между мною и имъ. Я признаюсь, что сіе нѣсколько меня поколебало, и я отдался на волю графа Гурьева. Выходя послѣ доклада отъ государя, онъ мнѣ сказалъ:

— Его величество очень доволенъ вашимъ намѣреніемъ купить у Раля фабрику.

На другой день императоръ мнѣ сказать изволилъ:

— Я слышалъ отъ Гурьева о намѣреніи твоемъ купить суконную фабрику у Раля, мнѣ это весьма пріятно. Пора намъ обратить вниманіе на сію важную часть и не платить столько денегъ иностранцамъ; суди, какимъ это будетъ служить поощреніемъ для прочихъ, когда увидятъ, что приближенная ко мнѣ особа, мой генералъ-адъютантъ, занимается мануфактурной частью, а о пособіяхъ ты не сомнѣвайся.

Что мнѣ оставалось послѣ сего дѣлать? Я рѣшился и положился на промыслъ Всевышняго. Дѣй-

ствительно, я получилъ впослѣдствіи отъ императора Александра 200 тысячъ [1]) и отъ нынѣ царствующаго государя 100 тысячъ рублей въ пособіе для моей Охтенской суконной фабрики. Между тѣмъ, года черезъ два директоръ фабрики Гильо умираетъ. Я думалъ, что съ его смертью совершенно разорился. Всевышнему Создателю благоугодно было устроить это совсѣмъ иначе. При жизни еще Гильо, я, видя его небрежливость и даже расточительность по экономической части, просилъ племянника моего, Романа Сергѣевича Шулепникова, принять оную на себя, но онъ не могъ дѣйствовать, какъ бы хотѣлъ, при жизни Гильо. Послѣдствіе ясно удостовѣрило, что если бы Гильо былъ живъ, то тогда бы мое разореніе было неминуемо, и смерть его была, такъ сказать, благодѣяніемъ отъ Бога для моей фабрики.

По смерти Гильо, Романъ Сергѣевичъ въ особенное и въ незабвенное для меня одолженіе, принялъ фабрику въ полное свое управленіе и переѣхалъ жить на оную. Дѣла фабрики все были не въ лучшемъ положеніи, не взирая на неусыпныя попеченія Романа Сергѣевича; сему была причиною искусственная часть. Наконецъ, мы рѣшились принять мѣру, можно сказать, отчаянную: въ 1828-мъ году выписали изъ Англіи всѣхъ лучшихъ мастеровъ для фабрики, а находившихся на оной нидерландцевъ сослали. Сія перемѣна впослѣдствіи оказывается для меня спасительною, ибо сукна, на Охтенской моей фабрикѣ выдѣланныя, теперь пріобрѣли уже совершенную довѣренность публики и становятся почти на ряду съ лучшими иностранныхъ фабрикъ. На бывшей въ 1829-мъ году выставкѣ въ Петербургѣ россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, сукна Охтенской моей фабрики знатоками найдены были

---

[1]) Сія сумма мнѣ выдана была подъ находящіеся уже въ заемномъ банкѣ мои залоги и, чтобы ихъ болѣе обезпечить, государю угодно было объявить себя по мнѣ порукою.

лучшими, и я получилъ за оныя золотую медаль большого достоинства. 1823-года, марта 28-го, я огорченъ былъ потерею зятя моего А. Н. Астафьева; онъ, какъ видно изъ сихъ записокъ, взялъ меня къ себѣ, какъ круглаго сироту, на восьмомъ году моего рожденія и пекся обо мнѣ, какъ самый чадолюбивый отецъ. Благодарность моя къ сему первому благотворителю моему сохранится во всю мою жизнь.

1824-го года, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда Петербургъ подвергся небывалому доселѣ наводненію, я былъ употребленъ дѣятельнымъ образомъ. 8-го числа того мѣсяца, на другой день наводненія, я получаю записку отъ бывшаго тогда начальникомъ главнаго штаба его величества, генералъ-адъютанта Дибича, чтобы я въ третьемъ часу послѣ обѣда явился въ комнаты государя. Послѣ меня скоро пріѣхали генералъ-адъютанты: Депрерадовичъ и Бенкендорфъ. Насъ позвали немедленно въ кабинетъ императора. Государь намъ сказалъ:

— Я призвалъ васъ, господа, чтобы вы подали самую дѣятельную и скорую помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго вчерашняго происшествія,—и у него примѣтны были слезы на глазахъ.— Я увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства сострадания,—и продолжалъ говорить съ такимъ чувствительнымъ краснорѣчіемъ, что мы сами были чрезмѣрно тронуты.—Я назначаю васъ,—присовокупилъ императоръ,—временными военными губернаторами зарѣчныхъ частей города, что вы увидите изъ сегодняшняго приказа. Вотъ вамъ инструкція, наскоро составленная; сердца ваши ее дополнятъ. Поѣзжайте отсюда къ министру финансовъ, который имѣетъ повелѣніе выдать каждому изъ васъ по 100 тысячъ рублей на первый случай.

Мы вышли изъ кабинета государя, восхищенные тѣмъ, что мы слышали, и сказали:

— Жаль, если разговоръ сей не сохранится для

потомства, ибо оный изобразилъ бы императора Александра таковымъ, каковымъ онъ точно былъ, и послужилъ бы лучшимъ панегирикомъ его небесной души.

Но останется памятникомъ начертанная собственною его величества рукою инструкція, государемъ намъ данная, въ коей видна его нѣжная и отеческая попечительность о несчастныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія, и въ коей ничего не упущено было къ услажденію ихъ плачевной участи. Генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Выборгскую часть, я—на Петербургскую сторону, а Бенкендорфъ — на Васильевскій островъ. Мы въ тотъ же вечеръ получили опредѣленную намъ сумму. Мое мѣстопребываніе назначено было въ домѣ крѣпостного коменданта, куда я и отправился ночевать. Мы подчинены были военному генералъ-губернатору, графу Милорадовичу, которому и должны были дѣлать наши донесенія, но находящаяся мѣстная полиція и квартирующія въ той части города войска состояли подъ нашимъ непосредственнымъ начальствомъ. Между тѣмъ учреждены были и на Адмиралтейской сторонѣ частные комитеты, которыхъ предсѣдатели были г.г. сенаторы. Сіи частные комитеты были подчинены центральному комитету подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Мы также учредили при себѣ комитеты, составленные изъ особъ, наиболѣе пользующихся уваженіемъ обывателей той части города. На другой день моего пріѣзда на Петербургскую сторону, къ которой присоединены были Каменный и Аптекарскій острова, я поѣхалъ осмотрѣть оную и никакъ не могъ себѣ представить такого опустошенія, каковое я нашелъ повсемѣстно. Всѣ заборы были снесены, всѣ мосты, даже и мостики черезъ канавы, раздѣляющія улицы, сорваны, такъ что никакого сообщенія между оными не было. Множество

фонарей и нѣсколько будокъ были истреблены водой. По сдѣланному послѣ счету, до 160 барокъ разной величины и нѣсколько галіотовъ находились на улицахъ. Извѣстно, что на Петербургской сторонѣ всѣ почти обывательскіе дома деревянные и въ одинъ этажъ, кромѣ Большого проспекта. Во всѣхъ сихъ домахъ вѣтромъ разбило стекла, а вода разрушила печи, особливо въ слободѣ, называемой Колтовскою; на берегу взморья вода была вышиною слишкомъ на три аршина. Тамъ многіе ветхіе дома совсѣмъ были снесены. Жителей, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, погибло на Петербургской сторонѣ до 90 душъ обоего пола. Я не зналъ сначала, за что приняться. Пріѣхавъ въ Колтовскую и увидя множество жителей безъ пріюта и безъ пищи, я приказалъ, на первый случай, кое-какъ ихъ размѣстить по сосѣдямъ и роздалъ лично болѣе нуждающимся до двухъ тысячъ пятисотъ рублей денегъ.

Призвалъ къ себѣ священниковъ и церковныхъ старостъ и далъ имъ деньги, чтобы, по ихъ усмотрѣнію, они подавали всякій день милостыню самымъ бѣднымъ и нищимъ. Послалъ отыскивать стекольщиковъ и печниковъ, но, къ несчастію, такъ какъ это было уже въ глубокую осень, и всѣ мастеровые разошлись по своимъ деревнямъ, то и посланы были нарочные, чтобы воротить ихъ всѣхъ назадъ, и въ оныхъ не было уже послѣ недостатка. Комитетъ, при мнѣ находящійся, состоялъ изъ шести членовъ: четверо были изъ дворянъ, а двое изъ купцовъ. Петербургская сторона раздѣлена на четыре квартала: 1-й кварталъ порученъ былъ сначала коллежскому ассесору Львову, а потомъ Мельяну, 2-й коллежскому совѣтнику Агаѳонову, 3-й купцу Шубину, 4-й купцу же Шульгину. Дѣйствительному статскому совѣтнику Кремковскому поручены были Каменный и Аптекарскій острова, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагода находился въ комитетѣ

и получалъ иногда отъ меня особыя порученія. Сверхъ того, въ каждомъ кварталѣ учреждены были особые комитеты, въ которыхъ членами находились извѣстные своимъ хорошимъ поведеніемъ изъ мѣщанъ и изъ ремесленниковъ; сіи квартальные комитеты назначены были въ помощь члену частнаго комитета, которому ввѣренъ былъ кварталъ. Изъ обывателей избраны были надежные и честные люди, которые раздавали въ каждомъ кварталѣ пищу, состоящую въ скоромные дни изъ щей съ говядиной, а въ постные изъ кашицы съ снятками, гречневой каши и хлѣба съ солью. При всякомъ изъ сихъ раздавателей пищи находился офицеръ изъ внутренней стражи съ двумя рядовыми для порядка. Сначала раздавалось до 2 тысячъ порцій ежедневной пищи, а когда устроены были въ домахъ бѣдныхъ печи, то отпускали имъ и дрова и муку. При гарнизонномъ баталіонѣ, расположенномъ на Петербургской сторонѣ, учреждена была швальня, въ которой шили армяки, тулупы и раздавалась и прочая одежда и обувь, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Симъ завѣдывалъ баталіонный командиръ полковникъ Елистратовъ. Строительная часть поручена была находившемуся при штабѣ моемъ квартирмейстерской части поручику барону Корфу и архитектору Беретти, жившему на Петербургской сторонѣ. Возстановленіе фонарей, будокъ и заборовъ возложено было на бывшаго при мнѣ по особымъ порученіямъ, майора Кельчевскаго. Канцеляріею моею управлялъ дежурный штабъ-офицеръ Репешко; равно и адъютанты мои: Жеребцовъ, графъ Толстой и Воронковскій, были употреблены по разнымъ предметамъ. Обязанность членовъ комитетовъ была всякій день поутру обходить кварталы и во всякомъ домѣ, осмотрѣть поврежденіе, сдѣланное водою и войти въ положеніе хозяина дома и находящихся въ ономъ жильцовъ и, соразмѣрно потерѣ ихъ, назначить вспо-

моществованіе, сначала самое нужное, ибо сіе вспомоществованіе возобновлялось нѣсколько разъ сообразно суммѣ, находившейся въ распоряженіи комитета. Всякое послѣ-обѣда всѣ члены собирались у меня, и мы въ общемъ засѣданіи разсматривали представленные членами комитета списки и назначали денежныя пособія, которыя члены получали подъ свои расписки тотчасъ, и на другой день раздавали по принадлежности, и, такимъ образомъ, это повторялось каждый день. Мнѣ казалось, что сей былъ самый скорѣйшій способъ, чтобы доставлять пособія. На третій день (т. е. 10-го ноября) моего пребыванія на Петербургской сторонѣ посѣтилъ меня государь. Наканунѣ того дня присланы были дрожки въ одну лошадь съ кучеромъ съ императорской конюшни, чтобы находиться въ нанятой у самаго перевоза квартирѣ. Я встрѣтилъ государя, какъ онъ изволилъ выходить изъ катера. Его величество началъ разсказывать мнѣ, что наканунѣ былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. На четвертой верстѣ, по Петергофской дорогѣ, находился казенный литейный чугунный заводъ; оный стоялъ на самомъ взморьѣ; деревянныя казармы были построены для жительства рабочихъ людей, принадлежащихъ заводу. Въ 9 часовъ утра, 7-го ноября, вѣтеръ сталъ подниматься, вода прибывать, ударили въ колоколъ, чтобы распустить съ работы людей; всѣ бросились къ своимъ жилищамъ, но уже было поздно, вода съ такою скоростію прибыла, что симъ несчастнымъ невозможно уже было достигнуть казармъ, гдѣ находились ихъ жены и дѣти; и вдругъ большую часть сихъ жилищъ понесло въ море. Каково же было положеніе сихъ бѣдныхъ людей, видящихъ погибающими ихъ семейства и не имѣющихъ способа подать имъ ни малѣйшей помощи! Примѣтно было, что государь внутренно страдалъ, разсказывая о семъ ужаснѣйшемъ происшествіи, и присовокупить изволилъ:

— Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ мѣста послѣ баталій, покрытыя бездушными трупами, слыхалъ стоны раненыхъ, но это неизбѣжный жребій войны; а тутъ увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; сіе ни съ чѣмъ не можетъ сравниться.

Потомъ государь сѣлъ на дрожки, и я поѣхалъ впередъ. Сначала я повезъ его величество къ Тучкову мосту; тутъ посреди проспекта стоялъ преогромный галіотъ, такъ что мы принуждены были сойти съ дрожекъ и идти пѣшкомъ; государю хотѣлось видѣть второй кадетскій корпусъ, но когда мы вышли на берегъ рѣки Невы, то все парадное мѣсто корпуса покрыто было барками, бревнами и такимъ множествомъ дровъ, что и пѣшкомъ шагу впередъ сдѣлать было невозможно. Между тѣмъ императоръ у меня разспрашивалъ, что я успѣлъ сдѣлать въ сіе короткое время, и, кажется, отчетомъ моимъ былъ доволенъ. Его величество приказалъ, чтобы я ничего не щадилъ для призрѣнія бѣдныхъ. Потомъ кое-какъ мы пробрались на Каменноостровскій проспектъ; тутъ открылось намъ необозримое поле огородовъ, и могли доѣхать только до Карповки, ибо мостъ черезъ оную былъ сорванъ, а мостъ на Каменный островъ уцѣлѣлъ. Государь сошелъ съ дрожекъ и сказалъ мнѣ:

— Какое ужасное опустошеніе! Ну, братъ, тебѣ предстоитъ много труда. Я почти не узнаю,—продолжалъ его величество,—тотъ проспектъ, по которому я столько лѣтъ безпрестанно ѣздилъ.

А что болѣе всего удивило государя, это двѣ преогромныя барки съ угольями, въ коихъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей онаго, которыя, за нѣсколько дней до наводненія, приведены были для монетнаго двора. Сіи барки стояли подлѣ ограды деревянной церкви св. Троицы и вышиною своею

почти равнялись съ нею. Государь, осыпавъ меня по обыкновенію милостивыми привѣтствіями, изволилъ на катерѣ возвратиться во дворецъ, обѣщавъ еще скоро меня посѣтить. Мнѣ сказывали послѣ, что священникъ служилъ обѣдню въ церкви св. Троицы, при чемъ находилось нѣсколько молельщиковъ; когда вѣтеръ усилился, и понесло барки съ угольями прямо на ограду, вдругъ сдѣлалось темно; между тѣмъ вода начала уже входить въ церковь; священникъ предложилъ всѣмъ находившимся въ оной, чтобы ихъ исповѣдать и причастить, полагая, что сіи барки, ударясь объ церковь, разрушатъ оную, и что ихъ смерть неизбѣжна; но, къ счастію, въ оградѣ было нѣсколько большихъ березъ, которыя, вѣроятно, остановили стремленіе барокъ до тѣхъ поръ, какъ начала вода убывать. Въ день посѣщенія меня императоромъ, я получилъ отъ августѣйшей его матери, покровительницы всѣхъ несчастныхъ, незабвенной императрицы Маріи Θеодоровны, 10 тысячъ рублей для вспомоществованія потерпѣвшимъ отъ наводненія. Меня болѣе всего затрудняло начальное учрежденіе больницы; хотя я распорядился тотчасъ, чтобы лѣкаря, находящіеся при второмъ кадетскомъ корпусѣ, при дворянскомъ полку и при крѣпости, завѣдывали каждый однимъ кварталомъ и посѣщали всякій день случающихся въ оныхъ больныхъ; но, къ несчастію, открылись между обывателями жестокія горячки, и сихъ больныхъ должно было помѣщать въ особое мѣсто. На случай прекращенія сообщенія съ главнымъ госпиталемъ въ Петровскихъ казармахъ, гдѣ квартировалъ лейбъ-гренадерскій полкъ, очищались всегда нѣсколько покоевъ для помѣщенія больныхъ, а солдаты размѣщались по прочимъ покоямъ и въ кухняхъ нижняго этажа; но кухни сіи были наполнены водой, а потому не только тамъ жить, но и пищи варить было невозможно. Однакоже я нашелъ средство учредить больницу на двадцать кро-

ватей. Мои товарищи Депрерадовичъ и Бенкендорфъ имѣли противъ меня выгоды въ разсужденіи помѣщенія больныхъ: у перваго была вся главная госпиталь въ распоряженіи, на Выборгской же сторонѣ только два квартала подверглись наводненію, что составляло половину всей части; а у второго отведено было все биржевое строеніе, какъ для помѣщенія безпріютныхъ, такъ и для больныхъ; тѣ и другіе снабжены были всѣмъ нужнымъ пожертвованіями, сдѣланными богатыми жителями Васильевскаго острова и купечествомъ. Однакоже и на бѣдной Петербургской сторонѣ нашлись благотворные люди. Наслѣдники подполковника Иванова, четыре брата, его сыновья, пожертвовали домомъ своимъ для помѣщенія лишившихся пріюта жителей Петербургской стороны. Они послѣдовали въ семъ случаѣ благодѣтельнымъ намѣреніямъ ихъ отца, который за нѣсколько лѣтъ до смерти своей учредилъ въ семъ домѣ пансіонъ, гдѣ за самую умѣренную цѣну воспитывалось безпрестанно до 50 юношей. Самъ г. Ивановъ былъ содержателемъ сего полезнаго заведенія, отъ котораго онъ не только не пріобрѣлъ ничего, но даже разстроилъ себѣ состояніе. Надобно было заключить, что воспитаніе, которое получали учащіеся въ пансіонѣ г-на Иванова, было хорошее, ибо находилась довольно большая библіотека и физическій кабинетъ. Я могъ помѣстить въ домѣ гг. Ивановыхъ до 40 семействъ, и, по мѣрѣ, какъ жилища ихъ исправляемы были починкою, другія семейства заступали ихъ мѣста. Впослѣдствіи въ семъ же домѣ устроенъ былъ лазаретъ на 100 кроватей. Большая часть рогатаго скота бѣдныхъ жителей потонула; мнѣ стоило большихъ хлопотъ, чтобы сей утопшій скотъ собрать вмѣстѣ, нагрузить на барки и отправить на Голодай островъ, гдѣ назначено было оный сжечь. На Петербургской сторонѣ такъ называемыхъ ломовыхъ извозчиковъ очень

мало, а потому я долженъ былъ заставлять солдатъ лейбъ-гренадерскихъ и учебнаго карабинернаго полковъ, чтобы таскать скотъ на пристань. Когда рѣки покрылись льдомъ, для освобожденія улицъ отъ барокъ, галіотовъ, бревенъ и разнаго хламу, ко мнѣ присылаемы были, сверхъ находящихся въ распоряженіи моемъ войскъ, рабочія команды гвардейскихъ полковъ съ Адмиралтейской стороны. Всякій вечеръ я посылалъ записку о моихъ дѣйствіяхъ къ графу Милорадовичу. Для государя составляема была общая вѣдомость въ канцеляріи военнаго генералъ-губернатора, и его величество на другой день видѣлъ, что наканунѣ по всѣмъ комитетамъ было сдѣлано. Въ теченіе всего времени, по представленію центральнаго комитета государю, чтобы потребовать мнѣнія отъ всѣхъ предсѣдателей частныхъ комитетовъ о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся до пособій потерпѣвшимъ отъ наводненія, его величество повелѣлъ, чтобы всѣ предсѣдатели частныхъ комитетовъ собрались у меня и въ общемъ собраніи, и по общему совѣщанію, представили черезъ комитетъ требуемое отъ нихъ мнѣніе, для доклада государю. Всего было три засѣданія, и сдѣланныя въ оныхъ постановленія удостоились высочайшаго утвержденія. Въ день рожденія императора, 12-го декабря 1824 года, его величество пожаловалъ мнѣ табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную бриллiантами. Весной 1825 г. императоръ отправился въ Варшаву; возвратясь оттуда, въ іюлѣ мѣсяцѣ, проѣхалъ прямо на Каменный островъ: я встрѣтилъ государя въ качествѣ военнаго губернатора у самаго дворца. Скоро императоръ приказалъ меня позвать къ себѣ. Его величество сказать мнѣ изволилъ, что онъ столько же пріятно былъ удивленъ теперь, найдя все возстановленнымъ и въ лучшемъ, нежели прежде, видѣ, и въ такое короткое время, какъ онъ былъ опечаленъ опустошеніемъ, причиненнымъ водою, когда со мною

объѣзжалъ тѣ же самыя мѣста, и изъявить мнѣ изволилъ совершенное свое благоволеніе. Я на сіе донесъ государю, что еще много остается дѣлать, ибо есть жители, не совсѣмъ водворенные въ ихъ прежнія жилища. Государь зналъ почти всѣхъ коренныхъ обывателей Каменнаго острова, особливо изъ отставныхъ, служившихъ при дворѣ. Мнѣ пріятно было слышать послѣ, что они самому императору отзывались весьма моими распоряженіями довольными. Въ началѣ сентября мѣсяца, государь изволилъ отправиться въ Таганрогъ и такъ рано выѣхалъ изъ Каменнаго острова, что я пріѣхалъ въ 4 часа поутру во дворецъ и его величество уже тамъ не засталъ. Я самъ чрезмѣрно былъ огорченъ, и, какъ будто, предчувствовалъ, что мнѣ не суждено будетъ болѣе увидѣть обожаемаго мною государя и благодѣтеля. Занятія мои, какъ временнаго военнаго губернатора Петербургской и Выборгской сторонъ,—ибо на мѣсто генералъ-адъютанта Депрерадовича назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ, а по полученіи имъ въ командованіе 1-го армейскаго корпуса, мнѣ поручено было начальство и надъ Выборгскою стороною,—продолжались цѣлый годъ. Изъ представленныхъ мною отчетовъ въ центральный комитетъ видно было, что израсходовано по Петербургской сторонѣ: хозяевамъ домовъ, снесенныхъ водою—1.600 руб.; хозяевамъ домовъ разоренныхъ—19.873 руб.; хозяевамъ домовъ менѣе потерпѣвшихъ—198.977 руб. 50 коп.; людямъ, недвижимой собственности неимущимъ — 76.319 руб. 50 коп.; людямъ торгующимъ—61.997 руб. 50 коп.; промышленникамъ—17.155 руб.; ремесленникамъ—11.895 руб.; выдано разнымъ лицамъ въ Колтовской—2.443 руб.; священниками роздано въ церквахъ—6.700 руб.; куплено одежды на 15.763 руб. 30 коп.; на продовольствіе пищею — 39.429 руб.; порцій — 9.005 руб. 9 коп.; снабжено коровами на 6.440 руб.;

на лѣченіе больныхъ — 15.235 руб. $48\frac{1}{4}$ коп.[1]); на продолжительныя пособія—4.422 руб., за опариваніе въ банѣ 150 руб.; на исправленіе домовъ и заборовъ поврежденныхъ — 51.810 руб. 96 коп.; сверхъ того, изъ пожертвованныхъ матеріаловъ и собраннаго лѣса—1.573 руб.; на желѣзныя печи для сушки домовъ—1.096 руб. 80 коп.; за означеніе линіи возвышенія воды—57 руб. 30 коп.; на уборку утонувшаго скота—2.054 руб.; за очищеніе улицъ отъ нанесеннаго водою лѣса 2.071 руб. 69 коп.; на канцелярскіе и прочіе расходы и на разъѣзды чиновникамъ 9.081 рублей, а всего 634.351 руб. $86\frac{1}{4}$ коп. Денежныя пособія по Выборгской сторонѣ были незначительныя, и не простирались даже до 100 т. руб., и оныя уже были почти окончены, когда я вступилъ въ командованіе сею частію города. По представленію моему, всѣ чиновники, которые были употребляемы, и члены комитета получили награды.

---

[1]) Больныхъ съ 13-го ноября 1824 г. по 1-е іюля 1825 года состояло 1.936; выздоровѣло 1.511; умерло 98; затѣмъ 327 человѣкъ поступило подъ надзоръ учрежденнаго смотрителя надъ больницей.

XI.

Кончина императора Александра I.—14-е декабря 1825 года.—Командировка въ Москву съ объявленіемъ о восшествіи на престолъ Николая I.—Присяга въ Москвѣ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Награды.—Прибытіе тѣла покойнаго государя въ столицу.—Кончина вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны.—Поздравленія иностранныхъ державъ съ восшествіемъ на престолъ.—Эрцгерцогъ Фердинандъ въ Петербургѣ.—Верховный судъ надъ преступниками.—Коронація императора Николая I.—Замужество дочери.—Кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Прощеніе объ увольненіи отъ званія командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.—Болѣзнь и отпускъ.—Женитьба сына и рожденіе внучатъ.—Дѣла семейныя.

Когда о болѣзни государя сдѣлалось извѣстно, я всякій день ѣздилъ въ Зимній дворецъ, чтобы узнавать о получаемыхъ о томъ свѣдѣніяхъ. Въ одно утро я пріѣзжаю во дворецъ и, при входѣ въ первую комнату, вижу фельдъегеря съ сумкой на груди; я спрашиваю у него, откуда онъ пріѣхалъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Изъ Таганрога.

Я продолжалъ:—Каковъ государь?

Фельдъегерь тихо мнѣ сказалъ:—Скончался.

Я не могу изобразить, что я почувствовалъ, услышавши сію ужаснѣйшую вѣсть. Я перваго встрѣтилъ флигель-адъютанта Дурново, который въ слезахъ мнѣ говорилъ:

— Не угодно ли вамъ, графъ, идти вмѣстѣ со мной въ большую церковь присягать императору Константину Павловичу; великій князь Николай Павловичъ уже присягнулъ.

Въ большой придворной церкви находился священникъ, и поставленъ былъ аналой, на которомъ лежалъ крестъ, Евангеліе и присяжный листъ; и я присягнувъ, на немъ подписался. Въ день восшествія на престолъ императора Николая Павловича, 14-го декабря 1825 года, послѣ присяги, я возвратился домой съ тѣмъ, чтобы въ часъ пополудни ѣхать опять во дворецъ къ молебну. Желая имѣть обнародованный по сему случаю манифестъ, я послалъ купить одинъ экземпляръ онаго въ сенатскую типографію старшаго адъютанта штаба моего, поручика Жукова. Онъ черезъ нѣсколько времени возвращается и съ встревоженнымъ видомъ говоритъ мнѣ:

— Бунтъ! Вся площадь Сенатская наполнена солдатами, которые кричатъ: ура, Константинъ! и множество еще со всѣхъ сторонъ бѣгутъ туда и солдатъ и народа.

Я тотчасъ же приказалъ заложить себѣ карету и поѣхалъ къ Зимнему дворцу. Площадь уже вся была наполнена народомъ; я вышелъ изъ кареты и, видя государя верхомъ передъ первымъ баталіономъ Преображенскаго полка, удивился, что никого изъ генераловъ при немъ не было; когда я подошелъ къ его величеству, онъ мнѣ сказалъ:

— Представь себѣ, есть люди, которые, къ несчастію, носятъ одинъ съ нами мундиръ и называютъ меня самозванцемъ. Ты слышишь этотъ крикъ и выстрѣлы, но я имъ покажу, что я не трушу.

Скоро послѣ того я увидѣлъ генералъ-адъютанта князя Трубецкого, Кутузова, Васильчикова, Левашева и Бенкендорфа, пріѣхавшаго донести, что полкъ конной гвардіи идетъ, и, дѣйствительно, оный началъ выстраиваться спиной къ дому князя Лобанова. Между тѣмъ, крики и выстрѣлы на Сенатской площади продолжались. С.-Петербургскій военный губернаторъ, графъ Милорадовичъ, узнавши о семъ возмущеніи, поѣхалъ верхомъ, чтобы вразумить сію

бунтующую толпу, но получилъ двѣ тяжелыя раны, отъ которыхъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Народъ такъ тѣснилъ взводы перваго Преображенскаго баталіона, что ему нельзя было подаваться впередъ, и мы должны были уговаривать толпу, чтобы дали мѣста. Государь приказалъ привести для насъ верховыхъ лошадей. Вдругъ подходитъ къ его величеству одинъ офицеръ въ драгунскомъ мундирѣ, превысокаго роста, у коего голова завязана платкомъ. Государь спрашиваетъ:

— Кто вы?

— Я штабсъ-капитанъ Якубовичъ, — отвѣчалъ онъ,—пришелъ къ вашему величеству съ повинной головой; я сдѣлался измѣнникомъ противъ воли. Идучи по Вознесенской улицѣ, я вижу, что нѣсколько взводовъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка бѣгутъ и кричатъ: ура, Константинъ! Они окружили меня и заставили кричать то же; я не слыхалъ о восшествіи вашего величества на престолъ и думалъ, что войска собираются для присяги Константину Павловичу; но, придя съ ними на Сенатскую площадь, я примѣтилъ въ войскахъ неустройство; не видя ни одного генерала и узнавъ, что ваше величество находится здѣсь, я пришелъ предстать предъ вами.

Государь на сіе сказалъ Якубовичу:

— Такъ какъ вы уже тамъ были, то я приказываю вамъ возвратиться опять къ нимъ и сказать отъ моего имени, что если всѣ находящіяся на площади войска положатъ ружья и сдадутся, то я ихъ прощаю.

Якубовичъ на сіе отвѣчалъ:—Я пойду и ручаюсь, что исполню приказаніе вашего величества, но только знаю, что живой не возвращусь.

Нѣкоторые изъ слышавшихъ сіе сказали:—Прекрасно! Но государь возразилъ:

— Погодите, господа, хвалить; увидимъ, чѣмъ это кончится.

Стоявшій тутъ флигель-адъютантъ Дурново просилъ позволенія у его величества пойти вмѣстѣ съ Якубовичемъ, на что государь согласился [1]). Митрополитъ Серафимъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ, посланъ былъ увѣщевать бунтовщиковъ, но сіе не имѣло никакого успѣха. Всѣ бывшіе при государѣ и пріѣхавшій въ то время генералъ-адъютантъ Толь просили его величество послать за артиллеріей и для скорости приказать пріѣхать конной артиллеріи. Императоръ отвѣчалъ, что онъ въ ней не увѣренъ, и съ великимъ трудомъ согласился, наконецъ, послать за пѣшей артиллеріей, которая сначала пришла съ холостыми зарядами; но послѣ уже привезли боевые. Принцъ Евгеній Виртембергскій предложилъ государю, чтобъ лейбъ-гвардіи конный полкъ сдѣлалъ атаку на бунтовщиковъ; они встрѣтили полкъ ружейнымъ огнемъ. Извѣстно, какъ неудачны были всѣ произведенныя тѣмъ полкомъ атаки на бунтующую толпу, на некованныхъ лошадяхъ и по гололедицѣ. Въ сіе время пріѣхалъ изъ Варшавы великій князь Михаилъ Павловичъ. Нѣсколько офицеровъ гвардейскаго экипажа пришли просить великаго князя, который былъ подлѣ государя, чтобы его высочество пріѣхалъ и вразумилъ нижніе чины экипажа, которые вышли изъ повиновенія. Государь, великій князь и всѣ бывшіе тутъ поѣхали къ гвардейскому экипажу. Люди держали ружья у ноги и говорили, что они присягнули Константину Павловичу, и если онъ самъ пріѣдетъ и скажетъ, что онъ освобождаетъ ихъ отъ присяги, то они готовы присягнуть Николаю Павловичу. Великій князь Михаилъ Павловичъ имъ на сіе сказалъ, что онъ только сейчасъ пріѣхалъ изъ Варшавы, что великій

1) Мнѣ сказывалъ послѣ Дурново, что лишь только они подошли къ бунтовщикамъ, и Якубовичъ началъ говорить, какъ по нимъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, и Якубовичъ въ толпѣ отъ него скрылся.

князь Константинъ Павловичъ самъ присягнулъ императору Николаю Павловичу, что они знаютъ привязанность его къ цесаревичу, и его именемъ онъ приказываетъ имъ присягнуть законному ихъ императору Николаю Павловичу. Но солдаты все одно говорили. Я подъѣхалъ къ одному изъ нихъ и сказалъ:

— Что вы еще упорствуете, вы знаете, что вамъ за это будетъ худо.

Онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Вамъ, измѣнникамъ генераламъ, нужды нѣтъ всякій день присягать, а мы присягой не шутимъ.

Изъ сего отвѣта видно, какъ сильно они были злоумышленниками настроены. Между тѣмъ пришли Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Павловскій, оставшаяся часть Московскаго и Егерскій полки и заняли всѣ улицы, ведущія на Исаакіевскую площадь. Государь послалъ меня привести 1-й баталіонъ Финляндскаго полка, который только что смѣнился съ караула, и занять имъ Исаакіевскій мостъ. Не доѣзжая казармъ Финляндскаго полка, я встрѣтилъ одного изъ офицеровъ, служащихъ въономъ, и приказалъ ему позвать ко мнѣ баталіоннаго командира, которому я объявилъ данное мнѣ высочайшее повелѣніе, и спросилъ, увѣренъ ли онъ въ людяхъ, и что онъ головой своей отвѣчаетъ, если что противное случится. Баталіонный командиръ мнѣ на сіе сказалъ:

— Позвольте спросить ротныхъ командировъ, но баталіонъ еще не присягалъ.

Я приказалъ ихъ позвать къ себѣ; они всѣ мнѣ объявили, что въ своихъ солдатахъ совершенно увѣрены; особливо 4-й роты капитанъ Вяткинъ сказалъ:

— Люди рады со мной умереть.

Тогда я приказалъ вывести весь баталіонъ съ ружьями, въ шинеляхъ, фуражкахъ, въ сумахъ съ боевыми патронами. Мнѣ сказали, что бригадный

командиръ, генералъ-майоръ Головинъ, дома; я послалъ его просить. Когда баталіонъ построился поротно, я сказалъ солдатамъ:

— Императоръ нашъ, Николай Павловичъ, приказалъ мнѣ вести васъ противъ измѣнниковъ, готовы ли вы за него умереть?

Весь баталіонъ отвѣчалъ:—Рады умереть!

— И въ томъ клянетесь?—продолжалъ я.

Всѣ повторили:—Клянемся!

Между тѣмъ пришелъ генералъ-майоръ Головинъ; я приказалъ скомандовать справа по отдѣленіямъ, и баталіонъ пошелъ. Не доходя до Исаакіевскаго моста, я приказалъ баталіонъ остановить и зарядить ружья. У самаго моста построились въ полувзводы, чтобы занять всю ширину моста. Я ѣхалъ передъ карабинернымъ взводомъ, передъ онымъ же шли генералъ-майоръ Головинъ и баталіонный командиръ. Когда дошли до конца моста, я приказалъ остановиться, полагая, что весь баталіонъ идетъ за нами. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что стрѣлковый взводъ и всѣ послѣдующіе взводы остановились на половинѣ моста и держали ружья у ноги. Я поскакалъ къ стрѣлковому взводу, приказываю взять ружья на плечо, идти впередъ, называя ихъ измѣнниками; но нѣсколько голосовъ мнѣ отвѣчали:

— Мы не присягали, худого ничего не дѣлаемъ, по своимъ стрѣлять не будемъ.

Тутъ былъ и генералъ-майоръ Головинъ и баталіонный командиръ, — я обратился къ нимъ, чтобы привели людей въ повиновеніе, но всѣ угрозы ихъ были тщетны. Впослѣдствіи открылось, что симъ взводомъ командовалъ поручикъ Розенъ, который былъ въ числѣ бунтовщиковъ, и онъ оказался виновнымъ въ семъ неповиновеніи стрѣлковаго взвода. Я съ досадой поѣхалъ, чтобы донести о семъ государю. Пріѣхавъ на Исаакіевскую площадь, я нашелъ,

что пушки, поставленныя противъ бунтовщиковъ, уже сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ картечью, и толпа ихъ начала разсыпаться и скоро вся исчезла. Такъ какъ все уже почти кончилось, то я не разсудилъ огорчить государя донесеніемъ о случившемся въ 1-мъ Финляндскомъ баталіонѣ; но я сказалъ о томъ командиру полка Воропанову и требовалъ, чтобы люди стрѣлковаго взвода выписаны были въ армію. Мнѣ сказывалъ адъютантъ мой, графъ Толстой, который во все время находился при лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку, занимавшемъ Галерную улицу, что, стоя почти противъ картечныхъ выстрѣловъ, отъ коихъ нѣсколько гренадеръ были ранены, не только сіе людей не поколебало, но когда бунтовщики были сбиты съ мѣста, то весь полкъ пустилъ по нихъ баталіонный огонь [1]). Когда смерклось, войска расположены были на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ на бивуакахъ; на первой командовалъ генералъ Воиновъ, а на второй генералъ-адъютантъ Васильчиковъ. Государь приказалъ мнѣ учредить цѣпь, поставивъ одинъ Преображенскій баталіонъ у арки, что въ Луговой Милліонной, и отъ онаго давать часовыхъ по Невскому проспекту до Полицейскаго моста и по Мойкѣ, и изъ одного егерскаго баталіона, который долженъ былъ находиться при началѣ Большой Милліонной, давать тоже часовыхъ по всей той улицѣ и по Мойкѣ, соединя ихъ съ преображенскими часовыми. Изъ кавалеріи учреждены были сильные патрули, которые должны были забирать всѣхъ разбѣжавшихся бунтовщиковъ. Когда я донесъ государю объ учрежденіи мною цѣпи, его величество приказалъ мнѣ поѣхать на Васильевскій островъ къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, который командовалъ тамъ войсками, чтобы всѣхъ за-

[1]) Вѣроятно, въ награду за сей подвигъ вѣрности и неустрашимости лейбъ-гвардіи Павловскаго полка государь назначилъ наслѣдника шефомъ онаго.

хваченныхъ патрулями бунтовщиковъ онъ отсылалъ къ генералъ-адъютанту Васильчикову. Это былъ уже 8-й часъ вечера; государь далъ мнѣ сіе приказаніе, идя во дворецъ, чтобы присутствовать при молебнѣ.

Жена моя и старшая дочь были во дворцѣ; каково же было ихъ положеніе, когда онѣ не видѣли меня между генералъ-адъютантами, находившимися при императорѣ? Кто-то ихъ успокоилъ, сказавъ имъ, что я живъ и посланъ государемъ. Я нашелъ Бенкендорфа въ квартирѣ генералъ-адъютанта Кутузова, который былъ тогда командиромъ 1-го кадетскаго корпуса. Я не могу изобразить моей радости, когда Катерина Петровна Кутузова предложила мнѣ отобѣдать; я чрезвычайно оголодалъ, усталъ и озябъ, ибо въ одномъ мундирѣ пробылъ 8-мь часовъ верхомъ, и лошадь моя насилу таскала уже ноги. По возвращеніи съ отвѣтомъ объ исполненіи порученія, государь приказалъ мнѣ, когда всѣ плѣнные собраны будутъ у генералъ-адъютанта Васильчикова, то чтобы я взялъ одинъ баталіонъ Семеновскаго полка и дивизіонъ кавалергардовъ и подъ симъ конвоемъ привелъ бы ихъ ко дворцу. Пріѣхавши на Исаакіевскую площадь, къ счастію моему, я нашелъ тутъ дежурнаго штабъ-офицера моего штаба Репешку и адъютанта моего Жеребцова, которые весь день меня искали. Они были для меня большими помощниками, чтобы всѣхъ плѣнныхъ собрать вмѣстѣ и принять ихъ счетомъ. Извѣстно, что въ числѣ бунтовавшихъ войскъ было нѣсколько ротъ Московскаго полка, почти весь лейбъ-гренадерскій полкъ, кромѣ первой и стоящей въ караулѣ роты, и весь гвардейскій экипажъ. Когда всѣ плѣнные приведены были въ извѣстность, я изъ каждой роты Семеновскаго полка построилъ карре и плѣнныхъ помѣстилъ въ средину оныхъ, а изъ двухъ эскадроновъ кавалергардскаго полка сдѣлалъ аванъ-арьергарды. Плѣнныхъ было до семисотъ человѣкъ. Приведя мой

отрядъ на Дворцовую площадь, я остановилъ оный и пошелъ донести о семъ государю, подавъ записку его величеству о числѣ плѣнныхъ. Хотя уже былъ первый часъ по полуночи, его величество былъ еще въ мундирѣ [1]). Императоръ, поблагодаривъ меня, сказалъ:

— Я прикажу отвести ихъ въ крѣпость.

Я прибавилъ:—Если вашему величеству угодно, то я сіе исполню.

— Мнѣ, право, совѣстно, любезный графъ,—продолжалъ государь,—вы такъ устали; но если вы хотите сіе сдѣлать, то, отведя плѣнныхъ въ крѣпость, сдайте ихъ тамъ коменданту Сукину, и если ему будетъ нужно, то оставьте для караула въ крѣпости семеновскій баталіонъ, который конвоируетъ теперь плѣнныхъ. Потомъ отправьтесь домой.

Дойдя до спуска на Невѣ, что противъ крѣпости, я остановилъ мой отрядъ и, хотя было 14 декабря, но морозовъ большихъ еще не было, а я боялся, что ледъ не довольно толстъ, дабы поднялъ и кавалерію и пѣхоту, при мнѣ бывшіе, и потому дивизіону кавалергардовъ приказалъ ѣхать къ полку. Плѣнныхъ я выстроилъ по четыре человѣка въ рядъ, а по обѣимъ сторонамъ шли солдаты Семеновскаго полка. Тѣ, которые нѣсколько часовъ тому назадъ, казалось, были такъ храбры и отважны, тутъ шли смирно, какъ овцы; правду сказать, они были обезоружены; изъ нихъ многихъ везли на саняхъ раненыхъ. Сдавъ всѣхъ плѣнныхъ коменданту Сукину, который не имѣлъ надобности оставлять въ крѣпости семеновскій баталіонъ, я возвратился домой почти въ 4 часа по полуночи.

На другой день площади Дворцовая и Исаакіевская, обѣ Милліонныя и Адмиралтейская улицы и Большая набережная до Эрмитажнаго моста имѣли

[1]) Сказывали, что государь, какъ въ сію ночь, такъ и въ предыдущую не ложился въ постель.

видъ военнаго бивуака, ибо войска на нихъ провели всю ночь. Много стояло пушекъ, курились дрова, видны были кучи соломы и сѣна. Государь объѣзжалъ всѣ войска верхомъ, слѣзалъ съ лошади, ходилъ по рядамъ, и не только всѣхъ офицеровъ и солдатъ благодарилъ за ихъ вѣрность, но даже нѣкоторыхъ ему знакомыхъ гренадеръ цѣловалъ. Всѣхъ полковыхъ командировъ, имѣвшихъ генералъ-майорскіе чины, назначилъ къ себѣ въ генералъ-адъютанты, а полковничьи—во флигель-адъютанты, въ которые назначены были также баталіонные и дивизіонные командиры полковъ кавалергардскаго и лейбъ-гвардіи коннаго. Сверхъ того, назначены были въ генералъ-адъютанты: командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-отъ-кавалеріи Воиновъ, коменданты Сукинъ и Башуцкій, начальникъ гвардейскаго штаба генералъ-майоръ Нейдгардъ и командиръ гвардейской артиллеріи генералъ-майоръ Сухозанетъ. Въ сіе же утро на Адмиралтейской улицѣ выстроенъ былъ гвардейскій экипажъ, который принесъ чистосердечное раскаяніе въ своемъ заблужденіи, и послѣ освященія знамени оное было ему возвращено. Возвратясь во дворецъ, государь позвалъ меня къ себѣ и сказать мнѣ изволилъ:

— Я ожидаю отъ васъ, любезный графъ, большой себѣ услуги.

На изъявленіе моей совершенной готовности исполнять всегда священную его для меня волю, его величество продолжать изволилъ:

— Я хочу послать васъ въ Москву съ объявленіемъ о моемъ восшествіи на престолъ.

Я отвѣчалъ:—Готовъ, хоть сейчасъ, отправиться.

— Пріѣзжайте же ко мнѣ въ 3 часа пополудни,—прибавилъ государь,—и все приготовлено будетъ къ вашему отправленію.

Принимая пакетъ къ московскому военному генералъ-губернатору, я спросилъ у государя:

— Ваше величество прикажете мнѣ тотчасъ возвратиться?

Императоръ со вздохомъ мнѣ сказалъ:—Желалъ бы, но какъ Богу будетъ угодно.

Государь поручилъ мнѣ удостовѣриться въ духѣ поселенныхъ войскъ и донести его величеству по эстафетѣ въ собственныя руки, но не изъ Новгорода, а изъ перваго удобнаго мѣста. Я просилъ, чтобы мнѣ данъ былъ фельдъегерь, что и было исполнено. При отправленіи государь приказалъ мнѣ заѣхать къ бывшему тогда военнымъ министромъ, графу Татищеву, чтобы получить отъ него бумаги, которыя слѣдовало отправить въ Москву, но графъ Татищевъ мнѣ сказалъ, что онѣ уже посланы съ нарочнымъ курьеромъ. Сіе произвело въ Москвѣ большое недоумѣніе, ибо я никакъ не могъ догнать курьера, отправившагося нѣсколько часовъ прежде меня.

Я выѣхалъ изъ Петербурга во вторникъ, въ 8 часовъ вечера, 15-го декабря; со мной были адъютанты: Новосильцовъ—князя Голицына, и мой—Жеребцовъ. Очень поздно, уже 14-го числа, вспомнили, что нужно запретить выѣздъ изъ города черезъ заставы безъ записки отъ коменданта [1]). Хотя сей послѣдній и предваренъ былъ мною, что я отправляюсь по высочайшему повелѣнію въ Москву, но, видно за суетами, г. Башуцкой не выслалъ на заставу билета, и я долженъ былъ дожидаться, пока фельдъегерь не привезъ мнѣ онаго. Въ Новгородѣ явился ко мнѣ съ рапортомъ генералъ-майоръ Угрюмовъ, отрядный командиръ поселенныхъ войскъ. Я спросилъ у него, приведены ли къ присягѣ всѣ военные чины, находящіеся подъ его начальствомъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ не успѣлъ еще сего сдѣлать, потому что къ нему присланъ былъ изъ

---

[1]) Послѣ извѣстно было, что двѣ тройки проѣхали черезъ Московскую заставу, прежде нежели сіе распоряженіе было сдѣлано.

Петербурга одинъ только экземпляръ присяги, а такъ какъ войска его расположены въ разныхъ мѣстахъ, то и нужно списать нѣсколько съ онаго копій. Я продолжалъ спрашивать, доволенъ ли онъ повиновеніемъ ввѣренныхъ ему войскъ, и извѣстно ли имъ всѣмъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ? Генералъ-майоръ Угрюмовъ на сіе мнѣ отвѣчалъ, что сія перемѣна въ царствованіи войскамъ извѣстна, и что онъ головой своей отвѣчаетъ за вѣрность поселенныхъ войскъ. Сверхъ того, я спрашивалъ у баталіоннаго командира внутренней стражи, который подтвердилъ мнѣ, что извѣстіе о восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго императора не произвело никакого непріятнаго дѣйствія, и что, по замѣчанію его, всѣ поселенныя войска готовы будутъ присягнуть. Я замѣтилъ, что о бывшемъ происшествіи въ Петербургѣ, 14-го декабря, въ Новгородѣ не было еще извѣстно. Во исполненіе высочайшаго повелѣнія, я послалъ изъ города Крестецъ по эстафетѣ донесеніе мое къ императору, въ которомъ я старался совершенно успокоить его величество на счетъ духа поселенныхъ войскъ. Я ѣхалъ не такъ скоро, какъ бы желалъ, по причинѣ недостатка въ снѣгѣ, особливо по шоссе,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ голый песокъ,—а чтобы сіе вознаградить, я не выходилъ почти изъ повозки, выключая нѣсколькихъ минутъ, чтобы напиться чаю. Ѣдущій впередъ фельдъегерь приготовлялъ для меня лошадей и платилъ прогоны. Остановясь на одной станціи, не доѣзжая Вышняго Волочка, я вижу кибитку, у которой стоялъ человѣкъ въ форменной шинели. Я спросилъ:

— Кто ѣдетъ?

Онъ мнѣ отвѣчалъ:—Кавалергардскаго полка поручикъ Свистуновъ за ремонтомъ [1]).

---

[1]) Мнѣ сказывалъ послѣ генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, что выѣздъ Свистунова изъ Петербурга очень безпокоилъ государя,

Я пріѣхалъ въ Москву въ ночь съ четверга на пятницу и остановился у военнаго генералъ-губернатора князя Голицына. Онъ мнѣ сказалъ, что ожидалъ меня съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо въ Москвѣ уже разнесся слухъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ, а между тѣмъ офиціальнаго извѣстія онъ не получалъ. Князь Голицынъ послалъ за старшимъ оберъ-прокуроромъ правительствующаго сената московскихъ департаментовъ, княземъ Гагаринымъ, чтобы повѣстить гг. сенаторовъ собраться въ сенатъ для выслушанія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая I-го, и къ архіепископу Филарету—для приведенія къ присягѣ въ Успенскомъ соборѣ въ восемь часовъ утра. Я поѣхалъ съ княземъ Голицынымъ въ одной каретѣ въ сенатъ, гдѣ мнѣ данъ былъ стулъ. По прочтеніи манифеста и всѣхъ приложеній, отправились въ Успенскій соборъ. На Кремлевской площади стеченіе народа было неимовѣрное. Когда всѣ собрались въ соборъ, архіепископъ Филаретъ началъ священнослуженіе тѣмъ, что, предшествуемый московскимъ духовенствомъ, вынесъ на головѣ изъ алтаря серебряный ковчегъ, въ которомъ хранится хартія о наслѣдіи на престолъ, императоромъ Павломъ 1-мъ изданная и въ день коронаціи его читанная. Въ семъ ковчегѣ находилось завѣщаніе императора Александра I-го и отреченіе цесаревича великаго князя Константина Павловича отъ всероссійскаго престола [1]). Преосвященный Филаретъ съ благоговѣніемъ поставилъ ковчегъ на приготовленный аналой, покрытый золотымъ глазетомъ, на амвонѣ противъ царскихъ дверей, отворилъ ковчегъ, вынулъ

и когда его величество узналъ отъ одного пріѣзжаго, что я Свистунова объѣхалъ до Москвы, то сіе его величеству было очень пріятно.

[1]) Извѣстно, что находилось сихъ документовъ три экземпляра: одинъ въ Успенскомъ соборѣ, другой въ государственномъ совѣтѣ, а третій въ сенатѣ петербургскихъ департаментовъ.

изъ него пакетъ съ завѣщаніемъ и, показавъ всѣмъ, что печать цѣла, произнесъ прекрасное и трогательное слово; потомъ пакетъ распечаталъ и прочиталъ завѣщаніе и отреченіе. Прежде нежели приступить къ присягѣ, Филаретъ, осѣняя всѣхъ, громогласно сказалъ:

— Разрѣшаю и благословляю.

Сіе неожиданное изреченіе архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, особливо, когда оно разнеслось между народомъ. Послѣ сего началась присяга, и все кончилось молебномъ съ многолѣтіемъ. Я хотѣлъ было въ тотъ же самый день отправиться въ Петербургъ, но князь Голицынъ предложилъ мнѣ остаться до другого дня, дабы принять депутатовъ отъ московскаго дворянства и купечества. Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Обольяниновъ, какъ губернскій предводитель, со всѣми уѣздными предводителями и другими почетными московскими дворянами удостоили меня своимъ посѣщеніемъ и вручили мнѣ золотую табакерку, осыпанную брилліантами, на коей стразами написано было: «отъ московскаго дворянства 1825-го года 20-го ноября». Московское купечество, въ сопровожденіи городского головы Куманина, поднесло мнѣ вызолоченный кубокъ на блюдѣ, весьма древней работы, съ тысячью червонцами и съ надписью: «Вѣстнику о всерадостнѣйшемъ восшествіи на престолъ императора Николая Павловича отъ московскаго купечества». Господинъ Обольяниновъ просилъ меня отъ имени всего московскаго дворянства повергнуть всеподданнѣйшую ихъ просьбу къ стопамъ императора объ оказаніи монаршаго милосердія, елико возможно, князю Оболенскому, котораго престарѣлый отецъ весьма уважаемъ въ столицѣ. Князь Меншиковъ, находившійся тогда въ отставкѣ, просилъ меня отвезти отъ него пакетъ генералъ-адъютанту Васильчикову, какъ предсѣдателю комитета военныхъ конскихъ заводовъ, въ которыхъ князь Меншиковъ былъ членомъ.

Я выѣхалъ изъ Москвы въ ночь на воскресенье 19-го декабря 1825 года, а въ Петербургъ пріѣхалъ въ часъ пополудни, во вторникъ, 22-го числа того жъ мѣсяца. Я менѣе нежели въ семь сутокъ съѣздилъ взадъ и впередъ въ Москву, пробывши два дня въ сей столицѣ. Государь былъ очень доволенъ моимъ скорымъ возвращеніемъ. Я нашелъ его величество вмѣстѣ съ царствующею императрицею, которая также была ко мнѣ весьма милостива; они оба осыпали меня вопросами. Имъ очень пріятно было слышать отъ меня, что московскіе купцы называютъ наслѣдника престола—своимъ кремлевскимъ, ибо его высочество дѣйствительно родился въ стѣнахъ сего знаменитаго и древняго жилища нашихъ царей. При донесеніи моемъ ихъ величествамъ о дѣйствіи, которое произвели надъ всѣми бывшими въ Успенскомъ соборѣ, особливо надъ народомъ, произнесенныя архіепископомъ Филаретомъ слова: «разрѣшаю и благословляю», я примѣтилъ, что они оба слушали сіе съ большимъ вниманіемъ, и были довольны, казалось, догадкою Филарета. Я донесъ ихъ величествамъ о полученныхъ мною подаркахъ въ Москвѣ; они изъявили высочайшую свою волю ихъ видѣть. Потомъ я былъ принятъ вдовствующею императрицею. Я нашелъ ея величество чрезвычайно пораженною печалью. Видно было, что скорбь отъ потери августѣйшаго ея сына Александра Благословеннаго была еще во всей своей силѣ. Когда она разспрашивала меня о Москвѣ, безпрестанно на глазахъ ея появлялись слезы; слабость ея величества была такъ велика, что, говоря со мною стоя, она придерживалась за стулъ. Я былъ тронутъ тоже ея печалію до глубины сердца, насилу могъ воздержаться отъ слезъ и доволенъ былъ, когда ея величество отпустить меня изволила. На другой день я привезъ во дворецъ и табакерку и кубокъ, полученные мною въ Москвѣ. Государь изволилъ меня принять въ комнатахъ

императрицы Александры Θеодоровны. Ихъ величества съ любопытствомъ разсматривали сіи вещи; я имъ доложилъ, что въ кубкѣ находилась тысяча червонцевъ. Государь на сіе изволилъ сказать:

— Эту сумму всегда дарятъ пріѣзжающимъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ.

Отпуская меня, присовокупилъ:

— Я сей службы твоей никогда не забуду.

А императрица мнѣ пожаловала милостиво поцѣловать свою руку.

Въ день Рождества Христова, 1825-го года, государь пожаловать мнѣ изволилъ орденъ св. Александра Невскаго при весьма милостивомъ рескриптѣ. На другой день послѣ моего возвращенія изъ Москвы, посланы были андреевскія ленты: князю Голицыну, московскому военному генералъ-губернатору, и графу П. А. Толстому, который командовалъ тогда въ Москвѣ 5-мъ армейскимъ корпусомъ; архіепископу Филарету бриллiантовый крестъ на черный клобукъ—отличіе, какого прежде его никто въ санѣ архіепископа не имѣлъ.

Я ѣздилъ на встрѣчу тѣла покойнаго, незабвеннаго моего благодѣтеля императора Александра Павловича до станціи Чудово и имѣлъ счастіе нѣсколько разъ стоять при его гробѣ, когда на ночь тѣло вносимо было въ случающіяся по дорогѣ церкви. Лейбъ-медикъ Виліе присланъ былъ осмотрѣть тѣло покойнаго императора; снята была крыша съ гроба, и, при семъ случаѣ, я удостоился приложиться къ образу, который его величество носилъ всегда на себѣ, и поцѣловать его руку. Въ церкви Чесменскаго дворца тѣло императора Александра I-го переложено было въ свинцовый гробъ; сіе переложеніе дѣлали одни только генералъ-адъютанты, бывшіе при его величествѣ, въ числѣ которыхъ и я находился. Во все время, какъ тѣло императора стояло въ Казанскомъ соборѣ, одни только генералъ и фли-

гель-адъютанты покойнаго государя были дежурными при его гробѣ.

Скоро потомъ Россія погружена была въ новую печаль кончиною императрицы Елисаветы Алексѣевны, супруги достойной Александра Благословеннаго, на дорогѣ ея величества изъ Таганрога въ Петербургъ, въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губерніи.

Всѣ европейскіе дворы, можно сказать, наперерывъ старались присылать съ поздравленіемъ императора Николая Павловича о восшествіи на престолъ все, что у нихъ было знатнѣйшаго. Австрія прислала эрцъ-герцога Фердинанда, Пруссія—принца Вильгельма, Нидерланды—принца Оранскаго, Англія герцога Велингтона, Франція—фельдмаршала герцога Рагузскаго, Баварія—фельдмаршала Вреде.

Государю угодно было назначить меня находиться при эрцъ-герцогѣ Фердинандѣ съ флигель-адъютантомъ Апраксинымъ. Свиту эрцъ-герцога составляли: генералъ-майоръ Дефуръ, полковникъ Кламъ, два гусарскіе офицера полка его имени, князь Лихтенштейнъ, ландграфъ Фюрстенбергъ и камергеръ Вольтерсдорфъ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ былъ принятъ при дворѣ нашемъ съ большимъ уваженіемъ и имѣлъ компаты въ Зимнемъ дворцѣ, а услугу придворную. Его высочество обходился со мной весьма учтиво и ласково. Я сопровождалъ его высочество во всѣхъ его обозрѣніяхъ учебныхъ и прочихъ любопытныхъ заведеній, находящихся въ Петербургѣ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ пробылъ въ нашей столицѣ шесть недѣль; въ сіе время государь назначилъ его шефомъ Изюмскаго гусарскаго полка, который получилъ имя эрцъ-герцога Фердинанда, пожаловалъ ему андреевскій орденъ съ алмазными знаками и наградилъ его высочество многими другими богатыми подарками. Генералъ-майору Дефуру пожалованъ былъ аннинскій орденъ 1-го класса съ алмазными знаками, и всѣ прочія особы, свиту эрцъ-

герцога составлявшія, получили ордена. Я проводилъ его высочество до Царскаго Села, гдѣ онъ осматривалъ дворецъ. Отъ эрцъ-герцога я получилъ въ подарокъ табакерку съ портретомъ императора Франца, осыпанную брилліантами.

Между тѣмъ учреждена была слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда военнаго министра графа Татищева. Въ числѣ членовъ оной находился великій князь Михаилъ Павловичъ. Засѣданія сей комиссіи были въ крѣпости, въ домѣ коменданта Сукина. Всѣхъ подозрѣваемыхъ въ заговорѣ привозили прямо въ Зимній дворецъ, гдѣ первые допросы съ нихъ снималъ генералъ-лейтенантъ Левашевъ. Сказываютъ, что многихъ изъ нихъ видѣлъ самъ императоръ и съ ними разговаривалъ, а потомъ уже отвозили ихъ въ крѣпость. Когда слѣдственная комиссія окончила свои дѣйствія, то 1-го іюня 1826 года учрежденъ былъ верховный уголовный судъ. Предсѣдателемъ онаго былъ князь Лопухинъ. Сей судъ составленъ былъ изъ членовъ святѣйшаго правительствующаго синода, государственнаго совѣта, всѣхъ сенаторовъ и особъ прикомандированныхъ, въ числѣ коихъ и я находился. Всѣхъ членовъ, сей судъ составлявшихъ, было до 70-ти; засѣданія онаго были въ залѣ общаго сената собранія. Члены собирались въ полныхъ мундирахъ, а военные въ лентахъ и шарфахъ. Для караула отряжалась рота отъ одного изъ гвардейскихъ полковъ и два взвода кавалергардскаго, или лейбъ-гвардіи коннаго полка, которые давали конныхъ часовыхъ къ воротамъ сената. Засѣданіе началось чтеніемъ допросовъ и показаній преступниковъ; ихъ числомъ было до 130-ти человѣкъ. Положено было, послѣ прочтенія снятыхъ допросовъ съ преступниковъ, отправить въ крѣпость нѣсколько членовъ, выбранныхъ изъ присутствующихъ въ верховномъ уголовномъ судѣ, для вторичнаго допроса каждаго

преступника: точно ли каждымъ изъ нихъ сдѣлано было показаніе, добровольно ли онъ сіе исполнилъ, и не имѣлъ ли чего прибавить или убавить къ прежнему его показанію. Немногіе изъ нихъ сдѣлали нѣкоторыя дополненія, большая же часть подтвердили прежнія показанія своею подписью. Между прочими правилами, которыми долженъ былъ судъ руководствоваться, вмѣнено ему было въ обязанность, по выслушаніи показаній преступниковъ и по утвержденіи оныхъ ихъ подписью, какъ выше сказано, выбрать изъ среды своей 9 членовъ, изъ коихъ одинъ долженъ быть предсѣдателемъ, для составленія комитета, который обязанъ опредѣлить степень преступленія каждаго преступника и мѣру заслуженнаго имъ наказанія. Въ члены сего комитета избраны были изъ государственнаго совѣта: графъ П. А. Толстой, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ, И. В. Васильчиковъ и М. М. Сперанскій; изъ прикомандированныхъ особъ: графъ Г. А. Строгоновъ, я и С. С. Кушниковъ; изъ сенаторовъ: Ф. И. Енгель, Д. О. Барановъ и графъ П. И. Кутайсовъ; производителемъ дѣлъ — оберъ-прокуроръ Журавлевъ. Къ комитету прикомандированъ былъ, для нужныхъ поясненій, статсъ-секретарь Блудовъ. Онъ былъ производителемъ дѣлъ въ слѣдственной комиссіи. Пока нашъ комитетъ продолжался, засѣданія въ судѣ были прекращены, и мы собирались два раза въ день. Намъ должно было прочитать опять всѣ документы слѣдственной комиссіи, и, чтобы скорѣе въ томъ успѣть, мы раздѣлили по себѣ допросы всѣхъ преступниковъ. По существующимъ нашимъ узаконеніямъ, всѣ они подвергались смертной казни, ибо кто умышляетъ, не болѣе виноватъ, какъ и тотъ, который объ умыслѣ знаетъ и не донесъ, а преступники почти всѣ были въ этой категоріи. Государю угодно было, чтобы сколько можно ослаблены были преступленія и сообразно тому и нака-

занія. Для сего комитетъ сдѣлалъ разряды, которыхъ находилось четырнадцать; всякій разрядъ означалъ степень преступленія и мѣру наказанія, и мы вставляли, по общему совѣщанію, въ разряды, какъ въ рамы, имена преступниковъ, съ краткимъ объясненіемъ ихъ преступленій. Но пять преступниковъ, а именно: Пестель, Муравьевъ-Апостолъ, Рылѣевъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій, были внѣ разрядовъ по роду ихъ преступленій. Наши занятія продолжались двѣ недѣли. Потомъ они внесены были въ верховный уголовный судъ, который открылъ свои засѣданія [1]). Приговоръ преступниковъ для размѣщенія ихъ по разрядамъ дѣлался по большинству голосовъ. Сначала судъ находилъ, что комитетъ сдѣлалъ слишкомъ много подраздѣленій; однакоже кончилось тѣмъ, что всѣ разряды болѣе или менѣе были наполнены. Назначено было нѣсколько членовъ для составленія доклада государю отъ верховнаго уголовнаго суда; оный былъ читанъ въ полномъ собраніи и съ нѣкоторыми перемѣнами принятъ. Черезъ нѣсколько дней докладъ, съ высочайшимъ утвержденіемъ, былъ возвращенъ въ судъ. Государь много ослабилъ мѣру наказаній всѣхъ преступниковъ вообще, а о пяти, не вошедшихъ въ разряды, повелѣлъ суду сдѣлать приговоръ и привести въ исполненіе. Судъ приговорилъ ихъ повѣсить. Наконецъ, настало время объявить каждому преступнику его приговоръ. Для сего надлежало или ихъ привозить изъ крѣпости въ верховный уголовный судъ, или суду отправиться въ крѣпость и тамъ сіе исполнить. Сія послѣдняя мѣра признана была удобнѣйшею. Въ домѣ коменданта Сукина устроена была зала засѣданія. Въ назначенный день всѣ члены суда собрались въ сенатъ и оттуда от-

[1]) Я долженъ здѣсь отдать справедливость способностямъ ума и быстрому соображенію М. М. Сперанскаго; онъ много способствовалъ къ скорому окончанію возложенной на насъ обязанности.

правились въ крѣпость, гдѣ для порядка находился одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Засѣданіе суда открылось тѣмъ, что крѣпостной плацъ-майоръ ввелъ въ присутствіе пять главныхъ преступниковъ, имѣя двухъ гренадеръ съ однимъ унтеръ-офицеромъ впереди ихъ и двухъ гренадеръ позади. Секретарь сената, стоя у аналоя, называлъ по имени каждаго преступника, потомъ читалъ о содѣянномъ имъ преступленіи и къ чему онъ приговоренъ съ высочайшаго утвержденія. Такимъ образомъ, вводимы были въ залу засѣданія всѣ преступники по разрядамъ. Они имѣли на себѣ тѣ же самыя платья, въ которыхъ они были взяты, только, натурально, безъ шпагъ; многіе изъ нихъ были даже въ полныхъ мундирахъ. Симъ засѣданіемъ окончился судъ, которому едва ли есть много примѣровъ въ лѣтописяхъ нашего отечества.

1-го іюля, того же года, было торжественное благодарственное молебствіе на Исаакіевской площади, въ устроенномъ для сего павильонѣ, въ родѣ палатки, какъ на мѣстѣ, гдѣ происходили преступленія, о счастливомъ окончаніи сего ужаснаго происшествія. Черезъ нѣсколько времени послѣ сего государь и весь дворъ отправился въ Москву для коронаціи. День сего событія долго былъ откладываемъ, по причинѣ большой слабости, которую чувствовала императрица Александра Ѳеодоровна, и сей священный обрядъ былъ совершенъ 22-го августа 1826 года съ обыкновеннымъ величіемъ и торжествомъ. Внезапный пріѣздъ его высочества цесаревича къ сему всерадостному дню восхитилъ, какъ всю императорскую фамилію, такъ и жителей Москвы, равно и всѣхъ бывшихъ при семъ великомъ случаѣ. Цесаревичъ во время коронаціи былъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, а посему и намъ всѣмъ приказано было имѣть тотъ же мундиръ. Его высочество находился во время церемоніи въ качествѣ ассистента

при государѣ и принялъ у его величества шпагу, когда императоръ подходилъ къ святому причастію. Въ самый день коронаціи государю угодно было послать меня съ возвѣщеніемъ жителямъ Петербурга о семъ счастливомъ для Россіи происшествіи. Изо всѣхъ торжествъ и праздниковъ, бывшихъ по сему случаю въ Москвѣ, мнѣ удалось видѣть только перваго дня иллюминацію Кремля, которая великолѣпіемъ своимъ и красотою превосходила бывшія при коронаціяхъ императоровъ: Павла I и Александра I. Меня ожидали въ Петербургѣ съ великимъ нетерпѣніемъ, и жители сей столицы изъявили живѣйшую радость, когда пушечная, съ Петропавловской крѣпости, пальба извѣстила ихъ о благополучномъ окончаніи сего вожделѣннаго событія. Со мной посланы были нѣкоторыя награжденія; между прочими, мнѣ пріятно было почтеннѣйшей и всѣми уважаемой графинѣ Ливенъ самому вручить браслеты съ портретомъ императора, осыпанные крупными бриллiантами, и объявить ей, что она и все ея потомство возведены на степень князей, съ титломъ свѣтлости, ибо грамоту на сіе достоинство не имѣли времени еще изготовить. Петербургское купечество поднесло мнѣ золотую табакерку, осыпанную бриллiантами. Я приглашенъ былъ на обѣдъ членами англійскаго клуба и на другой, иностраннымъ купечествомъ данный. Итакъ, государю угодно было возложить на меня два важныя и пріятныя порученія и содѣлать свидѣтелемъ восторга жителей обѣихъ столицъ имперіи.

1828 года, 8-го апрѣля, совершилось бракосочетаніе дочери моей, графини Анны Евграфовны съ Сергіемъ Павловичемъ Шиповымъ, въ которомъ я нашелъ нѣжнаго и любезнаго для сердца моего сына [1]).

[1]) Того же года, 21-го апрѣля, въ день именинъ императрицы Александры Ѳедоровны, дочь моя. графиня Софья Евграфовна, пожалована была въ фрейлины къ ихъ императорскимъ величествамъ императрицамъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, того же года, вся императорская фамилія, а вмѣстѣ съ нею и вся Россія, осиротѣла. Неукротимая смерть похитила благодѣтельнѣйшую и добродѣтельнѣйшую изъ бывшихъ доселѣ вѣнценосныхъ женъ, императрицу Марію Өеодоровну. Ея панегирикъ живетъ въ сердцахъ вдовъ, сиротъ и всѣхъ тѣхъ матерей, женъ и дочерей, которыя воспитаны и образованы были подъ материнскимъ ея покровомъ, и молва о ней пройдетъ изъ рода въ родъ.

Между тѣмъ, сопряженныя съ званіемъ командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи разныя непріятности, мнѣ сдѣланныя, которыя основаны были на однихъ только слухахъ, принудили меня, наконецъ, просить государя объ увольненіи отъ сего званія. При производствѣ меня, 25-го іюня 1828 года, въ генералы-отъ-инфантеріи, въ приказѣ сказано было, чтобы мнѣ остаться только въ званіи генералъ-адъютанта; а 13-го октября, того же года, повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. 6-го декабря 1828 года, назначенъ въ корпусные командиры внутренней стражи генералъ-отъ-инфантеріи Капцевичъ, а до сего времени я все командовалъ корпусомъ. Послѣ жестокой болѣзни, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, по просьбѣ моей, государю угодно было, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1829 года, отпустить меня до излѣченія болѣзни, съ получаемымъ мною содержаніемъ, которое состоитъ въ 4.000 рублей жалованья, по чину генерала-отъ-инфантеріи, 5.000 рубляхъ въ годъ столовыхъ денегъ по званію генералъ-адъютанта и въ провіантѣ на 12 деньщиковъ. Я воспользовался симъ отпускомъ и пріѣхалъ съ матушкой тещей, съ женою и съ дочерью моею, графинею Софьей Евграфовной, сюда въ Городище, 21-го іюля 1829 года. Старшій сынъ мой, графъ Егоръ Евграфовичъ, обрадовалъ меня своею женитьбою на дѣвицѣ Софьѣ Владиміровнѣ

Веневитиновой, что послѣдовало въ Москвѣ 9-го февраля 1830 года. Я изъ Городища ѣздилъ въ Москву, чтобы быть свидѣтелемъ сего счастливаго для семейства и потомства моего событія. Мы уже испытываемъ плоды сего событія тѣмъ, что пріобрѣли премилую и прелюбезную для насъ невѣстку. Богу угодно было утѣшить все мое семейство дарованіемъ старшему моему сыну, графу Егору Евграфовичу, родившагося 25-го апрѣля 1831 года сына, который и нареченъ Евграфомъ. Воспріемникомъ, вмѣсто меня, былъ сынъ мой Павелъ съ Анною Николаевною Веневитиновою. 1832 года, іюля 14-го, невѣстка наша графиня Софья Владиміровна благополучно разрѣшилась отъ беременности дочерью Анною. По сему случаю пріѣзжала сюда въ Городище изъ С.-Петербурга Анна Николаевна съ сыномъ своимъ Алексѣемъ Владиміровичемъ; она была воспріемницею, вмѣстѣ со мною, сей новорожденной нашей внучки.

Второй сынъ мой, графъ Павелъ Евграфовичъ, послѣ нахожденія его три года и 4 мѣсяца въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, произведенъ былъ 7-го сентября 1832 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ. Въ бытность мою въ Москвѣ, по моимъ дѣламъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1833 года, я отдалъ третьяго сына моего графа Алексѣя Евграфовича въ пансіонъ къ профессору Московскаго университета г-ну Погодину.

Указатель личныхъ именъ.

Августинъ (въ мірѣ А. В. Виноградскій, 1766—1819), архіепископъ московскій, 195.
Агаѳоновъ, колл. сов., 227.
Акинина, двоюродная племянница автора, 105.
Акининъ, Н. Н., двоюродный племянникъ автора, 144, 146.
Александра Павловна, вел. кн. (1783—1801), бывшая невѣстой шведскаго короля Густава IV, супруга австрійскаго эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, 46, 62, 133.
Александра Ѳеодоровна (1798—1860), императрица, дочь короля прусскаго Фридриха Вильгельма III, супруга Николая I съ 1817 г., 250, 251, 256, 257.
Александровичева, гр-я, 155, 158.
Александръ I (1777—1825) 2, 17, 32, 33, 36, 39, 40, 43, 49—51, 54—57, 67, 70, 72, 74, 78, 93—95, 98—101, 108—116, 118, 119, 121—124, 126—139, 141—143, 157, 167, 168, 176, 181—203, 205, 209, 212, 215, 218—226, 229—231, 233, 234, 236, 248, 250—252, 257.
Александръ II (1818—1881), 256, 257.
Александръ, герцогъ Виртембергскій (1771—1833), братъ имп. Маріи Ѳеодоровны, въ русскую службу поступилъ въ 1800 г., одинъ изъ героевъ 1812 г., въ 1822—1833 г.г. управлялъ путями сообщенія, 67, 74, 86.
Альбертъ, герцогъ саксенъ-тешенскій, 149.
Ангальтъ, гр., Федоръ Федоровичъ, въ русскую службу поступилъ въ 1783 г., былъ генералъ-адъютантомъ Екатерины II и директоромъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса, † 1794 г., 64.
Андреевскій, ген.-маіоръ, 66.
Андріэ, Франсуа (1759 — 1833), французскій драматическій писатель и политическій дѣятель, 170.
Анна Павловна (1795—1865), вел. кн., въ 1816 г. вышла за принца Вильгельма Оранскаго, 58.
Анна Ѳедоровна (1781 — 1860), герцогиня саксенъ-кобургская; въ 1796 г. вышла за вел. кн. Константина Павловича, который развелся съ ней въ 1820 г., 62, 77, 87, 94.
Anné, m-elle, воспитательница дѣтей автора, 178, 182, 216.
Анстетъ, бар., Иванъ Осиповичъ (1770—1835), принятъ въ русскую службу изъ французской въ 1789 г., дипломатъ, 145, 181.
Апраксинъ, флиг.-адъютантъ, 252.
Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андреевичъ (1769—1834), 49, 54, 55, 91, 193, 194, 200, 215.
Арбеневъ, Іосафъ Іевлевичъ, командиръ Измайловскаго полка, 28, 37—39, 41.
Арбеневъ, сынъ предыдущаго, 41, 55.
д'**Аренбергъ,** кн. (1757—1795), 35.
Армфельдъ, гр. Густавъ Морицъ (1757 — 1814), шведскій уроже-

нецъ, въ русскую службу принятъ въ 1811 г, 187.
Арсеньевъ, А. Н., моск. вице-губернаторъ въ 1812 г., 206.
Арсеньевъ, В. Д., братъ А. Д. Цуриковой, тещи автора, моск. губ. предв. двор. въ 1812 г., 120, 121, 195, 197.
Арсеньевъ, П. А., 148.
д'Артуа, гр., послѣ франц. король Карлъ X (1757—1836), 8, 26.
Архаровъ, Николай Петровичъ (1742 — 1815), знаменитый сыщикъ, въ 1787 г. намѣстникъ новгородскій и тверской, въ 1796 г. второй петербургскій военный губернаторъ, въ 1797 г. сосланъ, 4, 57.
Астафьева, Александра Алексѣевна, племянница автора, 102, 108, 181, 182.
Астафьевъ, Алексѣй Николаевичъ, зять автора, мужъ его сестры Дарьи Ѳедотовны, 1—3, 37, 45, 102, 108, 110, 121, 181, 182, 209, 225.
Ахтъ, 94.
Ашъ, бар., въ 1797 г. экономъ 1-го кад. корпуса, 66.
Багратіонъ, кн. Петръ Ивановичъ (1765—1812), 89, 148, 183, 204.
Балабина, прежде Парисъ, 48.
Балашовъ, Александръ Дмитріевичъ (1770—1837), въ 1809 и 1810 г.г. и. д. с.-пет. военн. губернатора; съ 1810 по 1816—министръ полиціи, 139—142, 183, 185, 188—194.
Барановъ, Д. О., сенаторъ, 254.
Барклай де-Толли, кн. Михаилъ Богдановичъ (1761—1818), 183, 194, 197, 198.
Барятинскій, кн. С. Ф., гофмаршалъ, 38.
Бауръ, генералъ, 103.
Бауръ, адъютантъ вел. кн. Константина Павловича, 112.
Бахметева, жена А. Н. Бахметева, рожденная гр. Потоцкая, 103.
Бахметевъ, Алексѣй Николаевичъ, адъютантъ Измайловскаго полка, 55, 58, 103, 148.
Башуцкій, Павелъ Яковлевичъ, въ концѣ царствованія Александра I былъ комендантомъ въ Петербургѣ; за заслуги при подавленіи мятежа 14 декабря произведенъ въ ген.-адъютанты, 245, 246.
Безбородко, св. кн. Александръ Андреевичъ (1746—1799), канцлеръ, 1, 3, 15, 23, 36, 38, 45, 46, 52, 59, 74, 80, 102.
Безобразова, послѣ Татищева, 148.
Бекетова, послѣ Кушникова, 44 45.
Беклешовъ, Александръ Андреевичъ (1743—1808), генералъ-прокуроръ, главнокомандующій въ Москвѣ въ 1804—1806 г.г., 101, 115, 116.
Беллингтонъ, пѣвица въ Лондонѣ, 20.
Бенкендорфъ, гр. Александръ Христофоровичъ (1783 — 1844), ген.-адъютантъ, 225, 226, 232, 237, 242, 243.
Бенкендорфъ, Константинъ Христофоровичъ (1785—1828), 203.
Беннигсенъ, гр. Леонтій Леонтьевичъ (1745—1826), бар. изъ Ганновера, въ русскую службу перешелъ въ 1773 г., 187.
Беретти, петерб. архитекторъ, 228.
Бертье, Александръ (1753—1815), маршалъ Наполеона, 192.
Бесіеръ, Жанъ-Батистъ (1768—1813), маршалъ Наполеона, герцогъ Истрійскій, 192.
Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ (1801—1826), декабристъ, 255.
Бецкій, Иванъ Ивановичъ (1704—1795), дѣятель екатерининской эпохи въ просвѣтительной области, 66.
Блудовъ, Дмитрій Николаевичъ (1785—1864), съ 1842 г. графъ,

министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, Президентъ Академіи Наукъ, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, 254.
Бобринскій, Алексѣй Григорьевичъ (1762—1813), гр., 1, 10, 11, 17, 18, 21, 22.
Богдановъ, тульскій губернаторъ въ 1812 г., 205.
Бомарше, Пьеръ (1732—1799), 9.
Бонанарте, Летиція Рамолино, мать Наполеона, 161, 171.
Бонапарте, Лукьянъ (Люсьенъ, 1775—1845), братъ Наполеона, 161, 178.
Бонтрэй, путеводитель автора по Парижу, 172, 174, 175.
Боргезе, принцесса, герцогиня Гвастальская, сестра Наполеона, Марія-Полина Бонапарте (1780—1825), 161, 164—166.
Браунъ, австр. графъ, 151.
Брейткопфъ, г-жа, 48.
Бренеръ, австр. графъ, дядя графини Лабіи, 150.
Бресоль, франц. эмигрантъ, 49.
Бретель, гр., франц. эмигрантъ, 26.
Брюнъ, св., 172.
Буксгевденъ, Өедоръ Өедоровичъ (1750—1811), съ 1797 г. графъ, 67.
Бушера, франц. эмигрантъ, 49.
Бѣлосельскій, кн., Александръ Михайловичъ (1752—1809), съ 1799 г. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, оберъ-шенкъ, сенаторъ, членъ Россійской академіи, писатель, 44, 45.
Бюлеръ, бар., Карлъ Яковлевичъ (1749—1811), род. въ Штутгардтѣ, въ русскую службу поступилъ въ 1773 г. по дипломатической части; въ 1789 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ къ мюнхенскому двору, 148.
Вадковская, Екатерина Ивановна, дочь гр. И. Г. Чернышова, 36, 43.
Вадковскій, Ф. Ф., комендантъ Павловска и шефъ Павловскаго полка при Павлѣ, 48, 59.
Васильевъ, гр., Алексѣй Ивановичъ (1742—1807), министръ финансовъ при Александрѣ I, съ 1797 г. баронъ, съ 1801 г. графъ, 131.
Васильчиковъ, Иларіонъ Васильевичъ (1777—1847), съ 1801 г. ген.-адъютантъ, одинъ изъ героевъ 1812 г., съ 1831 г. графъ, съ 1838 г. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, съ 1839 г. князь, 93, 137, 237, 242, 243, 249, 254.
Васильчиковы, братья И. В. В—а, 93.
Веверъ, въ 1812 г. подполковникъ внутренней стражи, 201.
Вейсъ, въ 1812 г. виленскій полицеймейстеръ, 188.
Величкинъ, П. М., управляющій имѣніемъ автора, 202, 205.
Веллингтонъ, Артуръ, герцогъ (1769—1852), 252.
Вельцинъ, докторъ двора вел. кн. Константина Павловича, 76.
Веневитинова, Анна Николаевна, 259.
Веневитинова, Софья Владиміровна, впослѣдствіи жена сына автора, Егора Евграфовича, 258, 259.
Веневитиновъ, Алексѣй Владиміровичъ, сынъ Анны Николаевны В—ой, 259.
Веревкина, Аграфена Өедоровна, жена Н. Н. В—а, 221.
Веревкинъ, Николай Никитичъ (1766—1830), петерб. комендантъ, 221.
Верженнъ, Шарль (1717—1787), франц. государственный дѣятель, 5.
Вернэ, (у автора Вернетъ, хотя фр. Vernet), Жозефъ (1714—1789), франц. пейзажистъ, 172.
Вертильякъ, марк., франц. эмигрантъ, 18.

Виліе, Яковъ Вилимовичъ (1767—1854), поступилъ въ русскую службу въ 1790 г., съ 1799 г. лейбъ-хирургъ, съ 1808 г. Президентъ Медико-Хирургической Академіи, завѣщалъ свое состояніе на устройство клиникъ при Академіи, 251.

Вильгельмъ, принцъ прусскій, 252.

Винценгероде, бар. Фердинандъ Федоровичъ (1770 — 1818), въ русской службѣ съ 1797 г., одинъ изъ героевъ 1812 г., 74, 77, 78, 86, 183, 194, 202—204.

Витали, отставной поручикъ австр. службы, воспитатель дѣтей автора, 148, 178, 181.

Витгенштейнъ, гр., Петръ Христіановичъ (1768—1843), одинъ изъ героевъ 1812 г., фельдмаршалъ, Членъ Гос. Совѣта, 31, 193.

Витовтовъ, адъютантъ вел. кн. Константина Павловича, 112.

Витъ, гр., 1-ый мужъ гр. Софьи Потоцкой.

Воиновъ, генералъ, принимавшій участіе въ усмиреніи мятежа 14 дек. 1825 г., 242, 245.

Волковъ, Θедоръ Ивановичъ (1755—1803), петерб. архитекторъ, 133.

Волконскій, кн. Павелъ Михайловичъ (1763—1808), съ 1794 г. оберъ-камергеръ, 43, 44.

Волконскій, кн. Петръ Михайловичъ (1776—1852), ген.-адъютантъ Александра I, въ 1812 г. начальникъ Главнаго Штаба, съ 1826 г. до самой смерти министръ имп. двора, съ 1834 г. свѣтл. князь, въ 1850 г. произведенъ въ фельдмаршалы, 72, 100, 117, 124, 159, 189, 193, 194.

Волконскій, кн., С. П., прикомандированный въ 1812 г. къ Винценгероде, 203.

Вольгеборнъ, придворный берейторъ, 201.

Вольтерсдорфъ, камергеръ въ свитѣ эрцгерцога Фердинанда, 252.

Вольтеръ (1694—1778), 31, 176.

Воронковскій, адъютантъ автора, 228.

Воронцовъ, гр. Семенъ Романовичъ (1744—1832), посолъ въ Венеціи и въ Лондонѣ съ 1784 г., 15, 21, 22.

Воропановъ, командиръ финляндскаго полка въ 1825 г., 242.

Вреде, Карлъ, кн. (1767—1839), баварскій фельмаршалъ, 252.

Вьемениль, франц. актриса, 9.

Вяземскій, кн., гофмаршалъ вел. кн. Константина Павловича, 97.

Вязмитиновъ, Сергѣй Кузмичъ (1749—1819), Спб. генералъ-губернаторъ, въ 1812 г. предсѣдатель комитета министровъ, въ 1816 г. возведенъ въ графское достоинство, 137, 138.

Вяткинъ, капитанъ 4-ой роты Финляндскаго полка въ 1825 г., 240.

Гагаринъ, кн., пажъ свиты вел. кн. Константина Павловича въ итальянскомъ походѣ, 76.

Гагаринъ, кн. Павелъ Гавриловичъ (1777—1850), ген.-адъютантъ, 97, 114.

Гагаринъ, кн., Павелъ Павловичъ (1789—1872), видный государственный дѣятель въ судебной области, въ 1864 г. предсѣдатель комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, 248.

Гайднъ (у автора Гайденъ), Іосифъ (1732—1809), 150.

Ганнибалъ (247—183 до Р. Х.), 86.

Ганъ, ген.-маіоръ, въ 1801 г. назначенъ комендантомъ въ Каменецъ, 110.

Гастингсъ (1732—1818), въ 1773—1785 ген.-губернаторъ Индіи, 17.

Гейде, подполковникъ, частный приставъ въ Петербургѣ, 125, 128.

Гендриковы, 63.

Генрихъ IV (1553—1610), король франц. въ 1589—1610 гг., 172, 175.
Георгій, принцъ Ольденбургскій (1784—1812), въ 1809 г. женился на вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ. въ 1809—1812—главный Директоръ Путей Сообщенія, 203. 212.
Георгъ III (1738—1820), англ. король съ 1760 г., 16, 221.
Германъ, Иванъ Ивановичъ († 1801), саксонецъ, поступившій въ русскую службу въ 1770 г., ген. отъ инфантеріи, исключенъ Павломъ изъ службы за неудачу экспедиціи въ Голландію, 75.
Геслеръ, гардеробъ-мейстеръ, 133.
Гильо, директоръ Охтенской суконной фабрики, 222, 234.
Гишъ-де, герцогъ, франц. эмигрантъ, 26.
Глуховъ, инженеръ - генералъмаіоръ, предшественникъ автора въ должности коменданта Каменца, 101, 102.
Гогенлоэ, принцъ, 189.
Голицына, кн., Наталія Петровна (1741—1837), дочь П. Г. Чернышова, жена Влад. Бор. Голицына, сестра Д. П. Салтыковой, 10, 41.
Голицынъ, кн. Александръ Михайловичъ, придворный Павла, 44. 49. 67.
Голицынъ, кн. Александръ Николаевичъ (1773—1844), бывшій въ немилости у Павла, но пользовавшійся довѣріемъ Александра I, съ 1805 г. оберъ-прокуроръ св. Синода, въ 1816 г. мин. народнаго просвѣщенія, 67.
Голицынъ, кн. Борисъ Андреевичъ, въ 1812 г. начальникъ Владимірскаго ополченія, 204.
Голицынъ, кн. Борисъ Владиміровичъ, 43, 97, 98.
Голицынъ, кн. Владиміръ Борисовичъ, 10.
Голицынъ, кн. Дмитрій Владиміровичъ (1771—1844), участникъ войнъ 1806—1815 гг., съ 1820 г. моск. ген.-губернаторъ, съ 1841 г. свѣтл. князь, 248, 249, 251.
Голицынъ, кн. Дмитрій Михайловичъ (1721—1793), съ 1761 г. посланникъ въ Вѣнѣ, пожертвовалъ крупныя суммы на картинную галлерею и устройство Голицынской больницы въ Москвѣ, 24, 25.
Голицынъ, кн., Егоръ Алексѣевичъ (1773—1811), 31.
Голицынъ, кн., Михаилъ Михайловичъ, 44.
Голицынъ, кн. Сергѣй Михайловичъ, 49.
Голицынъ, кн. С. Ф., 46, 181.
Голицынъ, кн., 246.
Головинъ, Евгеній Александровичъ (1782—1858), участникъ кампаній 1807 — 1812 гг. Въ 1828—37 г. варш. военн. губернаторъ, съ 1845 г. ген.-губернаторъ Прибалтійскаго края, съ 1848 г. членъ Госуд. Совѣта, 241.
Головкина, гр-я, 42, 43.
Головцынъ, В. П., въ 1787 г. совѣтникъ придворной конторы, 3.
Гончарова, жена А. И. Г—а, 60, 140.
Гончаровъ, Аѳанасій Ивановичъ, 60. 61. 118—120. 139. 140.
Гортензія (1783—1837), дочь Александра Богарне и имп-ы Жозефины, жена Людовика Бонапарте, ставшаго королемъ голландскимъ, мать Наполеона III, 161, 164—166, 168.
Горчаковъ, кн., Алексѣй Ивановичъ (род. въ 1769 г.), племянникъ Суворова, въ 1812—1815 г.г. управляющій военнымъ министерствомъ, сенаторъ, съ 1815 г. членъ Гос. Совѣта, 197, 198, 201, 202, 207, 209, 216, 218, 219.
Гохбергъ, гр. († 1820), вторая жена маркграфа, позднѣе вел. герцога Баденскаго, Карла Фридриха, 34.
Грассини, пѣвица въ Парижѣ, 152, 163.

Грезъ, Жанъ-Батистъ (1726—1805), 182.
Гриммъ, бар., Фридрихъ (1723—1807), публицистъ, критикъ и дипломатъ, корреспондентъ Екатерины II, 7, 10, 11.
Губо, 149, 154.
Гудовичъ, гр., подольскій военный губернаторъ при Павлѣ, 99, 101—103.
Гурьевъ, гр., Дмитрій Александровичъ (1751—1825), съ 1809 г. графъ, съ 1810 г. членъ Гос. Совѣта, съ 1822 г. министръ финансовъ, 223.
Густавъ IV (1778—1837), король шведскій съ 1792 по 1809 г., сватался къ вел. кн. Александрѣ Павловнѣ, но бракъ этотъ разстроился, 46, 47.
Давидъ, Жакъ-Луи (1748—1825), франц. историческій живописецъ, 171.
Даву (Davoust, у автора Давустъ), кн. Экмюльскій, герцогъ Ауэрштедтскій, маршалъ Наполеона, 190, 191.
Дазинкуръ, актеръ въ Парижѣ, 9.
Дашкова, кн., 48, 143.
Дебальменъ, гр., Антонъ Богдановичъ (1740—1790), директоръ 1-го кадетскаго корпуса, затѣмъ курскій и орловскій ген.-губернаторъ, 64.
Дезописъ, адъютантъ автора, 202.
Дельвиневъ, содержатель пансіона въ Петербургѣ въ концѣ XVIII в., 2, 3.
Демидова, Елизавета Александровна († 1818), жена Н. Н. Демидова, рожденная Строганова, 168, 169.
Демидовъ, Николай Никитичъ (1774—1828), общественный дѣятель и благотворитель, 159, 168, 169.
Депрерадовичъ, Николай Ивановичъ (1767—1843), ген. отъ кавалеріи, ген.-адъютантъ, 225, 226, 232, 234.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ (1743—1816), 136.
Дерфельденъ, гр., Вильгельмъ Христофоровичъ (1735—1819), боевой генералъ, 75, 76, 79, 81, 82.
Дефуръ, австрійскій генералъ, 252.
Дибичъ, бар., Иванъ Ивановичъ (1737—1822), въ русскую службу поступилъ въ 1798 г., отецъ фельдмаршала, 94.
Дибичъ-Забалканскій, гр., Иванъ Ивановичъ (1785—1831), род. въ Силезіи, прибылъ къ отцу въ Россію въ 1801 г., ген.-фельдмаршалъ, съ 1827 г. графъ, 94, 225.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ (1760—1837), изв. поэтъ и гос. дѣятель, при Павлѣ капитанъ Семеновскаго полка, 48, 57.
Добровскій, отставной совѣтникъ посольства при русской миссіи въ Парижѣ, 7.
Долгорукова, кн., К. Ф., 24, 42, 43.
Долгоруковъ, кн., 114.
Долгоруковъ, кн., Сергѣй Николаевичъ (1780—1830), 202.
Донауровъ, Михаилъ Ивановичъ (1758—1817), любимецъ Павла, его оберъ-секретарь, 1813—1816 г.г. сенаторъ, 91.
Дохтуровъ, Дмитрій Сергѣевичъ (1761—1816), выдающійся боевой генералъ, 201.
Дохтуровъ, Николай Михайловичъ (1788—1865), племянникъ предыдущаго, въ 1812 г. адъютантъ автора, видный военный дѣятель, съ 1846 г. сенаторъ, 186, 201.
Дурново, въ 1825 г. флигель-адъютантъ, 236, 239.
Дюгазонъ, актеръ въ Парижѣ, 9.
Дюманьонъ, актеръ въ Парижѣ, 10.
Дюрасъ, герцогъ, камеръ-юнкеръ Людовика XVIII, 77.
Дюрокъ, Жераръ (1772—1813), герцогъ Фріульскій, маршалъ Наполеона, 192.

Евгеній, герцогъ Виртембергскій (1788—1857), племянникъ имп. Маріи Θедоровны, участникъ войнъ 1812 — 1815 и 1828 — 1829 г.г., 239.
Евреиновъ, петербургскій полицеймейстеръ въ 1802 г., 124.
Екатерина II (1729—1796), 1, 3, 4, 6—8, 11, 12, 24, 26—33, 35—40, 45—51, 53, 64—66, 72, 73, 75, 92, 93, 102, 104, 122, 132, 142, 169, 221.
Екатерина Павловна, вел. кн. (1788—1818), въ 1809 г. вышла за принца Георгія Ольденбургскаго, въ 1812 г. овдовѣла, въ 1816 г. вышла за Вильгельма Виртембергскаго, 62, 209, 212.
Елена Павловна, вел. кн. (1784—1803), въ 1799 г. вышла за принца Мекленбургъ-Шверинскаго, 62.
Елизавета, принцесса Виртембергская (1767—1790), съ 1788 г. жена Франца I, имп. австрійскаго, 24, 25.
Елизавета Алексѣевна, (1779—1826), дочь маркграфа баденскаго, съ 1793 г. супруга вел. кн. Александра Павловича, послѣ Александра I, 34—36, 39, 40, 62, 119, 236, 252.
Елизавета Петровна, имп. (1709—1761), 64.
Елистратовъ, полковникъ, 228.
Емельянова, 210.
Ермоловъ, Александръ Петровичъ (1754—1836), въ 1786 г. фаворитъ Екатерины II, 8, 10, 148.
Ефремовъ, полковникъ, отличившійся въ 1812 г. въ Вильнѣ, 189.
Жаксонъ, англ. боксеръ. 18—20.
Жераръ, Франсуа (1779—1837), франц. художникъ, 171.
Жеребцовъ, адъютантъ автора, 228, 243, 246.
Жироде, Аннъ-Луи (1767—1824), франц. художникъ, 171.
Жозефина (1763 — 1814), имп. франц., первая жена Наполеона I, съ которой онъ развелся въ 1809 г., 144, 161, 164, 166, 169.
Жоли, секретарь гр. С. Р. Воронцова въ Лондонѣ, 21.
Жуковъ, адъютантъ автора, 237.
Журавлевъ, производитель дѣлъ въ комитетѣ по дѣлу 14 дек. 1825 г., оберъ-прокуроръ, 254.
Жюссьё, Адріанъ (1797 — 1853), изв. франц. ботаникъ, 174.
Завадовская, гр., 48.
Заіончекъ, Іосифъ (1752—1826), польскій генералъ, сражался подъ начальствомъ Костюшки, потомъ перешелъ на службу Франціи и участвовалъ въ походахъ Наполеона; въ 1812 г. былъ взятъ въ Вильнѣ въ плѣнъ. Въ 1815 г. Александръ I назначилъ его намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ и возвелъ въ княжеское достоинство, 221.
Зайцевъ, петерб. полицеймейстеръ, 124.
Замойская, гр—я, 149.
Замойскій, гр., 221.
Запольскій, шефъ Екатеринославскаго полка, 140—142.
Зелепуга, командиръ житомірскаго баталіона внутренней стражи, 214.
Зиновьева, жена В. Н. Зиновьева, рожденная Брейткопфъ, 48.
Зиновьевъ, В. Н., камергеръ при Екатеринѣ II, 10, 38, 48.
Зубовъ, гр., моск. откупщикъ, 206.
Зубовъ, гр., Валеріанъ Александровичъ (1771—1804), братъ фаворита Екатерины II, благодаря чему и выдвинулся, 37.
Зубовъ, кн. Платонъ Александровичъ (1767—1822), съ 1789 г. фаворитъ Екатерины II, 27, 28, 30, 36—38, 102.
Ивановъ, подполковникъ, 232.
Иванъ Θедоровичъ, мужъ Акининой, двоюродной племянницы автора, 105.
Измайловъ, Левъ Дмитріевичъ (1764—1834), въ 1802—1815 рязанскій губ. предв. дворянства, въ 1812 г. начальникъ рязанскаго ополченія, 210.

Ильинскій, гр., 209—212.
Іосифъ II (1741—1790), имп. австр. съ 1765 г., 3, 4, 24, 25, 29, 221.
Іосифъ, эрцгерцогъ австрійскій, палатинъ венгерскій († 1847), 122, 133—137, 154.
Казицкая, послѣ кн. Бѣлосельская, 44.
Калоннъ, Шарль (1734 — 1802), франц. мин. финансовъ, послѣ эмигрантъ, 26.
Камбасересъ, Жанъ (1753—1824), герцогъ Пармскій, архиканцлеръ, 166, 168.
Каменскій, гр., Михаилъ Өедотовичъ (1738—1809), съ 1797 г. ген.-фельдмаршалъ и графъ, въ 1802 г. военный губернаторъ въ Петербургѣ, 122, 124, 127—129, 131.
Канова, Антоніо (1757 — 1822), скульпторъ, 149, 171.
Каноръ, послѣ Meilhan, 43.
Капелини, докторъ въ Вѣнѣ, 144—148, 150, 155, 158, 181.
Капцевичъ, Петръ Михайловичъ (1772—1840), ген. отъ инфантеріи, послѣ отъ артиллеріи, въ 1828 г. назначенъ корпуснымъ командиромъ внутренней стражи на мѣсто автора, 258.
Карлъ, Вильгельмъ Фердинандъ (1735 — 1806), герцогъ брауншвейгскій, 31, 32.
Карлъ, Людвигъ Іоаннъ (1771—1847), эрцгерцогъ австрійскій, братъ Франца I, фельдмаршалъ, 86, 180.
Карлъ-Фридрихъ (1728 — 1811), вел. герцогъ баденскій, 32—35.
Карлъ-Эммануилъ II (1751 — 1819), король сардинскій, 89.
Кастри-де, франц. фельдмаршалъ, 5.
Кауницъ, кн. (1711—1794), австр. канцлеръ, 14.
Каховскій, Петръ Андреевичъ (1799—1826), декабристъ, 225.
Кельчевскій, въ 1824 г. маіоръ, бывшій по особымъ порученіямъ при авторѣ, 228.
Кламъ, австр. полковникъ въ свитѣ эрцгерцога Фердинанда, 252.
Клери, камердинеръ Людовика XVI, 149.
Клокачевъ, въ 1802 г. капитанъ 2-го ранга, 117, 118.
Кобенцль, гр., Людвигъ (1753 — 1809), австр. дипломатъ, въ 1779—1797 г. посолъ въ Петербургѣ, послѣ мин. иностр. дѣлъ и государственный канцлеръ, 4, 35, 42, 136.
Кожинъ, Г. А., ген.-адъютантъ Павла, 94.
Козловъ, П. Ф., въ 1812 г. командовалъ полкомъ конныхъ ратниковъ Нижегородскаго ополченія, 210.
Козодавлевъ, Осипъ Петровичъ (1754—1819), сенаторъ, въ 1810—1818 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, 208.
Коленкуръ, Арманъ (1772—1821), франц. дипломатъ; пользовался большимъ довѣріемъ Александра I, 192.
Кологривовъ, Андрей Семеновичъ († 1825), ген.-отъ кавалеріи, 91, 199, 200, 215, 218.
Кологривовъ, причисленный въ 1807 г. къ вѣнской миссіи, 148.
Кологривовъ, Л. С., въ 1812 г. тверской губернаторъ, 203.
Колычевъ, Степанъ Алексѣевичъ (1746—1805), дипломатъ, вице-канцлеръ, 31.
Комаровская, гр., Авдотья Евграфовна, дочь автора, 144.
Комаровская, гр., Анна Евграфовна, дочь автора, 144, 177, 181, 182, 222, 243, 257.
Комаровская, гр., Анна Егоровна, внучка автора, 259.
Комаровская, Анна Өедотовна, сестра автора, 2, 37, 53, 102, 108, 110, 117, 121, 144, 181, 222.
Комаровская, Дарья Өедотовна, послѣ Астафьева, сестра автора, 1—3.

Комаровская, гр., Елизавета Егоровна, рожденная Цурикова, жена автора, 101, 117, 121, 135, 144, 145, 148, 153, 165, 183, 207, 208, 210, 211, 216, 218, 220, 243, 258.
Комаровская, Іуліана Ивановна, рожденная Зиновьева, мать автора, 1, 2, 203.
Комаровская, гр., Софья Евграфовна, дочь автора, 257, 258.
Комаровская, Софья Өедотовна, сестра автора по отцу, 2.
Комаровскій, гр., Александръ Евграфовичъ, сынъ автора, 144, 150. 209. 216.
Комаровскій, гр., Алексѣй Евграфовичъ, сынъ автора, 259.
Комаровскій, гр., Владиміръ Евграфовичъ, сынъ автора, 182, 209. 216.
Комаровскій, гр., Евграфъ Егоровичъ, внукъ автора, 259.
Комаровскій, гр., Егоръ Евграфовичъ. сынъ автора, 137, 144, 177, 216. 258. 259.
Комаровскій, Иванъ Аөанасьевичъ, дядя автора, 2.
Комаровскій, гр., Павелъ Евграфовичъ, сынъ автора, 207, 259.
Комаровскій, Өедотъ Аөанасьевичъ, отецъ автора, 1—3.
Комбурлей, Анна Андреевна, жена М. И. Комбурлея, 209—211.
Комбурлей, Михаилъ Ивановичъ, въ 1812 г. волынскій губернаторъ, 206. 209, 210, 212.
Конде, принцъ, Луи Жозефъ (1736—1818), 76.
Коновницынъ, гр., Петръ Петровичъ (1766—1822), участникъ войны 1812 г., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, сенаторъ, членъ Гос. Совѣта, съ 1819 г. графъ, 187.
Константинъ Павловичъ, вел. кн. (1779—1831), въ 1820 г. развелся со своей 1-ой женой и женился на Іоаннѣ Грудзинской, получившей титулъ кн. Ловичъ, вслѣдствіе чего отрекся отъ престола, 17, 43, 48—57, 59—65, 67—72. 74—97, 101, 103—105, 110—116, 118, 122, 132, 142, 201, 220, 221, 236—240, 248.
Конта, актриса въ Парижѣ, 9.
Корсаковъ, Алексѣй Ивановичъ (род. въ 1757 г.), ген. отъ инфантеріи, 75, 86.
Корфъ, бар., поручикъ въ штабѣ автора, 228.
Корфъ, генералъ 1812 г., 193.
Костюшко (1746—1817), 65.
Кочубей, кн. Викторъ Павловичъ (1768—1834); въ 1798—1799 и 1801—1802 г. вице-канцлеръ, съ 1799 г. графъ, при Александрѣ I министръ Внутреннихъ Дѣлъ, съ 1827 г. Предсѣдатель Гос. Совѣта и Комитета министровъ, съ 1831 г. князь, въ 1834 г. канцлеръ, 3, 138, 139, 141. 142. 159.
Кошелева, жена Р. А. К—а, 10.
Кошелевъ, Родіонъ Александровичъ, (1749—1827), извѣстный мистикъ, 10.
Кошкуль, гр., адъютантъ автора, 219.
Крейтонъ, Александръ Александровичъ (1763—1856), род. въ Эдинбургѣ, въ Россіи лейбъ-медикомъ въ 1804—1819 г., послѣ вернулся въ Англію, 142.
Крементини, пѣвецъ въ Парижѣ, 162, 163.
Криницкій (у автора Криницынъ), Павелъ Васильевичъ, умеръ послѣ 1828 г., священникъ при посольствѣ въ Парижѣ, послѣ придворный духовникъ, 8.
Крэ, владѣлица магазина дамскихъ шляпъ въ Петербургѣ, 211.
Куликовскій, полковникъ внутренней стражи, 201.
Куликовъ, оберъ-аудиторъ, 187, 201, 202,
Куманинъ, моск. городской голова въ 1825 г., 249.
Куракинъ, кн., Александръ Борисовичъ (1752—1818), совоспитанникъ и другъ Павла I, въ

1806 г. посланникъ въ Вѣнѣ, въ 1809 г. посланникъ въ Парижѣ, 62, 67, 144, 145, 150, 158—161, 166. 168.
Куракинъ, кн. Алексѣй Борисовичъ (1759—1829), генералъ-прокуроръ при Павлѣ I, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ при Александрѣ I, Предсѣдатель Гос. Совѣта и канцлеръ при Николаѣ I, 42, 212, 226.
Кутайсовъ, Иванъ Павловичъ († 1834), любимецъ Павла I, съ 1799 г. графъ, 52, 67—70.
Кутайсовъ, гр., Павелъ Ивановичъ (1780—1840), оберъ-гофмейстеръ, членъ Гос. Совѣта, 254.
Кутузова, Екатерина Петровна, жена П. В. Кутузова, 243.
Кутузовъ, Михаилъ Илларіоновичъ, св. кн. Смоленскій (1745—1813), 48, 65, 66, 72, 110, 123, 124, 183, 197—199, 201.
Кутузовъ, П. В., ген.-адъютантъ, 126, 188, 194, 205, 237, 243.
Кушелева, рожденная Ланская, сестра фаворита, 50.
Кушелевъ, секундъ-маіоръ, женатый на Ланской, 50, 63, 91.
Кушниковъ, Сергѣй Сергѣевичъ (1765—1839), женился на Бекетовой, къ которой сватался авторъ, былъ Спб. губернаторомъ, сенаторъ, 44, 254.
Кювье (1769—1832), 170.
Лаба, Н. О., въ 1812 г. генералъ-провіантмейстеръ, 202, 203.
Лабія, гр., 147.
Лабія, гр-я, рожденная гр-я Гадикъ, 147, 150.
Лавальеръ (1644—1710), 177.
Лагода, дѣйств. ст. сов., въ 1824 г. былъ въ комитетѣ, учрежденномъ авторомъ, 227.
Лангъ, полковникъ, адъютантъ вел. кн. Константина Павловича; умеръ отъ раны, полученной при озерѣ Клюнталь, 76, 92.
Ланская, послѣ Кушелева, сестра фаворита, 50.
Ланской, Александръ Дмитріевичъ (1758—1784), фаворитъ Екатерины II, 50, 93.
Лапіеръ, камердинеръ автора, 153, 179.
Ларивъ, Жанъ (1747 — 1827), франц. актеръ, 9.
Ларошфуко, придворная дама при дворѣ Наполеона, 165.
Лассаль гр. (1775—1809), франц. генералъ, 171.
Ласси (у автора Лассій), гр., Францъ (1725—1801), австр. фельмаршалъ, 25.
Лаудонъ, Гедеонъ (1716—1790), австр. фельдмаршалъ, 25.
Левашевъ, Василій Васильевичъ (1783 — 1848), ген.-адъютантъ, ген. отъ кавалеріи, предсѣдатель Гос. Совѣта и Комитета Министровъ, съ 1833 г. графъ, 237, 253.
Левашевъ, Павелъ Артемьевичъ, дипломатъ, писатель XVIII в., 17, 22.
Ленкъ, содержательница пансіона въ Петербургѣ, 3.
Леопольдъ II (1747—1792), имп. австр. въ 1790—1792 г., 24, 28, 29.
Леопольдъ, сынъ Карла Фридриха и гр. Гохбергъ, съ 1830 г. великій-герцогъ баденскій, 34.
Ливенъ, кн., Христофоръ Андреевичъ (1777—1838), ген.-адъютантъ Павла I, его любимецъ, 67, 68, 96, 114.
Ливенъ, Шарлотта Карловна (1743—1828), вдова бар. Андрея Романовича фон-Ливенъ, воспитательница дѣтей Павла I, съ 1799 г. графиня, въ 1826 г. княгиня и затѣмъ св. кн-я, 257.
Линдстремъ, лейбъ-хирургъ, 76, 94.
Линь-де, Шарль Жозефъ, принцъ (1735—1814), 4, 150, 151.
Лихачевъ, капитанъ Семеновскаго полка при Павлѣ, 48, 57.
Лихтенштейнъ, кн., 80, 150, 151 252.

Лобановъ, кн., 237.
Лобановъ-Ростовскій, кн., 199.
Лобковицъ, кн., Георгъ Христіанъ (1702—1753), австр. генералъ, 95, 149.
Лопухина, Анна Петровна (1777—1805), дочь П. В. Л—а, любимица Павла I, 67, 95, 97.
Лопухинъ, кн., Петръ Васильевичъ (1753—1827), при Екатеринѣ II Спб. оберъ-полицеймейстеръ и моск. гражд. губернаторъ, съ 1798 г. генералъ-прокуроръ, при Александрѣ I министръ юстиціи и предсѣдатель Гос. Совѣта, предсѣдатель верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами, 67, 68, 138, 253.
Луиза, принц. баденская—см. Елизавета Алексѣевна.
Лудольфъ, итал. графъ, 151, 154.
Лунинъ, П. М., 148.
Львовъ, колл. асс., 227.
Лѣнивцевъ, моск. откупщикъ, 206.
Людовикъ, кор. голландскій—см. Бонапарте, Лукьянъ.
Людовикъ XIV (1638—1715), 175.
Людовикъ XVI (1754—1793), 7—9, 26, 149, 176, 221.
Людовикъ XVIII (1755—1824), 74, 76, 77.
Люсэй, придворная дама при дворѣ Наполеона, 166.
Ляпуновъ, при Павлѣ ген.-маіоръ, шефъ Таврическаго полка, 106.
Макаровъ, сенаторъ при Александрѣ I, 124.
Макаровъ, подполковникъ, состоящій въ 1812 г. при авторѣ по пріемкѣ лошадей, 202, 210, 215, 216.
Макотъ, французъ, стихотворецъ и гитаристъ въ Баденѣ, 154.
Максимиліанъ (1756—1801), съ 1784 г. курфюрстъ кельнскій, 29.
Malhio, 174.
Малютинъ, 54, 55.
Мамоновъ (Дмитріевъ-Мамоновъ), Александръ Матвѣевичъ (1758—1803), фаворитъ Екатерины II, съ 1788 г. графъ, 1, 4.
Мамоновъ (Дмитріевъ-Мамоновъ), Матвѣй Васильевичъ (1724—1810), отецъ фаворита, сенаторъ, съ 1797 г. графъ, 1.
Мариво, Пьеръ (1688 — 1763), франц. писатель, 43.
Марія Антуанетта (1755—1793), 8, 9, 177, 210.
Марія Луиза (1791—1847), 159.
Марія Медичи (1573—1642), 172.
Марія Павловна, вел. кн. (1786—1859), въ 1803 г. вышла за принца Саксенъ-Веймарскаго Карла-Фридриха, 62.
Марія Стюартъ (1542 — 1587), 171.
Марія Терезія (1717—1780), 25, 29, 149.
Марія Ѳеодоровна, имп-а (1759—1828), принцесса Виртембергъ-Штутгардтская, въ 1776 г. вышла за вел. кн. Павла Петровича, 24, 53, 57, 58, 62, 64, 67—70, 76, 133, 134, 137, 145, 231, 236, 250, 258.
Марсъ (1779—1847), франц. актриса, 149.
Массена, Андрэ (1758—1817), герц. риволійскій, кн. эслингскій, маршалъ Наполеона, 163.
Массонъ, содержатель пансіона въ Спб., 3.
Меласъ, бар. (1729—1806), австр. фельдмаршалъ, 88.
Мельянъ, состоялъ въ комитетѣ, учрежденномъ авторомъ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ наводненія въ 1824 г., 227.
Мелэнъ, проф. древностей въ Парижѣ, 170.
Меншиковъ, св. кн., Александръ Сергѣевичъ (1787—1869), адмиралъ, ген.-адъютантъ, 249.
Меттернихъ, кн. (1773—1859), 160, 169.
Мецель, устроитель имѣнія гр. Потоцкаго, 213.
Милорадовичъ, гр., Михаилъ Андреевичъ (1770—1825), боевой генералъ, съ 1813 г. графъ, съ 1818 г. Спб. военный ген.-губер-

наторъ; убитъ Каховскимъ, 84, 89, 226, 233, 237, 238.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн. (1798—1849), начальникъ артиллеріи и всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, извѣстенъ своими остротами и мѣткими словами, 123, 239, 253.
Михайло, слуга Обрѣзкова, 11.
Мишинъ, камердинеръ гр. Н. П. Румянцова, 6.
Мишо, гр., Александръ Францовичъ (1771—1841), въ 1805 г. изъ сардинскихъ войскъ перешелъ въ русскую службу, участникъ кампаній 1812—1814 г.г., ген.-адъютантъ, ген.-отъ-инфантеріи, 193.
Молэ, франц. актеръ, 9.
Монморенъ, гр. (1746 — 1792), франц. гос. дѣятель, 5.
Морескальки, гр., итал. посолъ въ Парижѣ, 163, 164, 168.
Мори, Жанъ (1746—1817), франц. ораторъ, писатель и гос. дѣятель, 26, 30, 31, 166, 167.
Морковъ, гр., Аркадій Ивановичъ (1747—1827), видный дипломатъ при Екатеринѣ II, при Павлѣ былъ въ опалѣ, въ началѣ царствованія Александра I, въ 1801—1803 г.г., былъ посломъ въ Парижѣ, членъ Гос. Совѣта, 46, 101—105, 109.
Морковъ, гр., Ираклій Ивановичъ (1752—1829), боевой генералъ, 197.
Мошковъ, секретарь русскаго посольства въ Парижѣ, 8.
Муравьева-Апостолъ, 169.
Муравьевъ - Апостолъ, Сергѣй Ивановичъ (1796 — 1826), декабристъ, 255.
Муромцевъ, ложное имя автора, 100.
Муромцевъ, въ 1812 г. ген.-маіоръ, начальникъ нижегородскаго ополченія, 210.
Мухановъ, Сергѣй Ильичъ (†1842), оберъ-шталмейстеръ, любимецъ имп-ы Маріи Өедоровны, 93.
Наполеонъ I (1768—1821), 88, 144, 145, 158—162, 164—172, 176—178, 183, 187—194, 196, 198.
Нарышкина, Анна Никитишна, жена А. А. Нар—а, 39.
Нарышкина, Екатерина Александровна, 152.
Нарышкинъ, Александръ Александровичъ (1726—1795), оберъ-шенкъ при Екатеринѣ II, 24, 39.
Нарышкинъ, Н. А., 148.
Нарышкинъ, въ 1812 г. состоялъ при Винценгероде, 203.
Нассау-Зигенъ, принцъ (1745—1808), австр. генералъ, въ русскую службу принятъ въ 1788 г. вице-адмираломъ, 24, 26—30, 37, 104, 105, 109, 145.
Нассау, гр., 180.
Недобровъ, 54.
Нейдгардтъ, Александръ Ивановичъ (1784—1845), боевой генералъ, ген.-адъютантъ, ген.-отъ-инфантеріи, 245.
Нелединская, Настасья Николаевна, 27.
Нелединскій - Мелецкій, Юрій Александровичъ (1752 — 1828), любимецъ Павла I, послѣ имъ отставленный, съ 1801 г. сенаторъ, поэтъ, 67.
Нельсонъ, виконтъ (1758—1805), англ. адміралъ, 139.
Нелидова, Софья Өедоровна, жена А. И. Нелидова, 209, 217, 218.
Нелидовъ, Аркадій Ивановичъ, братъ любимицы Павла I, Екатерины Ивановны Нелидовой, впавшій потомъ въ немилость; при Александрѣ I курскій губернаторъ, 67, 91, 209, 216—218.
Неплюевъ, 67.
Николай I (1796—1855), 123, 220, 236—258.
Новосильцовъ, гр., Николай Николаевичъ (1761—1836), гос. дѣятель эпохи Александра I и Николая I, 139, 221.
Новосильцовъ, въ 1825 г. адъютантъ кн. Голицына, 246.

Нумсенъ, ген.-отъ-инфантеріи при Павлѣ I, 75.
Оболенскій, кн., Евгеній Петровичъ (1796—1865), 249.
Обольяниновъ, Петръ Хрисанфовичъ (1753—1841), при Павлѣ генералъ-провіантмейстеръ и генералъ-прокуроръ, послѣ моск. губ. предв. дворянства, 74, 98, 99, 107, 115, 116, 249.
Обресковъ, Михаилъ Алексѣевичъ (1754—1842), ген.-кригсъ-коммиссаръ и сенаторъ, 66, 67, 69, 71.
Обресковъ, Петръ Алексѣевичъ (1752—1814), сенаторъ, упр. межевой канцеляріей, 1, 8, 11.
Овсовъ, Николай Сергѣевичъ (род. въ 50-хъ г.г. XVIII ст.), въ 1801 г. с.-пбургскій оберъ-полицеймейстеръ, въ 1802 г. смѣненъ, 124, 130.
Озеровъ, Петръ Ивановичъ (1776—1843), сенаторъ, членъ Гос. Совѣта, 76, 112, 201.
Окуловъ, 43.
Оливье, франц. актриса, 9.
Олсуфьевъ, Захаръ Дмитріевичъ (1773—1835), боевой генералъ, участникъ войнъ 1805—1814 г., сенаторъ, 94, 112.
Олсуфьевъ, Ф. Я., 2.
Опочининъ, Өедоръ Петровичъ (1779—1852), дѣйств. т. сов., чл. Гос. Совѣта, до 1809 г. на военной службѣ, съ 1809 г. на гражданской, съ 1826 на придворной, 94, 112.
Оранскій принцъ, 252.
Оригони, домовладѣлецъ въ Вѣнѣ, 146.
Орлеанскій герцогъ, 7, 11.
Орловъ, гр., Алексѣй Григорьевичъ Чесменскій (1737 — 1807), ген.-аншефъ, 44.
Орловъ, Михаилъ Өедоровичъ (1788—1842), въ 1812 г. полковникъ, назначенный къ А. Д. Балашову, писатель «арзамасецъ», директоръ Моск. Художественнаго класса, 189, 190.
Орловъ-Денисовъ, гр., Василій Васильевичъ (1775 — 1845), съ 1825 г. командиръ 5 резервн. кавал. корпуса, ген.-адъютантъ, ген.-отъ-кавалеріи, 189.
Остерманъ, гр., Иванъ Андреевичъ (1725—1811), съ 1757 г. кавалеръ посольства въ Парижѣ, съ 1759 г. чрезв. посланникъ и полномочный министръ въ Стокгольмѣ, откуда отозванъ въ 1774 г., въ 1775 г. вице-канцлеръ, въ 1796 г. канцлеръ, въ 1797 г. вышелъ въ отставку по собственному прошенію, 12, 44, 46.
Павелъ I (1754—1801), 22, 48, 49, 52—77, 80—83, 86—89, 91—94, 96—99, 101, 103—106, 108, 114, 116, 118, 119, 130, 139, 161, 248, 257.
Павловъ, секретарь посольства въ Вѣнѣ, 8, 9.
Паленъ, гр., Петръ Алексѣевичъ (1745—1826), любимецъ Павла, съ 1799 г. графъ, 67, 72, 100, 110.
Палицынъ, командиръ Екатеринославскаго полка, 142.
Парисъ, г-жа, 48.
Паскевичъ-Эриванскій, гр. (1782—1856), св. кн. Варшавскій, ген.-адъютантъ Александра I, фельдмаршалъ, 234.
Пассекъ, Петръ Богдановичъ (1736—1804), при Екатеринѣ II ген.-губернаторъ полоцкій и могилевскій, сенаторъ, 4.
Паулуччи, марк., Филиппъ Осиповичъ (1779—1849), родомъ изъ Модены, былъ во франц. службѣ, въ русской службѣ въ 1807—1829 г.г., послѣ вышелъ въ отставку и былъ государственнымъ министромъ въ Сардиніи, ген.-адъютантъ, ген.-отъ-инфантеріи, 193.
Пашковъ, Василій Александровичъ (1764—1834), членъ военной коллегіи съ 1803 г., членъ Гос. Совѣта, 183.
Паэръ (Paër, 1771 — 1839), итал. композиторъ, 162.

Перетцъ, моск. откупщикъ, 206.
Перскій, Михаилъ Степановичъ (1776—1832), директоръ 1-го кадетскаго корпуса, 76.
Пестель, Павелъ Ивановичъ (1793—1826), декабристъ, 255.
Петръ Великій (1672—1752), 35, 173.
Петръ III (1728—1762), 64, 102.
Питтъ, Вильямъ (младшій, 1759—1806), 16, 17.
Пиччини, Александръ (1779—1850), композиторъ, 150.
Пій VII, папа въ 1800—1823 г.г., 171.
Платонъ (въ мірѣ Левшинъ, 1737—1812), митрополитъ моск., 61, 62.
Плесъ, принцъ, 155.
Плясъ (Place), воспитатель дѣтей автора, 178, 216.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ (1800—1875), историкъ и журналистъ, 259.
Полторацкій, Константинъ Марковичъ (1782—1858), ген.-лейтенантъ, съ 1834 г. Ярославскій губернаторъ, 122, 123, 126.
Помпадуръ, марк. (1721 — 1764), 177.
Потемкинъ, св. кн. Таврическій, Григорій Александровичъ (1739—1791), 3, 92.
Потоцкая, гр., вышла за гр. Шоазеля, потомъ за А. Н. Бахметева, 103.
Потоцкая, гр., Софья (1766—1822), жена гр. Стан. Франц. Потоцкаго, прежде жена генерала гр. Вита, 102, 103, 209, 212—214.
Потоцкіе, гр., 188.
Потоцкій, гр., Станиславъ Феликсовичъ (1752—1805), съ 1797 г. перешелъ въ русскую службу, писатель, 102, 212, 213.
Прохоръ, полковой священникъ Измайловскаго полка, 50.
Прошка (Дубасовъ), камердинеръ Суворова, 89.
Путиловъ, адъютантъ вел. кн. Александра Павловича, 56, 57, 132, 133.
Пфуль, бар., Карлъ Людвигъ Августъ (1757—1826), генералъ, въ русской службѣ съ 1806 г., 183, 192, 193.
Рагузскій герц., 252.
Радзивиллъ, кн., 215.
Радьковъ, адъютантъ вел. кн. Александра Павловича, 54.
Разумовская, гр., С. О., жена гр. П. К. Р—о, 12.
Разумовскій, гр., Андрей Кирилловичъ (1752—1836), посолъ въ Неаполѣ, Коппенгагенѣ, Стокгольмѣ, затѣмъ въ Вѣнѣ въ 1791 — 1799 и 1801 — 1807 г.г., уполномоченный на вѣнскомъ конгрессѣ, за участіе въ которомъ получилъ титулъ св. князя, 25, 78—80, 137, 153.
Разумовскій, гр., Кириллъ Григорьевичъ (1728 — 1803), братъ фаворита Елизаветы, съ 1744 г. графъ, послѣдній гетманъ Малороссіи, ген.-фельдмаршалъ, въ 1746—1798 г.г. Президентъ Академіи Наукъ, 1, 12.
Разумовскій, гр., Петръ Кирилловичъ († 1823), сынъ гетмана, 12.
Раль, владѣлецъ Охтенской суконной фабрики, 222, 223.
Рафаэль (1483—1520), 171.
Рахманова, 210.
Рахмановъ, капитанъ свиты его величества, издатель военнаго журнала, 81.
Рейнъ, ирландскій боксеръ, 18, 20.
Ремюза, директоръ франц. театровъ, 164.
Реньяръ, Жакъ Франсуа (1655—1709), франц. драматургъ, 44.
Репешко, штабъ-офицеръ штаба автора, 228, 243.
Репнинскій, Сергѣй Яковлевичъ (1775 — 1818), боевой генералъ, участникъ войны 1812 г., 117.
Репнинъ, кн., Николай Васильевичъ (1734—1801), ген.-фельдмаршалъ, 4, 24, 27, 28, 40, 41.
Ржевусскій, разстрѣлянъ въ 1812 г. за передачу непріятелю провіантскихъ магазиновъ, ко-

торыхъ онъ былъ смотрителемъ, 209, 214.
Роганъ (1735—1803), съ 1778 г. кардиналъ, 177.
Роде (1773—1830), франц. композиторъ, въ 1803—1808 г.г. придворный скрипачъ въ Петербургѣ, 140.
Розенбергъ, Андрей Григорьевичъ (1739—1813), ген.-отъ-инфантеріи, участникъ итальянскаго похода, съ 1800 г. военный губерн. Каменецъ-Подольска, съ 1803 г. военный губерн. Херсона и инспекторъ Крымской артиллеріи, 75, 84, 101, 103, 107—110.
Розенъ, бар., Андрей Евгеньевичъ (1799—1884), декабристъ, писатель, 241.
Рокуръ (1753—1815), франц. актриса, 9.
Ростопчинъ, гр., Ѳедоръ Васильевичъ (1763—1826), любимецъ имп. Павла, въ 1812 г. губернаторъ Москвы, 17, 18, 20, 21, 23, 43, 195.
Рубенсъ (1577—1640), 172.
Румянцовъ, гр., Николай Петровичъ (1754—1826), сынъ Р.-Задунайскаго, въ 1809—1814 г.г. канцлеръ и предсѣдатель Гос. Совѣта; собралъ огромное количество рукописей и книгъ, положившихъ основаніе Румянцевскому Музею, переведенному въ 1861 г. въ Москву, 6, 7, 25—29, 31—37, 39, 67, 116, 118, 120, 138, 158, 159, 166, 168.
Румянцовъ - Задунайскій, гр., Петръ Александровичъ (1725—1796), ген.-фельдмаршалъ, 3, 4, 45.
Румянцовъ, гр., Сергѣй Петровичъ (1755—1838), сынъ Р.-Задунайскаго, въ 1801 г. авторъ записки Александру I о предоставленіи помѣщикамъ права отпускать крестьянъ съ землею, 12, 27.
Руссо (1712—1778), 176.
Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ (1795—1826), декабристъ, поэтъ, 255.
Рындина, Дарья Степановна, мачиха автора, 2.
Рындинъ, Дмитрій Степановичъ, братъ мачихи автора, 2.
Саксъ, фельдмаршалъ, 179.
Салтыкова, гр., Дарья Петровна, жена фельдмаршала гр. И. П. Салтыкова, дочь кн. Петра Григорьевича Чернышова, 41.
Салтыковъ, гр., Иванъ Петровичъ (1730—1805), ген.-фельдмаршалъ, въ 1797—1804 г.г. военный губернаторъ Москвы, 119.
Салтыковъ, кн., Николай Ивановичъ (1736—1816), ген.-фельдмаршалъ, съ 1812 г. предсѣдатель Гос. Совѣта и комитета Министровъ, съ 1814 г. князь, 216.
Самойловъ, гр., Александръ Николаевичъ (1744—1814), съ 1792 г. генералъ-прокуроръ, съ 1795 г. графъ, племянникъ Потемкина, написалъ его біографію, 46.
Самуилъ (въ мірѣ Симеонъ Григорьевичъ Миславскій, 1731—1796), съ 1783 г. митрополитъ кіевскій и галицкій, 4.
Сапари, гр., гофмейстеръ въ свитѣ эрцгерцога Іосифа, 134—136, 154.
Сафоновъ, Павелъ Андреевичъ, адъютантъ вел. кн. Константина Павловича, 48, 62—64, 74, 76, 84, 96, 97.
Свистуновъ, Петръ Николаевичъ (1803—1889), декабристъ, 247, 248.
Свѣчинъ, Н. С., въ 1802 г. ген.-провіантмейстеръ, 120.
Сегюръ, Луи Филиппъ, гр. д'Агесо (1753—1830), франц. гос. дѣятель и писатель, посланникъ въ Спб. при Екатеринѣ II, 4, 5, 169, 170.
Сегюръ, гр., Филиппъ Поль (1780—1873), участвовалъ въ войнахъ Наполеона, писатель, 189.

Сенпри, гр., Эммануилъ Францовичъ (1776 — 1814), уроженецъ Франціи, въ русскую службу вступилъ въ 1793 г., участвовалъ въ кампаніяхъ 1807—1814 г.г., умеръ въ 1814 г. отъ ранъ, 151, 206.
Сераковскій, 103.
Серафимъ (въ мірѣ Стефанъ Васильевичъ Глаголевскій, 1757 — 1843), митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій, Эстляндскій и Финляндскій, 239.
Сидонсъ, англ. актриса, 20.
Сикаръ (1742—1822), франц. аббатъ, извѣстенъ своей дѣятельностью въ области обученія глухонѣмыхъ, писатель, 174.
Симолинъ, Иванъ Матвѣевичъ (1720 — 1790), сынъ шведскаго проповѣдника въ Ревелѣ, на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ поступилъ въ 1743 г. и служилъ почти все время за границей, 7, 8, 11.
Синявинъ, Григорій Алексѣевичъ, 1, 17, 21.
Скарятинъ, 44.
Смирновъ, Яковъ Ивановичъ (1759—40 г.г.), протоіерей при церкви русской миссіи въ Лондонѣ; съ 1800 г. исполнялъ тамъ обязанность повѣреннаго русскаго правительства, 18.
Солововъ, 44.
Сомбрель, гр., франц. эмигрантъ, 26.
Сперанскій, гр., Михаилъ Михайловичъ (1772—1839), 254, 255.
Сталь-Гольстейнъ, Жерменъ, баронесса (1766—1817), франц. писательница, 144, 150, 151.
Станиславъ II, Августъ (Понятовскій, 1732—1798), послѣдній король польскій, 4, 221.
Стрекаловъ, Степанъ Федоровичъ (1728—1805), статсъ-секр. Екатерины II, сенаторъ, съ 1775 г. членъ кабинета Ея Вел-а, а въ 1784—1792 г.г. управляющій кабинетомъ, 36.
Строгановъ, бар., Александръ Сергѣевичъ (1734 — 1811), съ 1798 г. графъ, 43.
Строгановъ, бар., Григорій Александровичъ (1770 — 1857), посолъ въ Швеціи, Испаніи и Турціи, чл. Гос. Совѣта, съ 1826 г. графъ, 46, 254.
Строгановъ, гр., Павелъ Александровичъ (1772—1817), 72.
Суворовъ, Александръ Васильевичъ, кн. Италійскій, гр. Рымникскій (1730—1800), 74, 75, 79—90, 93, 107, 221.
Сукинъ, Александръ Яковлевичъ (1764—1837), ген.-отъ-инф., ген.-адъютантъ, сенаторъ, чл. Гос. Совѣта, петербургскій комендантъ, 40, 244, 245, 253, 255.
Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ (1788—1861), съ 1819 г. начальникъ артиллеріи гвард. корпуса, съ 1825 г. ген.-адъютантъ, съ 1831 г. дѣятель въ административно-учебной области, 245.
Тагайчинъ, Н. Н., управляющій имѣніемъ автора, 202, 205.
Талейранъ - Перигоръ, Шарль (1754—1838), 166.
Талызинъ, Петръ Александровичъ (1767 — 1801), капитанъ Измайловскаго полка, 41, 51.
Тальма, Франсуа (1763 — 1826), франц. актеръ, 163.
Татищевъ, гр., Александръ Ивановичъ (1763—1833), въ 1824—1827 г.г. военный министръ, съ 1826 г. графъ, 246, 253.
Татищевъ, гр., въ 1796 г. подполковникъ Преображенскаго полка, 51.
Татищевъ, 148.
Тенаръ, Луи-Жакъ (1774—1857), франц. химикъ, 170.
Терскій, Аркадій Ивановичъ (1732—1815), съ 1780 г. ген.-рекетмейстеръ, съ 1796 г. въ отставкѣ, 37.
Титова, Софья Сергѣевна, жена П. Я. Титова, 117.
Титовъ, Петръ Яковлевичъ, се-

кретарь 1-го департамента Сената, 117.
Титовъ, ген.-маіоръ, участникъ итальянскаго похода, 86.
Титовъ, ген.-маіоръ, въ 1812 г. начальникъ пензенскаго ополченія, 210.
Тогажо, французъ, жившій въ Лондонѣ, 16.
Толстая, гр-я, Марья Алексѣевна (1772—1826), жена П. А. Толстого, рожденная Голицына, 148, 150, 182.
Толстой, гр., Николай Александровичъ (1761—1816), оберъ-гофмаршалъ, 123, 194.
Толстой, гр., Петръ Александровичъ (1761—1844), посолъ въ Парижѣ, сенаторъ, дѣятель 1812 г., чл. Гос. Совѣта и комитета министровъ, 148, 158, 163, 180 — 182, 189, 210, 251, 254.
Толстой, гр., адъютантъ автора, 228, 242.
Толь, бар., Карлъ Өедоровичъ (1777—1842), участникъ итальянскаго похода Суворова и войнъ 1812—1815 г., отличный стратегъ, съ 1826 г. графъ, 1833—1842 Главноуправляющій Путями Сообщенія, 192, 193, 199, 239.
Трощинскій, Дмитрій Прокофьевичъ (1754—1829), статсъ-секретарь Екатерины II, 1801 — 1806 мин. удѣловъ, 1814—1817 мин. юстиціи, 101, 115, 116.
Трубецкой, кн., Василій Сергѣевичъ (1776—1841), ген.-адъютантъ, сенаторъ, членъ Гос. Совѣта, 188, 194, 237, 247.
Тугутъ, бар., Іоганнъ (1736—1818), австр. гос. дѣятель, 79, 87, 90.
Тунъ, гр-я, послѣ жена гр. А. К. Разумовскаго, 25.
Уваровъ, гр., Сергѣй Семеновичъ (1786—1855), министръ народнаго просвѣщенія и президентъ академіи наукъ при Николаѣ I, 151.
Уваровъ, Өедоръ Петровичъ (1773—1824), ген.-адъютантъ, 14, 74, 95, 114, 115, 124.
Угрюмовъ, Павелъ Александровичъ (1778—1852), ген. отъ инфантеріи, Членъ Военнаго Совѣта, 246, 247.
Удомъ, полицеймейстеръ въ Каменцѣ, 101, 105—108, 110.
Умецкій, подпоручикъ, 215.
Ушаковъ, 123, 125.
Фалькенштейнъ, гр., ложное имя имп. Іосифа II, 4.
Фенелонъ (1651—1715), 170.
Фердинандъ (1793—1875), эрцгерцогъ австрійскій, въ 1835—1848 г. имп. австр. Фердинандъ I, 236, 252, 253.
Фердинандъ, герцогъ Виртембергскій, братъ имп. Маріи Өедоровны, 67, 77, 78.
Ферзенъ, гр., Иванъ Евстафьевичъ (1739—1800), съ 1760 г. въ русской службѣ, въ 1794 г. разбилъ и взялъ въ плѣнъ Костюшко, за что возведенъ въ графы, 48, 65.
Филаретъ (въ мірѣ Василій Михайловичъ Дроздовъ, 1782—1867), митрополитъ московскій, 248—251.
Фицгербертъ, бар., (1753—1839), англ. дипломатъ, 4.
Фоксъ (1749—1806), 17.
Фонтанъ, Луи (1757—1821), франц. писатель и гос. дѣятель, 170.
Фразъ, австр. баронъ, 151.
Францъ I (1768—1835), имп. австрійскій, 24, 28—31, 37, 74, 77—79, 82, 88, 136, 137, 144, 148, 151—154, 157, 180, 253.
Фредерикъ, сынъ маркграфа Баденскаго, 34.
Фредерика, принцесса Баденская, 34—36, 39.
Фридрихъ Великій (1712—1786), 7, 32, 94, 221.
Фушэ, Жозефъ (1763 — 1830), франц. мин. полиціи, 163.
Фюрстенау, маіоръ внутренней стражи, 201.
Фюрстенбергъ, ландграфъ, со-

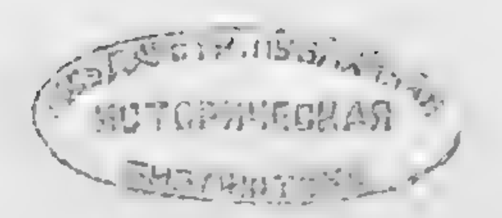
стоялъ въ свитѣ австр. эрцгерцога Фердинанда, 252.
Хвостовъ, гр., камергеръ при Павлѣ, 60.
Хитровъ, Николай Ѳедоровичъ, ген.-маiоръ, адъютантъ вел. кн. Константина Павловича, 112, 114, 115.
Храповицкiй, пажъ свиты вел. кн. Константина Павловича въ итальянскомъ походѣ, 76.
Храповицкiй, адъютантъ автора, 186, 187, 201.
Христина, австр. эрцгерцогиня, дочь Марiи-Терезiи, жена герцога Саксенъ-Тешенскаго, 149.
Христiанъ, полицейскiй унтеръ-офицеръ въ Баденѣ, 158.
Ценекъ, 158.
Цурикова, Авдотья Дмитрiевна, теща автора, 117, 119—121, 206, 258.
Цурикова, Елизавета Егоровна, невѣста, потомъ жена автора, 101, 117, 121, 135, 144, 145, 148, 153, 165, 183, 207, 208, 210, 211, 216, 218, 220, 243, 258.
Цуриковъ, Егоръ Лаврентьевичъ, отецъ жены автора, 117.
Цызеревъ, полковникъ Преображенскаго полка, 72.
Чарторыйскiе, кн., 72.
Чатамъ, гр. (Вильямъ Питтъ, 1708—1778), отецъ Питта Младшаго, 17.
Черепановъ, адъютантъ Измайловскаго полка, 55, 67.
Черкасскiй, кн., А. А., племянникъ тещи автора, 119—121.
Чернышовъ, гр., Иванъ Григорьевичъ (1726—1797), ген.-фельдмаршалъ отъ флота, президентъ адмиралтейской коллегiи, 43, 76.
Чертковъ, ген.-маiоръ, при Павлѣ комендантъ Гатчины, 72.
Шампаньи, Жанъ-Батистъ (1756—1834), франц. гос. дѣятель, 166, 168.
Шаховская, кн-я, Варвара Александровна, 24, 35, 36, 49, 49.
Шаховская, кн., Елизавета Борисовна, дочь кн. В. А. Шаховской, вышла за кн. Шаховского, 48, 49.
Шаховская, кн., вышла за кн. А. М. Голицына, 48.
Шаховская, кн., дочь кн. В. А. Шаховской, вышла за кн. д'Аренберга, 35.
Шаховская, кн., 148, 159.
Шаховской, кн., Н. А., 148, 159.
Шаховской, кн., Николай Леонтьевичъ († 1836), сенаторъ, 160.
Шварценбергъ, кн., герцогъ Крумаускiй (1771 — 1820), австр. фельдмаршалъ, посланникъ въ Петербургѣ и Парижѣ, 159.
Шварценбергъ, кн-я, 150.
Швахгеймъ, бар., адъютантъ автора, 186, 201.
Шебуевъ, 55.
Шенкъ, докторъ въ Баденѣ, 155.
Шереметевъ, гр., Петръ Борисовичъ (1713—1788), оберъ-камергеръ, сынъ фельдмаршала, 11.
Шереметевъ, гр., владѣлецъ Останкина въ 1802 г., 119.
Шериданъ (1751—1786), 17.
Шиповъ, Сергѣй Павловичъ (1790—1876), мужъ дочери автора, ген.-адъютантъ, ген. отъ инф., сенаторъ, писатель по госуд. и обществ. вопросамъ, 257.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ (1754 — 1841), адмиралъ, членъ Росс. Академiи и предсѣдатель ея, съ 1812 г. государственный секретарь, въ 1814 г. членъ Гос. Совѣта, въ 1824—1828 мин. нар. просв., 193, 194.
Шоазель, гр., 103.
Штейнъ, ложное имя Лапiера, камердинера автора, 179.
Штраубе, берейторъ вел. кн. Константина Павловича, 76, 84.
Шубинъ, поручикъ Измайловскаго полка, сосланный по суду въ Сибирь, 122—126.
Шубинъ, петерб. купецъ, 227.
Шувалова, гр-я, Екатерина Пе-

тровна (1743—1816), дочь П. С. Салтыкова, 36.
Шуваловъ, гр. Павелъ Андреевичъ (1778—1823), ген.-адъютантъ, 43, 96.
Шуваловъ, гр., 44.
Шулепниковъ, Романъ Сергѣевичъ, племянникъ автора, 224.
Шульгинъ, петерб. купецъ, 227.
Щербатовъ, кн., Алексѣй Григорьевичъ (1777—1848), ген. отъ инф., боевой генералъ, съ 1844 г. моск. ген.-губернаторъ, 44.
Щербатовъ, кн. А. Ф., ген.-адъютантъ Павла, 94.
Щербатовъ, кн., Григорій, 44.
Щулепникова, А. А., племянница автора, 1.
Энгель, Федоръ Ивановичъ († 1837), сенаторъ, членъ Гос. Совѣта, 27, 28, 254.
Эпэ, аббатъ (de l'Épée), 174.
Эртель, Өедоръ Өедоровичъ (1767—1825), род. въ Пруссіи, въ русской службѣ съ 1785 г., любимецъ Павла, 1798—1800 моск. оберъ - полицеймейстеръ, 1802—1808 петерб. полицеймейстеръ, участникъ войны 1812 г., 122, 129—131.
Эсте, принцесса, послѣ имп-а австр., жена имп. Франца, 144, 153, 154, 180.
Эстергази, кн-я, 150.
Эстергази, кн., 30, 31, 150.
Эстергази, кн., сынъ предыдущаго, 74, 77, 80, 82, 88—90, 153, 154.
Яковлевы, вѣроятно, Иванъ Алексѣевичъ (1767—1846) и Левъ Алексѣевичъ (1764—1839), отецъ и дядя Герцена, 148, 159.
Якубовичъ, Александръ Ивановичъ (1792—1845), декабристъ, 238, 239.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стран.
Введеніе		V
Глава I.	Царствованіе Екатерины II	1
Глава II.	Царствованіе Екатерины II	24
Глава III.	Царствованіе Павла I	48
Глава IV.	Царствованіе Павла I	74
Глава V.	Царствованіе Павла I и Александра I	101
Глава VI.	Царствованіе Александра I	122
Глава VII.	Царствованіе Александра I	144
Глава VIII.	Царствованіе Александра I	168
Глава IX.	Царствованіе Александра I	183
Глава X.	Царствованіе Александра I	209
Глава XI.	Царствованіе Николая I	236
Указатель личныхъ именъ		260

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Изданія к-ва „Огни“.

Библіотека мемуаровъ. Мое время. Григорія Винскаго. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки несчастнаго (В. П. Колесникова), содержащія путешествіе въ Сибирь по канату. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки Н. В. Басаргина. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 2 р.

Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники 1770—1838.— Е. А. Сабанѣевой. Предисловіе Д. А. Корсакова. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1914 г. Ц. 1 р.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. (1854—1855). Редакція и примѣчанія кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго и со вступительной замѣткой С. Ѳ. Ольденбурга. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Изъ Московской жизни 40-хъ годовъ. Дневникъ Е. И. Поповой. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Спб. 1911 г. Ц. 2 р. 25 к.

Бѣлинскій. Письма. Три тома. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Спб. 1914 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.

Былины. Старинки богатырскія. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Тексты избраны Е. А. Ляцкимъ. Художественная рамка и виньетки исполнены В. А. Никольскимъ по стариннымъ образцамъ. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Спб. 1911 г. Ц. 2 р.

Стихи духовные. Словеса золотыя. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Тексты избралъ Е. А. Ляцкій, при участіи Н. С. Платоновой. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

Русскіе художники. Суриковъ. Текстъ В. А. Никольскаго. Портретъ художника и 7 репродукцій съ его картинъ. Рек. Уч. Ком. М. Н. П. Спб. 1910 г. Ц. 1 р.

Иностранные художники. Пювисъ де-Шаваннъ. Текстъ Я. А. Тугендхольда. Съ портретомъ художника и 7 репродукціями съ его картинъ. Спб. 1911 г. Ц. 1 р.

А. Родэнъ. Искусство. Переводъ Л. М. Со многими иллюстраціями. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к.

Р. Тепферъ. О прекрасномъ въ искусствѣ. Переводъ съ фр. М. Г. Спб. 1913 г. Ц. 90 к.

Къ новымъ далямъ. Сборникъ стихотвореній современныхъ поэтовъ (1900—1910). Бальмонтъ, Бунинъ, Брюсовъ, Гиппіусъ, Лохвицкая, Маковскій, Соловьева (Allegro), Ѳедоровъ, Чюмина и др. Составила Л. Д. Свербеева. Изданіе художественное. Спб. Ц. 90 к.

Б. Садовской. Пятьдесятъ лебедей. Стихотворенія (1909—1911). Спб. 1913 г. Ц. 1 р.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными (1865—1875). Со статьей Е. А. Ляцкаго и примѣчаніями М. Н. Чернышевскаго. Портреты, рисунки, автографъ. Вып. I. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

— То же. Вып. II (1876—1877). Спб. 1913 г. Ц. 2 р.

— То же. Вып. III (1878—1883). Спб. 1914 г. Ц. 2 р.

А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Портреты. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь. Личность. Творчество. Критико-біографическіе очерки. Изданіе 2-е, значительно переработанное и дополненное. Портреты, автографъ. Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Н. Толстой. Картинки Отечественной войны изъ романа „Война и миръ“. Извлечено М. П—ой. Спб. 1912 г. Ц. 15 к.

Книга о святомъ Францискѣ Ассизскомъ. Предисловіе и переводъ В. Конради. Изданіе художественное. Спб. 1913 г. Ц. 3 р.

Джордано Бруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

